

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

1975

Иоганн Вольфганг
ФЕРДИНАНД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Москва
«Художественная литература»
1975

Иоганн Вольфганг

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с немецкого

Москва
«Художественная литература»
1975

Под общей редакцией
Н. Вильмонта, Б. Сучкова,
А. Анкста

Составление
Н. Вильмонта и Б. Сучкова

Вступительная статья
Н. Вильмонта

Комментарии
А. Анкста

Художник
А. Лепятский

- © Вступительная статья, переводы, отмеченные в содержании *,
комментарии. Издательство «Художественная литература»,
1975 г.

Г 70404—397
028(01)—75 подписано

ГЕТЕ И ЕГО ВРЕМЯ

1

Жизнь Иоганна Вольфганга Гете, величайшего поэта Германии и одного из замечательнейших ее мыслителей, неразрывно связана с великим историческим катаклизмом, преобразившим — под грохот войн и революций — Европу феодальную, дворянско-монархическую в Европу буржуазно-капиталистическую. Эпидентром этих чрезвычайных потрясений и социально-политических сдвигов была Франция, где медленно, на глаз современных наблюдателей и позднейших историков, но неуклонно назревала Великая французская революция.

Я сказал «медленно назревала», имея прежде всего в виду тот примечательный факт, что крупные и средние собственники, определявшие лицо так называемого «третьего сословия», чуть ли не до последнего предреволюционного часа ждали «благодетельных перемен» разве лишь от королевского абсолютизма; более того, устами своих идеологов не раз заявляли, что даже не могут себе представить Францию без сильной, никем и ничем не ограниченной королевской власти. Презирая и нещадно клеймя — вслед за великими энциклопедистами — весь социально-юридический уклад монархии Бурбонов сверху донизу, буржуазия предреволюционной Франции неизменно делала исключение для королевского абсолютизма, не желая замечать, как нерасторжимо спаяно полновластие французских государей со столь ненавистным ей режимом. То же приходится сказать и о величайших мужах французского Просвещения, о Вольтере, Дидро и даже о Руссо — этом страстном теоретике демократии. Что же касается известных слов Вольтера, что произойдет «*un beau tapage*» («хорошенький грохот крушения»),

то они были «гениальным прозрением», но никак не политической стратагемой, не даже призывом к действию.

Только 5 мая 1789 года, в день открытия Генеральных штатов, стала очевидной — одинаково неожиданно для обеих сторон — полная немощь королевской власти и, напротив, полная «оснащенность» французской буржуазии для захвата и упрочения своего политического господства. В 1789, да еще и в 1791 году компактное большинство буржуазии считало наиболее отвечающей его интересам формой управления конституционную монархию.

Но этой сделке восторжествовавшего класса с монархией не суждено было состояться, как ни была она выгодна для имущих слоев третьего сословия, для революционеров *malgré eux*¹, уже мечтавших поскорее поставить «спасительную точку», то есть попросту пресечь «затяжную и разорительную смуту». Пришедшая в движение лавина грозных революционных событий приняла такие масштабы, которые, не без веского на то основания, закрешили за французской революцией 1789—1794 годов название Великой.

Гете отчетливо сознавал, сколь многим он был обязан своему времени, какое мощное воздействие на него оказали «грандиозные сдвиги в мировой политической жизни», — как сказано в предисловии к его знаменитой автобиографии. Но он же (в числе очень немногих) ясно уразумел, что буржуазно-капиталистическое ми-роустройство не является последним словом Истории. Прельстительный девиз французской революции — «свобода, равенство, братство» — не был ею претворен в живую действительность. «Из трупа поверженного тирана,— говоря образным языком Гете,— возник целый рой малых поработителей». А посему — по-прежнему — «ношу тащит несчастный народ, и в конце концов безразлично, какое плечо она ему оттягивает, правое или левое». Не отрицая неоспоримых заслуг французской революции перед человечеством, Гете отнюдь не считает достигнутое ею чем-то незыблым. «Время никогда не стоит, жизнь развивается непрерывно, человеческие взаимоотношения меняются каждые пятьдесят лет,— так говорил он Эккерману.— Порядки, которые в 1800 году могли казаться образцовыми, в 1850 году, быть может, окажутся гибельными». Прошлым сделается и Великая революция, провозгласившая новую эру в истории человечества. Да она уже и сделалась им еще при жизни Гете. И, как все отошедшее в прошлое, станет и она «прилагать старые закоснелые мерки к новейшим порослям жизни. Этот конфликт между живым и отжившим, который я предрекаю, будет схваткой не на жизнь, а на смерть. Начнут

¹ Вопреки их воле (*франц.*).

ужасаться, искать выхода, издавать законы... и ничего не достигнут. Ни предупредительными мерами, ни запретами тут ничего не добьешься. Придется за все браться по-новому». Так — в «Годах странствия Вильгельма Мейстера» (кн. 3, гл. 3). И в другой раз — уже в беседе с канцлером фон Мюллером (от 4 ноября 1823 г.): «Нет такого прошлого, о котором стоило бы печалиться. Существует лишь вечно новое, образовавшееся из разросшихся элементов былого. Достойная тоска по иному должна быть продуктивна, должна стремиться к лучшему будущему».

Да, он всегда «стоял за новое», если оно, по его разумению (не всегда безошибочному), было достойно этого имени. Больше всего возмущало Гете, когда (вслед за Бёрге) его называли «другом существующих порядков». «Ведь это почти всегда означает: быть другом всего устаревшего и дурного». С юных лет и до глубокой старости Гете был великим тружеником, всеми средствами художественного, научного и философского познания стремившимся разгадать «тайны» природы и «тайны» исторического бытия человечества, дабы — на основе *все более широкого опыта* — посильнее приблизить осуществление такого социального уклада на нашей планете, при котором свободное проявление высших духовных задатков, заложенных в душу человеческую, стало бы неотъемлемым свойством раскрепощенных народов.

В такой универсальности Гете иные его биографы и толкователи хотели видеть только заботу «великого олимпийца» о всестороннем развитии собственной личности. Но Гете не был таким бесстрастным «олимпийцем», равнодушным к насущным чаяниям и нуждам простого народа. Более того, его духовный демократизм не позволял ему смотреть и на собственное свое творчество как на лично ему принадлежавшее достояние. «Все мы, по сути, коллективные существа, что бы мы о себе ни воображали... За долгую жизнь я, правда, кое-что создал и завершил, чем можно было бы похвастаться. Но, говоря по чести, что тут было собственно моим, кроме желания и способности видеть и слышать, различать и избирать, вдыхать жизнь в услышанное и увиденное и с известной спортивной все это воссоздавать...»

Зачем так страстно я искал пути,
Коль не дано мне братьев повести! —

сказано в «Посвящении», которое Гете (начиная с 1787 г.) предпосыпал всем прижизненным изданиям своих сочинений.

Мы знаем, нетерпеливая надежда увидеть собственными глазами первые, еще смутные, контуры «золотого века» хотя бы только на малом клочке Германии побудила Гете на вершине его молодой

славы откликнуться на призыв веймарского герцога, юного Карла-Августа: стать его ближайшим советчиком, наставником и другом. Ничего путного из этого союза не могло получиться. Широко задуманный план политических преобразований был положен под сукно. И все же картина лучшего будущего («Народ свободный на земле свободной») не померкла в душе создателя «Фауста». Но отныне она рисовалась воображению поэта лишь в отдаленной перспективе всемирной истории человечества.

Другое дело, что путь, которым шел Гете в поисках «высшей правды», не был неуклонно прямым путем. «Кто идет, вынужден блуждать,» — сказано в «Прологе на небе», предпосланном «Фаусту». Гете не мог не блуждать, не ошибаться, не давать порою неверных оценок движущим силам всемирно-исторического процесса. Отчасти уже потому, что вся его деятельность протекала в обстановке убогой действительности — в Германии, лишенной национально-политического единства и дееспособного прогрессивного бургерства.

Цель настоящей вступительной статьи — ознакомление советского читателя с основными этапами жизни и творчества великого поэта, глубокого мыслителя и выдающегося ученого. Уже само сочетание в одном лице столь разнородных дарований и склонностей отводит Гете совсем особое место в мировой культуре.

2

Прежде чем приступить к хронологически последовательному отображению «трудов и дней» этого неукротимо деятельного человека — несколько слов о его *народности* (в самом широком значении этого слова). Впрочем, мы и здесь не обойдемся без хронологии, без краткого пересказа хроники двух семейств, давших жизнь Иоганну Вольфгангу Гете.

Отец поэта, действительный имперский советник Иоганн Каспар Гете (1710—1782), не мог похвальиться родовитостью. Он был сыном дамского портного, позднее виноторговца, винодела и владельца первоклассной гостиницы Фридриха Георга Гете (1657—1730) родом из Тюрингии, где его родитель имел кузню. Фридрих Георг предпочел копотному кузнецкому горну, молоту и наковальню более изящные и сподручные портновские инструменты и с этой легкой поклажей прямиком направился в город Лион, славный не только изделием лучших французских шелков и бархата, но и отменным шитьем мужской и женской одежды. Там молодой сметливый подмастерье успешно обшивал и обряжал французских

модниц и знатных иностранок, питая надежду в близком будущем открыть собственное портняжное заведение и навечно осесть в привлекшейся ему «прекрасной Франции».

Но все эти радужные мечты развеялись прахом. В 1685 году, по безрассудному капризу Людовика XIV и его благочестивой наложницы мадам де Ментенон, был отменен Нантский эдикт о веротерпимости, некогда обнародованный Генрихом IV. А это означало изгнание из пределов королевства всех гугенотов и прочих приверженцев «*de la religion prétendue réformée*» («мнимо улучшенной религии»), то есть всех некатоликов, в том числе и лютерана Жоржа Гетэ — Фридриха Георга Гете.

Изгнанный портняжий подмастерье обосновался в вольном имперском городе Франкфурте-на-Майне, одной из немногих патрицианско-бюргерских республик, вкрапленных в обширную, но лишенную реального политического единства «Священную Римскую империю германской нации». Сообразуясь с обычновениями города, Фридрих Георг тотчас же женился на местной уроженке, чтобы обрести права франкфуртского гражданина, без чего он не мог бы стать мастером портняжного цеха. В 1701 году, овдовев, он женился вторично на состоятельной вдове Корнелии (урожденной Вальтер), принесшей в приданое мужу, помимо изрядного капитальца, и гостиницу «Вейденхоф», которая при новом хозяине стала едва ли не лучшей в городе.

Отдавая должное деловым качествам Фридриха Георга Гете, а также недюжинным музыкальным его способностям (старик свободно играл на целом ряде струнных и духовых инструментов), франкфуртские старожилы тем единодушнее порицали его за вепомерное самомнение — черту, общую всему его кряжистому крестьянскому роду. Деньги без почестей, без видного положения в обществе не тешили преуспевшего простолюдина. Тем истовее мечтал он о возвышении своего потомства. Правда, старший сын от первого брака сызмальства был безнадежно слабоумен. Но второй его отпрыск, Иоганн Каспар, юноша способный, прилежный и, по папеньке, честолюбивый, давал все основания думать, что уж ему-то удастся войти в почтенное сословие ученых юристов и занять одно из первых мест в городской бюрократии.

Старику не довелось дожить ни до окончания его сыном Лейпцигского университета, ни до успешной защиты его ученейшей диссертации «*Electa de aditione hereditatis ex jure Romano et Patrio*»¹. Но на этом, собственно, и оборвалась карьера новоиспеченного

¹ «О вступлении в права наследства согласно римскому и отечественному праву» (лат.).

«доктора обоих прав». Тотчас же по получении вожделенной ученои степени Иоганн Каспар Гете отправился в долгое «образовательное путешествие» (что, по воззрениям того времени, приличествовало разве лишь дворянину или сыну именитого патриция), побывал в Нидерландах, в Париже, в Вене, в Швейцарии; почти три года пространствовал по Италии, а на обратном пути — в течение семестра — возобновил свои юридические занятия в Страсбургском университете.

Во Франкфурт доктор Гете возвратился только в 1742 году, почти позабытый своими земляками, и с ходу же удивил правителей города и впрямь беспримерным заявлением: он ходатайствовал о предоставлении ему вакантной второстепенной должности, каковую брался отправлять безвозмездно, коль скоро он будет избавлен от общеязыательной, но в его случае, как он полагал, вполне излишней, баллотировки.

Ходатайство, противоречившее законам и обычаям города, было отклонено с назидательной лаконичностью, и это так уязвило его, что он поклялся впредь никогда уже не поступать на городскую службу. Чтобы досадить своим обидчикам, «не оценившим его бескорыстие и немалую ученость», а заодно сразу же занять равное им положение в обществе, доктор Иоганн Каспар Гете в том же 1742 году исхлопотал себе титул «действительного советника его римского императорского величества», то есть попросту купил это почетное звание за триста тридцать гульденов у вечно нуждавшегося в деньгах императора Карла VII.

Сравнившись чином с первыми должностными лицами города, Иоганн Каспар Гете, само собою, уже не мог служить на младших должностях, несовместных с его высоким званием. Но ничто не препятствовало «его превосходительству» вступить в сословие адвокатов или стать поверенным одного, а то и нескольких владельческих князей, поддерживавших торговые отношения с патрицианской республикой. Однако ни тот, ни другой вид юридической деятельности не отвечал его вкусам и убеждениям. Оскорбленный, разочарованный, он ушел в сугубо частную жизнь, так и не испробовав своих сил на каком-либо поприще.

Прошло еще шесть лет полупраздного, одинокого существования, прежде чем Иоганн Каспар Гете, уже на тридцать девятом году жизни, женился на семнадцатилетней Катарине Элизабете Текстор, пусть бесприданнице, но как никак девушке из весьма уважаемой семьи ученых правоведов.

Надо сказать, что и Тексторы, подобно семейству Гете, лишь сравнительно недавно обосновались во Франкфурте в лице прадеда нареченной невесты — первого синдика, то есть юрисконсульты

городского совета. Гордостью семьи был его внук Иоганн Вольфганг Текстор (1693—1771), дед великого поэта. Высокообразованный юрист и дальний чиновник, он с честолюбивым рвением поднимался по ступеням служебной лестницы и в 1748 году — не будучи ни патрицием, ни отпрыском старинного городского дворянства — достиг высшего поста в городе-республике, став «имперским и городским шультгейсом», то есть бессменным главою судебного ведомства и председателем городского совета, а заодно и наместником германо-римского императора, подданными которого числились «вольные горожане».

Сама фамилия рода Тексторов (или Веберов, как раньше они прозвывались) указывала на то, что их предки занимались ткачеством («текстор» по-латыни, равно как «вебер» по-немецки, означает «ткач»). Тем самым величайший поэт Германии не только со стороны отца, но и со стороны более «аристократической» материнской линии — потомок преуспевших простолюдинов. Только что Тексторы, в отличие от рода Гете, «вышли в люди» уже в XVI веке. Большинство из них, не исключая самого шультгейса, довольствовалось относительно скромным жалованьем.

В августе 1748 года состоялось венчание Иоганна Каспара Гете с Катариной Элизабетой Текстор. А через год, 28 августа 1749 года, «в полдень, с двенадцатым ударом колокола», появился на свет будущий величайший поэт Германии.

Роды были трудными. Они длились без малого трое суток, потвиваальная бабка вконец растерялась. Но фрау Корнелия, мать Иоганна Каспара, принялась усердно встряхивать и растирать вином маленькое тельце. «Советница, он жив!» — растроганно возвестила старая женщина, когда ее внучек широко раскрыл глаза — очень большие и темно-карие.

Такими большими темно-кариими глазами природа не наделила представителей ни рода Гете, ни рода Тексторов. Были они у бабки поэта, Анны Маргариты Линдхаймер, в замужестве Текстор. Никто из родных ее детей не унаследовал ни ее темных больших глаз, ни величаво-простонародных черт ее и впрямь «итальянского» лица. Минуя ближайшее потомство, ее внешнее обличье передалось только ему, ее любимому внуку, и служило достойной оболочкой его «духовной сути», как то не раз отмечалось самим Гете.

Странно, но ни «старая Линдхаймер», ни ее знаменитый внук ничего не знали о том, что одним из прямых ее предков (в восьмом колене) был замечательный немецкий художник XVI века Лука Кранах (1472—1553). Едва ли приходится сожалеть об этом неведении Гете. Ведь вплоть до второго пребывания в Риме (1787 г.), то есть на тридцать восьмом году своей жизни, он все никак не

мог решить, кем быть ему: поэтом или живописцем. Желание «достойно воссоздать» — маслом, акварелью, тушью и карандашом — «всю красоту здимого мира» не переставало владеть его душою. Узнай он — невесть как и от кого — о кровном родстве с великим Кранахом, и он охотно истолковал бы это «открытие» как поруку за сбыточность его давней мечты — стать художником. Тем более что природа не отказалась ему и в этом даровании. Пейзажи Гете, проникнутые тонким импрессивным лиризмом, куда интереснее декоративно-условных пейзажных полотен его современников классицистов.

И все же истинно великим художником Гете не был, что он и сам осознал на исходе своего двухгодичного пребывания в Италии. Но, навсегда порешив довольствоваться «только» деятельностью поэта, писателя и естественника, Гете широко пользовался своим опытом творчески деятельности художника-живописца и на поприще литературы. «Вернувшись (из Дрезденской галереи.— Н. В.) в дом моего башмачника, я едва поверил своим глазам,— читаем мы в «Поэзии и правде» (кн. 13).— Мне почудилось, что передо мною картина Остаде, столь прекрасно выполненная, что хоть сейчас неси ее в галерею. Расположение предметов, свет, тени, коричневый колорит целого, магическая сила сдержанности и соразмерности, поражавшая нас в его полотнах,— все это наяву предстало передо мной. Здесь я впервые и в полной мере ощутил в себе дар, которым впоследствии стал пользоваться уже сознательно: воспринимать природу как бы глазами художника...» За чтением «Вертера», «Вильгельма Мейстера», «Германа и Доротеи» нельзя не вспомнить этого авторского признания. Та же совсем особая зоркость художника не покидала Гете и при оценке произведений других писателей.

По тому, что было сказано выше о Гете, да и самим Гете, нетрудно заключить, что он-де является «живописцем в литературе». Слов нет, Гете не скучился на похвалы *глазу*, вполне сознавая, сколь многим он обязан «этому благороднейшему органу» и как поэт, и как пытливый естественник. Более того, он не раз высказывался в том смысле, что зорко уловленная *наглядность* образа есть высшее мерило его правдивости. И все же признание великого поэта всего лишь «живописцем в литературе» было бы ложно или, по меньшей мере, весьма неточно. Да, Гете был и «живописцем в литературе», но вместе с тем и первым истинным в ней «музыкантом». В этом, как мы увидим, и заключалось его исключительное значение в истории мировой культуры.

Все, что мы знаем из лирики предшествующих эпох, включая сонеты таких гигантов, как Данте и Шекспир, по большей части

«повествует» (трезво или, напротив, риторически-приподнято) о душевном состоянии поэта — в канонических формах, созданных веками и поколениями. Я не говорю уж о большинстве английских и французских современников Гете, редко и с большим запозданием выходивших за пределы рассудочной культуры слова XVIII столетия. То, что отличает лирику Гете от лирики его великих и малых предшественников,— это повышенная его отзывчивость на мгновенные, неуловимо-мимолетные настроения; его стремление — словом и ритмом — преображенno отображать живое биение собственного сердца, сраженного необоримой прелестью зrimого мира или же охваченного чувством любви, чувством гнева и презрения — безразлично; но, сверх и прежде всего, его способность мыслить и ощущать мир как неустанное *движение* и как *движение* же поэтически воссоздавать его.

Этот новый строй поэтического мышления и, соответственно, новый лад культуры слова не мог бы осуществить поэт, будь он только «живописцем в литературе», не умей он вовлекать в гениальную круговорть поэтического творчества то, что было названо «экспрессивно-музыкальной стихией», добытой слухом, никак не зренiem.

Конечно, «музыка в поэзии», «музыкальность поэзии» отнюдь не совпадает с музыкой в обычном ее понимании, равно как «живопись в литературе» никак не живопись как таковая — это только необходимые метафоры большого познавательного значения. Но Гете, так явственно ощущавший соприсутствие «музыкального» начала в иных своих стихотворениях, не раз говорил, что они могут быть поняты читателем, только если тот будет, хотя бы про себя, напевать их. С этим высказыванием поэта можно, конечно, и не соглашаться. Но верно то, что Гете передко сочинял стихи в расчете на их положение на музыку. И сколько же «текстов» Гете вдохновило его великих музыкальных современников — Моцарта, Бетховена, Шуберта и, позднее, Шумана.

Слух был для Гете чуть ли не равноправным органом восприятия (наряду со зренiem) — и притом не только на поприще поэзии, но и в прозе.

Будущий поэт с младенчества и вплоть до его поступления в Лейпцигский университет (1765 г.) неизменно слышал вокруг себя верхненемецкий диалект — местный говор его родного города и края. Отец, имперский советник, усердно приучал детей, Вольфганга и Корнелию, а заодно и свою супругу, говорить «более литературно». Но в Вольфганга (не говоря уже о «госпоже советнице») прочно въелись многие диалектизмы — уже потому, что они ему «нравились».

В Лейпциге своеобычное верхненемецкое наречие строго осуждалось. «Мне были запрещены парадизы из Библии,— пишет Гете,— равно как пользование простодушными оборотами старинных хроник. Мне вменялось в обязанность позабыть, что я читал Геймера фон Кайзерсберга (1445—1510; страсбургского проповедника, отлично владевшего народной речью.— Н. В.), и отказаться от поговорок, которые не ходят вокруг и около, а прямо берут быка за рога. Я чувствовал себя внутренне парализованным и теперь не знал, в каких выражениях говорить о простейших вещах. К тому же мне внушали, что надо говорить, как пишешь, и писать, как говоришь, мне же изустная речь и литературный язык всегда представлялись явлениями друг от друга весьма отличными и способными постоять за свои далеко не однородные права».

Гете с ранних лет и до гробовой доски всем сердцем любил простой народ, уважал его труд, его телесную и нравственную силу. Никакие пороки и неблаговидности, бытовавшие в народе, не могли смутить его. Он умел отличать здоровое зерно в простом человеке от наносного дурного, что пристало к нему под воздействием гнусной немецкой действительности, беспросветной нищеты и рабской зависимости. Гете любил наблюдать трудовую и семейную жизнь простых людей — крестьянина, лесничего, горнорабочего. Для Гете народ не был абстрактным понятием, как, скажем, для Вольтера, никогда не забывавшего о своем превосходстве над непросвещенным простолюдином.

Такая связь с народом, тесная солидарность с ним, с его жизненными интересами, с его радостями и горестями, и составляла прочную основу духовного демократизма Гете, всего его творчества, проникнутого высоким гуманизмом, да и всей его (во многом неудачно сложившейся) общественно-политической деятельности. Не случайно, конечно, что все созданные им наиболее обаятельные и трогательные образы — Гретхен («Фауст») и Клерхен («Эгмонт»), Марианна («Вильгельм Мейстер»), Филимон и Бавкида (V действие второй части «Фауста») — выходцы из народа. И все они гибнут, столкнувшись с беспощадным строем угнетателей. Такова концепция трагического, выстраданная великим поэтом.

3

Итак — об отдельных этапах жизни, а там и творчества Гете. Маленький Вольфганг не был вундеркиндом, да поэты и не являются таковыми. Он учился легко у отца и других преподавателей,

Что касается отца, то он, считаясь с правом сына, «учил его всему шутя», но весьма основательно: французскому (впрочем, Вольфганг с ним знакомился и как неизменный посетитель французского театра, игравшего в оккупированном французами Франкфурте в пору Семилетней войны), а также итальянскому и, позднее, английскому, которому совместно с сыном и дочерью обучался и сам имперский советник, выступавший также и в роли учителя танцев.

Обучение молодой поросли семейства происходило на дому, за вычетом нескольких месяцев, когда Вольфганг с большим недовольством посещал городское училище, что было вызвано перестройкой дома, предпринятой Иоганном Каспаром Гете вскоре после смерти его матери, фрау Корнелии. Кроткой, милой, благожелательной, всегда в белом опрятном платье — такой она на век запечатлелась в памяти внука. «...однажды, в канун Рождества, бабушка велела показать нам кукольное представление, и это был венец ее благодеяний, ибо тем самым она сотворила в старом доме некий новый мир, и на детях, особенно на мальчике, долго сказывалось это глубокое, сильное впечатление».

Гете утверждал, что «многоразличные системы, из которых состоит человек», часто «взаимовытесняют... более того, взаимно пожирают друг друга». С ним этого не случилось. Разнообразные блестящие способности подростка заставляли многих достойных людей видеть в нем наследника их профессий. Юный Гете «тоже хотел сделать нечто из ряда вон выходящее», но ему «вожделенное счастье представлялось в виде лаврового венка, которым венчают прославленных поэтов».

С языком поэзии, с его усвоением обстоит не иначе, чем с усвоением просто языка: говорящие и тем более стихотворствующие младенцы не рождаются. Они перенимают язык с чьего-то голоса. Немецкую поэзию поры детства и отрочества Гете нельзя отнести к эпохам ее мощного расцвета. Она никак не выдерживает сравнения с полногласной, исполненной трагизма поэзией времен Тридцатилетней войны. За сто лет, прошедших со дня рокового для немцев Вестфальского мира (1648 г.), слезы повысыхали, возмущение народа было подавлено, отчаяние притупилось. Воцарилась «мертвая зыбь» безвременья. Самобытные традиции мятежного XVI и трагического XVII веков, измельчав и потускнев, сохранились разве лишь в худосочных стихотворениях на библейские темы. Значительным лирическим даром обладал разве что

Фридрих Готлиб Клошток (1724—1803), но советник Гете его не признавал, руководствуясь, надо думать, известным суждением Вольтера: «Писать нерифмованными стихами не труднее, чем сочинить письмо». Вольфганг Клоштока читал, но тайком от отда и не смея ему подражать. Остальные поэты держались общепринятой поэтики европейского Просвещения. Одни из них пели в сентиментальных гимнах хвалу господу и его премудрому творению, другие, напротив, писали сугубо светские стихи, добросовестно скопированные с ложноклассических образцов французских и итальянских анакреонтиков.

В Лейпциге, этом «малом Париже», студент Гете примкнул к школе немецко-французской анакреонтики (родоначальником которой был Фридрих фон Гагедорн, а наиболее популярной посредственностью И.-В.-Л. Глейм). Таков был выбор молодого Гете, и, уж конечно, не случайный. В центре анакреонтической поэзии как-никак стоял *человек*, пусть светский, беспечно срывающий «цветы удовольствия», но все же человек. Человек, но уже не «светский»,— так только, на первых порах,— а *человек*, все разномикое людское племя, с его судьбами и конечным высоким его предназначением, и образует ту ось, вокруг которой вращается огромный мир великого поэта.

Ранние поэтические опыты Гете еще мало разнились от стихов его прямых предшественников. Юный стихотворец легко усвоил их «галантные сюжеты» и кокетливые эпиграмматические «разрешения» рассудочных антitez,— к примеру, противопоставление понятия «ночи вообще» понятию «ночи в объятиях любимой» («Прекрасная ночь»). Но и в этих ученических подражаниях сколько же живых, «необщих черт», предвещавших будущий облик поэзии Гете! Возьмем хотя бы стихотворение «К Луне». И оно не свободно от условной ложноклассической поэтики: туманному лунному пейзажу рассудочно противопоставлена нескромная мечта поэта одолеть пространство, отделяющее его от возлюбленной, взглянуть на нее хотя бы сквозь «стеклянную ограду» заветного окна. Он молит Луну:

Созерцањем хоть в ночи
Скрашу горечь отдаленja.
Обостири мне силу зрења,
Взору дай твои лучи!

Ярче, ярче вспыхнет он,—
Пробудилась дорогая
И зовет меня, нагая,
Как тебя — Эндимион.

(Перевод В. Левика)

Эпиграмматическая заостренная композиция сохранена и здесь. Но гармоническая разработка темы равно окутывала «фатой из серебра» и эту зыбкую лунную ночь, и эротическое видение заключительного четверостишия, в силу чего «антитеза» — скрытая насмешка поэта над собственным (только воображаемым) счастьем — почти не доходит до читателя, покоренного властными чарами этого лунного ноктюрна.

Ученические годы поэта длились недолго. Гете начал сознательно отступать от эстетического канона анакреонтиков еще в Лейпциге. Уже тогда им были написаны «Элегия на смерть брата моего друга» и вслед за тем «Три оды к моему другу Беришу», в которых прорезались новые, непривычно страстные, порою даже гневно обличительные интонации, не имеющие ничего общего с изящным легкомыслием немецких классицистов.

Гете всегда болезненно переживал все, что стесняло его развитие, его творчество. Такие кризисы духовного роста нередко кончались серьезными заболеваниями. Так было и в Лейпциге, где Гете остро ощутил несостоятельность поэтики «немецкого рококо», точнее: все несоответствие его форм и содержания расшившемуся, пусть еще смутному, мировоззрению поэта. В одну июльскую ночь 1768 года кровь хлынула горлом у внезапно занемогшего юноши. Несмотря на вмешательство врачей, его здоровье не восстанавливалось. 28 августа, в день, когда Гете исполнилось девятнадцать лет, он прервал свои (не слишком усердные) университетские занятия и спешно выехал во Франкфурт.

Два с лишним года, проведенных в родительском доме по болезни, так и не опознанной, и во время медленного выздоровления, были годами напряженной духовной подготовки к тому бурному творческому расцвету, которым ознаменовалось пребывание Гете в Страсбурге, куда он прибыл летом 1770 года и где весною следующего года закончил свое юридическое образование.

Во Франкфурте Гете завершает своих «Совиновников», комедию, начатую еще в Лейпциге. Как и несколько раньше сочиненная им пьеса «Причуды влюбленного» (легкая «саксонская статуэтка» в вкусе немецко-французского рококо), «Совиновники» написаны гибким александрийским стихом в подражание французам. Чеканные стихи, острые диалоги, непринужденно развивающийся ход событий — все свидетельствовало об отменном усвоении традиционного комедийного жанра.

В старости Гете утверждал, будто бы в основу его «Совиновников» положено Христово речение: «Кто без греха, пусть первый бросит камень». Едва ли юный автор руководствовался этим евангельским текстом. Правдоподобнее полагать, что он им позднее оборонялся от упреков в безнравственности его драматической сатиры на бургундское общество, о котором у юного Гете сложилось достаточно безотрадное представление. Какие только пороки и преступления не таились «под тонким слоем штукатурки» внешней благопристойности в хорошо знакомом ему Франкфурте-на-Майне! Банкротства, домашние кражи, убийства, отравления, подделанные завещания...

В таком мизантропическом настроении не оправившийся от болезни юноша дружески сошелся со старшей подругой и уважаемой родственницей его матери, девицей Сусанной фон Клеттенберг, принадлежавшей к религиозной секте гернгутеров. Как многие ее единоверцы, она усердно занималась «тайными науками» и даже алхимией.

Гете с интересом прислушивался к ее речам. Тем более что в его руки попал солидный труд Готфрида Арнольда (1666—1716) «Беспристрастная история церкви и ереси», произведший на него неизгладимое впечатление уже потому, что убеждения Арнольда во многом совпадали с его собственными.

Арнольд не без оснований назвал свой монументальный трактат, охватывающий историю христианских вероучений от «времен апостольских» до пietистов конца XVII века, *беспристрастным*. Его двухтомное сочинение и впрямь поражает необычной для того времени исторической объективностью — точнейшим пересказом воззрений как представителей официальной церкви (будь то католической, лютеранской или кальвинистской), так и поборников всевозможных «ересеучений».

Тем менее «беспристрастна» *концепция* его сочинения: в глазах Арнольда вся история церкви равнозначна истории утраты церковью «истинно христианской веры» и «непосредственного общения с богом». Такое «общение с богом» предполагает в ведущем «неиссякающий энтузиазм», а его-то и не терпит официальная церковь, подменяя «чистое религиозное переживание» обрядностью и догматами, тогда как «вся жизнь истинного христианина,— по Арнольду,— содержится в слове «энтузиазм». Прибегнув к этому словцу, Арнольд явно выдает свои симпатии к мятежным сектантам XVI века, которых Лютер клеймил поносной

кличкой «энтузиасты». В официальной церкви и в ее неустанной борьбе с теми, кого она зовет еретиками, Арнольд видел главную виновницу «нескончаемых бедствий так называемого христианства».

Немногих проникавших в суть вещей
И раскрывавших всем души скрижали
Сжигали на кострах и распинали,
Как вам известно, с самых давних дней,—

(Перевод Б. Пастернака)

вторит Арнольду автор «Фауста», переводя его обличительную прозу на бессмертный язык поэзии.

Готфрид Арнольд хотел перенести в свое время (конец XVII и начало XVIII в.) дух мятежного XVI столетия. Но вместе с тем и дух обветшавшей мыслительности той отдаленной эпохи, как будто со временем Парацельса и Яакоба Бёме ничего не изменилось в научном сознании человечества под воздействием эпохальных трудов Галилея, Декарта, Спинозы, Лейбница и Ньютона и «христианское магическое естествознание» по-прежнему оставалось «последним словом» человеческой премудрости. Бессспорно, Парацельс (1493—1541), по праву считающийся «отцом немецкой пансофии», был истым сыном мятежного XVI века, во время Великой крестьянской войны горячо сочувствовавшим восставшему народу. Знаменитый врач, он первый стал применять химические медикаменты, выдающийся мыслитель, он создал — в разрез с учением официальной церкви — свою космогонию, изрядно насыщенную сакральными представлениями средневековой мистики, в которой он ставил себе целью: проникнуть в сокровенные тайны природы, обнаружить ту «первозданную материю», из которой господь якобы сотворил мир, и, подобно ему, искусно тасуя «первоэлементы природы», создавать «новые вещи» ко благу человечества. «Мы хотим стать малыми богами во всеобъемлющем великим боже», — такова была мечта последователей Парацельса вплоть до эпигонствующих пансофов XVIII века. Смелая идея, конечно, но вполне несбыточная по тогдашнему состоянию науки.

Не будем подробнее вникать в учения эпигонствующих пансофов. Каждый из них (будь то Георг фон Веллинг или особенно популярный Сведенборг) сочинял свою фантастическую космогонию. Удивительнее, что и юный Гете с его ясным умом и проницательным глазом мог с 1768 по 1770 год принимать всерьез эти анахронические бредни и производить совместно с девицей фон Клеттенберг алхимические опыты, более того, сочинять, в подражание пансофам, свой собственный «космогонический символ веры». Но таково было веяние времени. XVIII веку присвоено

имя «века Просвещения», «века философии» — и с полным на то основанием, если иметь в виду наиболее выдающихся его представителей. Но тот же век крупнейших научных завоеваний был вместе с тем и веком широчайшего распространения «тайных наук», веком повышенного интереса ко всему «чудесному», иррациональному, трансцендентному.

Не будем жалеть, что и Гете на малый срок углубился в эти пансофские дебри. Не случись этого, не вдохни он в себя полной грудью воздуха позднего средневековья, он едва ли бы мог создать своего «Фауста». Ведь и Фауст, подобно своему создателю, выбирался из бездны бесплотного суемудрия на вольный простор «более чистого восприятия действительности»:

О, если бы мне магию забыть.
...Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорят.

(Перевод Б. Пастернака)

Окончательный и бесповоротный разрыв Гете с пансофскими бреднями произошел после страсбургской встречи с Гердером. Для Гердера магия была давно отжившим свой век этапом в истории духовной культуры. Почитать «магическое постижение природы» незыблемой божественной правдой, по его убеждению, означало не понимать «истинной сути божественного откровения». Неизменные «не содержание и буква однажды явленного открытия», а те «духовные силы, коими бог наделил человека», — так утверждал этот свободомыслящий богослов. «В наши дни посланцами бога являются Ньютоны и Лейбница, подобно тому как в первобытные времена они были явлениями и Моисей, и Давид, и Иов».

Тех же воззрений держался теперь и страсбургский студент Вольфганг Гете. Стоило ему убедиться в несостоятельности магического естествознания, как он тут же с необычайной легкостью отрешился и от «христианского энтузиазма». «Те, кто видят в набожности самоцель и конечное назначение, обычно впадают в ханжество», — скажет Гете позднее (в «Максимах и рефлексиях»).

Вестфальский мир 1648 года, положивший конец Тридцатилетней войне (1618—1648), оставил западную прирейнскую Германию в состоянии феодальной раздробленности и беззащитности. Ничто не препятствовало ее захвату Французским королевством, впрочем, позволившим себе вполне излишнюю роскошь каждый раз юридически обосновывать право французской короны на

владение той или иной прирейнской территорией. В 1675 году Эльзас был, собственно, уже завоеван; в 1681-м та же участь постигла и пограничный Страсбург.

Полная, безоговорочная покорность французским властям и «христианнейшему королю Франции и Наварры» — только этой ценой можно было сохранить за Страсбургом права и привилегии «вольного города» (еще вчера «имперского», ныне же «королевского»). Правда, вся административно-законодательная деятельность «королевской республики» протекала под неусыпным контролем представителя короны, но королевское вето на деле почти не применялось благодаря неизменному «благоразумию» отцов города.

Ко времени поступления Гете в Страсбургский университет прошло ровно девяносто лет, как Эльзас вошел в состав Франции, над которой уже начинали сгущаться грозовые тучи медленно надвигавшихся политических событий. Уже многие не таясь поговаривали о предстоящих переменах. Велись такие разговоры и среди «германских подданных французского короля». Но до немецкой оппозиции по отношению к Франции дело не доходило, солдаты, шагая по улицам города, горланили немецкие песни французско-патриотического содержания, офицеры — почти сплошь немецкие аристократы — перед строем и в своем кругу говорили и думали по-французски.

И все же в завоеванной французами прирейнской Германии немцы осознавали себя только немцами, в то время как в феодально-раздробленной германо-римской империи по-прежнему противостояли друг другу австрийцы, пруссаки, саксонцы, баварцы и т. д. Лишь в Страсбурге, куда по прихоти судьбы съехались почти одновременно Гете и Гердер, Ленц и Вагнер и прочая одаренная молодежь, и могла зародиться так называемая литература «Бурн и натиска», привнесшая в лирику, в драму, в повествовательную прозу столь недостававшее литературной Германии национально-немецкое содержание.

«Бурные гении» ополчались не только на гнетущую обстановку в Германии, но и на все обветшавшие устои дореволюционной Европы XVIII века. И в первую очередь — на Францию, включая ее литературу, которая, по их убеждению, «была стара и аристократична, как сама по себе, так и благодаря Вольтеру». Гердер, признанный идеолог течения, внушал своей литературной пастве, что не холодный рассудок, а горячее сердце творит язык поэзии — и не по прописям «кабинетного» классицизма, а «изнутри», как творят безыменные создатели народных песен, как творили Гомер и Пиндар, Шекспир и легендарный Оссиан. Гердер был первым эстетиком XVIII века, преодолевшим рассудочность теоретиков

искусств его времени (не исключая такого гиганта, как Лессинг), Это ему впервые удалось — как эстетику и поэту-переводчику — раскрыть безбрежно богатый лирический мир, поющий голосами всех народов Востока и Запада.

Нетрудно себе представить, какие широкие горизонты открыла встреча с Гердером молодому Гете: «Я вырвался на свежий воздух и впервые почувствовал, что у меня есть руки и ноги». Уже в первых любовных песнях, обращенных к Фридерике Брион, была наигранная «светскость» сменилась непринужденной сердечностью, весело вторящей девичьим голосам дочерей зезенгеймского пастора. Здесь, в Страсбурге и в буколическом Зезенгейме, юность нежданно обрела свой собственный, только ей присущий язык. Лиющая «Майская песня» и дышащее неподдельной страстью «Свидание и разлука» — первые гениальные образцы поэтизации новорожденной лирики Гете. Позднее, в 1775 году, Гете написал свое «На озере», где на протяжении всего двадцати строк трижды меняется стихотворный размер, мгновенно откликаясь на каждую перемену, происходящую в природе и во взволнованном сердце поэта.

Совсем особое место в раннем творчестве Гете занимают его так называемые «большие гимны», написанные вольными ритмами. В них, быть может, особенно ярко проявляется способность Гете мыслить и поэтически воссоздавать зримый и душевный мир в их неразрывном единстве и неустанном движении. Отсюда их необычайное ритмическое и лексическое богатство, отсюда же и отчетливая периодизация их «ритмического дыхания». Тут каждая строфа — своего рода «выдох» неодинаковой длительности, отчего строфы, соответственно, разнятся друг от друга числом строк и «тактических» единиц.

Через все его «большие гимны», как ни разнообразна их тематика — богоборческое самоволие Прометея, жажда Ганимеда раствориться в целокупности «бога-природы» или же стремление мудрого кормчего «перелукавить» морскую бурю, «помня цель и на худой дороге» — проходит общая им, так сказать «сквозная», тема: восприятие мира глазами гения, глазами творца-поэта, который, согласно теориям английского философа Шеффбери, а также Лессинга, Гамана, Гердера, наделен «сверхобычным» даром прозревать бесконечное в конечном, вечное в преходящем.

Гете не рассуждает в своих гимнах о природе гения и гениальности, а создает, как художник, титанический образ гения. Конечно — из материала собственной его гениальной одаренности, но вместе с тем как бы увиденный со стороны (объективно),

в качестве «лирического героя» его вдохновенных дифирамбических монологов.

В Страсбурге Гете живет повышенно интенсивной жизнью, наполненной до краев разными событиями, впечатлениями, переживаниями. Сдавши экзамен за весь курс обучения еще в сентябре 1770 года, Гете уже не посещает лекций профессоров-правоведов, но тем усерднее — лекции медиков и химиков. Работает в университетской клинике. Пешком и верхом блуждает по красивым окрестностям города, собирая, по совету Гердера, народные песни. Как всегда, часами беседует с крестьянами, угольщиками, вникая в их быт и труд, перенимая с их голоса сильный и самобытный язык народа.

Тогда же Гете переживает глубокое сердечное увлечение dochерью зезенгеймского пастора Фридерики Брион, с каковым не выдерживают сравнения ни его детская любовь к некой Гретхен, ни галантное ухаживание за кокетливой простушкой Кетхен Шенкопф (в его лейпцигские годы).

Образ Фридерики «во всей его ласковой прелести» вошел в душевный мир молодого поэта, запечатлевшись в его стихах. Через несколько недель молодые люди были помолвлены. Но свадьба не состоялась. В августе 1772 года, сейчас же по получении ученой степени, Гете спешно покинул Эльзас. И это означало разрыв. Юный Гете меньше всего годился для сельской идиллии, для тихого счастья. «Приятная местность, люди, которые любят меня, дружеский круг,— так пишет он близкому другу еще будучи женихом.— Уж не те ли это сады фей, о которых я некогда грезил? Да-да, это они! Я это чувствую, милый друг! Но чувствую также, что ни на волос не приблизился к счастью, даже теперь, когда сбылись мои упования».

Развязка зезенгеймского романа была трагична. Для Гете она означала отказ от столъ, казалось бы, желанного счастья — отказ, тем более скорбный, чем печальнее была судьба брошенной им девушки, уже нареченной его невесты. Тут ключ к «Фаусту», к его первой «субъективной» части...

В Страсбурге в фантазии поэта ожили два могучих образа, вскормленных духом мятежного XVI века, который расценивался молодым вождем литературы «Бури и натиска» как напутственный дар, ему врученный драматическим прошлым его родины,— Гец фон Берлихинген и Фауст, чьи судьбы, как представлялось Гете, стояли в тесной связи с судьбами его народа. Но в то время как работа над первыми картинами «Фауста» была отложена более

чем на два года, «Гец фон Берлихинген» всесело завладел воображением Гете в первые же месяцы по его возвращении во Франкфурт.

Впрочем, литературная деятельность молодого Гете не ограничилась одной лишь художественной сферой. Он усердно работал также постоянным рецензентом и во «Франкфуртском ученом вестнике», пропагандировавшем идеи «Бури и натиска». С почтением назывались в этом кругу имена Гердера, Лессинга, Клопшто-ка, но высшим воплощением поэзии сотрудники названного журнала почитали Шекспира. Племенем титанов представлялись им его герои с их большими характерами и страстями. «Шекспирианство» Лессинга, Гердера, молодого Гете, при всем несходстве их эстетических взглядов, объединялось единым стремлением: привлечь современность к перераспределению скудные пределы безропотной рабской психологии, восстать против гнетущей немецкой действительности с ее обветшальными феодальными учреждениями.

Наиболее раннее упоминание о работе над «Гедем фон Берлихингеном» имеется в письме от 28 ноября 1771 года: «Все мои силы сосредоточились на предприятии, ради которого позабыты и Гомер, и Шекспир, и все на свете. Я, воплощая в драматическую форму одного благороднейшего немца, спасаю от забвения память о прекрасном человеке, и большой труд, которого мне это стоит, является для меня прекрасным времяпрепровождением. А я в нем здесь очень нуждаюсь... Франкфурт — это гнездо, удобное для того, чтобы выводить птенцов, в остальном же, выражаясь figurально, сущий вертеп, гнусная дыра». Франкфуртской и всегерманской «дыре» Гете и противопоставляет образ своего героя, свою «дань уважения памяти мятежника», как определил «Геда фон Берлихингена» Фридрих Энгельс¹.

Несколько слов о языке «Геда», который сам по себе является великим произведением искусства. Под влиянием плодотворной встречи с Гердером Гете раз и навсегда пришел к убеждению, что «поэзия — дар, присущий всему миру и всем народам, а не частное достояние отдельных тонких и образованных людей». Гете почерпал в немецком народном языке, уходящем корнями в глубинные пласты истории, поэтические средства для самых возвышенных своих творений. Язык «Геда» — совершенный сплав живой обиходной народной речи с речевыми оборотами, извлеченными из Лютерова перевода Библии, из хроник XVI и XVII веков, а также из «Истории жизни господина Геда фон Берлихингена, написанной им самим». Не перегруженный анахронизмами, этот

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, с. 562.

язык доходчив, сразу же окунает нас в атмосферу отдаленной эпохи, обдает дыханием неподдельной старины.

Гец фон Берлихинген, каким его создал Гете, «муж, которого ненавидят князья и к кому обращены взоры всех угнетенных», борец за национальное сплочение Германии,— не реальное историческое лицо, а идеальный, то есть всего лишь «возможный» трагический герой мятежного XVI века. Исторического Геда, авантюриста, возглавившего Светлый отряд восставших крестьян и позднее их же предавшего, Энгельс никогда бы не назвал мятежником. Иными словами, гетеевский Гец *легендарен*. Но именно эта легендарность, привнесенная поэтом в его драму, и сообщила ей внутреннюю историческую правду и обострила ее политическую актуальность. Ведь задача национального сплочения немецкого народа, которую тщетно пытались разрешить в XVI веке низшее немецкое дворянство (наиболее «национальное сословие» империи в ту отдаленную эпоху, по определению Энгельса), в XVIII веке столь же неотступно стояла перед немецким бюргерством, оставаясь по-прежнему неразрешимой.

Драматическое действие в «Геде фон Берлихингене», говоря словами Гете, «вращается вокруг скрытой точки... где вся самобытность вашего Я и дерзновенная свобода нашей воли сталкиваются с неизбежным ходом целого». Время («неизбежный ход целого») благоприятствовало торжеству своеокорыстного княжеского сепаратизма, предрешало поражение и гибель Геда.

И все же, когда Гете заставляет своего героя воскликнуть перед смертью: «Какой небесный воздух! Свобода! Свобода!» — это не только риторическая драпировка, прикрывающая бесславную гибель, но также и ясновидение сердца героя, видение грядущего освобожденного мира. Гете верил, что «бесполезный подвиг» героя будет еще довершен человечеством, если благородный образ Геда сохранится в народной памяти. «Горе потомству, если оно тебя не оденит!» — таковы последние слова трагедии.

Бунт Геда фон Берлихингена, каким он обрисован в драме Гете,— не бунт ради бунта. Гец бунтует во имя новой законности, стремится своим рыцарским «кулачным правом» осуществить лучшее будущее. В этом его отличие от Вейслингена, типичного представителя немецкого дворянства, пошедшего в услужение к князьям и епископам, который мечтает о совсем иной «свободе» — о безвозмездной власти над бесправным народом, обретенной на княжеской службе. Осуждая Вейслингена, молодой Гете осуждает ту часть немецкого бюргерства, которая — по примеру немецких дворян XVI века — мирилась с порядками феодально-раздробленной Германии.

Создав своего «Геда», эту обширную историческую панораму эпохи Реформации и Великой крестьянской войны, Гете сразу же стал популярнейшим писателем Германии. Уже не всегерманскую, а всемирную славу принесло ему второе крупное его произведение — «Страдания юного Вертера», роман, в котором с потрясающей силой показана трагическая судьба одаренного юноши, вся гибельность (для народа, для отдельного человека) дальнейшего существования в Германии обветшавших феодальных порядков.

Быть может, лучше всего раскрывает суть злосчастной любви Вертера к «Лотте, бесценной Лотте» мысль, высказанная Стендalem в трагический миланский период его страстного увлечения Метильдой Висконтини: «Мне кажется, покончить с собой помешал мне тогда интерес к политике». На пути Вертера к самоубийству не было такой спасительной помехи. Трагедия «мятежного мученика», как назвал Вертера Пушкин, не только трагедия злосчастной любви, но и трагедия вынужденного бездействия (и притом политического).

Трудно назвать другое произведение немецкой литературы, вызвавшее при своем появлении такой страстный отклик в сердцах современников, немецких и зарубежных, как «Страдания юного Вертера». Гете не без гордости писал в своей автобиографии: «Действие моей книжечки было велико, можно сказать, даже огромно — главным образом потому, что она пришла ко времени. Как клочка тлеющего трута достаточно, чтобы взорвать большую мину, так и здесь взрыв, произшедший в читательской среде, был столь велик потому, что юный мир сам уже подкопался под свои устои». «Вертер» переводится на все европейские языки, в том числе и на русский. Во Франции им зачитываются просвещенные аристократы и будущие участники Великой революции, а также Наполеон Бонапарт — тогда еще бывестный артиллерийский лейтенант. Он возьмет с собой «Вертера» и в свой египетский поход.

Историческое значение «Вертера» заключается прежде всего в том, что Гете удалось вместить в эту небольшую книжку некоторые центральные, наиболее жгучие проблемы его времени. Это не значит, конечно, что «Вертер» не является вместе с тем одним из замечательнейших романов о любви. Совсем напротив. До «Вертера» не было романа, так точно и проникновенно воссоздававшего психологию страсти, своеобычность женского и мужского чувства и — рядом со светлыми картинами преданной любви, а также теплого уюта простой бургерской семьи (отчего дома Лотты) — столько

бездн, столько мрачных искушений, одному из которых, самоубийству, и поддался мятеожный страдалец.

В первой части романа повествуется об истории зарождения и развития любовного чувства Вертера к Шарлотте, невесте его друга Альберта. Не желая нарушить чужого счастья, смутить покой любимой девушки, Вертер находит в себе душевные силы оторваться от предмета своей несчастной страсти. Он уезжает, поступает на государственную службу, хочет уйти с головой в практическую деятельность.

Этот план терпит крушение. Способному, самолюбивому юноше приходится служить под началом придиличного, недалекого педанта, который занимает должность посланника лишь по праву рождения. Этого мало: Вертер подвергается оскорблению в доме графа фон К., когда он простодушно засиживается после обеда у благоволящего к нему хозяина.

Только после крушения служебной карьеры Вертер вторично встречается с Лоттой. Теперь трагическая развязка неизбежна, ибо юноше некуда бежать от своей страсти: ведь он вполне убедился, что практическая деятельность для него сопряжена с постоянными унижениями. Вертер уходит в себя, вседело отдается сведающему его страстному чувству. Он видит также, что напрасно уступил Альберту возлюбленную. Вертер и Лотта предназначены друг для друга. Теперь, когда Лотта — жена Альберта, юноша сделал трагическое открытие, что и она его любит.

Вертер на каждом шагу убеждается в бесчеловечности и жестокости окружающей его действительности. Жертвой того же косного, беспощадного миропорядка на его глазах становится простой крестьянский парень, горячо полюбивший свою хозяйку. Быть может, она бы и ответила взаимностью своему батраку, но жадной жениной родне, ждущей наследства от бездетной вдовы, удалось их поссорить. Парень терпит и это. Но когда любимая им женщина выходит замуж за другого — вполне к ней равнодушного, расчетливого человека, несчастный в приступе безотчетной ярости убивает своего соперника. Так из-за гнусных козней, из-за стремления жадной родни приумножить свое благосостояние, любовь и верность, лучшие человеческие чувства, привели к насилию и убийству. «Тебе нет спасения, несчастный! Я вижу, что нам нет спасения!» — мысленно говорит Вертер своему собрату по страданиям.

На столе в комнате самоубийцы лежала открытой «Эмилия Галотти» — пьеса Лессинга, в которой великий немецкий просветитель всего решительнее восстает против произвола тиранов. «Вертера похоронили около одиннадцати часов ночи, на том

месте, которое он сам для себя выбрал... Гроб несли мастеровые. Никто из духовенства не сопровождал его».

В одном из первых отзывов на «Вертера» рецензент (Мерк), ссылаясь на небывалый успех романа Гете, утверждал, что и ничтожнейший клочок действительности должен изображаться на основании той же действительности, наблюданной вовне или внутри нашего существа. И правда, в «Страданиях юного Вертера» «все пережито», но, конечно, воссоздано не так, как это было в жизни, то есть в узкочном опыте автора романа.

Записавшись по приезде в Вецлар (в мае 1772 г.) адвокатом-практиком, Гете почти не заглядывал в здание судебной палаты. Большую часть времени он проводил в так называемом Немецком доме, куда его влекло чувство к Лотте Буфф, дочери управляющего экономиями Тевтонского ордена, невесте секретаря ганноверского посольства Иоганна Кристиана Кестнера, с которым Гете состоял в тесной дружбе. 11 сентября того же года Гете покидает Вецлар, решив вырваться наконец из униzierительно-двусмысленного положения, в котором он очутился. Искренний друг Кестнера, он любит Лотту, и она не остается равнодушной к этому непонятному ей, но неизъяснимо обаятельному юноше.

И вдруг, ни с кем не простишись, Гете пишет им такую прощальную записку: «Он ушел, Кестнер! Когда вы получите эти строки, знайте, что он ушел... Теперь я один и вправе плакать. Оставляю вас счастливыми, но не перестану жить в ваших сердцах». Мотивы отступничества остались, по сути, теми же, что и в случае с Фридерикой Брион; как тогда, так и теперь Гете не решался на счастье за невозможностью воспользоваться им. Это не делало новый разрыв менее болезненным и горьким.

Месяц спустя кончает самоубийством Иерузалем, влюбленный в жену своего сослуживца. Обстоятельный отчет Кестнера об этом событии приходит во Франкфурт в первых числах ноября. Гете потрясен настигшей его вестью. Кестнеровский отчет будет почти дословно воспроизведен в finale романа в виде «сообщения от издателя». Но «последним толчком, от которого вода в сосуде превращается в ледяную глыбу», как выразился Гете, весть о гибели Иерузалема все же не стала: «Вертер» был написан много позже, в 1774 году. Гете широко использовал в романе и свои вецларские письма к другу Мерку. Все это, как и позднейший эпизод его биографии: любовная дружба с Максимилианой Брентано, пресеченная ее ревнивым мужем,— вошло в его книгу.

Еще во Франкфурте, на вершине своей молодой славы, Гете не без горечи ощущал, что уже исчерпал себя как поэт, как писатель «Бури и натиска», что его мятежные творения не имеют под собой твердой исторической почвы. Предаваться и впредь беспоследственному призыву к действию в политически инертной Германии он не мог и не хотел. Для того чтобы уяснить себе, чем и как воздействовать на своих сограждан, надо было самолично заглянуть в репортаж мировой истории.

А этого-то и нельзя было сделать, уступив своему влечению, своей любви к Лили Шёнеман, прелестной дочке франкфуртского банкира. Нет, надо бежать, и бежать немедленно! Тем охотнее, хотя и с израненным сердцем, откликнулся Гете на приглашение веймарского герцога Карла-Августа посетить его резиденцию — Веймар, где Гете суждено было прожить, лишь с малыми перерывами, всю свою позднейшую жизнь.

«Быстро, как бег саней, проносится моя жизнь! Звеня бубенчиками, летит она то туда, то сюда! Бог знает, что еще предназначено мне, прошедшему сквозь столько испытаний. Это последнее даст новый взлет моей жизни; и все обернется прекрасно», — таковы были первые строки Гете, написанные им из Веймара на исходе первых недель его пребывания, проходивших в беспрестанных увеселениях и в тесном дружеском общении с восемнадцатилетним герцогом. При первой же встрече с Гете Карл-Август предложил ему стать его ближайшим сотрудником и другом, на что тот незамедлительно согласился. «Герцогства Веймарское и Эйзенахское,— тотчас же отписал он Мерку, — как-никак достойное поприще для того, чтобы проверить, к лицу ли тебе историческая роль».

Поступая на веймарскую службу, Гете тешил себя надеждой добиться радикального улучшения на малом клочке немецкой земли, с тем чтобы проведенные им реформы стали бы прологом общенационального обновления немецкой государственности. Еще он верил тогда в дружескую поддержку герцога и в свое умение «щерелукавить» противников задуманных им преобразований, «по виду им уступая», но «помня цель и на худой дороге», — как говорится в «Морском плавании», в котором поэт и веймарский легационный советник сравнивает себя со смелым мореходом в грозу и бурю.

Как ни мала была «репортаж», в какую довелось заглянуть Гете, она все же отчасти приоткрыла ему «ход земных дел»: «Тяготеющее над нами проклятие — высасывать всю кровь из страны — лишает меня вожделенного покоя», — так писал он госпоже фон Штейн, с которой поддерживал любовную дружбу,

на восьмом году своего пребывания в Веймаре, когда все задуманные им преобразования парализовались придворной камарильей. Его рассуждения о Карле-Августе становятся почти враждебными: «У герцога, в сущности, самые ограниченные воззрения. Решиться на отважный поступок он может разве лишь сгоряча. Напротив, провести в жизнь смелый и развернутый план он не способен...» «Лягушка хоть и может какое-то время попрыгать по земле, но создана она все-таки для болота». «Счастлив я бываю, только когда мне удалось кое-что написать, и написать хорошо!» — признается он все той же госпоже фон Штейн.

Но на деле он пишет очень мало. И больше всего его волнует, что именно теперь, при нарастающем отвращении к делам службы, он не находит ключа к своим былым литературным замыслам, частично уже осуществленным,— к «Фаусту», к «Эгмонту» и «Мейстеру» (первоначально называвшемуся «Театральным призванием Вильгельма Мейстера»).

Ничто (даже прочная дружба с Шарлоттой фон Штейн) теперь не могло удержать его в герцогстве. Уже давно томило его желание бросить постылые обязанности первого министра и бежать в Италию. 3 сентября 1786 года Гете — тайно ото всех — совершает давно задуманное бегство. Почти два года проводит он в Риме, Неаполе, Сицилии, Венеции; общаясь с художниками, знакомясь с памятниками искусства, усердно работая над завершением «Ифигении» и «Эгмента», пополняя новыми сценами «Фауста», вчерне заканчивая «Тассо» и свой научный труд «Метаморфоза растений».

Герцог вполне сознает, что, утратив Гете, он лишится славы своего княжения. Они договариваются: Гете соглашается вернуться в Веймар, но, сохранив звание первого министра, отныне в основном ведать только делами просвещения.

В Италии Гете не пишет лирических стихов. Лирическим итогом всей его «итальянской эпохи» являются его «Римские элегии» — цикл любовных стихотворений, обращенных к Христиане Вульпиус, девушке из народа, с 1806 года ставшей его законной женой.

Читая эти элегии, невольно приобщаясь к безоблачному роману, перенесенному фантазией и благодарной памятью поэта из маленького Веймара на стогны «вечного города». Столица языческого и христианского мира «весь о себе подает» в каждой строке этого искусно воссозданного «римского дневника». Современный город и предания языческой древности здесь как бы меняются местами: «поповское гнездо» кажется призрачной декорацией рядом со свободной чувственной страстью, охватившей

обоих любящих,— страстью, в которой согласно античному воззрению «божественно все и все человечно».

Над «Римскими элегиями» Гете работает урывками с 1787 по 1790 год, но сам он неизменно датировал их 1788 годом — так не вязалось их интимно-личное содержание с новой эрой, возвещенной французской революцией 1789 года. Долгожданная, она не пробудила в поэте особого энтузиазма. Лишь гораздо позже открылась ему ее историческая плодотворность, и все же великий поэт и мыслитель тотчас же осознал, что отныне возможно рассуждать о смысле и цели истории человечества, только пристально всматриваясь в происходящую на его глазах перестройку европейского общества.

Гете, не веривший — и с полным на то основанием — в революционную готовность немецкого народа, видел в современности всего лишь переходный этап истории, ступень, ведущую к более достойному существованию людского племени. Однако подобная широта исторических воззрений у него уживалась с проповедью скромной, но плодотворной деятельности, направленной на удовлетворение «требований дня». Более того, он относился с недоверием, а порою и с неприязнью к тем, кто, не довольствуясь малым, стремился к быстрейшему ниспровержению социального зла современности. И это несмотря на то, что он во все периоды своей жизни отнюдь не отрицал революции как оружия для «разрешения неразрешимых конфликтов, коль скоро вся нация прониклась убеждением, что старая закваска должна быть выброшена и что впредь уже нельзя мириться со старой ложью, несправедливостью и пороками».

Но если Лессингу, сказавшему на склоне лет: «Неправда, что прямая линия всегда самая короткая!» — это отнюдь не помешало создать революционную драму «Эмилия Галотти», то Гете открыл классический период своего творчества драмой «Ифигения в Тавриде» (1787), в которой он ведет своего злосчастного героя от одержимости к умиротворению, от бунта к покорности. Ифигения спасает Ореста и его друга Пилада тем, что смиренно предает свою и их судьбу в руки царя Фоанта, отказывается от своеволия и снимает «праведным» своим смирением древнее проклятие, тяготевшее над ее родом. Так в «Ифигении» праведница одерживает нравственную победу над тираном.

Вслед за «Ифигенией» Гете закончил в Италии и «Эгмонта» (1788), начатого им еще во Франкфурте и снова переносящего нас в XVI век. Образ заглавного героя, графа Эгмента, сложен и двойствен при всей цельности его характера. Двойственна и позиция, занятая им в борьбе нидерландских народов против

испанских поработителей. Высокое положение испанского гранда и кавалера «Золотого руна», победы, одержанные Эгмонтом на службе королю Филиппу II — все, казалось бы, накрепко связывало его с испанским двором и правительством. Но он любил свой народ и был его любимцем. Прежде всего потому, что в нем так ярко и обаятельно представлен фланандский характер. Он весел, щедр, храбр и беспечен. Он умеет запросто говорить с последним ремесленником и с беднейшим крестьянином. И народ охотно приписывает ему тайное сочувствие своим нуждам, своему религиозно-попвстанческому движению. А это дает лишний повод герцогу Альбе видеть в Эгмонте одного из высокородных вождей народного бунта, с которыми суровый наместник короля порешил расправиться, чтобы тем легче покончить с мелкими бунтовщиками. Вся знать покидает Брюссель. Но Эгмонт остается. Даже настойчивые уговоры принца Оранского не могут сломить его беспечности. «У меня есть чудесное средство разгладить морщины раздумья», — говорит он.

Это средство — любовь к Клерхен. Эгмонт любит в ней девушку из народа, ее редчайшую чистоту и бескорыстие, как любит он безотчетно и свой народ. В привычных условиях он — всего лишь блестящий рыцарь и храбрый генерал — едва ли бы примкнул к восставшему народу. Но всему привычному пришел конец. Эгмонт в узилище. В гнетущем одиночестве каземата. Наутро казнь.

И тут героическая эпоха выявляет его лучшее Я. Теперь ему сполна открылось, какое значение возымеет его казнь на фоне надвигающейся беспощадной борьбы его народа за освобождение родного края от испанского ига. И Эгмонт (на фоне бессмертной музыки Бетховена, сопровождающей его монолог, — Гете запретил исполнять эту сцену иначе) с радостной отвагой идет навстречу «почетной смерти», призывая сограждан бесстрашно биться за свободу.

Как отличен этот конец от смерти Геза, омраченной сознанием безнадежности!

Другое дело «Торквато Тассо» (1790), где косное общество, напротив, побеждает мечтателя-поэта. «Тассо» еще при жизни Гете был назван «усугубленным Вертером». И действительно, любовные мучения Тассо переплетаются с социальным мотивом теснее даже, чем в юношеском «Вертере». Тассо, обласканный при дворе герцога Альфонса, наивно полагает, что допущен в этот «избранный круг» как равный. Когда же он убеждается, что нужен княжеской семье только как «украшение придворной жизни», он в душе восстает против своих бездушных покровителей, а сознание, что и любимая им принцесса Леонора не видит в нем равного себе, приводит его к безумию.

Финальный монолог Тассо проникнут высоким трагическим пафосом; каждый стих здесь горит и жжет. Вместе с тем Гете не позволяет своему герою смотреть на постигшую его беду повертеровски — как на жестокий, ничем не заслуженный произвол небес и людей. Напротив, он дает ему осознать всю непреложность законов существующего общества, всю тщету, все безумие своей борьбы с ним.

Рядом с идеей восстания против несправедливого строя сменившая ее в эпоху классицизма идея «эстетического воспитания» кажется худосочно-либеральным рационализмом. Но она-то и легла в основу литературного сотрудничества Гете с Шиллером, хоть и не стремившихся к несбыточной тогда революции, но тем более к тому, чтобы человек — под воздействием искусства — научился «и в этой грязи быть чистым, и в этом рабстве свободным», дабы в час, когда рухнет старый миропорядок, «щедрый миг не застал бы неподготовленного поколения» (Шиллер).

Как бы то ни было, но тесная дружба двух величайших поэтов приносит прекрасные плоды: такие стихотворения, как «Прочное в сменах», «Душа мира» и другие, баллады «Коринфская невеста» и «Бог и баадера», поэма «Герман и Доротея» и, наконец, роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (если говорить только о Гете).

Созданная в разгар борьбы Гете и Шиллера за воскрешение классической поэтики, поэма «Герман и Доротея» (1798) — отнюдь не слепое подражание Гомеру. Ее действие развивается эпически плавно, но вместе с тем с чисто драматической непрерывной последовательностью. Поэма подчинена ускоряющим ход событий пресловутым «трем единствам» античного театра, никогда в эпической поэме не применявшимся, чем лишний раз подчеркивается ее драматический характер.

Правда, пространство, на котором протекает действие поэмы, не сужено до малых размеров сценической площадки: оно обнимает городок и соседнюю деревню, где остановились бежавшие от французов переселенцы (и вместе с ними избранница Германа Доротея). Это дает возможность воссоздать укромный уголок с наглядной тщательностью — то *в пространстве*, как широкую панораму, то *во времени*, как ряд длительных видоизменений, открывающихся глазам юноши и его милой спутницы по мере того, как он «по тропинке навстречу закатному солнцу» неторопливо ведет ее к дому своих родителей и, уже при свете луны, спускается к городу по садовой аллее, где не знакомая с местностью Доротея, оступившись, подвернула ногу, а «догадливый парень»,

Милую перехватив, заключил осторожно в объятья:
Грудь прижалась к груди, и щека к щеке прикоснулась.

Совершенно так же и время наполняется богатейшим содержанием и выразительной долготою, тем более что речь идет об одном из дней глубоко драматической эпохи, а это придает времени более емкий исторически насыщенный смысл. В действие, хотя это на первый взгляд и незаметно, вторгаются неотвратимые судьбы Франции эпохи Директории, что, по выражению Гете, «в своей совокупности возмездает Гомеровы образы древних богов», незримых участников всемирно-исторических событий.

С мягким юмором воссозданный быт провинциального мещанства, чудесная пейзажная живопись и высокая патетика — готовность Германа с оружием в руках отстаивать свою семью, свой дом и отчество от вторжения французских полчищ — сведены в прекрасное классическое целое.

Гете не без гордости отмечал, что немцы (то есть он сам) впервые отобразили бургерский мир революционной эпохи, «тогда как французы остались верны своему классицизму». Но он сделал большее: ему удалось достаточно отчетливо запечатлеть перелом в настроении своих соотечественников, когда во Франции, после 9 термидора и казни Робеспьера, а также кровавой расправы — пулей, штыком и гильотиной — с двумя последними массовыми выступлениями парижской «голытьбы», ничто уже не препятствовало крупной буржуазии перенести «ограбление революции», ограбление собственной страны, также и за пределы Франции.

Наполеон, вся кипучая и кровопролитная деятельность которого служила обогащению французской крупной буржуазии, презрительно назвал плутократию, господство толстосумов, «наихудшей из аристократий». Гете держался примерно того же мнения. Так в «Гете», так — завуалированно — в «Германе и Доротее», так — всего отчетливее — в «Вильгельме Мейстерсе», в письмах и в устных высказываниях.

Мы привыкли по старинке относить великого поэта и мыслителя к эпохе, которую Гейне назвал «Kunstperiode» («художественный период»). Это по меньшей мере не очень точно. Как поэт, как автор повествовательной прозы, Гете не мог, конечно, быть равнодушным к судьбам искусства. Но он отнюдь не придавал искусству того исключительного значения, которое приписали ему романтики. Достаточно вспомнить, что Гете сказал устами Геда: «Писание — трудолюбивая праздность» (сравнительно с его политической борьбой). И еще — о гениальности, которая в глазах Гете превосходная степень *всякой* продуктивной деятельности: «Да, да, дорогой мой, не только тот гениален, кто пишет стихи и драмы. Существует и продуктивность деяний, и во многих случаях она стоит превыше всего». Гете мечтал о том, что он сам

называл «истинным либерализмом», — о справедливых правительствах, способных своевременными улучшениями предупреждать недовольство угнетенного народа.

Видеть в Гете чуть ли не вождя и идеолога «художественного периода» мешает еще одно немаловажное обстоятельство: то, что он был вместе с тем и выдающимся ученым-естественником. Ограничусь дословным пересказом заключительной части памятной мне речи академика Вернадского: «В те достаточно давние времена только для Гете существовала одна лишь действительность, один лишь реальный мир, говоря обыденным языком. Почему, по его убеждению, и средства для раскрытия «открытых тайн природы» следует почерпать только в ней, в действительности. Как бы далеко ни ушла и ни уйдет наука от воззрений Гете, за ним останется неоспоримая заслуга зачинателя сравнительной анатомии, морфологии, генетической биологии и т. д.». Наше Собрание сочинений Гете почти целиком отведено его художественным произведениям; для научных его трудов в нем не нашлось места, если не считать малой подборки высказываний в «Максимах и рефлексиях».

А теперь несколько слов о «Годах учения Вильгельма Мейстера» (1796). Не о художественных достоинствах романа речь и не о замечательной его экспозиции, способной поспорить своим выразительным лаконизмом со вступительными абзацами «Анны Карениной». Роман писался в 1794—1796 годах, но действие в нем происходит еще до революционного 1789 года. Некоторые толкователи романа отождествляли воззрения Вильгельма с воззрениями автора. «Бюргер (в отличие от дворянина.— Н. В.) не смеет спросить себя, кто он есть, а только: достаточно ли его состояние?» — пишет Вильгельм другу своей юности Вернеру. Молодой энтузиаст полагает, что нашел средство сравняться с дворянином, и это средство — театр: «...на подмостках всякий образованный человек окружен тем же блеском, что и представитель высшего класса и... может безвозвратно действовать на каком угодно поприще».

Едва ли Гете солидаризовался с этими рассуждениями своего героя. Тому противоречит уже само название романа — «Годы учения Вильгельма Мейстера». Но нас здесь в первую очередь интересуют политические воззрения самого Гете, отразившиеся в «Мейстере». Особенно отчетливо они проступают в восьмой книге романа — в разговоре Лотарио с Вернером, другом юности Вильгельма, типичным немецким бюргером. Распродав ценную коллекцию картин после смерти старого Мейстера, он приобретает на имя Вильгельма дворянское имение, не обложенное налогами: «Меня интересует не столько это приобретение, — говорит по этому поводу либеральный дворянин Лотарио, — сколько

его правомерность». — «О, небо! — вскричал Вернер. — Да разве наше приобретение не вполне правомерно?» — «Не совсем». — «Разве мы за него не заплатили чистоганом?» — «Конечно, но мне не представляется вполне чистым, вполне правомерным любое приобретение, если оно не уделяет государству причитающуюся ему долю». — «Как? Вы предпочли бы, чтобы купленные нами земли были обложены налогами?» — «Да, в известной мере. Ибо только такое равенство с прочими владельцами вполне обеспечивает владение. В чем видит крестьянин нынешнего времени, когда смеялись все понятия, главный повод считать права дворянина на землю менее обоснованными, чем его права? Только в том, что дворянин не отягощен повинностями, а сам отягощает ими его, крестьянина». Страх перед крестьянской революцией сделал из дворянина Лотарио реформиста, но это невдомек Вернеру. Его тревожат другие заботы: «А что будет с процентами на наш капитал?» — «Хуже не будет! — успокаивает его Лотарио. — Если государство за справедливые отчисления избавит нас от фокусов ленного права и позволит нам свободно распоряжаться нашим достоянием. К тому же государство будет иметь больше хороших граждан». — «Могу вас уверить, — сказал Вернер, — что я еще в жизни своей не думал о государстве...» — «Ну, я все же надеюсь сделать вас добрым патриотом».

Этот диалог типичен для Германии дореволюционных времен, когда во всей Европе распространились теории французских физиократов, ставивших во главу угла «идею земельной ренты», чуть ли не обоготворявшуюся ими. Гете, когда он еще мечтал о реформах в Веймарском герцогстве, склонялся к той же идее, правда, с существенным корректировом в пользу народа — с мыслью о прогрессивном подоходном налоге. Теперь же, как видно из приведенного диалога, он уже вполне уразумел, что «законная» капиталистическая эксплуатация крестьян мало чем будет отличаться от феодальной. Более того, он убедился и в том, что немецкое бургундство не поддержит простой народ в его борьбе с аристократией, не решится на революцию, что и оно будет, подобно Вильгельму Мейстеру, думать только о том, как ему быть «при теперешнем положении вещей», и идти своим путем, не надеясь на какие-либо перемены.

Иными словами, Гете критикует и осуждает как «практика» Вернера, так и «идеалиста» Вильгельма Мейстера. А сам Гете, как он думает решать этот острый социальный конфликт? Мы знаем, в «Фаусте» сказано:

Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.

Но кто возглавит этот бой? В бюргерство Гете не верит, и с полным на то основанием: революция 1848 года сполна подтвердила его правоту. Оставалось только утопическое «решение» вопроса — надежда на мудрое, чутко откликающееся на нужды народа правительство и другие беспочвенные утопии, многословно изложенные в «Годах странствий Вильгельма Мейстера» (1821—1829), книге раздумий и глубоких предвидений, служащей продолжением «Годов учения».

Та же критика господствующих классов Германии неприметно проходит и по страницам романа «Избирательное средство», романа о физиологии или даже «химии» любви, которая тем легче порабощает людей, не поглощенных полезным деятельным служением обществу, народу.

В 1809 году Гете принимает решение написать свою знаменитую автобиографию «Из моей жизни. Поэзия и правда», внушенную мыслью, что все написанное, а главное, все неоконченные замыслы поэта должны найти себе место «под единой крышей». Ибо смерть уже не раз стучалась в двери его дома, и только беззаветная отвага верной спутницы его жизни спасла его в 1806 году, когда Наполеон разгромил прусскую армию, от погибели. В разграбленном и полуразрушенном Веймаре Гете обвенчался с Христианой и ввел ее в ранее для нее закрытое общество.

«Поэзия и правда» — первая автобиография, в которой образ собственного Я нерасторжимо воссоединен с образом сверстного ему времени. Первая часть «Поэзии и правды» была закончена в октябре 1811 года, когда «звезда Наполеона» еще ярко сияла на историческом небе; вторая — в ноябре 1812 года, когда первые вести о гибели Великой армии на необъятных просторах России уже стали просачиваться в отдаленный Веймар. Работа над третьей частью автобиографии совпала по времени с безнадежной борьбой Бонапарта против европейской коалиции, с его последними победами и уже непоправимыми поражениями.

Ни разноречивые слухи и неопровергимые вести с театра военных действий, ни даже грохот приближавшегося фронта не могли отвлечь писателя от упорного стремления осуществить свой грандиозный эпический замысел. Но вот война отгромела, теперь, казалось бы, и отдаваться мирному труду, и завершить историю своей жизни. Но работа над «Поэзией и правдой» внезапно прерывается. Спокойствие, необходимая сосредоточенность, которые он так мужественно отстаивал в годы исторических испытаний, его покинули. Гете чувствует себя помолодевшим, обновленным.

Пробужденный мудрой восточной поэзией Гафиза и нежданно-негаданно свалившимся на него чувством к Марианне фон Виллемер — прельстительной Зулейке его «Западно-восточного дивана», Гете вновь отдается лирическому наитию. Стихи текут, слагаются сами собой, ничем не похожие на все, что им создавалось раньше. Восток стал для Гете не только источником поэтического омоложения, поскольку он для него как поэта означал открытие новых областей, еще не занимавших его фантазии. Усвоив гафизовский тип поэзии, его искусную игру намеками, иносказаниями, двузначностью слова, Гете мог свободно выступать против поповствующей реакции, расцветшей на развалинах наполеоновской Европы.

Гете касается в «Западно-восточном диване» самых малых и самых великих явлений Природы и Духа, прибегая скорее к сниженному, чем к «высокому штилю». Он и на себя и свое чувство смотрит с благосклонной улыбкой мудреца, как на «феномен», подвластный — и в его случае — извечным законам мира и души человеческой.

В одном из стихотворений «Дивана» Зулейка сокрушается над гибелью роз, над тем, что

За флакон благоуханий,
Что, как твой мизинец, мал,
Целый мир существований
Безымянной жертвой пал...
Но не плачь! Из их печали
Мы веселье извлечем.
Разве тысячи не пали
Под Тимуровым мечом!

(Перевод В. Левика)

Такие сопоставления мимолетной горести возлюбленной с беспощадной суровостью исторических событий — встречались ли они когда в мировой любовной лирике Запада? Необыкновенная свежесть чувств в сочетании с полной непредвзятостью впечатлений и составляет неповторимое обаяние «Дивана».

Иные стихотворения этого цикла стоят в одном ряду с высшими образцами философской лирики Гете, с такими, как «Прочное в сменах» (1802) или его «Завет» (1829). Назовем в этой связи хотя бы такие бесподобные воплощения философской мысли в поэтическом слове, как «Воссоединение» (1815) или «Блаженное томление» (1814) с его знаменитой финальной строфой —

И доколь ты не поймешь:
Смерть — для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой,

Хозяином жизни является тот, кто живет жизнью всего людского племени — в его прошлом, настоящем и будущем, кто «гостит на земле», зная, что должен ее покинуть но от этого не перестает ее считать своим «вечным жилищем». Ибо, как сказано в «Завете»:

В ничто прошедшее не канет,
Грядущее досрочно манит,
И вечностью наполнен миг.

Совсем особое место в творчестве Гете занимает его «Мариенбадская элегия» («Элегия», 1824) — удивительный отклик семидесятипятилетнего старца на свою последнюю любовь к Ульрике фон Леведов, вопреки радужным надеждам кончившуюся трагически пережитым разрывом. Стойные стансы этой элегии дышат неподдельной страстью. Они поистине написаны человеком, стоявшим над бездной, где «жизнь и смерть в борении жестоком»!

5

Но обратимся к произведению, уже не раз нами поминавшемуся,— к «Фаусту» Гете.

«Есть высшая смелость: смелость изобретения,— так писал Пушкин,— создания, где план обширный объемляется творческой мыслью,— такова смелость... Гете в Фаусте...»

Смелость этого замысла заключалась уже в том, что предметом «Фауста» служил не один какой-либо жизненный конфликт, а последовательная неизбежная цепь глубоких конфликтов на протяжении единого жизненного пути, или, говоря словами Гете, «чреда все более высоких и чистых видов деятельности героя». Такой план трагедии, противоречивший всем принятым правилам драматического искусства, позволил Гете вложить в «Фауста» всю свою житейскую мудрость и большую часть исторического опыта своего времени.

Самый образ Фауста — не оригинальное изобретение Гете. Он возник в недрах народного творчества и только позднее вошел в литературу — в целый ряд «книжек для народа», написанных разными авторами. Одна из них попала в руки Вольфганга Гете еще в детские годы.

В эпоху немецкого Просвещения образ Фауста, быть может, в театрализованной обработке знаменитого английского писателя Кристофера Марло (1564—1593), привлек к себе внимание самого передового из писателей того времени Лессинга, который, обратившись к легенде о Фаусте, первый задумал окончить драму не

извержением героя в ад, а громким ликованием небесных полчищ во славу пытливого и ревностного искателя истины. Смерть помешала Лессингу кончить так задуманную драму, и ее тема перешла по наследству к поэтам «Бури и натиска». Почти все «бурные гении» написали своего «Фауста». Но призванным его творцом был и остался только Гете.

Гетеевский «Фауст» — глубоко национальная драма. Национален уже самый душевный конфликт ее героя, восставшего против прозябания в гнусной немецкой действительности во имя свободы действия и мысли. Таковы были стремления не только людей мятежного XVI века; те же мечты владели умами поколения «Бури и натиска», вместе с которым Гете выступил на литературном по-прище.

Гете начал работать над «Фаустом» с дерзновением гения. Сама тема «Фауста» — драма об истории человечества, о цели человеческой истории — была ему во всем ее объеме еще неясна, и все же он брался за нее, полагаясь на прямое сотрудничество с «гением века». Как жители пестраной кремнистой страны умно и ревностно направляют в свои водоемы каждый просочившийся ручеек, всю скучную подпочвенную влагу, так Гете на протяжении долгого жизненного пути с неослабным упорством собирал в своего «Фауста» — каждый пророческий намек истории, весь подпочвенный исторический смысл эпохи.

Будучи драмой о конечной цели социального бытия человечества, «Фауст» уже в силу этого — не историческая драма в обычном смысле слова. Это не помешало Гете воскресить в первой части драматической поэмы, как некогда в «Гете», колорит позднего немецкого средневековья.

Начнем с самого стиха трагедии. Перед нами — усовершенствованный стих Ганса Сакса, нюрнбергского поэта-сапожника XVI столетия. Гете сообщил стиХУ замечательную гибкость интонаций, как нельзя лучше передающих и соленую народную шутку, и высшие взлеты ума, и тончайшие движения чувства. В текст трагедии щедро вкраплены проникновенные подражания старонемецкой народной песне — «Король жил в Фуле дальней...», «Чтосталось со мною, // Я словно в чаду...» или надрывная песня обезумевшей Маргариты в последней картине первой части. Необычайно выразительны и ремарки к «Фаусту», воссоздающие пластический образ средневекового немецкого города.

И все же Гете в своей драме не столько воспроизводит историческую обстановку XVI века, сколько пробуждает для новой жизни заглохшие творческие силы народа, действовавшие в ту славную пору немецкой истории. Легенда о Фаусте — плод напря-

женной работы народной мысли. Такой остается она и под пером Гете: не ломая остава легенды, поэт продолжает насыщать ее новейшими народными чаяниями *своего* времени. Подвиг Гете, творца «Фауста», в том и состоял, что он сумел соединить просветительскую критику с идущим из глуби веков горячим правдоискательством немецкого народа.

Вступая в необычный мир «Фауста», надо привыкнуть к присущему этой драме обилию библейских персонажей. Господь и архангелы, Мефистофель и прочая нечисть — не более как носители извечно борющихся природных и социальных сил. В уста господа, каким он представлен в «Прологе на небе» (в котором дается завязка «Фауста»), Гете вкладывает собственные воззрения на человека — свою веру в благое разрешение человеческой истории. Когда Мефистофель, прерывая славословия архангелов, говорит, что на земле царит лишь —

...беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда¹, —

господь выдвигает, в противовес жалким, погрязшим в ничтожестве людям ревностного правдоискусителя Фауста.

Мефистофель удивлен: в мучительных искаханиях доктора Фауста он видит тем более веский залог его погибели. Убежденный в верности своей игры, черт заявляет господу, что берется отбить у него этого «сумасбреда». Господь принимает вызов Мефистофеля. Он уверен не только в том, что Фауст —

Чутьем, по собственной охоте
...вырвется из тупика, —

но и в том, что Мефистофель своими поисками лишь поможет упорному правдоискусителю достигнуть высшей истины.

Тема раздвоенности Фауста, впервые походя затронутая Мефистофелем в «Прологе на небе», проходит через всю драму. Но эта «раздвоенность» не имеет ничего общего со слабостью воли или отсутствием целеустремленности. Фауст хочет постигнуть «вселенной внутреннюю связь» и вместе с тем предаться неуотимой практической деятельности, жить в полный разворот своих нравственных и физических сил. Фауст ненавидит свой учений затвор именно за то, что, оставаясь в этом «затхлом мире», ему никогда не удастся ни то, ни другое. Разочарованный в мертвых догмах и в застойных схоластических формулах средневековой премудрости, он обращается к магии. На троекратный призыв

¹ Здесь и далее перевод Б. Пастернака.

Фауста является «дух земли», но тут же снова отступает от заклинателя именно потому, что он еще продолжает рыться в жалком «скарбе отцов», питаясь плодами младенческой, незрелой науки. Фауст снова один, снова продолжает бороться со своими сомнениями. Они приводят его к мысли о самоубийстве. Но и эта мысль продиктована отнюдь не усталостью или отчаянием; Фауст хочет расстаться с жизнью лишь для того, чтобы слиться со вселенной и тем вернее, как он полагает, проникнуть в ее «тайну». Чашу с отравой от его губ отводит внезапно раздавшийся благовест. Знаменательно, однако, что Фауста возвращает «земле» не ожившее религиозное чувство, а только память о детстве, когда он в дни церковных торжеств так живо чувствовал единение с народом.

В живом общении с народом мы видим Фауста в следующей сцене — «У ворот». Но и здесь Фаустом владеет трагическое сознание, что и столь дорогая ему народная любовь им не заслужена; что он скорее вредил народу своим лекарским искусством. Так замыкается круг: обе «души», заключенные в груди Фауста, созерцательная и действенная, остаются в равной степени недовлетворенными. В этот-то миг трагического недовольства собой к нему является Мефистофель в образе пуделя. Неутомимый доктор трудится над переводом евангельского стиха: «В начале было Слово». Передавая его как: «В начале было дело» — Фауст подчеркивает не только действенный, подвижно-материальный характер мира, но и собственную твердую решимость действовать. Более того, он уже смутно предчувствует свой особый путь *действенного* познания. Но еще смутно. И это поддерживает в Мефистофеле расчет на то, что он завладеет душою Фауста. Но обольщение строптивого доктора дается ему не так-то легко. Пока Мефистофель завлекает его земными усладами, Фауст остается непреклонным.

Увлеченный смелой мыслью развернуть с помощью Мефистофеля живую, всеобъемлющую деятельность, Фауст выставляет собственное условие договора: Мефистофель должен ему служить вплоть до первого мига, когда он, Фауст, успокоится, довольствуясь достигнутым:

Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» —
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен,— я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.

Мефистофель принимает условие Фауста. Неспособный на постижение «вселенной во весь объем», Мефистофель не допускает и мысли, что на него возложена некая положительная задача, что он и вправду «часть силы», вопреки ее воле «творящей добро». Более того, он верит не только в свою победу над одиноким правоискателем, но и в конечную победу лжи над правдой, всемирного мрака над всемирным светом.

Маргарита — первое искушение на пути Фауста, первый сознательный обман, возвеличить отдельный, прекрасный миг. Покориться чарам Маргариты означало бы так или иначе подписать мировую с окружющей действительностью. Бессспорно, в ней много хорошего, доброго, чистого. Но это пассивно-хорошее, пассивно-добре само по себе не делает ее жизнь ни хорошей, ни доброй. По своей воле она дурного не выберет, но жизнь может принудить ее и к дурному. Вся глубина трагедии Гретхен, ее горя и ужаса — в том, что мир ее осудил, бросил в тюрьму и приговорил к казни за зло, которое не только не предотвратил возлюбленный, но на которое он-то и имел жестокость толкнуть ее.

Фауст не принимает мира Маргариты, но и не отказывается от наслаждения этим миром. В этом его вина — вина перед беспомощной девушкой. Но Фауст и сам переживает трагедию, ибо приносит в жертву своим беспокойным поискам то, что ему всего дороже: любовь к Маргарите.

Фауст первоначально не хочет нарушить душевный покой Гретхен. Но его влечение к ней пересиливает голос разума и совести: он становится ее соблазнителем. В его чувстве к Маргарите теперь мало возвышенного. Низменные влечения явно вытесняют в нем порыв чистой любви. Всю глубину падения Фауста мы видим в сцене, где он убивает брата Маргариты и потом бежит от правосудия на Брокен, место сборища ведьм и сатанинской нечисти. И все же Фауст покидает Маргариту без ясно осознанного намерения не возвращаться к ней. Да он и вернется к ней, испуганный пророческим видением в страшную Вальпургиеву ночь:

Взгляни на край бугра,
Мефисто, видишь, там у края
Тень одинокая такая?
...Как ты бела, как ты бледна,
Моя краса, моя вина!
И красная черта на шейке,
Как будто бы по полотну
Отбили ниткой по линейке
Кайму, в секиры ширину.

Но за время отсутствия Фауста совершаются все то, что совершилось бы, если б он пожертвовал девушкой сознательно. Гретхен умерщвляет ребенка, прижитого от Фауста, и в душевном смятении возводит на себя напраслину — признает себя виновной в убийстве матери и брата.

Мефистофелю не удалось отвлечь Фауста дьявольскими наваждениями от чувства к Гретхен. Он поспешает к ней на помощь. Фауст — свидетель последней ночи Гретхен перед казнью. Теперь он готов всем пожертвовать ей, быть может, и наивысшими своими устремлениями. Но она безумна. Она не дает себя увести из темницы. Гете избавляет Маргариту от выбора: оставаться и принять кару или жить с сознанием совершенного греха. Многое в этой последней сцене первой части трагедии — от сцены безумия Офелии в «Гамлете», от предсмертного томления Дездемоны в «Отелло». Но здесь — пожалуй, впервые — поставлены друг перед другом эта полная беззащитность девушки из народа и это беспощадное полновластие карающего ее феодального государства. Слышать безумный, страдальческий бред любимой женщины и не иметь силы помочь ей — этот ужас каленым железом выжег все, что было в чувстве Фауста низкого, недостойного.

Теперь Фауст сознает безмерность своей вины перед Гретхен, равновеликой вековой вине феодального общества перед женщиной, перед человеком.

Одно бесспорно: сделать из Фауста беззаботного сластолюбца и тем отвлечь его от поисков высоких идеалов Мефистофелю не удалось. Таким путем пресечь великие искания героя оказалось невозможным. Мефистофель должен взяться за новые козни. Голос свыше: «Спасена!» — не только нравственное оправдание Маргариты, но и предвестник оптимистического разрешения трагедии.

Вторая часть «Фауста». Пять больших действий, связанных между собой не столько внешним, сюжетным единством, сколько внутренним единством драматической идеи и волевого устремления героя. Трудно сыскать в западной литературе другое произведение, равное ему по богатству и разнообразию художественных средств. В соответствии с частыми переменами исторических декораций здесь то и дело меняется и стихотворный язык. Немецкий «ломаный стих», основной размер трагедии, чередуется то с суровыми терцинами в стиле Данте, то с античными триметрами или со строфами и антистрофами трагедийных хоров, а то и с

чопорным александрийским стихом, которым Гете не писал с тех пор, как студентом оставил Лейпциг, или же с проникновенно-лирическими песнями, а над всем этим торжественно звенил «серебряная латынь» средневековья, *Latinitas argentata*. Вся мировая история научной, философской и поэтической мысли — Троя и Миссолунги, Еврипид и Байрон, Фалес и Александр Гумбольдт — здесь вихрем проносится по высоко взметнувшейся спирали фаустовского пути (он же, по мысли Гете, путь человечества).

Вторая часть трагедии начинается с исцеления героя. Благодетельные эльфы стирают из памятиFausta воспоминания о постигшем его ударе. То, с чем не может справиться наша совесть, могут одолеть *жизненные силы*, требующие душевной и телесной бодрости от человека, стремящегося к высокой цели. Faust не раздавлен, а преображен *былыми страданиями*: вина перед Маргаритой и ее гибель остаются на нем. Но нет такой вины, которая пресекла бы стремление человека к правде.

Чем разнится умудренный Faust от Fausta, знакомого нам по первой части трагедии? Прежде всего тем, что он осознал *ограниченность возможностей* отдельного человека, отдельной личности. Он уже не мнит себя ни богом и ни сверхчеловеком, а только человеком, и — как все люди — обречен всего лишь на посильное приближение к *абсолютной* конечной цели. Но эта цель и в преходящих ее отражениях причастна абсолютному и все ближе подводит человека и человечество к конечному, вернее же, к *бесконечному* — осуществлению всемирного блага, к решению загадок и заветов истории. Первые слова, произнесенные Faустом во второй части трагедии, — это большой монолог, написанный терцинами, — одна из двух-трех величайших вершин «Fausta», где поэтическая гармония и философская глубина достигают полного слияния и предельного совершенства.

Пусть наш глаз не способен глядеть на солнце, но ведь он не видит и в полной тьме: зrimый мир для нас существует, только поскольку он — скромно или щедро — озарен светом. Краски, согласно гетевскому «Учению о цвете», всегда — сочетание света и мрака. В этом монологе образ «потока вечности» вырастает во всеобъемлющий символ — радугу, не меркнущую в подвижных струях низвергающихся горных потоков. Водный фон обновляется беспрерывно. Радуга, отблеск вечного солнца, не покидает водной стремнины: «все минется, одна только правда останется» — залог *высшей*, грядущей правды, когда Человек — наконец-то! — «соберется вместе», как выражался Достоевский. Новый смысл, отныне влагаемый Faустом в понятие правды как *непрерывного*

приближения к ней, а не «моментального» ее захвата, затрудняет, а по сути, делает невозможным желанный для Мефистофеля исход договора, заключенного им с Фаустом.

Мефистофель не отказывается от своих «завлекательных» происков и новых соблазнов. Чем только он не соблазняет Фауста: и высоким положением при дворе императора; и приводом из Орка прекраснейшей женщины античного мира— Елены (здесь Фауст и вправду мог бы воскликнуть: «Повремени, мгновение»,— если б не знал, что все это только обманчивый сон, дарованный Персефоной); и — славой великого полководца, спасшего императора от соискателя императорской короны.

Но строптивый Фауст покидает государственную службу, получив в награду клочок земли, которым думает управлять по своему разумению. Мефистофель усердно ему помогает. Он выполняет грандиозную «отрицательную» работу по разрушению здания и устанавливает бесчеловечную «власть чистогана». Для этого он соружает мощный торговый флот, опутывает сетью торговых отношений весь мир; ему ничего не стоит с самовластной беспощадностью положить конец патриархальному быту поселян, более того — физически истребить беспомощных стариков, названных Гете именами мифологической четы — Филемоном и Бавкидой, о гибели которых возвещает зоркий Линкей:

Вот отполыхало пламя,
Запустенье, пепел, чад.
И уходит вдаль с веками
То, что радовало взгляд.

Словом, он выступает здесь как воплощение нарождающегося капитализма, его беспощадного хищничества и предпримчивости.

Однако и эта жизнь во имя обогащения не по сердцу Фаусту, вовлеченному в стремительный круговорот капиталистического развития, Фауст считает, что он подошел к конечной цели своих упорных поисков только в тот миг, когда, потеряв зрение, тем яснее увидел будущее свободного человечества. Теперь он — отчасти «буржуа» сен-симоновского «промышленного строя», где, как известно, «буржуа» является чем-то вроде доверенного лица всего общества. Его власть над людьми (опять-таки в духе великого утописта) резко отличается от традиционной власти. В его руках она преобразилась во власть над вещами, в управление процессами производства. Фауст прошел долгий путь, пролегший и через труп Гретхен, и по пеплу мирной хижине Филемона и Бавкиды, обугленным руинам анахронического патриархального быта, и через ряд

сладчайших иллюзий, обернувшихся горчайшими разочарованиями. Все это осталось позади. Он видит перед собою не разрушение, а грядущее созидание, к которому и думает теперь приступить:

Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

Этот гениальный предсмертный монолог *обретенного* пути возвращает нас к сцене в ночь перед пасхой из первой части трагедии, когда Фауст, умиленный народным ликованием, отказывается испить чашу с ядом. И здесь, перед смертью, Фауста охватывает то же чувство единения с народом, но уже не смутное, а до конца проясненное. Теперь он знает, что единственная искомая форма этого единения — коллективный труд над общим, каждому одинаково нужным делом. Пусть задача эта безмерно велика, требует безмерных усилий, — каждый миг этого осмыслиенного освященного великой целью труда достоин возвеличения.

Фауст произносит роковое слово: «Я высший миг сейчас переживаю». Мефистофель вправе считать это отказом от дальнейшего стремления к бесконечной цели. Он вправе прервать его жизнь, согласно их стариинному договору. Фауст падает. «Часы стоят... Упала стрелка». Но, по сути, Фауст не побежден, ибо его упование мигом не куплено ценой отказа от бесконечного совершенствования человечества и человека. Настоящее и будущее здесь сливаются в некоем высшем единстве; «две души» Фауста, созерцательная и действенная, воссоединяются. «В начале было дело». Оно-то и привело Фауста к познанию высшей цели человеческого развития. Тяга к отрицанию, которую Фауст разделял с Мефистофелем, обретает наконец необходимый противовес в положительном общественном идеале. Вот почему Фауст все же удостоен того апофеоза, которым Гете заканчивает свою трагедию, обрядив его в пышное великолепие традиционной церковной символики.

Но почему Фауст в миг своего высшего прозрения выведен слепцом? Вряд ли кто-либо сочтет это обстоятельство случайностью,

А потому, что Гете был величайшим реалистом и никому не хотел внушить, что грандиозное видение Фауста где-то на земле уже стало реальностью. То, что открывается незрячим глазам Фауста,— это не настоящее, это будущее. Фауст видит *неизбежный путь развития* окружающей его действительности. И это видение будущего не лежит на поверхности, воспринимается не чувственно — глазами, а ясновидящим разумом. Перед Фаустом копошатся лемуры, символизирующие те «тормозящие силы истории... которые не позволяют миру добраться до цели так быстро, как он думает и надеется», как выразился однажды Гете. Эти «демоны торможения» не осушают болота, а роют могилу Фаусту. Но на этом поле будут работать свободные люди, это болото будет осушено, это море исторического «зла» будет оттеснено плотиной. В этом — нерушимая правда прозрения Фауста, нерушимая правда его пути, правда всемирно-исторической драмы Гете о грядущей социальной судьбе человечества.

Великий оптимизм, заложенный в «Фаусте», присущая Гете безграничная вера в лучшее будущее человечества — вот что делает великого немецкого поэта особенно дорогим всем тем, кто строит сегодня новую, демократическую Германию. И этот же глубокий, жизнеутверждающий гуманизм делает «величайшего немца» столь близким нам, советским людям.

22 июля 1831 года Гете закончил «Фауста», начатого еще в 1771 году. «Фауст» его сопровождал на протяжении всей жизни. «Образуясь, как облако», по выражению Гете, видоизменялся и замысел «Фауста», его идея,— как в годы, когда он над ним напряженно работал, так и в годы, когда он к нему не прикасался, никогда, однако, не забывая, что он — создатель «Фауста».

Некогда Гете сказал, что поэт, живописец, композитор обычно умирает, когда задача его жизни выполнена. Надо-де очистить поле для работы новых поколений. 16 марта 1832 года Гете простудился во время загородной прогулки в экипаже. Схватка со смертью была мучительна. Он задыхался, обливаясь холодным потом. Говорить он уже не мог, но все еще что-то писал указательным пальцем на одеяле. 22 марта его не стало. 26 марта гроб с телом Гете был водворен в герцогскую усыпальницу рядом с прахом Шиллера.

Н. Вильмонт

ПОСВЯЩЕНИЕ

Взошла заря. Чуть слышно прозвучали
Ее шаги, смутив мой легкий сон.
Я пробудился на своем привале
И вышел в горы, бодр и освежен.
Мои глаза любовно созердали
Цветы в росе, прозрачный небосклон,—
И снова дня ликующая сила,
Мир обновив, мне сердце обновила.

Я в гору шел, а вокруг нее змеился
И медленно всходил туман густой.
Он плыл, он колыхался и клубился,
Он трепетал, крылатый, надо мной,
И кругозор сияющий затмился
Угрюмой и тяжелой пеленой.
Стесненный пара волнами седыми,
Я в сумрак погружался вместе с ними.

Но вдруг туман блеснул дрожащим светом,
Скользя и тая вокруг лесистых круч.
Пары редели в воздухе согретом.
Как жадно солнца ждал я из-за туч!
Каким встречать готовился приветом
Вдвойне прекрасный после мрака луч!
С туманом долго бой вело светило,
Вдруг ярким блеском взор мой ослепило.

А грудь стеснило бурное волненье,
«Открой глаза», — шепнуло что-то мне.
Я поднял взор, но только на мгновенье:
Все полыхало, мир тонул в огне.
Но там, на тучах, — явь или виденье? —
Богиня мне предстала в вышине,
Она парила в светлом ореоле.
Такой красы я не видел дотоле.

«Ты узнаешь? — И ласково звучали
Ее слова. — Ты узнаешь, поэт,
Кому вверял ты все свои печали,
Чей пил бальзам во дни сердечных бед?
Я та, с кем боги жизнь твою связали,
Кого ты чтишь и любишь с юных лет,
Кому в восторге детском умиленья
Открыл ты сердца первые томленья».

«Да! — вскрикнул я и преклонил колени. —
Давно в мечтах твой образ был со мной.
Во дни опустошающих волнений
Ты мне дарила бодрость и покой,
И в знайный день ты шла, как добрый гений,
Колебля опахало надо мной.
Мне все дано тобой, благословенной,
И вне тебя — нет счастья во вселенной!

Не названа по имени ты мною,
Хоть каждый мнит, что зrima ты ему,
Что он твою шествует тропою
И свету сопричастен твоему.
С пути сбиваясь, я дружил с толпою,
Тебя познать дано мне одному,
И одному, таясь пред чуждым оком,
Твой пить нектар в блаженстве одиноком».

Богиня усмехнулась: «Ты не прав!
Так стоит ли являться мне пред вами!
Едва ты воле подчинил свой нрав,
Едва взглянул прозревшими глазами —
Уже, в мечтах сверхчеловеком став,
Забыв свой долг, ты мнишь других глупцами.
Но чем возвышен ты над остальными?
Познай себя — и в мире будешь с ними».

«Прости,— я вскрикнул,— я добра хотел!
Не для того ль глаза мои прозрели?
Прекрасный дар ты мне дала в удел,
И, радостный, иду я к высшей цели.
Я драгоценным кладом овладел,
И я хочу, чтоб люди им владели.
Зачем так страстно я искал пути,
Коль не дано мне братьев повести!»

Был взор богини полон снисхожденья,
Он взвешивал, казалось, в этот миг
И правоту мою и заблужденья,
Но вдруг улыбкой дрогнул светлый лик,
И, дивного исполнясь дерзновенья,
Мой дух восторги новые постиг.
Доверчивый, безмолвный, благодарный,
Я поднял взор на образ лучезарный.

Тогда рука богини протянулась —
Как бы туман хотела снять она.
И — чудо! — мгла в ее руках свернулась,
Душистый пар свился, как пелена,
И предо мною небо распахнулось,
И вновь долин открылась глубина,
А на руке богини трепетало
Прозрачное, как дымка, покрывало.

«Пускай ты слаб,— она мне говорила,—
Твой дух горит добра живым огнем.
Прими ж мой дар! Лучей полдневных сила
И аромат лесного утра в нем.
Он твой, поэт! Высокие светила
Тебя вели извилистым путем,
Чтоб Истина счастливцу даровала
Поэзии святое покрывало.

И если ты иль друг твой жаждет тени
В полдневный зной,— мой дар ты в воздух взвей,
И в грудь вольется аромат растений,
Прохлада вечереющих полей,
Утихнет скорбь юдольных треволнений,
И день блеснет, и станет ночь светлей,
Разгонит солнце душные туманы,
И ты забудешь боль сердечной раны».

Приди же, друг, под бременем идущий,
Придите все, кто знает жизни гнет,
Отныне вам идти зеленою кущей,
Отныне ваш и цвет, и сочный плод.
Плечом к плечу мы встретим день грядущий,—
Так будем жить и так пойдем вперед.
И пусть потомок наш возвеселится,
Узнав, что дружба и за гробом длится.

1784¹

¹ Под стихотворением указывается дата его написания. Если дата написания неизвестна, в скобках указывается дата первой публикации.

**СТИХО-
ТВОРЕНИЯ**

САМООПРАВДАНИЕ

Как странно мне читать глазами
Свой лепет, смолкнувший в былом...
А тут еще из дома в дом
Броди за беглыми листками!

Что в жизни разделял, бывало,
Далёкий, долгий переход —
Идя к читателю, попало
В один и тот же переплет...

Но прекрати пустые речи,
Сдавай-ка томик свой в печать!
Наш мир — клубок противоречий,
Тебе за них не отвечать!

1814

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЯМ

У поэтов нет секретов,
А воздержанных поэтов
Не найти и днем с огнем;
То, чего не скажем прозой,—
То само собой «под розой»
Мы — друзьям своим — сболтнем.

Где ты жил и где ты вырос,
Что ты выстрадал и вынес,
Им — забава и досуг;
Откровенье и намеки,
Совершенства и пороки —
Только в песнях сходят с рук.

1799

ИЗ РАННЕЙ
ЛИРИКИ

АННЕТЕ

Венчались книги древних
Обычно именами
Богов и муз, но только
Не именем любимой,
А для меня в Аннете
Воплощены навеки
И божество и муз.
Пусть эта книга носит
Ее святое имя!

1767

КРИК (С итальянского)

За милой крался я вчера.
Встал на ее пути.
Она грозит: «Не жди добра.
Кричать начну. Пусти!»

«Ну что ж,— сказал я ей,— кричи!
Мне нынче черт не брат!»
«Услышать могут нас, молчи.
Ведь сам не будешь рад»,

1767

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

Покидаю домик скромный,
Где моей любимой кров.
Тихим шагом в лес огромный
Я вхожу под сень дубов.

Прорвалась луна сквозь чащи:
Прошумел зефир ночной,
И, склоняясь, лют все сладче
Ей березы ладан свой.

Я блаженно пью прохладу
Летней сумрачной ночи!
Что душе дает отраду,
Тихо чувствуй и молчи.

Страсть сама почти невнятна.
Но и тысячу ночей
Дам таких я безвозвратно
За одну с красотой моей.

1767/1768

ПЕРВАЯ НОЧЬ

В покое брачном, в полумраке,
Дрожит Амур, покинув пир,
Что могут рассказни и врачи
Смутить постели этой мир.
Свечам урок священный задан —
Вам чистый трепет передать,
Разлит в алькове нежный ладан,
Пора любимую обнять.

Как сердце бьется в такт стариным
Часам, торопящим гостей.
Как хочется к устам невинным
Припасть всей силою своей.
Как долго ждал ты этой встречи
И таинств ласковых молил;
Амур, залюбовавшись, свечи
Наполовину пригасил.

Целуешь ты нетерпеливо
Лицо, и плечи ей, и грудь,
Ее неопытность пуглива,
Но страстью можно ли спугнуть?
Раздеть ее одним движеньем —
Быстрей, чем смог бы сам Амур!
И вот, лукаво, но с почтеньем
Глаза отводит бедокур.

1767

СМЕНА

Лежу средь лесного потока, счастливый,
Объятья раскрыл я волне шаловливой,—
Прильнула ко мне, сладостраствием дыша,
И вот уж смеется, дразня, убегая,
Но, ластясь, тотчас набегает другая,
И сменою радостей жизнь хороша.

И все же влачишь ты в печали напрасной
Часы драгоценные жизни прекрасной,
Затем, что подруга ушла, не любя.
Верни же веселье, мгновеньем играя!
Так сладко тебя расцелует вторая,
Как первая — не целовала тебя.

1768

К ЛУНЕ

Света первого сестра,
Образ нежности в печали,
Вокруг тебя туманы встали,
Как фата из серебра.
Поступь легкую твою
Слышит все, что днем таится.
Чуть вспорхнет ночная птица,
Грустный призрак, я встаю.

Мир объемлешь взором ты,
Горней шествуя тропою.
Дай и мне взлететь с тобою
Силой пламенной мечты!
Чтоб, незримый в вышине,
Соглядатай сладострастный,
Тайно мог я ночью ясной
Видеть милую в окне,

Созерцаньем хоть в ночи
Скращу горечь отдаленья.
Обостри мне силу зрења,
Взору дай твои лучи!
Ярче, ярче вспыхнет он,—
Пробудилась дорогая
И зовет меня, нагая,
Как тебя — Эндимион.

1769

ПРОЩАНИЕ

Взором вымолвлю в молчанье,
Что уста не скажут ввек,
Трудно, трудно расставанье,
Пусть я — сильный человек!

Грустен будет в то мгновенье
Сам любви залог живой:
Томно рук прикосновенье,
Поделуй не жарок твой.

Было время, ротик нежный —
Как он мог меня зажечь!
Так фиалочки подснежной
Нам мила простая речь,

Мне ж не плесть тебе веночек!
Не дарить, как прежде, роз.
Нас, Франциска, мой дружочек,
Средь весны убил мороз.

1769

МОЕЙ МАТЕРИ

Пусть ни привета, ни письма от сына
Уже давно не получала ты,
Не дай в душе сомнению зародиться,
Не думай, что сыновняя любовь
Иссякла. Нет, как вековой утес,
Что бросил в море свой гранитный якорь,
Не сдвинется, хоть волны набегают,
То ласковы, то сумрачны и бурны,
Его громаду силясь расшатать,
Так нежность никогда уйти не может
Из сердца моего, хоть море жизни,
То шумно пенясь под бичом страданий,
То кротко зыблясь под лучами счастья,
Ее своим разливом захлестнуло
И не дает ей выглянуть на солнце
И, засверкав неомраченным светом,
Твоим очам явить, как безгранично,
Как глубоко тебе твой предан сын.

1767

ТРИ ОДЫ К МОЕМУ ДРУГУ БЕРИШУ

ОДА ПЕРВАЯ

Садовник! пересади
Этот прекрасный куст!
Жалко его оставлять
В почве бесплодной.

Крепок он от природы —
Этим одним и жив
Там, где земля скучится,
Там, где гноится воздух.

Взгляни! весной он весь
В серебристо-зеленых листьях,
Их апельсинный запах —
Яд для гнуса.

Его светоносных листьев
Гусеница не сложет,
Червь не тронет —
Солнце куста коснулось!

Цветов его
Ждет невеста
От жениха,
На плоды надеются юноши.

Но взгляни на него и осенью —
Неуязвим по-прежнему,
И на выручку
Гусенице приходит паук.

Враг красоты, он спускается
С высокого тиса,
Паря в воздухе,
На куст благодатный.

И — пусть безобидный,
Но безжалостный —
Плетет на листьях
Серую, мерзкую сеть —

И, торжествуя, видит:
Невеста брезгливо,
Юноши, негодуя —
Отворачиваются...

Садовник! пересади
Этот прекрасный куст!
Будь благодарен, куст,
Доброму садоводу.

ОДА ВТОРАЯ

Пора! уходишь —
Иди! Так надо.
Тут не житье
Тому, кто честен.

Смрад от болот
И осенняя сырость
Тут слились —
Нераздельно, навеки.

Тут плодятся
Гады и гнусы;
Тут — разгул
Их разбойничьей злобы;

Тут — похотливый
Огнежалящий змий
Выполз на берег
Погреться на солнце.

Иди отсюда!
Но не лунной тропой —
На ней кишат
Ночные жабы.

Они безобидны,
Но мерзостны.
Тут не житье
Тому, кто честен.

ОДА ТРЕТЬЯ

Будь бесчувствен!
Да не дрогнет сердце
В этом и без того
Неверном мире.

Бериш! гони с лица
Улыбку весенних дней,
Чтоб не знавать ему
Свирепости зимних бурь.

Тщетной была б мечта,
Что от беды спасут
Вздох девичьей груди,
Рукопожатье друга.

Видишь на башне блеск?
Это зависть
Оборотила к тебе
Пристальный рысий взгляд.

Рысь — коварная тварь.
Прыгает сверху, сзади,
В плечи тебе воизвив
Острые когти.

Тощая тварь — а поди ж!
Крепче пантеры.
В ярости треплет тебя,
С места срывает.

Смерть — расставанье,
Но смерть втройне —
Расставанье
Без надежды на встречу.

Радостно бросил ты б
Этот проклятый край,
Нашей не будь дружбы —
Нашей цветочной цепи.

Порви ее! Что ж пенять,
Если один из двух
Узников убежал —
Легче другому.

Мысль о свободе друга —
Тоже свобода,
Единственная свобода
Темницы.

Ты уйдешь — я останусь.
Но ненадолго.
Пошла на последний подъем
Колесница унылых лет.

Я слышу, как вертится
Скрипучее колесо.
Скрипи, скрипи!
Скоро и я — свободен.

РЛЕГИЯ
НА СМЕРТЬ БРАТА МОЕГО ДРУГА

В глухом лесу на дубе, что когда-то
Был громом свален и разбит,
Я твоего оплакиваю брата,
Чей прах от нас так далеко зарыт.

Он ждал, придя к поре осенней,
Награды за свои дела,
Но смерть, не зная сожалений,
Все унесла.

И ты не плачешь? — Долгое прощанье
Надежду отняло. Господь его, любя,
Взял на небо допреж тебя.
Ты видел — и завидовал в молчанье.

Но чей там скорбный крик? — Я сам
Лечу душой к его могиле.
О, не ее ли сердце там
Кричит — в его могиле?

Так безутешна, так бледна,
Лишась надежды, счастья, мира,
Лишь на тебя, господь, надеется она,
Красивейшая меж красавиц мира.

Кто прекратит ее мученье?
С небесной высоты взгляни
И смерть пошли ей в утешенье
Иль жизнь усопшему верни.

Дай ей опору в час ужасный,
Ты — милосердье, ты — любовь.
Ты видишь, вся вина несчастной —
Ее священная любовь.

Она к венцу была уже готова,
С любимым слив себя навек,
Но князь, едва взглянув сурово,
Их путь пресек.

Князь! Жизнью жертвовали люди,
Твоей покорствуя причуде
И все прощая злой судьбе.

**Но чувство, мысль, но мощь рассудка
Замкнуть тобой! — иль это шутка?
Бог отомстит за них тебе!**

Прекрасным сердцем так страдал он!
Впервые слова не сдержал он,
Он слова, данного любимой, не сдержал,
Хоть прежде, чем он дал ей слово,
Уже не мыслил он иного:
Уже он ей навек принадлежал.

**ИЗ ЛИРИКИ
ПЕРИОДА
«БУРИ
И НАТИСКА»**

ЗЕЗЕНГЕЙМСКИЕ ПЕСНИ

ФРИДЕРИКЕ БРИОН

Проснись, восток белеет!
Как яркий день,
Твой взор, блеснув, развеет
Ночную тень.
Вот птицы зазвенели!
Будя сестер,
Поет: «Вставай с постели!»
Их звонкий хор.

Ты слов не держишь, видно,
Я встал давно.
Проснись же, как не стыдно!
Открой окно!
Чу! Смолкла Филомела!
Всю ночь грустя,
Она смутить не смела
Твой сон, дитя.

Но рдеет на востоке:
Вот луч зари
Твои целует щеки,
О, посмотри!
Нет, ты прильнула к спящей
Сестре своей
И грезишь вновь — тем сладче,
Чем день светлей.

Ты спиши! Гляжу украдкой,
Как тих твой сон.
Слезой печали сладкой
Я ослеплен.
И кто пройдет, спокойный,
Кто будет глух!
Чей может, недостойный,
Не дрогнуть дух!

Ты спиши! Иль нежной снится —
О, счастье! — тот,
Кто здесь, бродя, томится
И муз клянет,
Краснеет и бледнеет,
Ночей не спит,
Чья кровь то леденеет,
То вновь кипит.

Ты проспала признанья,
Плач соловья,
Так слушай в наказанье,
Вот песнь моя!
Я вырвался из плена
Назревших строф.
Красавица! Камена!
Услыши мой зов!

1771

* * *

Вернусь я, золотые детки,
Не усидеть мне, видно, в клетке
Глухого зимнего житья.

У камелечка мы присядем,
На сто ладов веселье сладим,
Как божьих ангелов семья.

Плести будем малые веночки,
Цветочки связывать в пучочки,
Ребенком стану с вами я.

1770

* * *

Скоро встречу Рику снова,
Скоро, скоро обниму.
Песня вновь плясать готова,
Вторя сердцу самому.

Ах, как песня та звучала
Из ее желанных уст!
Как надолго замолчала!
Долго, долго мир был пуст.

Мучусь скорбью бесконечной,
Если милой нет со мной,
И глубокий мрак сердечный
Не ложится в песен строй.

Только ныне чистым, старым
Счастьем сердце вновь полно.
Не сравнится с этим даром
Монастырское вино!

1771

С РАЗРИСОВАННОЙ ЛЕНТОЙ

И цветочки и листочки
Сыплет легкою рукой,
С лентой рея в ветерочек,
Мне богов весенних рой.

Пусть, зефир, та лента мчится,
Ею душеньку обвей;
Вот уж в зеркало глядится
В милой резвости своей.

Видит: розы ей убором,
Всех юнее роз — она.
Жизнь моя! Обрадуй взором!
Наградишь меня сполна.

Сердце чувства не избудет.
Дай же руку взять рукой,
Связь меж нами да не будет
Слабой лентою цветной.

1771

ЖМУРКИ

Боюсь, дружок Тереза,
Как острого железа,
Твоих сердитых глаз!
И все ж, когда ты водишь,
Ты вмиг меня находишь.
Но почему меня как раз?

Поймав меня, в смущенье
Прижмешься на мгновенье,
И в лад стучат сердца!
Но вот повязка сбита,
И снова ты сердито
Глядишь на бедного слепца.

Мечусь я, спотыкаюсь,
На стены натыкаюсь
В веселой кутерьме.
Твоей любви молю я,
Не то, всегда горюя,
Блуждать я буду, как во тьме,

1771

КРИСТЕЛЬ

Порой уныло я брожу,
Измученный тоской,
А вот на Кристель погляжу —
Все снимет как рукой.
И отчего, я не пойму,
Сильней день ото дня,
За что, зачем и почему
Она влечет меня?

Дуга бровей. Лукавство глаз.
Свежа и хороша.
Лишь стоит посмотреть — тотчас
Заходится душа.
А губы ярких роз алей,
Нежнее, чем цветок.
Есть кое-что и покруглей
Ее румяных щек.

Я в танце смог ее обнять,
Прижать к себе плотней.
Летит земля, и не унять
Мне радости своей.
Она, от пляски во хмелю,
Ко мне прильнет сама.
И я подобен королю
И счастлив без ума!

Я нежный взгляд ее пойму —
А в нем любовь и страсть.
Ее покрепче обниму,
С ней нацелуюсь всласть.
И вспыхнет жар в моей крови —
Так я в нее влюблен.
И я бессилен от любви
И от любви силен.

Все ненасытней с каждым днем
Я к ней одной стремлюсь.
За то чтоб ночь с ней быть вдвоем —
Всем в мире поступлюсь.
Откажет мне она и впредь,
Тогда, того гляди,
Не прочь я даже умереть,
...Но на ее груди.

1771?

СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

Душа в огне, нет силы боле,
Скорей в седло и на простор!
Уж вечер плыл, лаская поле,
Висела ночь у края гор.

Уже стоял, одетый мраком,
Огромный дуб, встречая нас;
И тьма, гнездясь по буеракам,
Смотрела сотней черных глаз.

Исполнен сладостной печали,
Светился в тучах лик луны,
Крылами ветры помавали,
Зловещих шорохов полны.
Толпою чудищ ночь глядела,
Но сердце пело, несся конь,
Какая жизнь во мне кипела,
Какой во мне пыпал огонь!

В моих мечтах лишь ты носилась,
Твой взор так сладостно горел,
Что вся душа к тебе стремилась
И каждый вздох к тебе летел.
И вот конец моей дороги,
И ты, овеяна весной,
Опять со мной! Со мной! О боги!
Чем заслужил я рай земной?

Но — ах! — лишь утро засияло,
Угасли милые черты.
О, как меня ты деловала,
С какой тоской смотрела ты!
Я встал, душа рвалась на части,
И ты одна осталась вновь...
И все ж любить — какое счастье!
Какой восторг — твоя любовь!

1771

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Как все ликует,
Поет, звенит!
В цвету долина,
В огне зенит!

Трепещет каждый
На ветке лист,
Не молчит в рощах
Веселый свист.

Как эту радость
В груди вместить! —
Смотреть! и слушать!
Дышать! и жить!

Любовь, роскошен
Твой щедрый пир!
Твое творенье —
Безмерный мир!

Ты все даришь мне:
В саду цветок,
И злак на ниве,
И гроздный сок!..

Скорее, друг мой,
На грудь мою!
О, как ты любишь!
Как я люблю!

Находит ландыш
Тенистый лес,
Стремится птица
В простор небес.

А мне любовь лишь
Твоя нужна,
Дает мне радость —
И жизнь она.

Мой друг, для счастья,
Любя, живи,—
Найдешь ты счастье
В своей любви!

БОЛЬШИЕ ГИМНЫ

ПЕСНЬ СТРАННИКА В БУРЮ

Кто храним всемоющим гением,
Ни дожди тому, ни гром
Страхом в сердце не дохнут.
Кто храним всемоющим гением,
Тот заплачку дождя,
Тот гремучий град
Окликнет песней,
Словно жавронок
Ты там в выси.

Кто храним всемоющим гением,
Тот взнесен над топким илом
На крылах зардевших;
Вдаль шагнет он,
По цветам ступая,
Чрез Девкальоновы хляби,
Змея раня, свеж, смел,
Аполлон Пифийский.

Кто храним всемоющим гением,
Тот согрет родимыми крылами,
Лишь задремлет на скале,
Тот от мрака застлан опереньем
В срок полуночный в бору.

Кто храним всемощным гением,
Тот теплом спеленат
В снег и в выюгу;
По теплу тоскуют музы,
По теплу сестры-грации.

Ко мне слетайтесь, музы,
Роем радостным!
Это — влага,
Это — суша,
Это — сын текучих вод и суши,
Я по ним ступаю,
Брат богам!

Вы чисты, словно сердце влаги,
Вы чисты, как руда земная,
Вы со мною, и парю я
И над влагой, и над сушей,
Брат богам!

И он вернется,
Тот поселянин, черный, горячий?
И он вернется, вновь доверясь
Твоей опеке, Бромий-праотец,
И теплу очага родного?
Вернется — бодрый?
А я, к кому вы благи,
Грации и легкие музы,
Кто всем приукрашен, чем вы,
Камены и грации,
В благости божественной,
Взор плenяя, рядили мир,—
Вернусь — разбитый?

Бромий-праотец,
Гений зиждущий
Столетья вольного!
Ты — что жар души
Пиндару был,
Чем земле
Феб-Аполлон стал.

Рдей! Рдей! Скрытый пламень,
Пламень сердца,
Мой оплот!

Рдай навстречу
Аполлону,
А не то
Он холодно
Обойдет тебя приветом.
Уязвленный,
Он следит, как иглы кедра
Зеленеют
Без него.

Что ж тебя зову позже всех?
Ты, в ком песнь ожила,
Ты — предел, ей данный,
Ты — ее родник,
Зевс Увлажняющий!
Ты, ты в песнях журчишь!
Стороной бежит
Шум кастальских вод
Для бездельников,
Смертно-счастливых,
Чуждых тебе,
Нас окунувший в блеск
Зевс Увлажняющий.

В роще вязовой,
Нет! не встретишься
С кротким голубем
На простертой руке,
Лаской роз увенчав чело,
Ты — ему, сладкоустому
Анакреону,
Бог, бурей дохнувший.

И у тополя
В сибаритской стране,
Там, где у гор
Лоб усмуглается солнцем,
Не был тобой произен
В розах тонущий,
Медом плещущий,
Нежно маниящий
Феокрит.

Но когда в ристалище
Гром колес огибал цель —
Ввысь взвит,
Славой рдея,
Бич удалых юнцов!
И крутил прах,
Словно с отважных гор
Град ударял ниц,—
Рдея, страх и доблесть множил,
Пиндар,
Ты.— Рдея?

Скудный дух!
Там, над холмами,
Горняя моль!
Но пыл иссяк:
Вот он, очаг мой!
К нему б добраться.

1772

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПОСЕЛЯНКА

Путешественник

Благослови господь
Тебя, младая мать,
И тихого младенца,
Приникшего к груди твоей.
Здесь под скалою,
В тени олив твоих приютных,
Сложивши ношу, отдохну
От зноя близ тебя.

Поселянка

Скажи мне, странник,
Куда в палящий зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городские
Разносишь по селеньям?
Ты улыбнулся, странник,
На мой вопрос.

Путешественник

Товаров нет со мной.
Но вечер холодаеет.
Скажи мне, поселянка,
Где тот ручей,
В котором жажду утоляешь?

Поселянка

Взойди на верх горы:
В кустарнике, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
В которой я живу;
Там близко и студеный ключ,
В котором жажду утоляю.

Путешественник

Следы создательной руки
В кустах передо мною.
Не ты сии образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка

Иди вперед.

Путешественник

Покрытый мохом архитрав!
Я узнаю тебя, творящий гений!
Твоя печать на этих мшистых камнях.

Поселянка

Все дале странник.

Путешественник

И надпись под моей ногой!
Ее затерло время!
Ты удалилось,
Глубоко врезанное слово,
Рукой творца немому камню
Напрасно вверенный свидетель
Минувшего богопочтенья.

Поселянка

Дивишься, странник,
Ты этим камням?
Подобных много
Близ хижины моей.

Путешественник
Где? Где?

Поселянка

Там, на вершине,
В кустах.

Путешественник
Что вижу? Музы и хариты.

Поселянка

То хижина моя.

Путешественник
Обломки храма!

Поселянка

Вблизи бежит
И ключ студеный,
В котором воду мы берем.

Путешественник
Не умирая, веешь
Ты над своей могилой,
О гений! над тобою
Обрушилось во прах
Твое прекрасное созданье...
А ты бессмертен.

Поселянка

Помедли, странник, я подам
Кувшин, напиться из ручья,

Путешественник
И плющ обвесил
Твой лик божественно-прекрасный.
Как величаво

Над этой грудою обломков
Возносится чета столбов!
А здесь их одинокий брат.
О, как они,
В печальный мох одев главы священны,
Скорбя величественно, смотрят
На раздробленных
У ног их братий!
В тени шиповников зеленых,
Под камнями, под прахом
Лежат они, и ветер
Травой над ними шевелит.
Как мало дорожишь, природа,
Ты лучшего созданья своего
Прекраснейшим созданьем!
Сама святынище свое
Бесчувственно ты раздробила
И терни посеяла на нем.

Поселянка

Как спит младенец мой!
Войдешь ли, странник,
Ты в хижину мою
Иль здесь на воле отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя,
А я кувшин водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

Путешественник

Прекрасен твой покой...
Как тихо дышит он,
Исполненный небесного здоровья.
Ты, на святых остатках
Минувшего рожденный!
О, будь с тобой его великий гений!
Кого присвоит он,
Тот в сладком чувстве бытия
Земную жизнь вкушает.
Цвети ж надеждой,
Весенний цвет прекрасный!
Когда же отдвешь,
Созрей на солнце благодатном
И дай богатый плод!

Поселянка

Услыши тебя господь!.. А он все спит?
Вот, странник, чистая вода
И хлеб, дар скучный, но от сердца.

Путешественник

Благодарю тебя.
Как все цветет кругом
И живо зеленеет!

Поселянка

Мой муж придет
Через минуту с поля
Домой. Останься, странник,
И ужин с нами раздели.

Путешественник

Жилище ваше здесь?

Поселянка

Здесь, близко этих стен
Отец нам хижину построил
Из кирпичей и каменных обломков.
Мы в ней и поселились.
Меня за пахаря он выдал
И умер на руках у нас...
Проснулся ты, мое дитя?
Как весел он, как он играет!
О милый!

Путешественник

О вечный сеятель, природа,
Даруешь всем ты сладостную жизнь,
Всех чад своих, любя, ты наделила
Наследством хижины приютной!
Высоко на карнизе храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилает,
Лепя свое гнездо.
Червяк, заткав живую ветку,
Готовит зимнее жилище
Своей семье.

А ты среди великих
Минувшего развалин
Для нужд своих житейских
Шалаш свой ставишь, человек,
И счастлив над гробами!
Прости, младая поселянка!

Поселянка
Уходишь, странник?

Путешественник
Да бог благословит
Тебя и твоего младенца!

Поселянка
Прости же, добрый путь!

Путешественник
Скажи, куда ведет
Дорога этюю горою?

Поселянка
Дорога эта в Кумы.

Путешественник
Далек ли путь?

Поселянка
Три добрых мили.

Путешественник
Прости!
О, будь моим вождем, природа,
Направь мой страннический путь!
Здесь над гробами
Священной древности скитаюсь.
Дай мне найти приют,
От хладов севера закрытый,
Чтоб знай полдневный
Тополевая роща
Веселой сенью овеяла.
Когда ж в вечерний час
Усталый возвращусь

Под кров домашний,
Лучом заката позлащенный,—
Чтоб на порог моих дверей
Ко мне навстречу вышла
Подобно милая подруга
С младенцем на руках.

1772

ПЕСНЬ О МАГОМЕТЕ

Видишь горный ключ?
Солнца луч
Ярко бледнет в нем.
Духи неба
Мощь его вспоили
Меж утесов
И кустистых чащ.

Свеж, блестящ,
В пляске из-за тучи
Выбежав на скалы,
Счастлив, шалый,
Синью неба.

Мчится вниз по узким тропкам,
Прыгает по гальке пестрой
И, как юный вождь пред войском,
Кличет братские потоки
За собой.

И везде цветут цветы,
Где прошел он легким шагом
И долину
Оживил своим дыханьем.

Но его ни дол тенистый
Не удержит,
Ни цветы, к его коленям
Льнущие с любовной лаской.
Он, змеясь, бежит и рвется
На равнину.

И, сзывая
Все ручьи в объятья дружбы,

Он, серебряный, сверкает
На сверкающей равнине,
Так что реки на равнине
И ручьи, с холмов сбегая,
Радостно рокочут: «Брат!
Брат, возьми с собою братьев!
К старику отцу возьми нас,
В распростертые объятья
Океана —
В вечность, жаждущую тщетно
Всех обнять, кто к ней стремится.
Нас в пути песок пустыни
Пожирает, с неба солнце
Нашу кровь сосет, холмы нас
Превращают в пруд! Возьми нас,
Уведи нас, брат, с равнины,
Как увел ты горных братьев
С гор в объятия отда».

«Все ко мне!» —
И вот могучий,
Полноводный, целым кланом
Вознесенный, царь идет!
И в стремительном триумфе
Он дает названья странам,
Воздвигает города.
Нарастая в беге шумном,
Башен огненные кроны,
Зданий мраморных громады —
Все в избытке буйной силы
Оставляет за собой.

На плечах огромных Атлас
К небу взнес дома из кедра,
Над его головой со свистом
Треплет ветер сотни флагов —
Признаки его величья.

Так своих несет он братьев,
И детей, и тьмы сокровищ,
Бурно брызжущий восторгом,
В даль, где ждет Зиждитель нас.

ПРОМЕТЕЙ

Ты можешь, Зевс, громадой тяжких туч
Накрыть весь мир,
Ты можешь, как мальчишка,
Сбивающий репьи,
Крушить дубы и скалы,
Но ни земли моей
Ты не разрушишь,
Ни хижины, которую не ты построил,
Ни очага,
Чей животворный пламень
Тебе внушиает зависть.

Нет никого под солнцем
Ничтожней вас, богов!
Дыханием молитв
И дымом жертвоприношений
Вы кормите свое
Убогое величье,
И вы погибли бы все, не будь на свете
Глупцов, питающих надежды,
Доверчивых детей
И нищих.

Когда ребенком был я и ни в чем
Мой слабый ум еще не разбирался,
Я в заблужденье к солнцу устремлял
Свои глаза, как будто там, на небе,
Есть уши, чтоб мольбе моей внимать,
И сердце есть, как у меня,
Чтоб сжалиться над угнетенным.

Кто мне помог
Смирить высокомерие титанов?
Кто спас меня от смерти
И от рабства?
Не ты ль само,
Святым огнем пылающее сердце?
И что ж, не ты ль само благодарило,
По-юношески горячо и щедро,
Того, кто спал беспечно в вышине!

Мне — читать тебя? За что?
Рассеял ты когда-нибудь печаль
Скорбящего?
Отер ли ты когда-нибудь слезу
В глазах страдальца?
А из меня не вечная ль судьба,
Не всемогущее ли время
С годами выковали мужа?

Быть может, ты хотел,
Чтоб я возненавидел жизнь,
Бежал в пустыню оттого лишь,
Что воплотил
Не все свои мечты?
Вот я — гляди! Я создаю людей,
Леплю их
По своему подобью,
Чтобы они, как я, умели
Страдать, и плакать,
И радоваться, наслаждаясь жизнью,
И презирать ничтожество твое,
Подобно мне!

1774

ГАНИМЕД

Словно блеском утра
Меня озарил ты,
Май, любимый!
Тысячеликим любовным счастьем
Мне в сердце льется
Тепла твоего
Священное чувство,
Бессмертная Красота!

О, если б я мог
Её заключить
В объятья!

На лоне твоем
Лежу я в томленье,
Прижавшись сердцем
К твоим цветам и траве.

Ты охлаждаешь палящую
Жажду в груди моей,
Ласковый утренний ветер!
И кличут меня соловьи
В росистые темные рощи свои.
Иду, поднимаюсь!
Куда? О, куда?

К вершине, к небу!
И вот облака мне
Навстречу плывут, облака
Спускаются к страстной
Зовущей любви.
Ко мне, ко мне!
И в лоне вашем —
Туда, в вышину!
Объятый, объемлю!
Все выше! К твоей груди,
Отец Вседержитель!

1774

БРАВОМУ ХРОНОСУ

Эй, проворнее, Хронос!
Клячу свою подстегни!
Путь наш теперь под уклон.
Мерзко глядеть, старина,
Как ты едва плетешься.
Ну, вали напролом,
Через корягу и пень,
Прямо в кипящую жизнь!

Вот и снова,
Хоть совсем задохнись,
Надо в гору лезть!
Ну же, не медли,
Бодро и смело вверх!
Далеко, вширь и ввысь,
Жизнь простерлась кругом.
Над вершинами гор
Вечный носится дух,
Вечную жизнь предвкушая.

В сторону манит свернуть
Кровли тень:
На пороге девушка ждет,
И сулит ее взор отраду.
Пей! Мне тоже, девушка,
В сердце влей эту брагу,
Этот питающий бодростью взгляд!

Так! И живее в путь!
Видишь, солнце заходит.
Но до заката,
До того, как меня, старика,
Затянет в болото,
Беззубый зашамкает рот,
Завихляют колени,—

Пьяный последним лучом,
Ослепленный, ликующий,
С огненным морем в очах,
Да низвергнусь в ночь преисподней!

Дуй же, дружище, в рог,
Мир сотрясай колымагой!
Чтоб Орк услыхал: мы едем!
Чтоб нас у ворот
Дружески встретил хозяин.

1774

МОРСКОЕ ПЛАВАНЬЕ

Постоял немало мой корабль груженый,
Дожидаясь ветра, с давними друзьями
Я топил в вине свою досаду
Здесь, у взморья.

И друзья, вдвойне нетерпеливы,
Мне сказали: «Мы ли не желаем
Дальних странствий другу? Изобилье
Благ в далеких странах ждет приплывших;
Возвратишься для иной награды
К нам в объятья»,

И наутро началось движенье.
И моряк, ликуя, сон отбросил,
Все живет, и движется, и рвется
В путь пуститься с первым вздохом утра.

Паруса под ветром заходили,
И веселым светом солнце манит.
Мчись, мой парус! Мчитесь, тучи, в небе!
И поют вслед отплывшим други
Песнь бодрящую, в ней поминая
Радость дальних странствий, срок отплытья
И большие звезды первой ночи.

Но — увы! — богами высланные ветры
В сторону с пути срывают судно,
И оно по виду уступает,
Но, пытаясь их перелукавить,
Помнит цель и на худой дороге.

Вдруг из мертвенної, свинцовой дали
Тихо кликнула морская буря,
Птиц прижала к заходившим водам,
Тяжким гнетом душ людских коснулась
И пришла. Гневливой не перечат,
Мореходы паруса свернули;
И мячом испуганным играют
Ветр и волны.

А на дальнем берегу подруги
И друзья стоят, терзаясь в страхе:
Ах, зачем он не остался дома!
Буен ветер! В даль относит счастье!
Вправду ль другу суждена погибель?
Ах, почто он в путь пustился? Боги!

Но стоит он у руля, недвижим;
Кораблем играют ветр и волны,
Ветр и волны, но не сердцем мужа.
Властно смотрит он в смятенный сумрак
И вверяет гибель и спасенье
Горним силам.

ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГАРЦ

Словно коршун,
Простирающий легкие крылья
Среди утренних туч
И следящий добычу,—
Воспари, песнь моя.

Ибо господним перстом
Каждому путь
Предуказан,
Путь, что счастливца
Скоро домчит
К цели отрадной,
Тот же, кто в тщетном
Противоборстве
С нитью неумолимой,
Тот знает пускай:
Беспощадные ножницы
Однажды ее пресекут.

В трепете зарослей
Дикая тварь теснится,
И забрались в свои трясины
Богачи
И птахи лесные.

Просто — брести
За колесницей Фортуны,
С терпеливым обозом
По исправным дорогам
За поездом княжьим.

Но кто там один?
Исчезает в чащобе тропа,
И сплетается поросье
У него за спиной,
Подымаются травы,
Глушь поглощает его.

Кто увечает больного,
Если бальзам для него
Обратился в отраву,

Больного, который вкусила
Ненависть — в чаше любви?
Прежде презренный, ныне презревший,
Потаённо он истощает
Богатство своих достоинств
В себялюбивой тщете.

Если есть на лире твоей,
Отче любви,
Хоть единый звук,
Его слуху внятный,—
Услади ему сердце!
Взор яви из-за туч,
Освети родники без числа
Жаждущему в пустыне!

Ты, умножающий радость
Каждому тысячекратно,
Охотников благослови,
Идуших по следу на зверя
С юным задором
И жаждой убийства —
Спешащих отмстить
Тому, от кого крестьянин
Уже долгие годы
Оборонялся дубиной.

Но укрой одинокого
В золотых облаках твоих!
И зеленью зимней —
Пока не распустятся розы —
Влажные кудриувей,
О Любовь, твоего певца!

Твой мерцающий факел
Сопровождает его
В раздолах пустых,
На топких дорогах,
В полночь на бродах;
А радужным утром
Ты смеешься сердцу его,
И в колючем ветре
Ввысь возносишь;

Ледяные потоки со скал
Низвергаются в песнь его,
И алтарь благодарного сердца
Озарен снеговою шапкой
Вершины, внушающей страх,
Которую сонмищем духов
Увенчали народы.

С непостижной душой,
Открытою тайной,
Из-за туч он взирает
На изумленный мир,
На избыток его богатств,
Которые он орошает
Из артерий сородичей своих.

1777

ПРИЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА

ЗНАТОКАМ И ЦЕНИТЕЛЯМ

Не впрок природы буйный пир
Для безответных душ,
Не впрок созданья мастеров
В музеях и дворцах,
Когда не творческий порыв,
Вдруг вспыхнувший в груди,
И не влеченье властных рук
Приять и воссоздать.

1776

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ ХУДОЖНИКА

Когда бы клад высоких сил
В груди, звения, открылся!
И мир, что в сердце зрел и жил,
Из недр к перстам пролился!

Бросает в дрожь, терзает боль,
Но не могу смириться,
Всем одарив меня, изволь,
Природа, покориться!

Могу ль забыть, как глаз обрел
Нежданное прозренье?
Как дух в глухих песках нашел
Источник вдохновенья?

Как ты дивишься, томишь меня
То радостью, то гнетом!
Струями тонкими звения,
Вздымаясь водометом.

Ты дар дремавший, знаю я,
В моей груди омыла
И узкий жребий для меня
В безбрежность обратила!

1774

НОВЫЙ АМАДИС

«Марш в чулан!» — кричал отец,
И гремел засов.
Жил я там, полумертвей,
Тысячи часов.
Там и подрастал.

Там в мечтах я утопал:
Рыцарский турнир
Там выигрывал не раз,
Там объездил мир,
Словно принц Бекас.

Замок кой-какой возвел,
Кой-какой пожег
И драконов, где нашел,
Взял на коготок.
Да, я был герой!

Под Парижем — боже мой —
Спас я де Треску,
И была со мной нежна,
Позабыв тоску,
Де Треска, княжна.

Поделуи милых уст —
Истинныйnectар.
Я влюбился, будь я пуст!
Я принес ей в дар
Сказки всей земли.

Ах! княжна, увы, вдали.
Увели. Куда?
Иль ушла сама?
Как пройти туда?
Я сойду с ума!

1774

ОРЕЛ И ГОЛУБКА

С утеса молодой орел
Пустился на добычу;
Стрелок проинзил ему крыло —
И с высоты упал
Он в масличную рощу.
Там он томился
Три долгих дня,
Три долгих ночи
И содрогался
От боли; наконец
Был исцелен
Живительным бальзамом
Всеисцеляющей природы.
Влекомый хищничеством смелым,
Приют покинул свой:
Он хочет крылья испытать,
Увы! они едва
Его подъемлют от земли —
И он, в унынии глубоком,
Садится отдохнуть
На камне у ручья.
Он смотрит на вершину дуба,
На солнце, на далекий
Небесный свод —
И в пламенных его глазах
Сверкают слезы.

Поблизости, между олив,
Крылами тихо вея,
Летали голубь и голубка.

Они к ручью спустились
И там по золотому
Песку гуляли вместе.
Вода кругом
Пурпурными глазами,
Голубка наконец
Приметила сидящего в безмолвном
Унынии орла.
Она товарища тихонько
Крылом толкнула,
Потом, с участием сердечным
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
«Ты унываешь, друг!
О чём же? Оглянись — не все ли,
Что нам для счастья
Простого нужно,
Ты здесь имеешь?
Не дышат ли вокруг тебя
Благоуханием оливы?
Не защищают ли зеленою
Прозрачной сению своей
Они тебя от зноя?
И не прекрасно ль блещет
Здесь вечер золотой
На мураве и на игривых
Струях ручья?
Ты здесь гуляешь по цветам,
Покрытым свежею росою,
Ты можешь пищу
Сбирать с кустов и жажду
В струях студеных утолять.
О друг, поверь,
Умеренность — прямое счастье!
С умеренностью мы
Везде и всем довольны».
«О, мудрость,— прошептал орел,
В себя сурово погрузившись,—
Ты рассуждаешь, как голубка».

ЗНАТОК И ЭНТУЗИАСТ

К девчонке моей я свел дружка,
Хотел угодить дружищу;
В ней любо все, с ней жизнь легка —
Теплей, свежей не сыщешь.

Она на кушетке в углу сидит,
Головки своей не воротит;
Он чинно ее комплиментом дарит,
Присев у окна, напротив.

Он нос свой морщил, он взор вперял
В нее — с головы до пяток.
А я взглянул... и потерял
Ума моего остаток.

Но друг мой, трезв, как никогда,
Меня отводит в угол:
«Смотри, она в боках худа
И лоб безбожно смугл»,

Сказал я девушке «прости», —
И молвил, прежде чем идти:
«О боже мой, о боже мой,
Будь грешнику судьей!»

Он в галерее был со мной,
Где дух костром пылает;
И вот уже я сам не свой —
Так за сердце хватает.

«О мастер! мастер! — вскрикнул я.—
Дай ему счастья, боже!
Пускай вознаградит тебя
Невеста, всех пригожей».

Но критик брел, учен и строг,
И, в зубе ковыряя,
Сынов небесных в каталог
Вносил, не унывая.

Сжималась в сладком страхе грудь,
Вновь тяжела мирами;
Ему ж — то криво, то чуть-чуть
Не уместилось в раме.

Вот в кресла я свалился вдруг,
Все недра во мне пылали!
А люди, в тесный сомкнувшись круг,
Его знатоком величали.

1774

ХУДОЖНИК И ЦЕНИТЕЛЬ

Ц е н и т е л ь

Что ж, друг мой? Славно! Но
Весь левый контур
Не вяжется с правым:
Здесь высок чуть-чуть,
Здесь в ширь пошло.
Здесь морщится немнога.
И улыбка
Не схвачена.
Мертво покуда!

Х у д о ж н и к

Так научите же,
Как стать совершенней!
Где он, источник естества,
Черпнув в котором
Мне жизнь и небо
Вручить удалось бы перстам?
Чтоб дух божественный
Моей рукой
Создать умудрился б
То, что, припав к жене,
Я в силах, с зверем наравне, свершить.

Ц е н и т е л ь

То — дело ваше.

Х у д о ж н и к

Так.

1774

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА

I

Перед восходом солнца.

Художник

(перед мольбертом, на котором установлен портрет толстой, некрасивой, кокетливо скосившей глаза женщины)

Не могу! Не хочу! Сил больше нет!

Писать этот мерзостный облик, этот ужасный

портрет

В столь дивное утро — не грех ли тяжкий,

Когда еще спят мои бедняжки...

Любезная женушка! Милые дети!

(Снимает картину с мольберта и подходит к окну.)

Аврора! Мир тобой пробужден!

Плачу от счастья: взор мой к тебе пригвожден,

Сердце молодо бьется, тебя приветя!

(Ставит на мольберт холст с изображением Венеры Урании.)

Моя богиня! Здесь, пред лицом твоим,

Вновь я счастьем юности одержим

И в душе своей, и в мыслях своих

Осияю тебя, как влюбленный жених.

Ты моя, когда я тебя пишу.

Ты — это я. Нет, больше, чем я. Лишь тобой дышу.

Владычица мира! Первоизданная суть красоты!

Неужто за подлые деньги мной будешь

покинута ты,

Чтоб какой-нибудь дурень, по моей же вине,

Тебя укрепил на цветастой стене?!

Ах, дети мои! Помоги им, ниццим...

Попадешь ты в гостиную к богачу,

И мы с него контрибуцию взыщем.

Глядишь, на хлеб и получу.

Но купивший тебя не обладает тобой!

Ты — во мне, о ниспосланная судьбой,

Мать природы, свет Радости всеземной!

От тебя в упоенье

Пребываю в блаженнейшем опьяненье!

Ребенок
(кричит)

А-а!

Художник

Господи!

Жена
(просыпается)

О, уже день!
Поди-ка, если тебе не лень,
Воды принеси, наколи дровишек.
Надо суп сварить для детишек.

Художник
(задерживал взгляд на богине)

Моя богиня!

Старший сын
(вбегает босиком, в прыжку)

Отец, я — с вами.

Художник

Ты?!

Сын

Я.

Художник

Сходи-ка, брат, за дровами.

II

Позднее.

Художник

Фридель! Кто там? Взгляни...

Сын

Да не кто иной,
Как тот заказчик с толстой женой,

Х у д о ж н и к

Притворюсь, что рисую с утра дотемна...
(Ставит на мольберт холст с гадким портретом.)

Ж е н а

Работай, за то и получишь сполна.

Х у д о ж н и к

Ладно...

Входят Господин и Его супруга.

Г о с п о д и н

Ага! Мы пришли в самый раз.

Е г о с у п р у г а

Я нынче всю ночь не сомкнула глаз.

Ж е н а х у д о ж н и к а

Но вы, как всегда, прелестны, мадам!

Г о с п о д и н

Что за картины в углу, вон там?..

Х у д о ж н и к

Не запылитесь...

(К dame.)

Прошу присесть...

Г о с п о д и н

(подходя к мольберту)

Нет, схвачено верно... Уже что-то есть...
Но вы еще далеки от цели —
Жизнь как бы теплится еле-еле...»

Х у д о ж н и к
(про себя)

Быть может, причина в самой модели?

Г о с п о д и н

(поднимая один из запыленных холстов)

Скажите, пожалуйста, это — вы?

Х у д о ж н и к

Я... Но лет десять назад... Увы...

Г о с п о д и н

Вы не меняетесь.

Е г о с у п р у г а

(бросая беглый взгляд на портрет)

О, нимало!

Г о с п о д и н

Правда, морщин теперь больше стало.

Ж е н а х у д о ж н и к а

(подходит с корзиной в руках, тихо)

Пошла на рынок... А деньги где ж?

Х у д о ж н и к

Да нет их...

Ж е н а х у д о ж н и к а

Ну, нет их, так не поешь.

Х у д о ж н и к

(дает ей).

Возьми.

Г о с п о д и н

Но талант ваш стал явно богаче.

Х у д о ж н и к

Что ж. Есть и промахи. Есть и удачи.

Г о с п о д и н

(за спиной художника продолжает рассматривать стоящий на мольберте холст)

**Так, так... Нос бы надо слегка удлинить,
А взгляд — немного воспламенить.**

Х у д о ж н и к

(про себя)

Черт бы их драл! Я не в силах боле!

М у з а (невидимая другими, подходит к нему)

Сын мой! Тебе не хватает воли?
Судьба не всегда с человеком в ладу,
Но деньги получишь — забудешь беду.
Пусть дама страшна, ее муж — привереда,
Знай, что твой дух окрылит победа,
И вдохновенье тебя не оставит,
Которое кистью твою правит.
Ведь тот, кто работает день-деньской,
Первым вкушает блаженный покой.
Жизнь без труда стала бы тусклой, пресной —
Может наскучить и рай небесный.
Ты любишь спать, ты горазд поесть,
Ты беден, но правду блюдешь и честь.

1774

ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Сцена представляет собой картинную галерею, где среди других полотен на стене в широкой золотой раме, добротно покрытое лаком, висит изображение Венеры Урании. Перед картиной — на стуле сидит и рисует молодой художник, Ученик. Мастер и другие, стоя за его спиной, следят за его работой. Ученик встает.

У ч е н и к

Возьмите кисть, учитель... Навсегда
Отрекся я от этого труда,
Поскольку сознаю: невмоготу
Мне передать сей жизни полноту.
Стою измучен, посрамлен,
Безмерный стыд меня снедает,
Как будто ишу я поднять приговорен,
А сил на это не хватает.

М а с т е р

Тебя перед лицом этой святыни
Я посвящаю в художники ныне!
Любовью к искусству, рвеньем своим
Дух твой как бы сравнялся с ним!

Ученик

О, священнейший гений! Я твой — навек!

Мастер

Гений при том, как и все,— человек,
И бремя жизни посему
Еще тяжелее нести ему,

Ученик

О, зачем я не видел его лица,
Зачем не слыхал от него хоть слова?
Счастливец, ты знал его?

Мастер

Да, мой сын.

Так и вижу его в обрамленье седин.
Я был молод. А он уже шел к могиле.
Помню: каждое слово его ловили,
Старались любому совету внять,
Движение каждое перенять,
А смолкал он — душой его взгляд понять.

1774

АПОФЕОЗ ХУДОЖНИКА

Сцена представляет собой великолепную картинную галерею. Картины всех школ в широких золоченых рамках. По залу прохаживается публика. Перед одной из картин сидит Ученик и старательно ее копирует.

Ученик

(встает с места, кладет палитру и кисть и становится позади своего стула)

Вот и корплю здесь день-деньской,
Охвачен страхом и тоской.
Любой мазок и каждый штрих
Таят тщету трудов моих.
Напрасно, выбившись из сил,
По клеткам я переносил
Все эти краски и цвета:

Мне дверь в искусство заперта!
Стою беспомощным глупцом
Перед великим образцом,
Как если б здесь, средь бела дня,
Крапивой высекли меня!..
Итак, чего еще я жду,
Пыхтя, потея, как в аду?
Ведь копию — я так и знал —
Не превратишь в оригинал!
Живой, свободный, пестрый мир
Здесь бледен, холоден и сир.
И блеск его, и свет его —
Все неподвижно, все мертвое.
Мир, отливавший серебром,
Помойным выглядит ведром.
Усердью, воле вопреки,
Ничтожна власть моей руки,
Всю немощь жалкую свою
Я с отвращеньем сознаю.

М а с т е р
(*выходит*)

Ну что ж... Не всуе говоря,
Ты, сын мой, мучился не зря.
Теперь, достойное создав,
Поймешь, насколько был я прав,
Когда без устали твердил:
Чем больше ты затратишь сил,
Чем больше станешь ты корпеть,
Тем больше сможешь преуспеть...
Лишь навыки к тебе придут,
Как легким станет всякий труд.
А уж потом, наверняка,
Сойдутся разум и рука.

У ч е н и к

Вы чересчур добры ко мне:
Не все мне удалось вполне...

М а с т е р

Себя напрасно не тревожь.
С отрадой вижу: ты растешь,

В труде упорном, каждый день
Всходя на новую ступень...
А что до промахов иных,—
Не бойся: разберемся в них...

У ч е н и к .

(рассматривая картину)

Не зная отдыха и сна,
Все от тебя возьму сполна!

Л ю б и т е л ь

(подходит к нему)

Мне, право, странно наблюдать
Занятия такого рода.
Ведь что способно больше дать
Искусству, чем сама природа?
Лишь в повторенье естества
Лежит основа мастерства.
Природа мудрая, ей-ей,
Учитель всех учителей,
Все тайны духа скрыты в ней.
Поверьте мне: не стоит тщиться
Вслед за великими тащиться.
Нет в мире выше ничего,
Чем всеблагое естество!

У ч е н и к

Все это слышал я не раз
И не сводил с природы глаз.
Мне встречи с ней казались раев,
И я порой преуспевал.
Но чаще высмеян бывал,
Непонят, всеми презираем.
Нет! Труд такой мне не с руки,
И время тратить зря не стоит:
Холсты природы слишком велики,
А тайнопись природы — кто откроет?

Л ю б и т е л ь
(отворачиваясь)

Тут спора нет. Вопрос решен:
Он дарования лишен.

Ученик
(садясь)

Как будто и не начинал...
А как трудился, кто бы знал!..
Что ж. Все начать придется снова...
.

Второй мастер подходит к нему, разглядывает его работу и молча удаляется.

Ученик

О, молвите хотя б полслова!
Ваш строгий вкус непогрешим:
Избавьте же меня от горестных терзаний...
Чего уменьем я не заслужил своим,
То, верьте, заслужил ценой своих стараний!..

Мастер

Давно, мой друг, смотрю я на тебя,
То восторгаясь, то скорбя.
Есть божий дар в тебе, бесспорно,
Притом ты трудишься упорно,
И мир, лежащий пред тобой,
Ты вдохновенным взглядом жадно ловишь,
И кисть твою не остановишь,
Ведомую твоей рукой.
Ты в мастера себя готовишь
И многого достиг... Но знай...
.

Ученик

Откройте мне свою науку!

Мастер

Так вот. Не только взгляд и руку,
Но также разум упражняй!
Будь трижды гением — нелепо
Инстинкту подчиняться слепо.
Искусство вне ума — мертвое!
Пусть тот художник, кто не мыслит,
Себя художником не числить:
Едины мысль и мастерство!

Ученик

Усердье нужно для руки.
Природа пусть владеет глазом.
Но, мастер, только знатоки
Способны упражнять наш разум.
Постыдно, позабыв других,
Лишь о своей персоне печься.
Нет! От учеников своих
Ужель хотите вы отречься?

Мастер

Ах, сын мой, в ваши времена
Ученье чересчур легко дается.
И песнь, что мной когда-то создана,
По вкусу многим не придется.

Ученик

Тогда скажите мне хотя б,
Каков мой труд на самом деле?
В чем он удачен? В чем он слаб?
Как вы относитесь к моей высокой цели?

(Указывает на картину, с которой он делал копию.)
Немею я пред этим образцом,
Бессмертным созданным творцом.
Художникам всех школ его предпочитаю
И хоть на шаг к нему приблизиться мечтаю.

Мастер

Ты верно поступил, *его* избрав.
Ты очень молод — оттого и прав.
Ведь молодости надобно, чтоб крылья
Ей и восторг и ненависть раскрыли.
Но, свято чтия кумира своего,
Отдав ему и помыслы и чувства,
Сумей понять и слабости его:
Не образцы люби. Люби искусство!

Ученик

Полотнами его заворожен,
Гляжу — не нагляжусь. Какая мощь
и смелость!..

М а с т е р

Сумей сперва понять, что создал он,
А после — что создать ему хотелось,
И ты плотней приблизишься к тому,
Что спутниками гения зовется:
Ведь в мире не кому-то одному
Искусство, как и доблесть, достается.

У ч е н и к

Еще хочу спросить у вас...

М а с т е р

Изволь... Но только не сейчас.

И н с п е к т о р картины галереи
(подходит к ним)

Какое, господи, везенье!
Ценнейшее произведенье,
Красу и славу всей земли
Мы только что приобрели!

М а с т е р

Кто автор?

У ч е н и к

О, волшебный сон!

(Указывая на картину, с которой он делал копию.)
Не этот ли?

И н с п е к т о р

Да. Точно: он.

У ч е н и к

Ужель мечте возможно сбыться —
Виденьем сладостным упиться?!
Где... где ж картина, господа?

И н с п е к т о р

Ее уже несут сюда.
О, это чудо, безусловно —
Вот князь и платит баснословно.

Т о р г о в е ц к а р т и н а м и
(входит)

Итак, редчайшей из картин
В веках гордиться этой галерее!
Искусство поощривший властелин
Любых других правителей мудре!
Внесите же ее сюда! Скорее!
Недостижимый идеал!
Заметьте: вся она лучится.
Таким сокровищем никто не обладал!
Мне будет тяжело с ним разлучиться.
На что мне золотые слитки?
Ах, здесь я все равно в убытке.

Вносят картину с изображением Венеры Урании и ставят на мольберт.

Вот! Из его наследства — прямо!
Еще ни лака нет, ни рамы.
Здесь не нужна искусству лесть.
Все натурально. Все — как есть.
Все собираются возле картины.

П е р в ы й м а с т е р
Нет, мощь какая! Посмотри!

В т о р о й м а с т е р
А как все явственно... Как зримо!

У ч е н и к
Все у меня горит внутри.

Л ю б и т е л ь
Божественно! Неповторимо!

Т о р г о в е ц
Он — в пору золотой своей зари!

И н с п е к т о р
Обрамить холст необходимо!
Эй! Золотую раму! Эй!
Принц скоро будет здесь... Живей!

Картину помещают в раму и ставят на прежнее место.

К и я зь
(входит и рассматривает картину)

Да... Вижу... Это — превосходно!
Возьмите, сколько вам угодно.

К а с с и р кладет на стол мешок с цехинами и всхлипывает.

Т о р г о в е д

Не худо взвесить бы...

К а с с и р
(считая)

Ц е н а

Уже уплачена сполна.

Князь стоит перед картиной, остальные — в некотором отдалении.
Открывается плафон: **М у з а**, держа за руку **Х у д о ж н и к а**,
вплывает на облаке.

Х у д о ж н и к

Куда мы?

М у з а

Погляди-ка вниз.
Клянусь, там ждет тебя сюрприз:
Земные почести сверх меры.

Х у д о ж н и к

Я чую лишь давленье атмосферы.

М у з а

Взгляни!.. Здесь — созданный тобой
Твой труд, твоей мечтой когда-то бывший,
А ныне свет звезды любой
Своим сиянием затмивший.
В тиши продуман до конца,
Созданье разума и воли,
Твой дивный труд не оттого ли
Людские покорил сердца,
Что можно выразил он своего творца?..
Вот мастерá стоят, стремясь
Прилежно внять твоим урокам.

И замер пред холстом в почтении глубоком
Сей клад обретший мудрый князь.
А это — юный ученик.
Смотри, как он к тебе приник!
В его очах горит сердечное желанье:
Вобрать в себя твой дух, впитать твоё влиянье.
Увы, земной недолг путь.
И все ж — во власти человека,
Великое творя, шагнуть
За рамки собственного века.
Так он и после смерти жив...
Принадлежат векам всецело,
Смерть и забвенье победив,
И слово доброе, и доблестное дело.
Ты честно заслужил бессмертия венец.
Вкуси бессмертие, творец!

Х у д о ж н и к .

Хоть я теперь и сознаю,
Сколь Зевс украсил жизнь мою
И что сей миг счастливый означает,
Досада дух мой омрачает.
Когда любовник молодой
Считает тяжкою бедой
Разлуку с девушкой, томящейся в тревоге,
Утешить может ли его,
Что светом солнца одного
Обоих освещают боги?!

Что вам дано, мои творенья,
При жизни и не снилось мне.
И нет мне удовлетворенья
Ни в славе вашей, ни в цене.
Когда бы хоть частицу злата
От этой пышной рамы я имел,
Не голодали бы жена, ребята
И я бы вдоволь пил и ел.

Князь — друг, князь — щедрый покровитель,
Талантов истинный ценитель,
Еще был скрыт во тьме веков.
Мы при монастырях кормились
И без ценителей томились,
А также без учеников.
(Указывая сверху на Учителя.)

И если участь юноши сего
Тебя заботит и тревожит,
Прошу: при жизни поддержи его!
Пусть вовремя ему твоя рука поможет,
Покуда он жевать и целоваться может!
И будут дни его легко и вольно длиться.
Обласкан музою, ей избран в сыновья,
Он сможет славою однажды насладиться
Не только в небесах. И радостней, чем я!

1784

БАЛЛАДЫ

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЬ

В тумане текучем, в глубокий снег,
В глухом лесу, в полуночный мрак,
Мне слышится волчий голодный вой,
Мне слышится филинов клик,
То ли: у-у-у!
То ли: гу-гу-гу!
Уйт-уху!

Я выстрел дал по коту: упал
Аннеты-яги черношерстый, милый кот.
Семь оборотней подошло в эту ночь,
Это семья, семь баб из села.
Слышшишь: у-у-у!
И еще: гу-гу!
Уйт-уху!

Я всех их признал, я знал их давно —
Аннету, и Урзель, и Кэрт,
Луизу, Варвару, Марихен, Бэрт —
Завыли они у крыльда,
То ли: у-у-у!
То ли: гу-гу-гу!
Уйт-уху!

Я громко по имени их назвал:
Что хочешь, Анна? Что хочешь, Бэрт?

Как вскинутся они! Как ринутся они!
И взвыли и канули в мрак.
А вдали: у-у!
И еще: гу-гу!
Уйт-уху!

1771

ДИКАЯ РОЗА

Мальчик розу увидал,
Розу в чистом поле,
К ней он близко подбежал,
Аромат ее впивал,
Любовался вволю.
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

«Роза, я сломлю тебя,
Роза в чистом поле!»
«Мальчик, уколю тебя,
Чтобы помнил ты меня!
Не стерплю я боли».
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

Он сорвал, забывши страх,
Розу в чистом поле.
Кровь алела на шипах.
Но она — увы и ах! —
Не спаслась от боли.
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

1771

СПАСЕНИЕ

«Моя подружка неверна!» —
Твердил я в исступленье, стоя
На голом камне над рекою:
Меня манила глубина.

Я горьких слез сдержать не мог —
Я плакал, ум зашел за разум,
Хотел я это дело разом
Покончить, бросившись в поток.

Была пучина впереди.
Стоял от смерти я на волос.
Вдруг позади раздался голос:
«Эй ты! смотри не упади!»

Очнулся я от забытья:
Девица! Краше нет на свете!
«Как звать тебя, красотка?» — «Кете!»
«О Кете милая моя!

Ты жизнь вдохнула мне во грудь!
От верной смерти удержала!
Благодарю, но это — мало:
Теперь отрадой жизни будь!»

Я рассказал, о чем грущу.
Она сочувственно вздохнула.
Поделовал. Она прильнула,
И смерти больше не ищу!

1774

ФИАЛКА

Фиалка на лугу одна
Росла, невзрачна и скромна,
То был цветочек кроткий.
Пастушка по тропинке шла,
Стройна, легка, лицом бела,
Шажком, лужком
С веселой песней шла.

«Ах! — вздумал цветик наш мечтать,—
Когда бы мне всех краше стать
Хотя б на срок короткий!
Тогда она меня сорвет
И к сердцу невзначай прижмет!
На миг, на миг,
Хоть на единый миг».

Но девушка цветка — увы! —
Не углядела средь травы,
Поник наш цветик кроткий.
Но, увядая, все твердил:
«Как счастлив я, что смерть испил
У ног, у ног,
У милых ног ее».

1773

ФУЛЬСКИЙ КОРОЛЬ

Король жил в Фуле дальней,
И кубок золотой
Хранил он, дар прощальный
Возлюбленной одной.

Когда он пил из кубка,
Оглядывая зал,
Он вспоминал голубку
И слезы утиral.

И в смертный час тяжелый
Он роздал княжеств тьму
И все, вплоть до престола,
А кубок — никому.

Со свитой в полном собре
Он у прибрежных скал
В своем дворце у моря
Прощальный пир давал.

И кубок свой червонный,
Осущенный до дна,
Он бросил вниз, с балкона,
Где выла глубина.

В тот миг, когда пучиной
Был кубок поглощен,
Пришла ему кончина,
И больше не пил он.

1774

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

На старой башне, у реки,
Дух рыцаря стоит
И, лишь завидит членоки,
Приветом их дарит:

«Кипела кровь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца!

Пробушевал полжизни я,
Другую проволок:
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток!»

1774

ПЕРЕД СУДОМ

«А кто он, я вам все равно не скажу,
Хоть я от него понесла».
«Тыфу, грязная шлюха!..» — «А вот и не так:
Я честно всю жизнь жила.

Я вам не скажу, кто возлюбленный мой,
Но знайте: он добр был и мил,
Сверкал ли цепью он золотой
Иль в шляпе дырявой ходил.

И поношения и позор
Приму на себя сейчас.
Я знаю его, он знает меня,
А бог все знает про нас.

Послушай, священник, и ты, судья,
Вины никакой за мной нет.
Мое дитя — есть мое дитя!
Вот вам и весь мой ответ».

1775—1776?

СКОРБНАЯ ПЕСНЯ БЛАГОРОДНОЙ ГОСПОЖИ,
СУПРУГИ АСАН-АГИ

Что белеет там, в зеленой чаще?
То ли лебедь, то ли снег весенний?
Был бы снег — растаял бы от солнца.
Был бы лебедь — улетел бы к стае.
Там шатры Асан-аги белеют,
Там лежит он, раненный врагами.
У его постели мать с сестрою,
Лишь жена прийти к нему не смеет,
Как закон велит, без зова мужа.

А когда к утру утихла рана,
Приказал Асан сказать супруге:
«Ко двору не жди меня отныне,
Не встречаться нам на белом свете».

С болью внимая тем словам жестоким,
Помертвела, бедная, от муки;
Слышит конский топот на дороге,
Говорит: «Асан, супруг мой едет!»
Тут же ринулась ему навстречу,
Дочери бегут за нею следом,
Заливаясь горькими слезами:
«Нет, не конь отцовский к дому мчится,
Это брат твой, Пинторович, скачет!»
У ворот она встречает брата,
Падает на грудь ему, стеная:
«Мать пяти детей, меня с позором
Выгоняет мой супруг из дома!»

Молча Пинторович вынимает
Перетянутое алым шелком
Черное разлучное посланье,
Что повелевает ей вернуться
В дом отда и снова выйти замуж.

Госпожа увидела посланье.
В лоб сынов своих подцеловала,
В щеки дочерей подцеловала,
Но от колыбели с младшим сыном
Не смогла, бедняжка, оторваться!

Тут ее за руки брат хватает,
Поднимает на коня лихого
И спешит в отцовское именье
С робкою, несчастной госпожою.

Много дней промчалось или мало,
И семи не минуло, а к брату
От господ богатых сваты едут
Сватать бедную жену Асана.

И знатнее всех Имоскис Кади;
А сестра с рыданьем молит брата:
«Брате милый! Жизнь заклинаю,
Откажи сладкоречивым сватам,
Иль от горя сердце разорвется
У меня, когда детей увижу!»
Брат сестры не слушает и твердо
Прочит ей в мужья Имоскис Кади;
Вновь сестра с рыданьем молит брата:
«Брате милый! Коли так решил ты,
То пошли письмо к Имоскис Кади,—
Мол, она, сестра твоя родная,
Жениха приветствует и просит:
Пусть пришлет со сватами в подарок
Шаль большую, чтобы я в дороге
С головы до ног в нее укрылась,
Чтоб не видеть мне моих сироток».

Получил письмо Имоскис Кади,
Собирает родичей и сватов,
За невестой в путь их снаряжает
С паранджою, как она просила.

Пинторович встретил их с поклоном
И, благословив, сестру отправил.
Вот уж перед ними дом Асана;
Дети мать заметили и сверху
Закричали ей: «Вернись к нам, мама!
Хоть разок поужинать останься!».

Слышит плач детей жена Асана,
Заклинает родичей и сватов:

«Хоть на миг один коней сдержите,
Дайте мне с малютками проститься,
Сделать им последние подарки».
Родичи коней своих сдержали,
И она подарки раздавала:
Дочерям — серебряные платья,
Сыновьям — злаченые сапожки,
А тому, кто плакал в колыбели,
Младшенькому — курточку на вырост.

Но взирал Асан-ага в сторонке
На картину эту и промолвил:
«Поглядите на отца, сиротки!
Сердце вашей матери из камня,
Грудь ее — из твердого железа,
Ни любви, ни жалости в ней нету».

Тут она, заслышав голос мужа,
Побледнела и упала наземь,
И душа от тела отлетела,
Увидав, как разбежались дети.

1775 (1785)

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

ФРИДРИХУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ГОТТЕРУ

Шлю тебе нынче старого Гёда —
Надеюсь, что место на полке найдется
Среди книжек, коим — почет и честь
(Или тех, что ты не собрался прочесть).
Славно работа шла у меня —
Утром, ночью, в разгаре дня,
А нынче мне, в общем, радости мало
В том, что «Гёда» публика прочитала.
Ведь именно так бывает с детьми:
Всего приятнее, черт возьми,
Когда кругом — темнота и тишь,
И ты их с женушкой мастеришь,—
Это занятие — самое дельное,
А дальше — крестинки и колыбельные.
Если хотите, не верьте мне,
И пусть вам будет приятно вдвойне.
Я слышал, что ты даешь спектакли,
Разные пьесы ставишь — не так ли? —
Перед страной, столицей, вельможами
(Что в театр приходят с постными рожами),
Так разыди же в своем дому
Дельного парня и выдай ему
Роль моего любезного Гёда —
Шпагу и шлем,— авось не събьется.
Роль Вейслингена — другому выдай
Вместе с расшитою хламидой,
Со шпагой — совсем на испанский лад:

Ноздри раздуты, глаза горят.
Среди бабенок он будет прославлен,
Когда покажет, как был отравлен,
И прошу мою благодарность принять
За то, что со сцены не будет вонять.
Наведи на похабщину малость глянца —
Сделай задом — ж..., мерзавцем — заср...,
И, как прежде, со рвением и охотовой,
В том же духе всю пьесу мою обработай.

1773

НАДПИСЬ НА КНИГЕ
«СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА»

Так любить влюбленный каждый хочет,
Хочет дева быть любимой так.
Ax! зачем порыв святейший точит
Скорби ключ и близит вечный мрак!

Ты его оплакиваешь, милый,
Хочешь имя доброе спасти?
«Мужем будь,— он шепчет из могилы,—
Не иди по моему пути».

1775

ПЕСНЬ СОДРУЖЕСТВА

В хороший час, согреты
Любовью и вином,
Друзья! Мы песню эту
О дружестве споем!
Пусть здесь пирует с нами
Веселья щедрый бог,
Возобновляя пламя,
Что он в сердцах возжег!

Пылая новым жаром,
Сердца слились в одно.
Мы нынче пьем недаром
Без примесей вино!

Дружней стаканы сдвинем
За дружбу новых дней
И старых не покинем
Испытанных друзей.

Нет большего богатства,
Чем дружбы естество.
Вкушайте радость братства,
Свободы торжество!
Как весел голос хора,
Как в лад сердца стучат,
И мелочные ссоры
Наш пир не омрачат.

Нам подарили боги
Свободный, ясный взор.
Выводят нас дороги
На жизненный простор.
Идем все дальше, дальше
Под вольности мотив,
От глупости и фальши
Себя освободив.

И с каждым нашим шагом
Бескрайней этот путь.
В очах горит отвага,
Стучит веселье в грудь.
Пусть мир перевернется —
Все выдержат сердца:
Ведь дружба остается
На свете до конца!

К ЛИЛИ

НОВАЯ ЛЮБОВЬ, НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце, что случилось,
Что смутило жизнь твою?
Жизнью новой ты забилось,
Я тебя не узнаю.
Все прошло, чем ты пылало,
Что любило и желало,
Весь покой, любовь к труду.
Как попало ты в беду?

Беспредельной, мощной силой
Этой юной красоты,
Этой женственностью милой
Пленено до гроба ты.
И возможна ли измена?
Как бежать, уйти из плена,
Волю, крылья обрести?
К ней приводят все пути.

Ах, смотрите, ах, спасите,
Вкруг плутовки, сам не свой,
На чудесной, тонкой нити
Я пляшу, едва живой.
Жить в плену, в волшебной клетке,
Быть под башмачком кокетки,
Как такой позор снести?
Ах, пусти, любовь,пусти!

БЕЛИНДЕ

О, зачем влечешь меня в веселье,
В роскошь людных зал?
Я ли в скромной юношеской келье
Радостей не знал?

Как любил я лунными ночами,
В мирной тишине,
Грезить под скользящими лучами,
Точно в полусне!

Сном о счастье, чистом и глубоком,
Были все мечты.
И во тьме пред умиленным оком
Возникала ты.

Я ли тот, кто в шуме света вздорном,
С чуждою толпой,
Рад сидеть хоть за столом игорным,
Лишь бы быть с тобой!

Нет, весна не в блеске небосвода,
Не в полях она.
Там, где ты, мой ангел, там природа,
Там, где ты,— весна.

1775

ТОМЛЕНИЕ

Душе не выплакаться всласть,
Не нарыдаться вдосталь;
Задуть, залить слезами страсть —
Возможно ль это? просто ль?

Часы и месяцы тоски
Готовят сон безлюбый,
И снова — сердце на куски,
От жажды сохнут губы.

Моя ли, господи, вина,
Что не могу молиться?
Боль глубока, глуха, темна
И длится, длится, длится.

1775

ЗВЕРИНЕЦ ЛИЛИ

На свете не было пестрой
Зверинца, чем зверинец *Лили*!
Какие чары приманили
Сюда диковинных зверей?
Бедняжки принцы скачут, пляшут,
Крылами бьют, хвостами машут,
То захрипят, то смолкнут вдруг
В сплошном чаду любовных мук!

О чем тут спрашивать! Звать *Лили* эту фею.
Не приведи господь вам повстречаться с нею.

О, что за визг, и писк, и клекот,
Когда, питомцам на беду,
В корзиночке она приносит им еду!
Что за рычанье! Что за рокот!

Оживают кусты и деревья сада...
Сумасшедшее ринулось стадо
К ее ногам. Даже рыбы в бассейне
В нетерпении высунулись из воды.
А она бросает крохи еды
Ошалевшим от алчности гадам,
Одаряя их царственным взглядом.

И тут начинается бой!
Они грызутся между собой,
Разевают жадные пасти,
Кусаются, рвут друг друга на части.
И всё из-за хлеба! Из-за куска!
Из-за черствой корки на дне лоханей,
Которую сделала эта рука
Небесных амврозий благоуханней!

А взгляд-то каков! Каков тон,
Которым она произносит: «Цып-цып!..»
Зевсов орел покинул бы трон,
Оба Венериных голубка
В путь бы ринулись наверняка,
Даже павлин, надутый и злющий,
Примчался бы на этот голос зовущий.

Ведь именно так из чащи ночной
Прибрел к ней медведь — мохнатый верзила.
В какой же капкан его залучила
Хозяйка компании сей честной!
Отныне он, можно сказать, — ручной,
Конечно, только в известном смысле.
Любовь прочнее любых оков...
Ах, что там! Я кровью своей готов
В ее саду поливать цветочки.

«Как?! Я — вы сказали? Но, ваша честь...»
«Да, да! Я... Медведь — это я и есть.
За юбкой погнался! Пропал! Погиб!
На шелковом водят меня шнурочке.
А как я в эту историю влип —
Об этом вам расскажу попозже:
Сейчас не могу... Бrr!.. Мороз — по коже.
Ведь сами подумайте! Зло берет:
Кругом все квохчет, хрюкает, блеет.
Такая порой тоска одолеет —
Удрать хочу!
Рычу!
Хожу, как помешанный, взад-вперед,
Башкой кручу,
Рычу!
Пройдусь немного по аллее,
И снова ходу — от ворот!

Зря, что ль, досада меня разбирает?
Дух, взбеленившись, нутро распирает.
Ну, как от ярости не взреветь?
Кто я ей: заяц или медведь?!

Белка, грызущая орешек?!

Простите, мамзель: не гожусь для насмешек.
Да мне в лицо
Хохочет здесь каждое деревдо!

Каждый кустик строит рожи!
С души воротит — хоть оклей —
От ваших цветочков, от ваших аллей!
Служить вам?! Хватит! Себе дороже!
Бегу отсюда во весь опор!
Хочу перепрыгнуть через забор —
Да не могу. Заколдован я, что ли?
Сила ушла из медвежьих лап?
Тыфу ты! Совсем одряхлел, ослаб!
Видать, суждено помереть в неволе.
Я сам себя не узнаю:
Лежу, визжу, судьбою смятый,
И слышат жалобу мою
Фарфоровые уши статуй.
И вдруг... Как метнется по жилам кровь!
Блаженнейшим соком наполнились клетки.
Я голос возлюбленной слышу вновь:
Она запела в своей беседке!

Воздух цветами заблагоухал...
Уж, верно, поет, чтобы я услыхал!

Бегу! Предо мной расступаются ветки,
Я — как шальной — по цветам, по лугам!
И — кубарем — прямо к ее ногам.

Она смеется: «Вот удивил!
Скажите, откуда такая удаль?
Свиреп, как медведь, а привязчив, как пудель.
Космат, безобразен... А все-таки мил!»

И ножкой, ножкой — ну, что за натура! —
Гладит мохнатую спину мою.
Как восхитительно чешется шкура!
Медведю кажется: он — в раю.
Целую ей туфлю, жую подметку,
Благопристойность медвежью храня.
К коленям ее припадаю кротко —
Не часто дождешься такого дня!
Она то погладит, то шлепнет меня.
Но я в блаженстве, как новорожденный,
Реву, улыбкой ее награжденный...
Вдруг мило хлыстиком взмахнет:

«Allons tout doux! eh la menotte!
Et faites serviteur,
Comme un joli seigneur» ¹.

Вот так надеждой живет дуралей,
Терпит все шалости, все причуды,
Но стоит чуть-чуть не потрафить ей —
Ох, как бедняге придется худо!

А впрочем, есть у ней некий бальзам...
Порою, к моим снизойдя слезам,
Она этим зельем на кончике пальца
Смочит иссохшие губы страдальца
И убежит, предоставив мне
Дурью мучиться наедине.
Право же! Нет ничего нелепей:
Снятый с цепи, я прикован цепью
К той, от которой с ума схожу.
Плетусь за ней следом, от страха дрожу,
По доброй воле живу в неволе,
Но что ей до муки моей, до боли?!

Знает, преданней нет слуги.
А иногда, веселясь от сердца,
В клетке моей приоткроет дверцу:
«Что ж ты, дружок, не бежишь? Беги!»

А я?.. О боги, коль в вашей власти
Разрушить чары этой страсти,
То буду век у вас в долгую...
А не дождусь от вас подмоги,
Тогда... тогда... О, знайте, боги! —
Я сам помочь себе смогу!

1775

НА ОЗЕРЕ

И жизнь, и бодрость, и покой
Дыханьем вольным пью.
Природа, сладко быть с тобой,
Упасть на грудь твою!

¹ А ну, будь пай-мальчиком! Дай лапу! Отвесь поклон, как подобает благовоспитанному кавалеру (*франц.*).

Колышась плавно, в лад веслу,
Несет ладью вода.
Ушла в заоблачную мглу
Зубчатых скал гряда.

*

Взор мой, взор! Иль видишь снова
Золотые сны былого?
Сердце, сбрось былого власть,
Вновь приходит жизнь и страсть.

*

Пьет туман рассветный
Островерхие дали.
Зыбью огнецветной
Волны вдруг засверкали.
Ветер налетевший
Будит зеркало вод,
И, почти созревший,
К влаге клонится плод.

1775

ЗОЛОТОМУ СЕРДЕЧКУ, КОТОРОЕ
ОН НОСИЛ НА ГРУДИ

Отзвеневших радостей залогом
На груди моей ты будешь вечно.
Нить прочней ли, нежель связь двух душ пред
богом?
Сердечко, ты ль одно не бессердечно?

Прочь, Лили, бегу я! Держишь прочно
Нитью бессрочной.
Наколдовала неволю злую!
Ах, Лили, сердце твое, увы,
Я вновь и вновь делую.

Птицей я лечу под сень листвы
(А на лапке нить) —
И влечит она свой позор,
Нить свою, на вольный простор —
К черту все клетки! Да птица не та, увы,
Рабства ей уже не забыть.

1775

К ЛИЛИ ШЁНЕМАН

В тени долин, на оснеженных кручах
Меня твой образ звал:
Вокруг меня он веял в светлых тучах,
В моей душе вставал.
Пойми и ты, как сердце к сердцу властно
Влечет огонь в крови
И что любовь напрасно
Бежит любви.

1776

**ПЕРВОЕ
ВЕЙМАРСКОЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ**

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

ИЛЬМЕНАУ

Привет отчизне юности моей!
О тихий дол, зеленая дуброва!
Раскройте мне свои объятья снова,
Примите в сень раскидистых ветвей!
Пролейте в грудь бальзам веселья и любви.
Да закипит зелебный ключ в крови!

Не раз, гора, к твоим стопам могучим
Влеком бывал я жребием летучим.
Сегодня вновь мой новый юный рай
На склонах мягких обрести мне дай!
Как вы, холмы, эдема я достоин:
Как ваш простор, мой каждый день спокоен.

И пусть забуду, что и здесь, как там,
Обречены живущие цепям,
Что сеет селянин в песок зерно свое
И строит притеснителю жилье,
Что тяжек труд голодный горняка,
Что слабых душит сильная рука.
Приют желанный, обнови мне кровь,
И пусть сегодня жить начну я вновь.

Мне любо здесь! Былые сны мне снятся,
И в сердце рифмы прежние теснятся.
Вдали от всех, с собой наедине,
Пью аромат, давно знакомый мне.

Чудесен шум дубов высокоствольных,
Чудесен звон потоков своевольных!
Нависла туча, даль в туман ушла.
И смолкло все. Нисходит ночь и мгла.

Под звездными ночными небесами
Где мой забытый путь в тиши лесов?
Какими даль рокочет голосами?
Зачем утесом отражен их зов?
Я, как ловец на дальний клич оленей,
Иду — подслушать смысл таинственных явлений.

В какой волшебный мир попал я вдруг?
Там, под скалой, кто правит пир ночной?
Среди покрытых хворостом лачуг
Трецдит костер веселый предо мной.
Трепещет свет на елях в вышине,
И поспевает ужин на огне.
Разгульный смех, и шутки, и по кругу
Тяжелый ковш передают друг другу.

С чем я сравнию шумящий этот стан?
Их дикой пестроте дивлюсь незримо.
Кто все они? Каких питомцы стран?
Приблизиться? Пройти ли молча мимо?
То призраки? Иль дикие стрелки?
Иль гномы варят зелье там, колдуя?
В кустах другие вижу огоньки.
Едва, боязни полный, не бегу я.
То на ночлег толпа цыган сошлась?
Иль, как в Арденнах, здесь бежавший князь?
Иль я в лесной глупши, вдали от мира,
Заблудший, встретил призраков Шекспира?
Да, мысль верна: скорей всего они,
Или, бесспорно, кто-то им сродни.
В их облике — роскошный дух свободы.
Их грубость благородна от природы.
Но кто средь них,— широкоплеч, красив,
Лениво стан могучий наклонив,
Цветистый плащ за плечи перекинув,
Сидит вблизи костра,— потомок исполинов?
Сосет он свой излюбленный чубук,
И вьется дыма облако вокруг.

Его словечко сдержанно-сухое
Веселье вызывает громовое,
Когда он примет строгий вид
И чуждым языком, шутя, заговорит.

А кто другой, что в отдаленье
Прилег на ствол поверженной сосны?
Каким блаженным сладострастием лени
Все члены тела стройного полны!
Не для друзей — мечтой затерян в безднах,
Стремясь на крыльях духа в небосвод,
Он о вращенье сфер тысячезвездных
Песнь однозвучную, забыв весь мир, поет.

Но что ж погасло пира оживленье?
Все зашептались в видимом смущенье.
Их речь — о юноше, что там, в уединенье,
Где воет водопад, грызя в ночи гранит,
Где отсвет пламени дрожит пятном багровым,
Под одиноким, тихим кровом,
Не слыша гневных волн, вдали от пира спит.
Устав от шума, сердцем чужд веселью,
Я отошел — и зашагал к ущелью.

Привет близ этой хижины тому,
Кто, сон забыв, глядит в ночную тьму!
Зачем ты здесь, глубокой думы полный,
Сидишь вдали от радостных гуляк?
О чем ты грезишь, грустный и безмолвный,
Зачем свечою не разгонишь мрак?
«Не вопрошай! Молчания печать
Я не сорву, пришелец, пред тобою.
Пускай одной ты движим добротою,
Мой жребий здесь — томиться и молчать.
Я не открою, даже другом спрошены,
Откуда я, кем изгнан, где блуждал.
Из дальних стран сюда я жизнью брошен,
И я за дружбу пострадал.

Кто может знать себя и сил своих предел?
И дерзкий путь заказан разве смелым?
Лишь время выявит, что ты свершить сумел,
Что было злым, что — добрым делом.

Ведь Прометей вдохнул небес чистейший жар
В бездушный ком земли обожествленной,
И что ж,— лишь кровь земную в дар
Принес он персти оживленной.
На алтаре огонь похитил я живой —
Он разве чистым пламенем разлился?
Но, хоть пожар взметнулся роковой,
Себя я проклял, но не устрашился.
Когда я вольность пел в невинности своей,
Честь, мужество, гражданство без цепей,—
Свободу чувств и самоутвержденье,
Я благосклонность меж людей снискал,
Но бог, увы! искусства мне не дал,
Искусства жалкого — притворства в поведенье.
И вот я здесь — высок падением своим,
Наказан без вины и счастлив, хоть гоним.

Но тише! Это скромное жилье
Хранит все благо, все страдание мое:
Возвышенное сердце, что судьбой
Уведено с путей природных,
Что, след найдя, должно бороться то с собой,
То с легионом призраков бесплодных.
О, лишь трудами обретет оно
То, что ему с рождения дано!
Ни слово чувств его высоких не откроет,
Ни песня бурных волн не успокоит.

Кто, гусеницу видя на коре,
О будущей заговорит с ней пище?
Кто куколке, на утренней заре,
Разбить поможет нежное жилище?
Но путы разорвать настанет срок,
И к розе полетит вспорхнувший мотылек.
И вот закон: должны промчаться годы,
Чтоб он сумел на путь попасть.
Хоть к истине влеком он от природы,
В нем заблужденья будят страсть.

Спешит он в жажде впечатлений,—
Троп недоступных нет, и трудных нет высот! —
Пока несчастье, злобный гений,
Его в объятия страданья не толкнет.

Тогда болезненная сила напряженья
Его стремит, влечит могучею рукой,
И от постылого движенья
В постылый он бежит покой.
И в самый яркий день — угрюмый,
И без цепей узнав тяжелый гнет,
Душой разбит, с мучительною думой,
На жестком ложе он уснет.
А я, с трудом дыша, в чужой стране,
Глазами к вольным звездам обращаюсь
И наяву, как в тяжком сне,
От снов ужасных защищаюсь».

Исчезни, сон! О музы, вам хвала!
Навек я ваш, и нет пути другого!
Как перед солнцем — тает ночи мгла
Пред силой пламенного слова.
Светлеет даль, туман бежит,
И тьма рассеялась. О боги, свет и сила!
Восходит Истины светило,
Вокруг прекрасный мир лежит.
В его лучах растаял призрак бледный,
И новой жизни здесь блестает день победный.

Из путешествия вернувшись к отчей сени,
Прилежный вижу я народ,
Что трудится, не зная лени,
Используя дары природы круглый год.
С кудели нить летит проворно
На бердо ткацкого станка,
Не дремлют праздно молот и кирка,
Не остывает пламень горна.
Разоблачен обман, порядок утвержден,
И мирно край цветет, и счастьем дышит он.

Я вижу, князь, в стране, тобой хранимой,
Прообраз дней твоих живой.
Ты, помня долг владык неустранимый,
Им ограничил дух свободный свой.
Тот прихоти покорствует влеченью,
Кто для себя, одним собой живет.
Но тот, кто хочет свой вести народ,
Учиться должен самоотреченью.

Так бодро сей — вознаградится труд,—
Но не бросай зерно и там и тут,
Как сеятель, чьей лени все равно,
На пыльный путь иль в ров падет зерно.
Нет, сильной по-мужски и мудрою рукой
Обильно ты посей и дай земле покой.
И жатвой ты свою обрадуешь державу —
Себе и всем твоим во славу.

1783

EPIPHANIAS

Три святых короля на звезду глядят
И пьют и едят, а платить не хотят.
Охотно пьют, охотно едят,
И пьют и едят, но платить не хотят.

Мы три святых короля, смотри!
Нас не четыре, а ровно три,
И если прибавить четвертого к трем,
То станет больше одним королем.

«Я, первый, и бел и красив, на меня
Надо смотреть при свете дня.
Но зелья мне, увы, невпрок!
Девицу прельстить на свету я не мог».

«А я долговязый и смуглый, друзья;
И с песней и с женщиной запросто я.
Я золото вместо зелий даю,
И все меня любят за щедрость мою».

«Я, наконец, и черен и мал,
Но весел и первый среди запевал.
Охотно ем, охотно пью,
Благодарю, когда ем и пью».

Три короля святых, не шутя,
Ищут повсюду, где мать и дитя
И где Иосиф, святой старичок,
Где, на соломе, осел да бычок.

Вот мирро вам, вот золото вам.
Всегда фимиам в почете у дам.
У нас и добрые вина есть,
Мы пьем втроем, как другие шесть.

Но тут всё знатные господа,
Осла да бычка не найдешь и следа.
Ей-ей, заплутались мы все втроем.
Пойдем-ка отсюда своим путем.

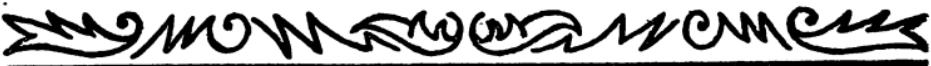
1781

ЛЕГЕНДА

В пустыне, спасаясь, жил некий монах.
Он встретил фавна на козьих ногах,
И тот, к его удивлению, сказал:
«Хочу я вкушать блаженство в раю,
Молись за меня и мою семью,
Чтоб нас всевышний на небо взял».
На это муж святой сказал:
«То, что ты просишь, весьма опасно,
И даже молиться о том напрасно.
Тебя не пустят за райский порог,
Когда увидят, что ты козлоног».

И фавн ответил на это ему:
«Пусть я козлоног,— что с того, не пойму!
Иных, я знаю, с ослиной башкой —
И то впускают в небесный покой».

1776

СТИХИ ЛИДЕ

* * *

О, зачем твоей высокой властью
Будущее видеть нам дано
И не верить ни любви, ни счастью,
Как бы ни сияло нам оно!
О судьба, к чему нам дар суровый
Обнажать до глубины сердца
И сквозь все случайные покровы
Постигать друг друга до конца!

Сколько их, кто, в темноте блуждая,
Без надежд, без дели ищут путь,
И не могут, о судьбе гадая,
В собственное сердце заглянуть,
И ликуют, чуть проникнет скучно
Луч далекой радости в окно.
Только нам прельщаться безрассудно
Обоюдным счастьем не дано.
Не дано, лишь сна боясь дурного,
Наяву счастливым грезить сном,
Одному не понимать другого
И любить мечту свою в другом.

Счастлив тот, кто предан снам летящим,
Счастлив, кто предвиденья лишен,—
Мир его видений с настоящим,
С будущим и прошлым соглашен.
Что же нам судьба определила?

Чем, скажи, ты связана со мной?
Ах, когда-то — как давно то было! —
Ты сестрой была мне иль женой,
Знала все, что в сердце мной таймо,
Каждую изведала черту,
Все прочла, что миру в нем незримо,
Мысль мою ловила на лету,
Жар кипящей крови охлаждала,
Возвращала в бурю мне покой,
К новой жизни сердце возрождала,
Прикоснувшись ангельской рукой.
И легко, в волшебно-сладких путах,
Дни текли, как вдохновенный стих.
О, блаженна память о минутах,
О часах у милых ног твоих,
Когда я, в глубоком умиленье
Обновленный, пил живой бальзам,
Сердцем сердца чувствовал биение
И глазами отвечал глазам!

И теперь одно воспоминанье
Нам сердца смятенные живит,
Ибо в прошлом — истины дыханье,
В настоящем — только боль обид.
И живем неполной жизнью оба,
Нас печалит самый светлый час.
Счастье, что судьбы коварной злобы
Изменить не может нас.

1779

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ОХОТНИКА

Брожу я по полю с ружьем,
И светлый образ твой
В воображении моем
Витает предо мной.

А ты, ты видишь ли; скажи,
Порой хоть тень мою,
Когда полями вдоль межи
Спускаешься к ручью?

Хоть тень того, кто скрылся с глаз
И счастьем пренебрег,
В изгнанье от тебя мечась
На запад и восток?

Мысль о тебе врачуэт дух,
Проходит чувств гроза,
Как если долго в лунный круг
Смотреть во все глаза.

1776

НЕИСТОВАЯ ЛЮБОВЬ

Навстречу тучам,
По горным кручам,
Под вой метели,
Сквозь мглу ущелий —
Все вперед, все вперед
День и ночь напролет!

Лучше, чем слиться
С земною отрадой,
В муках пробиться
Через препяды!
Вечно влеченья
Властная сила —
Ах! лишь мученья
Сердцам приносила!

В дебри уйти ли?
Бежать ее власти?
Тщетны усилия!
Тревожное счастье,
Вершина мечты,
Любовь — это ты!

1776

* * *

Вам, деревья, без утайки
Я поведаю о том,
У какой такой хозяйки
Вы растете под окном.

Ах, любви моей не скроешь,
Повторяй хоть сорок раз,
Что внимания не стоишь
Девы, чистой, как алмаз!

Кровью сердца ваши короны
Я волшебно оживил;
Все мечты мои, все стоны
Под корнями схоронил.
Сень, раскинься молодая!
Радость, вызрей до зари!
Ветер, вей, не затихая,
И стихами говори!

1780

ЛИДЕ

Единственным избранником своим, Лида,
Хочешь ты завладеть целиком — и по праву.
И он всецело твой.
Ведь после нашей встречи
Зыбкое марево жизни
Кажется мне лишь досадной завесой — сквозь
нее же

Неизменно брезжит твой образ —
Верный и кроткий свет;
Так за переливами северного сияния,
Как бы прихотливы они ни были,
Вечно сияют звезды.

1781

К МЕСЯЦУ

Зыбким светом облекла
Долы и кусты,
В мир забвенья унесла
Чувства и мечты.

Успокоила во мне
Дум смятенных рой,
Верным другом в вышине
Встала надо мной.

Эхо жизни прожитой
Вновь тревожит грудь,
Меж весельем и тоской
Одинок мой путь.

О, шуми, шуми, вода!
Буду ль счастлив вновь?
Все исчезло без следа —
Радость и любовь.

Самым лучшим я владел,
Но бегут года.
Горек, сердце, твой удел —
Жить в былом всегда,

О вода, шуми и пой
В тишине полей.
Слей певучий говор твой
С песнею моей,—

По-осеннему ль черна,
Бурно мчишься ты,
По-весеннему ль ясна,
И поиши цветы.

Счастлив, кто бежал людей,
Злобы не тая,
Кто обрел в кругу друзей
Радость бытия!

Все, о чем мы в вихре дум
И не вспомним днем,
Наполняет праздный ум
В сумраке ночном.

1775/1776

СИРЕНЫЙ МОЛЧАНИЕ

РАЗДУМЬЯ, ПЕСНИ И НОВЫЕ ГИМНЫ

НАДЕЖДА

Приведи мой труд смиренный,
Счастье, к цели вожделенной!
Дай управиться с трудами!
Да, я вижу верным взглядом:
Эти прутья станут садом,
Щедрым тенью и плодами.

1776

СМУТА

Перестань возвратом вечным
Вновь и вновь меня томить!
Дай — ах! — дай мне быть беспечным,
Не мешай счастливым быть!
Что избрать? Бежать? Остаться?
Смута, тягостен твой плен.
Если счастья не дождаться,
Мне хоть мудрость дай взамен!

1776 (1789)

ОТВАГА

С бодрым духом по глади вдаль,
Где еще ни один смельчак
Не дерзнул проложить пути,
Сам намечай свой путь!

Тише, сердце мое!
Треснет,— что за беда!
Рухнет,— лед, а не ты!

1775—1776

КОРОЛЕВСКАЯ МОЛИТВА

О, я владею миром и любовью
тех рыцарей, что услужают мне.

О, я владею миром и люблю
тех рыцарей, которыми любим.

О, дай, господь, не возгордиться мне
ни этой высотою, ни любовью.

1775/1776

* * *

Медлить в деянье,
Ждать подаянья,
Хныкать по-бабы
В робости рабьей,
Значит — вовеки
Не сбросить оков.

Жить вопреки им —
Властиям и стихиям,
Не пресмыкаться,
С богами смыкаться,
Значит — быть вольным
Во веки веков!

1776?

УШЕДШЕЙ

Так ты ушла? Ни сном ни духом
Я не виновен пред тобой.
Еще ловлю привычным слухом
Твои слова и голос твой.

Как путник с беспокойством смутным
Глядит в бездонный небосвод,
Где жаворонок ранним утром
Над ним — невидимый — поет;

Как взгляд мой, полный нетерпенья,
Следит — сквозь чащи — даль и высль,
Так все мои стихотворенья
«Вернись! — безумствуют.— Вернись!»

1788?

ИСТОЛКОВАНИЕ СТАРИННОЙ ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ,
ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ ГАНСА САКСА

Воскресным утром в своей мастерской
Наш славный мастер вкушает покой.
Он грязный фартук бросил под стол,
Надел свой праздничный, чистый камзол.
И пусть почивают гвозди, клемши,
Шило, дратва и прочие вещи.
Пусть в день седьмый отдохнет рука
От иглы сапожной и молотка.
Но весеннее солнце как припечет,
И досуг его к новой работе влечет.
Чувствует мастер: в назначенный срок
В мозгу его вызрел некий мирок,
Дышит, живет, спешит отделяться,
От своего создателя удалиться.

Умен и зорок взгляд у него,
Притом он добрейшее существо.
Ясным взором весь мир обнимет
И целый мир в себя он примет.
А речь-то, речь у него какова!
Легко, вольготно льются слова.
Музы его на пир приглашают:
Мейстерзингером провозглашают!..

Вот женщина молодая идет:
Пышные груди, округлый живот...
Да, на ногах стоит она твердо!
Держится царственно. Шествует гордо.

Не станет вилять ни хвостом, ни задом,
Вправо-влево рыскать взглядом.
В руке у ней циркуль, и обвита
Лента златая вокруг живота.
Венок из колосьев на лоб надет,
В очах — дневной, ослепительный свет...
Она обладает завидной известностью,
Зовясь Прямодушьем, Достоинством,
Честностью...

Вошла с поклоном она, с приветом,
А мастер наш хоть бы что при этом!
Он на нее и не поднял глаз:
Тебя, мол, вижу не в первый раз.
Она говорит: «В суматохе повальной
Ты, мастер, нрав сохранил похвальный,
Поскольку твоя голова ясна,
Поступки достойны, душа честна.
Маётся дурью людское стадо,
А ты все поймешь, смекнешь с полувзгляда.
Люди хнычат, прибиты уныньем сплошным.
А ты им представишь сей мир смешным!
Так, утверждая закон и право,
В суть вещей ты вникнешь здраво:
Прославишь Набожность и Честь,
Зло покажешь, каким оно есть.
Порок не прикрасишь и не пригладишь,
Издевкой Красоту не изгадишь,
А будешь видеть естество,
Как Альбрехт Дюрер видел его,—
Во всей его правде и точности,
Во всей его жизненной сочности.
И поведет тебя гений природы
Сквозь страны, времена и народы,
И тебе откроется жизнь сама —
Ее диковинная кутерьма,
Людская возня, суета, мельтешенье,
Беготня, и гонка, и копошенье,
Так что род человечий порой
Ты примешь за муравьиный рой,
Однако на весь этот пестрый поток
Ты будешь смотреть, как смотрят в раек,
А потом все, что видел, людям изложишь
И, возможно, им взяться за ум поможешь...».

Она распахивает окно:
Всяческих тварей за ним полно!
Различны их виды, сорта и оттенки,
Как в ином стихотворенье его или сценке.

Мастер блаженствует у окна.
Развеселила его весна.
Меж тем, кряхтя, сопя, приседая,
В мастерскую старуха вошла преседая.
Сказать вам, кто это была?
История, Мифология, Фабула!
Скрючена, сморщенна, а на спину
Она взвалила себе картину,
Доску с диковинною резьбой,
Которую тащит она с собой.
Там господь в торжественном облаченье
Проповедует людям свое ученье,
И, конечно, Ева там и Адам,
И Содом и Гоморра тоже там,
И образ двенадцати светлых жен
В зеркале чести отражен.
Там же — блуд, и разбой, и бесчинства черни,
И двенадцать тиранов, погрязших в скверне,
Справедливо наказанных божьей грозой...
И, конечно, там Петр со своею козой,
Недовольный вначале мироустройством,
Но затем совладавший с душевным
расстройством...
И у старушки расписан подол:
Здесь случаи всяческих бед и зол,
А также примеры правды и света...

Наш мастер с улыбкой смотрит на это.
Он, можно сказать, бесконечно рад:
В хозяйстве подобные вещи — клад.
Все эти случаи и примеры,
Своей придерживаясь манеры,
Искуснейше он перескажет нам,
Как если б он все это видел сам...
Картинаами редкостными влеком,
Мастер отдался им целиком,
Но вдруг над собою слышит он
Треск погремушек, бубенчиков звон.

Ага! Это Шут ему бьет челом:
Мартышкой вертится, блеет козлом,
А языком-то как бойко чешет!
Знать, байкой смешною его потешит,
Явился он чрезвычайно кстати,
Ведя за собой на длиннющем канате
Наиразличнейших дураков:
Дураков молодых, дураков-стариков,
Дураков-бедняков, дураков богатых,
Прямых и кривых, худых и пузатых,
Дураков-грамотеев, дураков-невежд,
Безнадежных, но полных дурацких надежд.
Размахивая бычачьим хвостом,
Шут погоняет их, как хлыстом.
А ну, пускай попарятся в бане!
Может, освободятся от дряни!
Являет Шут чудеса умения,
А число дураков растет тем не менее...
Наш мастер следить поспевает едва.
Кругом пошла у него голова:
Как обо всем этом рассказать?
Как это все воедино связать?
Да и слова подобрать какие,
Чтобы дела описать людские?
И где найти над собою власть,
Чтобы при этом в унынье не впасть
И не утратить душевного пыла?
Вдруг облачко прямо к окошку подплыло,
И в комнату прямо с него сошла
Красавица Муза, чиста и светла,—
Лучезарностью правды его озаряет,
Силой действенной ясности одаряет.
Она говорит: «Я пришла сюда,
Благословляю тебя навсегда.
Пусть священный огонь, что в тебе таится,
Светлым, жарким, высоким костром разгорится,
Но чтоб жизнь тебя вперед несла,
Я бальзам для души твоей припасла:
Да упьется она красою,
Словно почка весенней росою!..»

И вот, обернувшись назад,
Он видит дверцу, ведущую в сад.

И там, за невысоким забором,
Видит девушку с томным, поникшим взором.
Под яблонькой, перед ручейком,
Она сидит, вздыхает тайком.
И преискусно плетет веночек
Из алых роз — к цветку цветочек.
Ах, кто обладателем станет венка?
Она и сама не знает пока.
Но что-то ждет ее впереди,
И оттого — томленье в груди,
И мыслей смятенье, и взор этот влажный,
И вздох печальный и протяжный.
Дитя мое, радость моя, поверь,
Все, что тревожит тебя теперь,
Превратится в усаду и в благодать —
Надо только милого подождать.
Ты увидишь: единственный твой придет,
И забвенье в объятьях твоих найдет,
И будет взором твоим исцелен
Тот, кто был судьбой, как огнем, опален.
Пусть его лихорадит, пускай трясет —
Его лишь твой поделуй спасет.
И, от всех напастей освобожден,
К жизни будет любовью он возрожден.
Твое лукавство и плутовство
Не лекарство разве, не волшебство?..
И любовь остается навек молода,
И поэт не состарится никогда!..
Так наш мастер сладчайшее чудо зрит.
В этот миг над главою его парит
Дубовый венок среди облаков —
Награда певцу от грядущих веков.
И пусть к дьяволу тот попадет в кабалу,
Кто не воздаст ему честь и хвалу!

1782

НА СМЕРТЬ МИДИНГА

Дом Талии... В нем людно, как всегда.
Народ спешит, снуя туда-сюда.
На голой сцене топот, грохот, стук.
Ночь стала днем, страдою стал досуг...

Фантазией художника влеком,
Гремит проворный плотник молотком.
Гляжу: с костюмом Хауеншильд спешит —
Костюм для мавра иль для турка сшит?
А Шуман словно жалованью рад —
Нашел искомый колер, говорят.
А Тильенс что?.. Чем хуже он кроит,
Тем нас верней забавой покорит.
А вот и сам еврей Элькан, банкир...
...Мне кажется, здесь затеваются пир...

Как! Перечислив всех до одного,
Я не назвать отважился того,
Кто истинный творец подмостков сих,
Кто собственной рукою создал их
И, не щадя ни времени, ни сил,
Немые доски в *сцену* превратил!

Он так искусством загореться смог,
Что колики и кашель превозмог.
Но что с ним ныне?! Я ответа жду,
Внезапную предчувствую беду.
И вдруг ответ донесся, как сквозь сон:
Пойми! Не болен — умер, умер он!

Как?! Мидинг умер?! Кто это сказал?!

Стон гулким эхом наполняет зал.
Труд замер... Каждый руки опустил.
Клей, охладев, засох. Раствор застыл.
Конец!.. Лишь наступившая среда
Продолжила движение труда.

Он мертв... Земле останки предадим.
Но чем же мы его вознаградим?
Откройте гроб! Приблизьтесь все к нему,
Предавшись скорбно чувству *одному*,
Чтоб скорбь, что так безмерно тяжела,
Достойно в размышление перешла.

О славный Веймар! Ты известен всем
Как новый, европейский Вифлеем.
Одновременно и велик и мал,
Игру и мудрость ты в себя вобрал.

Благодаря завиднейшей судьбе
Смогли сойтись две крайности в тебе.
Так будь, к добру и к правде устремлен,
Святой игрою страсти окрылен!

И ты, о Муза, громко назови
То имя с чувством скорби и любви!
Ты стольких от забвения спасла,
Из вечной ночи к свету вознесла!
Так пусть же, устремляючись в зенит,
Над миром имя *Мидинг* прозвенит!..
Мы мним себя владыками судьбы,
Хоть в самом деле мы ее рабы,
И от того все норовим бежать
В пустой надежде время придержать.
Мы в лихорадке мечемся шальной,
Но, слыша стон соседа за стеной,
Стремимся улизнуть подальше прочь,
Чтоб дальнему — не ближнему помочь.
Таков наш мир... Так научи нас впредь
В чужой кончине и свою узреть!

Взываю к государственным мужам:
Кто здесь лежит, тот был подобен вам!
В служении он выгод не искал...
Как он умом, фантазией блестал!
И выросло творение его,
В котором притаилось волшебство.
Растрачивал он силы день за днем;
И автор и актер нуждались в нем.
Умело нитки дергала рука,
Да нитка жизни чересчур тонка.

Партер уж полон... Вот смолкает гул.
Вот дирижер уж палочкой взмахнул.
А он там где-то на колосниках
Еще хлопочет с молотком в руках,
Чтоб что-то прикрепить и подтянуть,
И не страшится сверзнуться ничуть.
С любовью вспомним, что он произвел:
Из проволоки гибкой крылья сплел,
Для пратикаблей применил картон,
Затейливые фурки создал он.

Тафта, бумага, олово, стекло —
Всё радостно к себе его влекло,
Чтоб, у людей захватывая дух,
Явились к ним герой или пастух.
Он мог ваш ум и сердце покорить
Умением волшебно повторить
Сверканье водопада, блеск зарниц,
И тихий шелест трав, и пенье птиц,
Дремучий лес, мерцанье звезд ночных,
При этом чудищ не страшась иных.

И, как природа, что вступает в бой,
Чтоб крайности связать между собой,
Он ремесло с искусством примирил.
Иной поэт, им вдохновлен, творил,
И был — самою Музой вознесен —
Директором природы прозван он!

Кто сможет удержать — спрошу в тоске —
Поводья эти все в одной руке?
Сумев *своим* искусством овладеть,
Служитель сцены должен все уметь.
Случается: сам автор до зари
Тайком от прочих чистит фонари...
Да, гений мертв... Но, смерти на беду,
Он нам оставил волю, страсть к труду,
И ученик, идущий вслед за ним,
Уже не сможет хлебом жить одним.

Что?! Слишком бедным кажется вам гроб
И нет в толпе сиятельных особ?
Вы мните: столь кипуч и славен, он
Достоин побогаче похорон.
Неужто тот, кто так достойно жил,
Достойного «прости» не заслужил?!

О нет! Богаты мы или бедны —
Изведавшие счастье все равны.
Он счастье высочайшее знал:
Все, что копил он, то и отдавал,
Сочтя, что достояние его
Одно искусство. Больше ничего!
И в этом утешение нашел.
Утешен жил. Утешен и ушел.

Плынет печальный колокольный звон —
Настало завершенье похорон.
Так кто ж воздаст ему последний долг,
Покуда скорбный хор еще не смолк?

О сестры! Это сделаете *вы*!
Искусства жрицы, жертвы злой молвы,
Вы, голодом томясь по целым дням,
Кочуете в возке по деревням,
Чтоб веселить и радовать народ.
Мир полн для вас диковинных щедрот.
Так возложите ж, дети доброты,
На гроб собрата лучшие цветы!

В страданье вознамерьтесь воплотить
Тот долг, что вам пристало оплатить:
Ведь и тогда мы поклонялись вам,
Когда пожар испепелил ваш храм!
И зритель, чей восторг не знал границ,
На площадях пред вами падал ниц.
Не ваш ли дивный дар в восторг поверг
Лачуги, замки, Тифурт, Эттерсберг?
О, сколько вы явили нам чудес
В своих шатрах и под шатром небес,
Вы, кто обворожительней богинь,
В лохмотьях странниц, в платьях герцогинь!!
За вами устремился даже тот
Безмозглый, злой, заносчивый народ,
Кто все хулил, порочил, презирал,
А здесь от сцены глаз не отрывал.

Вот тени тех, кто сгинул в старине,
Задвигались, оживши, на стене.
Минувшее воскрешено игрой
Немного необузданно порой.
Что некогда сложили галл иль бритт,
Здесь немцам по-немецки говорит,
И песнь и танец отданы в залог,
Чтоб расцветить бесцветный диалог.
А в многозвучный карнавальный шум
Значение и смысл приносит ум.
Так в действующих лиц превращены
Три короля из утренней страны.

На ваш алтарь дары каких высот
Дианы жрица жертвенно несет,
Что даже и теперь, в сей скорбный час,
Вы вправе вспомнить и прославить нас.

Друзья, посторонитесь! Дивный лик
Пред нами вновь торжественно возник.
Сияя, как рассветная звезда,
Царица наша шествует сюда.
Ниспосланная Музою самой,
Верх совершенства, цвет красы земной,
Она идет, и в ней воплощено
Всё то, что Красотой освящено.
Она снискала благосклонность муз,
Природа заключила с ней союз,
Чтоб, именем Корона увенчав,
Прославить ту, чей дух столь величав.
Ее неповторимые черты
Полны необъяснимой красоты.
И каждый с восхищеньем угадал,
Что в этот миг он видит Идеал.

Она кладет — немилосердный рок! —
Увитый черной лентою венок
Из алых роз, тюльпанов и гвоздик,
И взгляд ее во все сердца проник.
О, девичья прелестная рука
И миры похоронного венка!
Искусство здесь соединило их
Средь украшений траурных своих,
Где тихий лавр зелено-золотой
Прикрыт прозрачной черною фатой.

Очами увлажненными блестя,
Кладет венок чудесное дитя.
Народ молчит и воспринять гостов
Заветный смысл ее сердечных слов.

И дева молвит: «Горестно скорбя,
Усопший брат, благодарим тебя!
Ах, в этой жизни, добр ты или зол,
Еще никто до цели не дошел.

Ну, а тебе дала господня власть
К искусству нескончаемую страсть,
И с нею ты боле́знь переборол,
И радость с ней чистейшую обрел,
И ею жил, отринув смертный страх,
И с ней уснул, с улыбкой на устах.
И каждый, в ком искусства огнь горит,
Придет к холму, под коим ты зарыт,
И пусть надолго будет, на века
Земля тебе, как пежный пух, легка,
И обрети под гробовой доской
Тобою столь заслуженный покой!..»

1782

* * *

Всё даруют боги бесконечные
Тем, кто мил им, сполнна!
Все блаженства бесконечные,
Все страданья бесконечные — всё!

1776

НОЧНАЯ ПЕСНЬ ПУТНИКА

Ты, что с неба и вполне
Все страданья укродаешь
И несчастного вдвойне
Вдвое счастьем наполняешь,—

Ах, к чему вся скорбь и радость!
Истомил меня мой путь!
Мира сладость,
Низойди в больную грудь!

1776

ДРУГАЯ

Горные вершины
Сият во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немногого —
Отдохнешь и ты!

1780

ПЕСНЬ ДУХОВ НАД ВОДАМИ

Душа человека
Воде подобна:
С неба сошла,
К небу взнеслась
И снова с неба
На землю рвется,
Вечно меняясь.

Чистый, ясный,
С гранитной кручи
Струится ток.
Вот распылился,
Облаком легким
Приник к стене
И беззапретно
Вошел под покровом,
Лепеча,
Во мрак теснины.

Путь заступят
Потоку скалы,—
Вспенится гневно
И — по уступам —
В бездну!

В покойном ложе
Сонной долиной скользит,
И в озерную гладь,
Тешась, глядятся
Тихие звезды.

Ветер волне
Верный любовник,
Донную ветер
Глубь баламутит.

Воде ты подобна,
Душа человека!
Судьба человека,
Ты ветру сродни!

1779

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О, какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

1781

КАПЛИ НЕКТАРА

Раз, в угоду Прометею,
Своему любимцу, с неба
Чашу, полную нектара,
Унесла Минерва людям,
Чтобы созданных титаном
Осчастливить и вложить им
В грудь святой порыв к искусствам.
Шла она стопой поспешной,
Чтоб Юпитер не заметил,
И в златой плескалась чаше
Влага, и на зелень луга
Несколько упало капель.

Рой прилежных пчел примчался,
Все нектар усердно пили;
Озабоченный, спустился
Мотылек — добыть хоть каплю;

Сам урод-паук приплелся,
Пил нектар что было мочи.
Так сподобились блаженства
Эти крохотные твари,
Счастье высшее — искусство —
С человеком разделив.

1781

МОЯ БОГИНЯ

Кто среди всех богинь
Высшей хвалы достоин?
Ни с одной я не спорю,
Но одной лишь воздам ее,
Вечно изменчивой,
Вечно новой,
Странной дочери Зевса,
Самой любимой,—
Фантазии.

Ибо отец
Всякую прихоть,—
Хоть себе лишь дает он
Право на них,—
Ей позволяет,
Той, что мила ему
Сумасбродством.

Дано ей ступать,
Увенчавшись цветами,
По долинам средь лилий,
Летних птиц покоряя,
И устами пчелиными
Росную влагу
Пить с лепестков.

Ей также дано,
Взвеяв волны волос,
Со взором мрачным
Промчаться в вихре
Вокруг скал отвесных,
И тысячечветной,

Как утро и вечер,
И в смене вечной
Луне подобной
Являть себя смертным.

Все должны мы
Отца восславить!
Великий, древний,
Он обручил нас,
Смертных,— с прекрасной
Неувядаемо
Юной богиней.

Лишь нас одних
Сочетал он с нею
Небесными узами
И дал завет ей:
В беде и в счастье
Хранить нам верность
И не покидать нас.

Все остальные
Бедные чада
Многородящей
Живой земли
Ведают, видят
Лишь миг настоящий
С болью глухой
И смутной отрадой,
И жизнь скучая,
Как ярмом, гнетет их
Нуждою.

Нам же — ликуйте! —
Дал благосклонно он
Свою любимицу,
Искусницу-дочь.
Так встретьте с любовью
Ее, как невесту,
С почетом примите
Хозяйкою в дом!
И не позволяйте
Старухе-свекрови —

Мудрости — нежную
Хоть словом обидеть!

А я и сестру ее знаю,—
Она степенней и старше,
Тихая моя подруга.
О, пусть у меня
Только с жизнью отняты будут
Те силы, то утешенье,
Что дарит мне она,—
Надежда!

1780

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Когда стародавний
Святой отец
Рукой спокойной
Из туч гремящих
Молнии сеет
В алчную землю,
Край его ризы
Нижний делую
С трепетом детским
В верной груди.

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет:
Если подымется он и коснется
Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры.

Если ж стоит он
Костью дебелой
На крепко зданной,
Прочной земле,

То не сравняться
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.

Чем отличаются
Боги от смертных?
Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подъемлет,
Волна поглощает —
И тонем мы.

Жизнь нашу объемлет
Кольцо небольшое,
И ряд поколений
Связует надежно
Их собственной жизни
Цепь без конца.

1779

БОЖЕСТВЕННОЕ

Прав будь, человек,
Милостив и добр:
Тем лишь одним
Отличаем он
От всех существ,
Нам известных.

Слава неизвестным,
Высшим, с нами
Сходным существам!
Его пример нас
Верить им учит.

Безразлична
Природа-мать.
Равно светит солнце
На зло и благо,

И для злодея
Блещут, как для лучшего,
Месяц и звезды.

Ветр и потоки,
Громы и град,
Путь совершая,
С собой мимоходом
Равно уносят
То и другое.

И счастье, так
Скитаясь по миру,
Осенит то мальчика
Невинность кудрявую,
То плешивый
Преступленья череп.

По вечным, железным,
Великим законам,
Всебытия мы
Должны невольно
Круги совершать,
Человек один
Может невозможное:
Он различает,
Судит и рядит,
Он лишь минуте
Сообщает вечность.

Смеет лишь он
Добро наградить
И зло покарать,
Целить и спасать
Все заблудшее, падшее
К пользе сводить.

И мы бессмертным
Творим поклоненье,
Как будто людям,
Как в большом творившим,
Что в малом лучший
Творит или может творить.

**Будь же прав, человек,
Милостив и добр!
Создавай без отдыха
Нужное, правое!
Будь нам прообразом
Провидимых нами существ.**

1783

БАЛЛАДЫ

РЫБАК

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажною всплыла главой
Красавица из них.

Глядит она, поет она:
«Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного dna
В кипучий жар из вод?
Ах! если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой
Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?»

Бежит волна, шумит волна...
На берег вал плеснул!
В нем вся душа тоски полна,
Как будто друг шепнул!
Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.

1778

ПЕСНЯ ЭЛЬФОВ

Ночью порой, когда все вы уснете,
В глухой стороне,
В полуночный час —
Мы на волю выходим, и песни заводим,
И пускаемся в пляс.

Ночью порой, когда все вы уснете,
При свете звезды,
При свете луны —
На воле мы бродим, и песни заводим,
И танцуем — чьи-то — сны.

1780

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скакет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой»,
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися, младенец, ко мне;
Беселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовые, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец! В дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей;
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».

«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

1782

ПЕВЕЦ

«Что там за звуки пред крыльцом?
За гласы пред вратами?
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..»
Король сказал, и паж бежит.
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть?
Кто знает их названья?
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор, не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо,
У смелых взор смелей горит,
У жен поник стыдливо...
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой —
Почтить певца седого,

«Златой мне цепи не давай.
Награды сей не стою,
Ее ты рыцарям отдан
Бесстрашным среди бою,
Отдан ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..»

По божьей воле я пою
Как птичка в поднебесье,
Не чая мэды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!
Просил бы милости одной:
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»,

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом сам бог благословил,
Где это — скучным даром!
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!»

ИЗ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА»

МИНЬОНА

1

Ты знаешь край лимонных рощ в цвету,
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон,
Где дремлет мирт, где лавр заворожен?
Ты там бывал?

Туда, туда,
Возлюбленный, нам скрыться б навсегда.

Ты видел дом? Великолепный фриз
С высот колонн у входа смотрит вниз,
И изваянья задают вопрос:
Кто эту боль, дитя, тебе нанес?
Ты там бывал?

Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.

Ты с гор на облака у ног взглянул?
Взирается сквозь них с усилием мул,
Драконы в глубине пещер шипят,
Гремит обвал, и плещет водопад.
Ты там бывал?

Туда, туда
Давай уйдем, отец мой, навсегда!

Сдергись, я тайны не нарушу,
Молчанье в долг мне вменено.
Я б всю тебе открыла душу,
Будь это роком суждено.

Расходится ночная мгла
При виде солнца у порога,
И размыкается скала,
Чтоб дать источнику дорогу.

И есть у любящих предлог
Всю душу изливать в признанье,
А я молчу, и только бог
Разжать уста мне в состоянье.

1795

Кто знал тоску, поймет
Мои страданья!
Гляжу на небосвод,
И душу ранит.

В той стороне живет,
Кто всех желанней:
Ушел за поворот
По той поляне.

Шалею от невзгод,
Глаза туманит...
Кто знал тоску, поймет
Мои страданья.

1785

Я покрасуюсь в платье белом,
Покамест сроки не пришли,
Покамест я к другим пределам
Под землю не ушла с земли.

Свою недолгую отсрочку
Я там спокойно пролежу
И сброшу эту оболочку,
Венок и пояс развязжу.

И, встав, глазами мир окину,
Где силам неба все равно,
Ты женщина или мужчина,
Но тело все просветлено.

Беспечно дни мои бежали,
Но оставлял следы их бег.
Теперь, состарясь от печали,
Хочу помолодеть навек.

1796

АРФИСТ.

1

Кто одинок, того звезда
Горит особняком.
Все любят жизнь, кому нужда
Общаться с чудаком?
Оставьте боль мучений мне.
С тоской наедине
Я одинок, но не один
В кругу своих кручин.

Как любящий исподтишка
К любимой входит в дом,
Так крадется ко мне тоска
Днем и при свете ночника,
При свете ночника и днем,
На цыпочках тайком.
И лишь в могиле под землей
Она мне даст покой.

1782

Подойду к дверям с котомкой,
 Кротко всякий дар приму,
 Поблагодарю негромко,
 Вскину на плечи суму.
 В сердце каждого — заноза
 Молчаливый мой приход:
 С силой сдерживает слезы
 Всякий, кто мне подает.

1795

Кто с хлебом слез своих не ел,
 Кто в жизни целыми ночами
 На ложе, плача, не сидел,
 Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
 Заводят слабость в преступленья
 И после муками казнят:
 Нет на земле проступка без отмщенья!

1795

ФИЛИНА

Полно петь, слезу глотая,
 Будто ночь длинна, скучна!
 Нет, красотки, тьма ночная
 Для веселья создана.

Коль прекрасной половиной
 Называют жен мужья,
 Что прекрасней ночи длинной —
 Половины бытия!

День лишь радости уводит,
 Кто же будет рад ему?
 Он хорош, когда уходит,
 В остальном он ни к чему.

Но когда мерцают свечи,
Озарив ночной уют,
Нежен взор, шутливы речи
И уста блаженство пьют,

И когда за взгляд единый
Ваш ревнивый пылкий друг
С вами рад игре невинной
Посвятить ночной досуг,

И когда поет влюбленным
Песню счастья соловей,
А печальным, разделенным
Горе слышится и в ней,—

О, тогда клянем недаром
Мы часов бегущих бой,
Что двенадцатым ударом
Возвещает нам покой!

Пусть же всех, кто днем скучали,
Утешает мысль одна:
Если полон день печали,
То веселья ночь полна.

1795

**ЭПОХА
КЛАССИКИ**

РИМСКИЕ ЭЛЕГИИ

О моей поре счастливой
Рассказать теперь должны вы.

I

Камень, речь поведи! Говорите со мною, чертоги!
Улица, слово скажи! Гений, дай весть о себе!
Истинно, душу таят твои священные стены,
Roma aeterna! Почто ж сковано все немотой?
Кто мне подскажет, в каком окне промелькнет ненароком
Милая тень, что меня, испепелив, оживит?
Или, сбившись с пути, не узнал я дорогу, которой
К ней бы ходил и ходил, в трате часов не скучясь?
Обозреваю пока, путешественник благоприличный,
Храмы, руины, дворцы, мрамор разбитых колонн.
Этим скитаньям конец недалек. В одном только храме,
В храме Амура, пришел кров вожделенный найдет.
Рим! О тебе говорят: «Ты — мир». Но любовь отнимите,
Мир без любви — не мир, Рим без любви — не Рим.

II

Чтите, кого вам угодно, а я в надежном укрытье,
Дамы и вы, господа, высшего общества цвет;
Спрашивайте о родне, о двоюродных дяде и тете,
Скованный свой разговор скучной сменяйте игрой.
С вами также прощусь я, большого и малого круга
Люди, чья тупость меня часто вгоняла в тоску;
В политиканстве бесцельном все тем же вторьте сужденьям,
Что по Европе за мной в ярой погоне прошли.
Так за британдем одним «Мальбрук», упрямая песня,
Шла из Парижа в Турин, в Рим из Турина текла,

В Пизу, в Неаполь... И, вздумай он парус поставить
на Смирну,

Всюду «Мальбрук» бы настиг, в гаванях пели б
«Мальбрук».

Так вот и я — куда ни ступлю, все те ж пересуды:

Эти поносят народ, те — королевский совет.

Ныне не скоро меня разыщут в приюте, который

Дал мне в державе своей князь-покровитель Амур.

Здесь надо мной простер он крыло. Любимая вправду

Римлянка складом — таких бешеный галл не страшит.

О новостях и не спросит: ловить желанья мужчины,

Если ему предалась,— нет ей заботы другой.

Он ей забавен, дикарь свободный и сильный, чьи речи

Горы рисуют и снег, теплый бревенчатый дом.

Рада она разделять огонь, что зажгла в нем, и рада,

Что не как римлянин он — золоту счет не ведет.

Лучше стол обставлен теперь, и богаче наряды,

Ждет карета, когда в оперу хочется ей.

Северным гостем своим и мать и дочка довольны,

Варваром покорены римское сердце и плоть.

III

Милая, каешься ты, что сдалась так скоро? Не кайся:

Помыслом дерзким, поверь, я не принижу тебя.

Стрелы любви по-разному бьют: одаривает эта,

Еле задев, а яд сердце годами томит;

С мощным другая пером, с наконечником острым и
крепким,

Кость проинзает и мозг, кровь распаляет огнем.

В век героев, когда богини и боги любили,

К страсти взгляд приводил, страсть к наслаждению
вела.

Или, думаешь ты, томилась долго Киприда

В рощах Иды, где вдруг ей полюбился Анхиз?

Не поспеши Селена, целуя, склониться к солнццу,

Ох, разбудила б его быстрая ревность Зари!

Гера глянула в шумной толпе на Леандра, а ночью

Тот, любовью горя, бросился в бурную хлябь.

Рея Сильвия, царская дочь, спустилась с кувшином

К берегу Тибра, и вмиг девою бог овладел.

Так породил сыновей своих Марс. Вскормила волчица

Двух близнецов, и Рим князем земли наречен.

Набожный мы народ, влюбленные: в демонов верим,
 Рады ублаготворить всех и богов и богинь.
 Сходствуем в том с победителем римским: страну покоряя,
 Чуждым ее божествам в Риме давал он приют;
 Черным ли, строгим кумир из базальта иссек египтянин,
 Или же в мраморе дал белым, пленительный грек.
 Но не гневит богов, когда пред иным из бессмертных
 Ладан мы куриим щедрей, чем на других алтарях.
 Не утаю: к богине одной мы возносим молитвы
 Ревностней, чем к остальным, службу вседневно
 служа.

Тот плутовски, благочинно другой, мы празднуем втайне,
 Помня: молчанье всегда для посвященных — закон.
 Лучше мы дерзкий грех совершим, чтобы нас неотступно
 Свора эриний гнала, чтобы Крониона суд
 Нас к скале приковал, врацал в колесе, чем от этой
 Сладостной службы своей душу дадим отлучить.
 «Случай» богиню зовут. Ее узнавать научитесь:
 Часто нам предстает в разных обличьях она.
 Словно ее породил Протей, вскормила Фетида,
 Те, что, меняя свой вид, ловко спасались в борьбе.
 Так вот и дочь — обольщает, шутя, несмышеных
 и робких,

Сонного дразнит, маня, и улетает, как сон,
 Но уступает охотно тому, кто скор и напорист:
 Станет, игравая, с ним ласкова так и мила!
 Как-то девочкой смуглой она мне явилась. Обильно
 Падали волосы ей темной куделью на лоб;
 Нежно короткие пряди у гибкой курчавились шеи,
 В кольцах, не сплетены,вольно легли по плечам.
 Я бегущую вмиг опознал, подхватил — и в объятьях
 Мне, переняв урок, дарит она поделуй.
 Как я блаженствовал! Но... те дни прошли, и сегодня
 Крепко я оплетен вервием римской косы.

Чувствую радостно я вдохновенье классической почвой,
 Прошлый и нынешний мир громче ко мне говорят,
 Внемлю советам, усердно листаю творения древних,
 Сладость новую в том изо дня в день находя.

Ночью ж Амур к другим меня призывает занятьям:

Так, вполовину участь, счастлив я ныне вдвойне.
Впрочем, я ль не учусь, когда нежную выпуклость груди
Взором слежу, а рукой вдоль по бедру провожу?

Мрамора тайна раскрылася; закон постигаю в сравненьях:

Глаз, осязая, глядит, чувствует, гладя, рука,
Если ж дневные часы порой на любимую трачу,

Трату часом ночным мне возмещает она.

Ночью не сплошь поцелуи у нас, ведем и беседы;

Сон одолеет ее — в замыслы я погружусь.

Было не раз, что, стихи сочиняя в объятьях у милой,

Мерный гекзаметра счет пальцами на позвонках
Тихо отстукивал я. Любимая дышит в дремоте —

Мне дыхания жар грудь до глубин опалит.

Факел меж тем разжигает Амур, времена вспоминая,

Как триумвирам своим ту же услугу дарили.

VI

«Ты ль, жестокий, меня оскорбляешь такими словами?

Или мужчины, любя, так злоречивы у вас?

Пусть осуждает меня толпа, я снесу терпеливо.

Знаю: грешна. Но кто грех мой единственный? Ты!

Эти платья, они для завистливой сплетни улика,

Что надоело вдове плакать по мужу в тиши.

Неосмотрительный, ты не ходил ли ко мне в новолуные:

Темный строгий сюртук, волосы сзади кружком?

Разве не сам ты, шутя, захотел рядиться в сутану?

Шепчутся люди: «Прелат!» Кто же им был, как

не ты?

В Риме, в поповском гнезде, хоть трудно поверить,

клянусь я,

Из духовенства никто ласки моей не познал.

Да, молода и бедна, обольстителей я привлекала,

Фольконieri не раз жадно глядел мне в глаза,

Деньги большие мне сводник сулил, посредник Альбани,

В Остию звал он меня, в Кватро Фонтане манил.

Не соблазнили меня посулы! Уж слишком противен

Был мне лиловый чулок, не был и красный милей!

Сызмала знала: «Всегда под конец девчонка в накладе!»

Так мой отец говорил, даром что мать не строга.

Вот и сбылось: обманута я! Ведь только для виду

Сердишься ты, а сам, знаю, задумал сбежать.

Что ж, иди! Вы женской любви не стоите. Носим

Мы под сердцем дитя, верность мы носим в груди.

Вы же, мужчины, в объятьях и верность и страсть

изливая,

Всю расточаете вы легкую вашу любовь».

Милая так говорила и, на руки взяв мальчугана,

Стала его деловать; слезы из глаз потекли.

Как же был я пристыжен, что дал людскому злоречью

Светлый облик любви так предо мной очернить!

Тускло пламя горит лишь миг и чадно дымится,

Если водой невзначай в жаркий плеснули очаг.

Тотчас, однако же, пламя очистится, дым разойдется;

Снова, юн и силен, ясный взовьется огонь.

VII

О, как в Риме радостно мне! Давно ль это было?

Помню, серый меня северный день обнимал.

Небо угрюмо и грузно давило на темя; лишенный

Красок и образов мир перед усталым лежал.

Я же о собственном «я», следя недовольного духа

Сумеречные пути, в помыслов глубь уходил.

Ныне мне лег на лоб светлейшего отсвет эфира,

Феб-жизнедавец призвал к жизни и форму и цвет.

Звездами ночь ясна, и звучит она музыкой мягкой;

Ярче, чем северный день, южного месяца свет.

Что за блаженство смертному мне! Не сон ли?

Приемлет

Твой амврозийный дом гостя, Юпитер-отец?

Вот я лежу и руки к твоим простираю коленам

В жаркой мольбе: «Не отринь, Ксений-Юпитер, меня!

Как я сюда вошел, не умею сказать: подхватила

Геба меня, увлекла, странника, в светлый чертог.

Может быть, ты вознести героя велел, и ошиблась

Юная? Щедрый, оставь, что мне ошибкой дано!

Да и Фортуна, дочь твоя, тоже поди, своеенравна:

Кто приглянулся, тому лучшее в дар принесет.

Гостеприимцем зовешься, бог? Не свергай же пришельца

Ты с олимпийских высот вновь на низину земли».

«Стой! Куда взобрался, поэт?» — Прости мне! Высокий

Холм Капитолия стал новым Олимпом твоим.

Здесь, Юпитер, меня потерпи; а после Меркурий,

Цестиев склеп миновав, гостя проводит в Аид».

VIII

Ежели ты говоришь, дорогая, что девочкой людям

Ты не нравилась, мать пренебрегала тобой,
После ж, подростком, в тиши расцвела ты,— я верю,

голубка:

Любо мне думать, что ты странным ребенком росла.
Так виноградный цветок не пленяет ни формой,
ни краской,
Ягод же зрелая гроздь — радость богов и людей.

IX

В осени ярко пылает очаг, по-сельски радушен;

Пламя, взвиваясь, гляди, в хворосте буйно кипит.
Ныне оно мне отрадно вдвойне: еще не успеет,

В уголь дрова превратив, в пепле заглохнуть оно,—
Явится милая. Жарче тогда разгорятся поленья,

И отогретая ночь праздником станет для нас.
Утром моя домоводка, покинув любовное ложе,

Мигом из пепла вновь к жизни разбудит огонь.
Ласковую Амур наделил удивительным даром:

Радость будить, где она словно заглохла в золе.

X

Цезарь и Александр, великие Генрих и Фридрих

Мне бы щедрую часть отдали славы своей,
Если бы каждому я хоть на ночь уступил это ложе:

Только строго Орк держит их властью своей.
Будь же ты счастлив, живущий, гнездом, согретым

любовью,

В Лету доколь на бегу не окунул ты стопы.

XI

Грации, вам на алтарь стихотворец возложит страничку,

К ней добавит пяток полураскрывшихся роз —
И успокоится. Любят свою мастерскую художник,

Если в ней предстает полный всегда Пантеон.
Хмурит Юпитер бровь, чело возносит Юнона;

Гордо кудрями тряхнув, вышел вперед Мусагет,
Как равнодушно Минерва глядит, а легкий Меркурий
В сторону глазом косит ласково и плутовски.

Но Кифарея дарит мечтателю нежному, Вакху,
Сладость нег суля, влажный и в мраморе взор.
Словно объятий его не забыла и сонного дразнит:
«С нами бок о бок стоять мог бы пленительный сын!»

XII

С Виа Фламиния шум голосов ты слышишь, голубка?
Это жнецы побрели с дальних полей по домам
С шуткой, со смехом: жатву убрали для римских хозяев,
Тех, кто сам небрежет свить для Цереры венок.
Праздник теперь не справляют богине, что нам золотую,
Вместо сырых желудей, в пищу пшеницу дала.
Мы же вдвоем, в тиши отметим радостно праздник:
Любящая чета — тот же согласный народ.
Слышала ль ты когда о таинстве древнем, пришедшем
Из Элевсина в Рим за триумфатором вслед?
Установили греки его, и греки взывали
Даже в Риме: «Войди, смертный, в священную ночь!»
Не подойдет и близко профан, новичок же, бывало,
Трепетно ждет, облачен в белое — знак чистоты.
Вводят в храм. Сквозь рой невиданных чудищ бредет он,
Ошеломленный, и мнит: «Я не во сне ли?» В ногах
Змеи кишат. Чередой, в венках из колосьев — у каждой
Запертый ларчик в руках — девушки мерно идут.
С глубокомысленным видом гундосят жрецы, ученик же,
Еле скрывая страх, жадно глядит на огонь.
Лишь после всех испытаний откроется и неофиту
Для посвященных живой, спрятанный в образы

смысл.

В чем же тайна? А в том, что однажды Великая Матерь
Милостиво снизошла ласку героя познать,
Критского юношу Иасиона, царя-землепашца,
Скрытым дарам приобщив плоти бессмертной своей.
Счастье в Крит пришло! Богини брачное ложе
Заколосилось, взошел тучный на нивах посев.
Весь же прочий мир изнемог. Забыла Деметра
В жарких утехах любви свой благодетельный труд...
Внемлет сказке, дивясь, посвященный, украдкой подруге
Знак подает — а тебе внятен, любимая, знак?
Этот раскидистый мирт освятил нам укромное место,
Миру не будет вреда, если мы жар утолим.

Был и остался плутом Амур. Доверься — обманет!
 Шепчет притворщик: «Поверь ну хоть на этот-то раз!
 Мне ли с тобой плутовать? Моему ты отдал служенью
 Всю свою жизнь, все стихи. Я — благодарный
 должник.

Видишь, и в Рим за тобой поспешил. А зачем? Захотелось
 Здесь, на чужой стороне, радость тебе подарить.
 Жалобы слышу, что нет у римлян к приезжим радушья,
 Если ж Амур прислал, гостю и ласка и честь,
 С благоговеньем ты смотришь развалины старых
 строений,
 С чувством проходишь по всем достопочтенным
 местам.

Выше всего ты чтишь обломки статуй — наследье
 Скульптора, в чьей мастерской гашевал я, и не раз.
 Образы эти — творенья мои. Прости, не пустою
 Тешусь я похвальбой, сам же ты видишь, я прав,
 Ты мне ленивой служишь — и где ж они, прелесть
 рисунка,

Краски живые твои, воображения блеск?
 Снова, друг, потянуло ваять? Что же, греческой школы
 Двери настежь — запор не наложили года.
 Вечно юный наставник, лишь юных люблю я: претит мне
 Трезвый старческий ум. Смело! Вникай и поймешь:
 Древность была молода, когда те счастливые жили!
 Счастлив будь, и в тебе древний продолжится век.
 Нужен предмет любви? Я дам. Но высшему стилю
 Только сама любовь может тебя научить».
 Так он внушал, софист, а я и не спорил. Властитель:
 Мне повелел, и увы! — я подчиняться привык;
 Он же предательски слово сдержал: дал предмет, но для
 песен

Времени не дал. Никак мысли собрать не могу!
 Речь влюбленные взглядом ведут, поделуем, пожатьем
 Рук, особым словцом — и полусловом порой!
 Сорванный вскользь поцелуй, да шепот и лепет
 любовный —

Гимн такой отзвучит и без отсчета слогов.
 Музам ты верной была подругой, Аврора. Ужели
 Сбил и Аврору с пути этот беспутный Амур?

Вот предстаешь ты его наперсницей мне: разбудила
И к алтарю зовешь празднику ему отслужить.
Чувствую кудри ее на груди. Я шею обвила ей.
Спит, и мне на плечо давит ее голова.
Радостное пробужденье! Часы покоя, примите
Плод ночных усадей, нас убаюкавших в сон.
Вот потянулась она во сне, разметалась на ложе,
Но, отстранившись, не спешит пальцы мои отпустить.
Нас и душевная вяжет любовь, и взаимная тяга,
А переменчивы там, где только плотская страсть.
Руку пожала. Сейчас распахнет небесные очи.
Нет. Закрыты. Дает образ спокойно творить.
Не открывай, не смущай, не пьяни! Созерцания сладость,
Радости чистый родник, повремени отнимать!
Прелесть форм, изгибов изящество! Будь Ариадна
Так хороша во сне, разве сбежал бы Тезей?
Выпить еще один поцелуй, заглянуть на прощанье
В очи... Проснулась! Тезей, ты навсегда полонен.

XIV

«Мальчик! Свет зажигай!» — «Да светло! Чего
понапрасну
Масло-то переводить? Ставни закрыли к чему?
Не за горою, поди, за крышами солнце укрылось —
Добрых полчасика нам звона ко всенощной ждать»,
«Ох, несчастный! Ступай и не спорь! Я жду дорогую.
Вестница ночи меж тем, лампа, утешит меня!»

XV

Нет, за Цезарем я не пошел бы к далеким британцам,
Флор в попину скорей мог бы меня затащить.
Мне куда ненавистней печального севера тучи,
Чем хлопотливый народ южных пронырливых блок.
С этого дня я чту вас вдвойне, кабаки да харчевни,
Иль острии, как вас Рим деликатно зовет.
Вы мне явили сегодня любимую с дядей, с тем самым,
С кем, чтобы мною владеть, вечно плутует она.
Тут — наш стол, где устроились теплой компанией немцы,
Девочка ж насупротив с маменькой села своей.
Все подвигает скамью, — и как же ловко! — чтоб видел
Я в полуправиль лицо, спину ж во всю ширину!

Громче ведет разговор, чем в обычай римлянок; станет

Всем подливать, на меня глянет — и мимо прольет.

По столу льется вино, а плутовка пальчиком нежным

На деревянном листе влажные чертит круги.

Имя сплела мое со своим. И как я глазами

Жадно за пальцем слежу, вмиг уловила она.

Римской пятерки знак под конец она вывела быстро

И перед ней черту. Дав мне едва разглядеть,

Стала круги навивать, затирая и буквы и цифру,

Но драгоценную ту глаз мой четверку сберег.

Нем сидел я и в кровь искасал горевшие губы,

То ли плутне смеясь, то ли желаньем палим.

Сколько до ночи часов! И за полночь долгих четыре!

Солнце, замерло ты, медлишь, взирая на Рим.

«Большего ты не видало, и большого ты не увидишь», —

Так в упоении встарь жред твой Гораций предрек.

Только не медли сегодня, молю: благосклонное, раньше

От семихолмия ты взоры свои отведи.

Дивный час золотой сократи поэту в угоду,

Час, что блаженней других тешит художника глаз.

Глянь напоследок скорей, пылая, на эти фасады,

На купола, обелиск и на когорту колонн;

Ринуться в море спеши, чтобы завтра увидеть пораньше

То, что веками тебе высшую радость дает.

Топкий этот, на версты поросший осокою берег,

Склоны в пятнах кустов, в сумрачной сени дубрав.

Мало виделось хижин сперва. Потом ты узрело:

Зажил разбойничий здесь и домовитый народ;

Всё в облюбованный этот притон волокли, и едва ли

Ты бы в окружे нашло чем-либо взор уладить.

Видело: мир возникал, и мир в развалинах рухнул,

Вновь из развалин восстал больший как будто бы

мир.

Дабы мне дольше видеть его тобой озаренным,

Медленно пусть и умно нить мою парка прядет.

Ты поспешай, однако ж, ко мне, мой час долгожданный.

Счастье! Не он ли! Бьет! Нет: но уж пробило три!

Так-то, милые музы, легко обманули вы скуку

Долгих часов, что меня держат с любимою врозь.

Доброй вам ночи! Пора! Бегу, не боясь вас обидеть:

Гордые вы, но всегда честь воздаете любви.

XVI

«Что ж ты сегодня, любимый, забыл про мой
виноградник?

Там, как сулила, тайком я поджидала тебя».

«Шел я туда, дружок, да вовремя, к счастью, приметил,

Как, хлопочая и трудясь, дядя вертелся в кустах.

Я поскорей наутек!» — «Ох, и как же ты обознался!

Пугало — вот что тебя прочь отогнало. Над ним
Мы постарались усердно, из лоз плели и лохмотьев;

Честно старалась и я — вышло, себе ж на беду!»

Цели старик достиг: отпугнул он дерзкую птицу,

Ту, что готова сгубить сад — и садовницу с ним.

XVII

Многие звуки я не терплю, но что вовсе несносно,

Это собачий брех,— уши он, подлый, дерет.

Только одна собака забрешет и в сердце пробудит

Теплую радость — пес, что у соседа живет.

Он однажды залаял, когда моя девочка робко

Кралась ко мне, и едва тайну не выдал чужим.

Лай у соседа заслышиав, я сразу зажгусь: «Не она ли?»

Или припомню, как дверь гостье желанной открыл.

XVIII

Весь одна мне досадней всего. Но есть и такое,

Что и помыслить о том без омерзенья нельзя —

Каждой жилкой дрожиши. Скажу, друзья, откровенно:

Мне, как ничто, претит вдовая ночью постель.

Но уж куда как мерзостен страх на любовной дороге

Встретить змею, испить яда с росою услад;

Страх, что в дивный миг, дарящий радость, забота

Вдруг подползет с шепотком к сникшей твоей голове.

Мне хорошо с Фаустиной моей! Всегда ей в охоту

Ложе со мной делить, верному верность храня.

В юном преграда пыл распалит. А я — полюбил я

Черпать радость и в том, что закрепил за собой.

Что за блаженство! В доверье обмениваться поделуем,

Выпить дыханье с губ, влить и дыханье и жизнь!

Так мы тешимся долгую ночь: грудь ко груди, и внемлем

Ветра и ливня шум, грома далекий раскат.

Но подкрался рассвет. Тут часы нам приносят
Ворох свежих цветов — празднично день увенчать,
Дайте мне счастья, квириты, и каждому полную меру
Лучшего блага из благ бог вам в награду подаст!

XIX

Нам нелегко уберечь наше добroe имя: в раздоре
С Фамой, как ведомо вам, мой покровитель Амур.
Спросите: а почему друг друга они невзлюбили?
Давние это дела. Слушайте, я расскажу.
Фама могучей слыла богиней, но просто несносной
В обществе: весь разговор хочет одна направлять.
Боги, бывало, сойдутся за чашей — великим и малым,
Всем ненавистна она голосом трубным своим.
Вздумалось некогда ей кичливо хвалиться, что вот-де
Зевса возлюбленный сын ныне в рабах у нее.
«Царь богов! — торжествует она.— Моего Геркулеса
Я приведу на Олимп как бы родившимся вновь.
Он уже не Геркулес, от тебя Алкменой рожденный,—
Чтя мой гордый алтарь, богом он стал на земле.
Взор на Олимп устремив, он, ты думаешь, хочет к коленам
Зевса припасть? Извини, в небе он только меня
Видит, доблестный муж, и мне одной в угожденье
Одолевает никем в прошлом не хоженный путь.
Я же повсюду его провожаю и славлю заране,
Прежде чем наш герой подвиг успеет свершить.
Сам ты мне прочил его в мужья: «Победит амазонок,
Вот и пойдешь за него!» Что ж! Я б охотно пошла».
Все молчат. Раздразнить боятся хвастунью: озлившись,
Фама измыслит всегда пренеприятную месть.
Недоглядела она, как Амур ускользнул и героя
С легкостью отдал во власть смертной красивой жены.
Перерядил он чету: красавице бросил на плечи
Львиную шкуру и груз палицей усугубил.
В космы затем герою цветов понатыкал да в руку
Прялку сует,— и рука, приюровившись, прядет.
То-то потешный вид! Побежал проказник и кличет
В голос на весь Олимп: «Дивное диво грядет!
Век ни земля, ни небо, ни ты, безустанное солнце
На неуклонном пути, равных не зрею чудес!»
Все примчались, поверив обманщику, так убежденно
Звал он. И Фама туда ж. Не отстает от других.

Кто обрадован был униженьем героя? Известно,
Гера! Дарит она ласковый взор шалуну.
Фама стоит, объята стыдом, и тоской, и смятеньем...
Все смеялась сперва: «Боги! Да это ж актер!
Мне ль моего Геркулеса не знать? Нас ловко дурачат
Маски! — Но с болью потом молвила: — Все-таки
он!»

Так и в тысячной доле Вулкан не терзался при виде
Женушки, взятой в сеть вместе с могучим дружком.
Вот они: венный миг петля стянулась послушно,
Пойманным дав припасть к сладостной чаше утех,
Как взвеселились юнцы — и Вакх и Меркурий! Обоих
Дразнит соблазн и самим так же на лоно возлечь
Великолепной этой любовницы. Смотрят и просят:
«Не выпускай их, Вулкан! Всность наглядеться
дозволь!»

И старик, рогоносец хромой, держал их все крепче.
Фама же прочь унеслась, бешеною злобой горя.
С этого часа вражда между ними не знает затишья.
Фама героя найдет — мигом приспеет Амур.
Кто ей милей других, того он охотней изловит;
Тех, кто душою чист, вдвое опасней язвит.
Если его бежишь, все глубже в беде увязаешь.
Девушку он подает, если ж отвергнешь, презрев,
Первым его стрелы ощущишь коварное жало.
В муже страсть распалит к мужу или похоть к скоту.
Кто лицемерно стыдится его, того приневолит
В тайном пороке пить горечь немилых услад.
Но и богиня гонит врага, следит она в оба:
Тот приступился к тебе — эта готовит беду;
Смерила взором, скривила рот и строго, нещадно
Самый дом клеймит, где загостился Амур.
Так и со мной: я почуял уже — богиня на страже,
Ищет ревниво она тайну мою проследить.
Но... есть давний закон: «Чти молча» — как некогда греков,
Не вовлекла бы меня царская ссора в беду!

XX

Сила красит мужчину, отвага свободного духа?
Рвение к тайне, скажу, красит не меньше его.
Градокрушительница Молчаливость, княгиня народов!
Мне, богиня, была в жизни водителем ты.

Что же судьба припасла? Мне муга, смеясь, размыкает,

Плут размыкает Амур накрепко сомкнутый рот.

Ох, куда как не просто скрывать позор королевский!

Худо прячет венец, худо фригийский колпак

Длинные уши Мидаса: слуга ли ближайший приметил —

Страшно дарю, на груди тайна, что камень, лежит.

В землю, что ли, зарыть, склонить этот камень

тяжелый?..

Только тайны такой не сохранит и земля!

Станут вокруг камыши, запуршат, зашепчутся с ветром:

«А Мидас-то, Мидас! Даром что дарь, — долгоух!»

Мне же безмерно тяжеле блюсти чудесную тайну,

Льется легко с языка то, что теснилось в груди.

А ни одной не доверишь подруге — бранить они будут;

Другу доверить нельзя: что, коль опасен и друг?

Роще свой поведать восторг, голосистым утесам?

Я не настолько же юн, да и не столь одинок!

Вам, гекзаметры, я, вам, пентаметры, ныне поверю,

С нею как радуюсь дню, ею как счастлив в ночи!

Многим желанна, сетей она избегает, что ставит

Дерзко и явно — кто смел, тайно и хитростно — трус.

Мимо пройдет, умна и легка: ей ведома тропка,

Где в нетерпении ждет истинно любящий друг.

Медли, Селена! Идет она! Как бы сосед не заметил...

В листьях, ветер, шуми — в пору шаги заглушить!

Вы же растите, цветите, любезные песни! Качайтесь

В тихом трепете лоз, в ласковой неге ночной —

И болтливым, как тот камыш, откройте квиритам

Тайну прекрасную вы взысканной счастьем четы.

СИРЕНЫ МОСКОВСКИЕ

ЭПИГРАММЫ. ВЕНЕЦИЯ 1790

Так поэты,— сам взляни! —
Тратят деньги, тратят дни.

1

Жизнь украшает твои гробницы и урны, язычник:
Фавны танцуют вокруг, следом менад хоровод
Пестрой течет чередой; сатир трубит что есть мочи
В хриплый пронзительный рог, толстые щеки надув.
Бубны, кимвалы гремят: мы и видим мрамор и слышим.
Резвые птицы, и вам лаком налившийся плод!
Гомон вас не спугнет; не спугнуть ему также Амура:
Факелом тешится всласть в пестрой одежде божок.
Верх над смертью берет избыток жизни — и мнится:
К ней причастен и прах, спящий в могильной тиши.
Пусть же друзья обовьют этим свитком гробницу поэта:
Жизнью и эти стихи щедро украсил поэт.

2

Только лишь я увидал, как ярко солнце в лазури,
Как венком из плюща каждый украшен утес,
Как виноградарь усердный подвязывал к тополю лозы,
Только лишь ветром меня встретил Вергилия край,—
Тотчас же к другу опять примкнули музы, и с ними
Прерванный наш разговор я как попутчик повел.

3

Все еще милую я сжимаю в жадных объятьях,
Все еще к мягкой груди грудь моя льнет потесней,
Все еще, голову к ней положив на колени, гляжу я
Снизу любимой в глаза, милые губы ищу.

«Неженка! — слышу упрек я.— Так вот как дни ты
проводишь!»

Плохо я их провожу! Слушай, что стало со мной!
Я отвернулся, увы, от радости всей моей жизни,

Мне веттурино перечит, и сборщик пошлины льстит мне,

В каждом трактире слуга лжет и надуть норовит,
Чуть лишь от них захочу я избавиться — схватит

почтмейстер:

Каждый почтарь — господин, каждый таможенник —
дарь.

«Да, но казалось мне — ты блаженствуешь, словно
Ринальдо!

Я не пойму! Ты ведь сам противоречишь себе».

Мне-то все ясно зато: в дороге — одно только тело,

Дух мой покоится там, возле любимой моей.

4

Край, что сейчас я покинул,— Италия: пыль еще вьется,

Путник, куда ни ступи, будет обсчитан везде.

Будешь напрасно искать ты хоть где-то немецкую

честность:

Жизнь хоть ключом и кипит, нету порядка ни в чем.

Каждый здесь сам за себя, все не верят другим, все

спесивы,

Да и правитель любой думает лишь о себе.

Чудо-страна! Но увы! Faustины уж здесь не нашел я...

С болью покинул я край — но не Италию, нет!

5

Раз по Большому каналу я плыл, растянувшись в гондоле;

Много груженых судов там на причале стоит,

Есть там любые товары, здесь все, что захочешь, найдется:

Овощи, вина, зерно, веток вязанки сухих.

Меж кораблей неслись мы стрелой. Вдруг веточка лавра

В щеку мне больно впилась. «Дафна, за что? —

я вскричал.—

Ждал я награды иной!» Но шепнула мне нимфа

с улыбкой:

«Лёгки поэтов грехи — лёгки и кары. Греши!»

Встречу ль паломника я — и нет сил от слез удержаться:
Сколько блаженства порой нам заблужденье дает!

Милая, жизни дороже, была со мною когда-то.
Больше со мной ее нет. Молча утрату сноси!

Эту гондолу сравню с колыбелью, качаемой мерно,
Делает низкий навес лодку похожей на гроб.
Истинно так! По Большому каналу от люльки до гроба
Мы без забот через жизнь, мерно качаясь, скользим.

Дож и нунций у нас на глазах выступают так важно,—
Бога хоронят они; дож налагает печать.
Что себе думает дож, не знаю, но знаю, что нунций,
Пышныйправля обряд, втайне смеется над ним.

Что суетится народ, что кричит? — Прокормиться он хочет,
Вырастить хочет детей, как-нибудь их прокормить.
Путник, ты это приметь и дома тем же займися:
Как ни крутись, а никто дальше того не пошел.

Ох, как трезвонят попы! И на звон их усердный приходят
Все, лишь бы в церкви опять нынче болтать, как
вчера.
Нет, не браните попов: они знают, что надобно людям.
Счастлив, кто сможет болтать завтра, как нынче
болтал.

Льнет к пустодуму толпа, как песок у моря, бессчетна.
Перл предпочту я песку: друг мой пусть будет умен.

Сладко под мягкой стопой весенний почувствовать клевер
 Или нежной рукой гладить ягненка волну.
 Сладко — в новом цвету увидать ожившие ветви,
 После — зеленою листвой тешить тоскующий взгляд.
 Слаще — цветами грудь украшать пастушке, ласкаясь,—
 Но не приносит мне май радости этой тройной.

Я уподоблю страну наковальне; молот — правитель,
 Жесть между ними — народ, молот сгибает ее.
 Бедная жесть! Ведь ее без конца поражают удары
 Так и сяк, но котел, кажется, все не готов.

Тронул толпу пустодум, и приверженцев много собрал он;
 Умный отыщет, увы, любящих мало друзей.
 Лик чудотворных икон нередко написан пресковерно:
 Там, где искусство и ум,— чернь и слепа и глуха.

Стал повелителем тот, кто о собственной выгоде помнил,—
 Мы предпочли бы того, кто бы и нас не забыл.

Учит молиться беда, говорят. Захочешь учиться —
 Съезди в Италию: там всякий приезжий в беде!

Ну и толпа в этой лавке! Все время деньги считают,
 Бесят, вручают товар. Чем же торгует купец?
 Нюхательным табаком! Да, здесь познал себя каждый:
 Все черемицу берут без предписанья врача.

Должем в Венеции стать может каждый патриций,
 и каждый
 С детства поэтому строг, чинен, изящен и горд.
 Вот почему так нежны у католиков здешних облатки:
 То же тесто попы в плоть претворяют Христа.

Два древнегреческих льва стоят у стен Арсенала:
 Рядом с ними малы башня, ворота, канал!
 Если б явилась Кибела — они бы впряженлись в колесницу,
 Мчалась бы Матерь богов, радуясь слугам своим.
 Но неподвижно и грустно стоят они: новый, крылатый
 Кот здесь мурлычет; его город патроном зовет.

Странствует всюду паломник, но только найдет ли
 святого?

Сможет ли ныне иль впредь он чудотворца узреть?
 Нет, уж не те времена! Найдешь ты одни лишь останки:
 Всё, что хранится в церквях,— череп да кучка
 костей.
 Все мы паломники, все, кто в Италию жадно стремится:
 Только истлевшую кость благоговейно мы чтим.

О дожденосец Юпитер, сегодня ты к нам благосклонен,
 Ибо немало даров сразу ты нам ниспоспал:
 Дал ты Венеции пить, дал земле зеленые всходы,
 Кничечке этой моей несколько дал эпиграмм.

Лейся сильней! Напои лягушек в мантиях красных,
 Жаждущий край ороси, чтобы капусту родил.
 Только мне в книжку воды не налей! Пускай уж в ней
 будет
 Чистый арак; а пунш всяк себе сварит на вкус.

Церковь — Святой Иоанн на Грязи; всю Венецию нынче
 Можно по праву назвать Марком Святым на Грязи;

Видел ты Байи? Так, значит, ты знаешь море и рыбу.
 Здесь же — Венеция, здесь лужи узнал ты и жаб.

«Ты еще спишь?» — «Помолчи, не мешай мне спать! Ну,
проснусь я, —
А для чего? Ведь кровать хоть широка, да пуста!
Если ты спишь один — для тебя Сардания всюду,
Тибур — везде, где тебя милая будит, мой друг!»

Часто все девять меня манили (я муз разумею),
Я ж их призыву не внял: льнул я к любимой моей.
Ныне любовь я покинул, меня же покинули музы.
Глядя в смятенье вокруг, нож иль веревку ищу.
Впрочем, богов на Олимпе не счасть! И ты мне спасенье,
Скука! Тебя величать следует матерью муз.

Спросишь, какую подругу хочу я? Какую хотел я,
Ту и нашел; значит, я многое в малом обрел.
На берегу собирая ракушки, в одной отыскал я
Маленький перл, и его нынче на сердце храню.

Часто я рисовать и царапать на меди пытался,
Маслом писал иль рукой глину сырую давил,
Но, без усердья трудясь, не сумел ничему научиться,—
Только один свой талант усовершенствовал я:
Дар по-немецки писать. И на это негодное дело
Я, несчастный поэт, трачу искусство и жизнь.

Нищенки, лица закрыв, прелестных держат младенцев,
Вот что значит — уметь к сердцу мужскому возвзвать!
Каждый, увидев мальчиконку, иметь захочет такого,
Каждый, не видя лица матери, хочет ее.

Хочешь ты тронуть меня, попросив для ребенка? — Не
твой он!
Тронула та лишь меня, что родила моего!

Встретив меня на ходу, ты губки лижешь. Зачем же?
Мне говорит твой язык, как бы он славно болтал,

Учится немец усердно любому искусству и в каждом
Выказать может талант, если возьмется всерьез.
Лишь стихотворству никто не желает учиться — и пишут
Хуже нельзя; по себе мы это знаем, друзья.

Часто вы, боги, себя зовете друзьями поэта;
Множество нужд у него — скромных, но все-таки
нужд:

Дом ему дайте уютный, и стол повкуснее, и вина,—
Может нектар оценить немец не хуже, чем вы.
Дайте пристойный костюм и друзей для приятной беседы,
На ночь — подружку, чтоб ей был он желанен и мил.
Эти пять естественных благ мне нужнее всех прочих.
Дайте мне языки — древние, новые — знать,
Чтобы народов дела и былые судьбы я понял;
Дайте мне ясным постичь чувством искусства людей.
Дайте почет у народа, у власть имущих — влиянье,—
Все, что у смертных еще принято благом считать.
Впрочем, спасибо вам, боги! Меня вы уж раньше успели
Сделать счастливым, послав самый прекрасный ваш
дар.

Да, средь немецких князей мой князь не из самых
великих:

Княжество тесно его и небогата казна;
Но если б каждый, как он, вовне и внутри свои силы
Тратил, то праздником жизнь немца средь немцев
была б.

Впрочем, зачем я славлю того, кого славят деянья?
Да и подкупной моя может казаться хвала,
Ибо дал он мне то, что нечасто великие дарят:
Дружбу, доверье, досуг, дом, и угодья, и сад.
Всем я обязан ему; ведь я во многом нуждался,
Но добывать не умел — истый поэт! — ничего.

Хвалит Европа меня, но что дала мне Европа?

Я дорогою ценой сам за стихи заплатил.

Немцы мне подражают, охотно читают французы;

Лондон! Принял как друг гостя смятенного ты.

Только что пользы мне в том, что нынче даже китаец

Вертеров пишет и Лотт кистью на хрупком стекле?

Ни короли обо мне, ни кесари знать не желали;

Он лишь один для меня Август и мой Меденат.

35

Жизнь одного человека — что значит она? И, однако,

Тысячи станут судить каждый поступок его.

Значат стихи еще меньше. Но тысячи будут ругать их

Иль восхищаться. Мой друг! Жить и писать

продолжай.

36

Фрески, картины везде! До чего же меня утомили

Перлы искусства, что здесь в каждом хранятся

дворце.

И среди таких наслаждений порой нужна передышка,

Ищет живой красоты мой притупившийся взгляд.

Комедиантка! в тебе я узнал мальчуганов прообраз —

Тех, что Беллини писал с крыльями, радуя взор,

Тех, что послал жениху Веронезе доставить бокалы

К свадьбе, где гость пировал, воду считая вином.

37

Словно искусственным резцом, изваяно стройное тело;

Словно оно без костей, гнется, как в море моллюск.

Все в нем — суставы, все — сочлененья, все в нем

прелестно,

В меру оно сложено, гибко без меры оно.

Я изучил человека, и рыб, и зверей, и пернатых,

Знаю рептилий — они чудо природы вполне,

Но удивляюсь тебе, Беттина, милое чудо:

Ты — все вместе, и ты — ангел, помимо всего.

38

Ножки, дитя, к небесам поднимать не надо: Юпитер

Смотрит, и зорок орел, и Ганимед разозлен.

Ножки тяни к небесам беззаботно! Мы поднимаем
Руки в молитве; но ты все же безгрешней, чем мы.

Гнется шейка твоя. Удивляться тут нечему: часто
Держит она всю тебя; малый твой вес ей тяжел.
Мне ничуть не претит наклоненная набок головка:
Груз прекрасней вовек шейку ничью не сгибал.

Так неясных фигур произвольным сплетеньем смущает
В мрачности адской своей Брейгель мутнеющий
взгляд.

Так, резцом воплотив Иоанна видения, Дюрер,
Сливший сверчков и людей, здравый рассудок мутит.
Так поэт, что воспел сирен, кентавров и сфинксов,
Слух удивленный пленял и любопытство будил.
Так нас тревожит сон, когда снится, что, взявшись за дело,
Мы преуспели и вдруг все расплывется, как дым.
Так и Беттина, когда ей руки служат ногами,
Нас смущает — и вновь радует, на ноги встав.

Что ж, с удовольствием я отойду за черту меловую:
Просит так кротко меня, сделав «боттегу», дитя.

«Ах, да что же он делает с нею! Господи боже!
Так только свертки белья носят к фонтану стирать!
Право, она упадет! Нет мочи! Идем же! Как мило!
Глянь, как стоит! Как легко! Все улыбаясь, шутя!».
Ты, старушка, права, восхищаясь моей Беттиной:
Краше от этого мне кажешься ты и сама.

Что бы ни делала ты, все нравится мне. Но охотней
Я смотрю, как отец в воздух швыряет тебя.
Миг — ты летишь кувырком, и вот, как ни в чем не
бывало,
Сделав смертельный виток, снова бежишь по земле.

Бедности, горя, забот морщины расправились разом,
 Стали все лица светлей, будто счастливцы вокруг.
 Нежно тебя по щеке корабельщик растроганный треплет,
 Каждый хоть тugo, но все ж свой открывает кошель;
 Венецианцы тебе подают, плащи приподнявши,
 Будто бы просишь у них ради Антония ты,
 Ради Христовых ран, ради сердца Девы Марии,
 Ради огненных мук, душам грозящих в аду,
 Весело всем, кто тебя окружает толпою,— мальчишкам,
 Ниццим, купцам, морякам: все они дети, как ты,

Да, ремесло поэта приятно, но очень накладно:
 Книжечка эта растет — тают цехины меж тем.

«Скоро ль конец? Иль совсем помешался ты от безделья?
 Книга — девчонке одной? Тему найди поумней!»
 Что ж, подождите: начну воспевать могучих монархов,
 Ежели их ремесло лучше пойму, чем теперь.
 Ну, а пока я пою Беттину: нас тянет друг к другу,
 Ибо от века сродни были фигляр и поэт,

«Козлища, встаньте ошую! — судья укажет грядущий.—
 Вам же, овечки мои, стать одесную велю».
 Но остается еще надежда, что он напоследок
 Скажет разумным: «А вы встаньте пред лицом моим».

Знаешь, как сделать, чтоб я писал и писал эпиграммы
 Сотнями? Нужно меня с милой моей разлучить.

Ох, до чего не люблю я поборников ярых свободы:
 Хочет всякий из них власти — но лишь для себя.
 Многим хочешь ты дать свободу? — Служи им на пользу!
 «Это опасно ли?» — ты спросишь. Попробуй-ка сам!

Блага желают цари, демагоги желают того же;
 Но ошибаются все: люди они, как и мы.
 Ведомо нам, что желанья толпы ей самой не на пользу.
 Но докажи нам, что ты знаешь, чего нам желать!

Следует в тридцать лет на кресте распинать пустодума:
 Станет обманутый лгать, лучше узнавши людей.

Франции горький удел пусть обдумают сильные мира;
 Впрочем, обдумать его маленьkim людям нужней.
 Сильных убили — но кто для толпы остался защитой
 Против толпы? И толпа стала тираном толпы.

Жил я в безумное время и общей судьбы не избегнул:
 Стал неразумным и сам, как повелело оно.

«Мы ли не правы, скажи? Без обмана возможно ли с
 чернью?
 Сам погляди, до чего дик и разнудан народ!»
 Те, что обмануты грубо, всегда неуклюжи и дики;
 Честными будьте и так сделайте диких — людьми!

Часто чеканят князья свой сиятельный профиль на меди,
 Чуть лишь ее посребрив. Верит обманутый люд!
 Глупость и ложь пустодум печатью духа отметит,—
 Можно без пробного их камня и золотом счастье.

«Эти люди безумны», — твердят о пылких витиях,
 Тех, что по всем площадям Франции громко кричат.
 Да, безумны они, но свободный безумец немало
 Мудрого скажет; меж тем рабская мудрость нема.

Долгие годы вся знать говорила лишь по-французски;
 Кто запинался чуть-чуть, тех презирала она.
 Нынче с восторгом народ язык французов усвоил.
 Что же сердиться теперь? Вы добивались того!

«Будьте немного скромней, эпиграммы!» — «В чем дело?
 Мы только
 Надписи; в книге «Весь мир» мы — лишь названия
 глав»,

Бог в холстине Петру явил нечистых и чистых
 Тварей; и книжка моя их же являет тебе.

Ты не можешь понять, добра или зла эпиграмма,
 Шельма она: не узнать, что у нее на уме.

Чем эпиграмма пошлей, чем ближе к зависти хмурой,
 Тем скорее поймет всякий читатель ее.

Хлоя клянется в любви. Я не верю. «Она тебя любит», —
 Скажет знаток; но поверь я ей — и минет любовь.

Ты никого не любишь, Филарх, а меня обожаешь.
 Что же, другого пути нет, чтоб меня подчинить?

Мир, человек и бог — неужели все это тайна?
 Нет; но не любят о них слушать — и тайна темна.

Был я всегда терпелив ко многим вещам неприятным,
 Тяготы твердо сносил, верный завету богов.
 Только четыре предмета мне гаже змеи ядовитой:
 Дым табачный, клопы, запах чесночный и .

Я вам давно уж хотел рассказать о маленьких тварях,
 Что так проворно вокруг нас носятся взад и вперед.
 С виду похожи на змеек, но есть у них лапы — и быстро
 Бегают, выются, скользят, хвост волоча за собой.
 Глянь, они здесь! И здесь! И вдруг исчезли куда-то!
 Где же беглянки? В какой щели, ложбинке, траве?
 Если позволите вы, я звать их «лацерты» буду:
 Впредь пригодятся не раз мне для сравнений они.

Кто увидит лацерт, тот хорошеных девушек вспомнит,
 Что по площади здесь носятся взад и вперед.
 Быстры они и легки: побежали, встали, болтают,
 Вновь от проворной ходьбы длинные платья шуршат.
 Глянь, они здесь. И здесь! Но едва ее ты упустишь,
 Будешь напрасно искать: скоро не встретишь теперь.
 Но если ты не боишься углов, закоулков и лестниц,
 Следуй за нею в вертеп, чуть лишь поманит она.

Требуешь ты объяснить, что такое вертеп. Но ведь этак
 Можно в словарь превратить книжку моих эпиграмм.
 Это — сумрачный дом в закоулке узком. Красотка
 Кофе сварит и все дело возьмет на себя.

Держатся вместе всегда две лацерты, из самых красивых:
 Та — немного длинна, эта — немного низка.
 Встретишь их вместе — одну предпочесть другой
 невозможно,
 Встретишь одну — и она кажется лучшей из двух.

Грешников больше всего, говорят, любили святые,
Также и грешниц; я сам в этом похож на святых.

«Был бы дом у меня, и ни в чем бы нужды я не знала,—
Мужу была бы и я верной, веселой женой»,—
Так потаскушка одна завела обычную песню.
Мне не случалось слыхать благочестивей молитв,

Не удивляюсь ничуть любви человека к собакам:
Твари ничтожнее нет, чем человек или пес.

То, что я дерзок бывал, не диво. Но ведают боги —
Да и не только они — верность и скромность мою,

«Разве ты не видал хорошего общества? В этой
Книжке — лишь чернь, да шуты, да и похуже того»;
Видел хорошее общество я. Называют хорошим
Общество, если оно темы не даст для стихов,

Что от меня хотела судьба? Вопрос этот дерзок:
Ведь у нее к большинству нет притязаний больших,
Верно, ей удалось бы создать поэта, когда бы
В этом немецкий язык ей не поставил препон.

«Что тытворишь? То ботаникой ты, то оптикой занят!
Нежные трогать сердца — счастья не больше ли
в том?»
Нежные эти сердца! Любой писака их тронет.
Счастьем да будет моим тронуть, Природа, тебя!

**Белое сделать Ньютон из многих цветов умудрился;
Так умудрил он людей; верят ему уж сто лет.**

**«Всё объясняют легко теории, коим наставник
Мудро нас обучил», — так мне сказал ученик.
Если из дерева крест смастерите вы аккуратно,
Можно к нему подогнать тело живое — на казнь!**

**Юноша пусть эту книжку в дорогу возьмет, если едет
К милой: утешат его и раззадорят стихи.
Пусть и девушка ждет с этой книжкой милого, чтобы,
Чуть только милый войдет, тотчас отбросить ее.**

**Так же, как девушка мне порой кивнет незаметно
Или спеша, на ходу, нежно коснется руки,
Краткие эти стихи вы дарите путнику, музы;
Но обещайте мне впредь большую милость явить.**

**Если хмурится день, если облаком мглистым оделось
Солнце, — как тихо, без слов мы по тропинке бредем!
Странника дождь застает — и отрадно укрытие сельской
Кровли, и сладко ему спится в ненастную ночь.
Но возвратилась богиня, прояснилась матерь-природа.
Ей не перечь и гони темные тучи с чела!**

**Ежели чистую радость найти в любви ты желаешь,
Дерзость и здравый смысл выбрось из сердца долой:
Гонит Амура она, а он связать его хочет.
Им обоим равно чужд плутоватый божок.**

**О благодатный Морфей, помаваешь ты маками тщетно:
Я не засну, если мне веки Амур не смешил.**

Ты источаешь любовь — и я загораюсь желаньем;
Но, источая любовь, также доверье внуши.

Знаю не хуже других я тебя, Амур! Ты приносишь
Факел, и он в темноте ярко нам светит в глаза.
Скоро заводишь ты нас на безвыходный путь, и тогда-то
Нужен нам факел. Но ах! — гаснет обманчивый свет.

Только единую ночь на груди у тебя! Остальное
Дастся само; но Амур держит нас порознь в ночи.
Будет утро, когда Аврора влюбленных застигнет
Спящими рядом, и Феб утренний их пробудит.

Если ты это всерьез — не тяни, осчастливь меня нынче,
Если желаешь шутить — шуток довольно с меня.

Сердит тебя молчаливость моя. Но что говорить мне?
Смысл невнятен тебе вздохов и взглядов моих.
С уст сорвала бы печать лишь одна богиня — Аврора,
Если б в объятьях твоих вдруг пробудила меня.
Утренним светлым богам мой гимн прозвучал бы
навстречу,—
Так Мемнонов колосс сладко о тайнах поет.

Славная, право, игра! Кружок на нитке вертится,
То отлетит от руки, то возвратится назад.
Так же, вам кажется, я то одной, то другой из красавиц
Сердце бросаю — но вмиг вновь прилетает оно.

Каждое время года меня волновало когда-то:
Встретив приветом весну, осени жадно я ждал,
Но, с той поры как Амур осенил счастливца крылами,
Лета уж нет и зимы: вечно весна надо мной.

«Как ты живешь?» — «Я живу! И насколько б мой век
ни продлили
Боги — я завтра хочу жить, как сегодня живу».

Как благодарен я вам, о боги! Все, о чем люди
Молят, послали вы мне,— то есть почти ничего.

В утренней мгле на вершину взобраться высокую, чтобы
Встретить приветом твой луч, вестник встающего дня;
Царственное ожидать с нетерпением светило,— как часто,
Юных отрада, меня из дому в ночь ты гнала!
Ныне сияют мне вестники дня — небесные очи
Милой, и солнце взойти слишком спешит для меня.

Море как будто в огне! Ты спешишь показать
с удивленьем,
Как пламнеет волна, киль обегая ночной.
Не удивляюсь я, нет! Ведь из волн родилась Афродита,
Чтобы на смертных огонь, сына родив, ниспослать.

Я глядел, как блестят искрятся кроткие волны.
С ветром попутным легко парусник мчался вперед.
Не было в сердце томленья, и только порой возвращался
Мой тоскующий взгляд к снежным далеким горам.
Сколько сокровищ меня на юге ждет! Но на север
Тянет и тянет одно, точно могучий магнит.

Ах! уезжает она! Уж взошла на корабль! О владыка
Ветров, могучий Эол! Бури свои удержи!
Бог отвечал мне: «Глупец! Опасны не буйные бури,—
Легких Амуровых крыл веянье страшно тебе».

Девушку взял я к себе раздетой, бедной: она мне
Нравилась голой тогда — нравится голой теперь.

Я заблуждался нередко и снова на путь возвращался,
Но не счастливей ничуть. Счастье лишь в ней я нашел,
Пусть заблужденье и это, но смилийтесь, мудрые боги,
И отнимите его там лишь, в холодном краю.

Плохо тебе приходилось, Мидас, когда ты, голодая,
Чувствовал в слабых руках вес превращенной еды.
Нечто подобное было со мной, хоть и легче намного:
Все под рукой у меня вмиг превращалось в стихи,
Музы, я не ропщу; но когда сожму я в объятьях
Милую, в сказку ее не превращайте, молю!

«Как налилась я, взгляни!» — говорит мне любимая
в страхе.
Тише, не бойся, дитя! Выслушай, что я скажу.
Предупреждает тебя, прикоснувшись рукою, Венера,
Что неизбежно она тело твое исказит.
Стройность стан потеряет, набухнут милые груди,
Самое новое, глянь, платье не впору тебе.
Не огорчайся! Садовник, цветок опадающий видя,
Знает, что к осени в нем зреет набухнувший плод.

Сладко любимую сжать в объятьях нетерпеливых,
Если признался в любви стук ее сердца тебе;
Слаще еще — ощутить под сердцем милой биение
Новой жизни, что там кормится, зреет, растет.
Пробует силы она в нетерпенье юном: стучится,
Жаждет увидеть скорей неба сияющий свет.

Выжди несколько дней! В свой срок дорогами жизни
Оры тебя поведут, воле послушны судьбы.
Все, что захочет она, пусть случится с тобой, мой
любимый,—
Лишь бы, зачатый в любви, сам ты изведал любовь.

103

Так, от друзей вдалеке, в обрученной с Нептуном столице
Я одинокие дни, словно часы, расточал.
Сдабривал все, что встречал, я приправой воспоминаний
Или надежд. На земле сладче приправ не найти.

ЭЛЕГИИ И ПОСЛАНИЯ

АЛЕКСИС И ДОРА

Ах, как сквозь шумные волны уходит с каждой минутой
Неудержимо корабль дальше и дальше вперед!

Вдаль из-под киля бежит борозда, в которой дельфины
Прыгают, мчатся за ним, словно добыче вослед.

Все обещает удачу в пути; уверенный кормчий

Парусом правит,— а тот трудится рьяно за всех.

Дух мореходов рвется вперед, как полотница флагов,

Только один за корму, стоя у мачты, глядит,
Видит, как тонут в волнах, отдаляясь, синие горы,—

Вместе с ними сейчас тонет вся радость его.

Так же из глаз у тебя, о Дора, скрывается судно,

Друга отняв у тебя,— нет, унося жениха!

Так же напрасно ты смотришь мне вслед, и стучит твое

сердце

Все еще в лад, но, увы, больше не рядом с моим.

Краткий, единственный миг, в который жил я! Ты стбишь

Всех без следа для меня холодно канувших дней.

В этот единственный миг, в последний, жизнь мне

предсталла,

Словно по воле богов, как откровенье, в тебе.

Только напрасно, о Феб, ты светом эфир озаряешь,—

Мне опостылел теперь твой ослепительный день.

Мыслями я возвращаюсь назад, чтоб в тиши повторилось

Время, когда что ни день Дору Алексис встречал.

Как же я мог равнодушным к ее красоте оставаться?

Прелесть небесную в ней чувством слепым не постичь?

Полно, себя не вини! Порой собравшимся в уши
Вложит загадку поэт в хитром сплетении слов;
Соединеньем картин причудливых каждый доволен,
Недостает одного слова — ключа ко всему.
Но, чуть найдется оно, все души полны восхищеньем,
В строчках разгаданных вдруг прелесть двойную

открыв.

Что же так поздно, Амур, ты снимаешь повязку, которой
Сам завязал мне глаза, что же так поздно, Амур?
С грузом давно дождался корабль попутного ветра;
Вот наконец потянул в море от берега бриз.

Юности время пустое! О будущем думы пустые!

Вы разлетелись, и мне час остается один.
Да, он со мною! Со мной мое счастье,— ты, моя Дора!

Образ надежды моей вижу я только в тебе!

Часто глядел я, как в храм ты идешь, скромна, приодета,
Как торжественно мать шествует рядом с тобой,
Как ты на рынок несешь плоды, свежа и проворна,

Как на головке кувшин чуть лишь колышешь с водой.

Раньше всего я заметил твои затылок и спину,

Стройность движений твоих раньше всего разглядел.
Как я боялся порой, что ты кувшин опрокинешь!

Только на скрученном в жгут твердо стоял он платке,
Да, вот так и привык я к своей прекрасной соседке,

Так же, как всякий привык к виду луны или звезд.
Ими любуется каждый, но даже и тени желанья

Чем-то из них обладать не шевельнется ни в ком.
Так проходили года. Лишь двадцать шагов разделяло

Наши дома,— хоть бы раз к вам я ступил за порог!
Нас разделяют теперь пучины.— Ты, море, напрасно

Небом прикинулось: ночь вижу я в сини твоей.
Все пробуждалось уже, когда из отчего дома

Кликнуть на берег меня мальчик бегом прибежал.
«Парус там поднят уже,— он сказал,— и по ветру плещет,

Якорь с песчаного дна тянут уже что есть сил.
Время, Алексис! Пойдем!» И уже возлагает степенно

Руку на кудри мои, благословляя, отец.
Мать подала узелок, приготовленный ею заране.

Оба сказали: «Вернись счастливо и с барышом!»
Быстро я выбежал вон, узелок зажимая под мышкой.

Шел вдоль ограды — и вдруг ты у калитки стоишь
Вашего сада и мне говоришь, улыбаясь: «Алексис,
Кто это поднял там шум? Спутники, верно, твои?

Ты уезжаешь в чужие края, дорогие товары

И драгоценности там купишь для наших матрон,—
Так привези для меня цепочку. Купить украшенье

Хочется мне уж давно: с радостью я заплачу».

Я же расспрашивать стал, как купец настоящий: какою
Быть на вид и на вес эта цепочка должна.

Цену скромную ты назвала, а меж тем я увидел:
Царских сокровищ любых шея достойна твоя.

Громче раздался призыв с корабля, и тогда ты сказала
Дружески: «Наших плодов ты на дорогу возьми;

Спелых возьми померанцев и выбери смокв побелее:

В море плоды не растут, да и не в каждой стране».

В сад я вошел за тобой. Хлопотливо плоды собрала ты,
Ношей своей золотой платья наполнив подол.

«Хватит!» — просил я не раз, но вновь, едва ты
коснешься,

Падал в руки тебе лучший из спелых плодов.

Вот подошла ты к беседке, и там отыскалась корзинка,
Вот над тобой, надо мной мирты нагнулись в цвету.

Молча умелой рукой ты плоды укладывать стала;

Вниз — померанцы, грузны их золотые шары;
Нежные смоквы — наверх: их раздавит малейшая

тяжесть;

И, украшая твой дар, мирты прикрыли плоды.

В руки корзинки не взяв, я стоял. Мы глядели друг другу
Прямо в глаза,— и в глазах все у меня поплыло.

Грудь прикоснулась твоя к моей,— и, обняв твой затылок,
Шею я стал целовать, может быть, тысячу раз.

Мне на плечо упала твоя голова, и обвились

Вокруг счастливца кольцом милые руки твои.

Чувствовал я, как Амур толкал нас властно друг к другу.

Трижды с ясных небес гром прогремел. У меня

Хлынули слезы из глаз. С тобой мы плакали вместе,

Счастье и горе от нас вмиг заслонили весь мир.

С берега громче кричали. Меня не слушались ноги.

Вырвалось вдруг у меня: «Дора, ты будешь моей?»

«Вечно», — промолвила ты, и словно дыханием неба

Слезы у нас на глазах были осущены вмиг.

Крикнули ближе: «Алексис!» Мелькнул в садовой калитке

Мальчик, искающий меня. Кто ему отдал плоды?

Как он увел меня прочь? Как простились мы? Как я
добрался

До корабля? Не пойму. Знаю, что спутникам я

Пьяным казался; они щадили меня, как больного...

Вот уже город вдали дымкой воздушною скрыт.

«Вечно», — ты мне прошептала. В ушах звучит это слово

Вместе с раскатом с небес. Значит, у трона отда

Зевса стояла и дочь, любви богиня, а рядом

Грации были, и наш боги скрепили союз.

О, так спеши, мой корабль, лови попутные ветры!

Крепкий киль, торопись, режь закипающий вал!

Мчи меня в гавань чужую, где златокузнец по заказу

Выкует мне в мастерской этот чудесный залог.

Дора! Пусть цепью для нас поистине станет цепочка,

Пусть она в девять рядов шею твою обовьет.

Много разных еще привезу я тебе украшений:

Роскошь запястий должна руки украсить тебе.

Пусть состязаются в них с изумрудом рубин, а сапфиру

Нежному пусть гиацинт будет соседом, и пусть

Золото в дивный союз сольет драгоценные камни.

О, как невесту свою счастлив украсить жених!

Вид жемчугов мне напомнит тебя, и любое колечко

Вспомнить заставит тотчас долгие пальцы твои.

Стану менять, покупать; ты самое лучшее сможешь

Выбрать: весь груз корабля я посвящаю тебе.

Но не одни украшенья тебе добудет любимый:

Все, что заботливых жен радует, он привезет.

Мягких, с пурпурной каймой шерстяных покрывал нам
на ложе,

Чтобы в уют свой оно ласково приняло нас;

Лучших полотен в кусках, — ты будешь шить нам одежду,

Мне и себе, а потом — дай бог! — кому-то еще.

Образы счастья, обманом вы тешите сердце! Умерьте,

Боги, палящий огонь, рвущийся вон из груди!

Нет, я обратно готов призывать эту горькую радость,

Видя, как тайно ко мне злая тревога ползет.

Так не бывает злодею на ниве отчаянья страшен

Факел эриний и лай бешеных адских собак,

Как ужасает меня тот призрак, который являет

Издали мне красота: настежь калитка в саду!

Входит другой, и плоды для него с ветвей упадают,

Смоквы дают и ему свой подкрепляющий мед!

Не увлечет ли она и его к беседке? Ослепнуть

Дайте мне, боги! Забыть дайте скорее о ней!

Девушки все таковы, и та, что вверяется быстро

Первому, может легко сердце другому отдать.

О, не смеяся же, Зевс, хоть над этой нарушенной
клятвой!

Грянь беспощадно! Рazi! — Нет, задержи свой удар!
Слой переменчивых туч надо мною сгусти и во мраке
Молнии яркой струей в мачту злосчастную бей!
По морю доски рассей, отдай волнам разъяренным
Весь этот груз, а меня в пищу дельфинам отдай.
Музы, пора перестать! И вам описать не под силу,
Как у влюбленных в груди борются счастье и боль,
Ран не умеете вы исцелять, нанесенных Амуром,—
Но облегченье придет, добрые, только от вас.

1796

ЭФРОСИНА

Вот уже с горных вершин, ледяных, зубчатых, уходят
Гаснувший пурпур и блеск солнца прощальных лучей,
Ночь окутала дол, и пути померкли, где странник
Мимо ропущущих струй к хижине сердцем спешит,
К цели тяжелого дня, к пастушьей обители тихой,
И божественный сон ласково мчится вперед,
Путника сладостный друг. Пускай же он и сегодня
С благословением мне маком венчает чело!
Что же сверкает вдали так прекрасно из мрака утесов
И озаряет туман возле вспененных ключей?
Солнца, может быть, луч сияет во мраке ущелий,
Так как земному лучу там невозможно блуждать.
Близится облако, рдеет. Стою в изумленье пред чудом.
Как этот розовый свет образом реющим стал?
Что за богиня ко мне приближается? Муза какая
Друга приходит искать даже средь грозных теснин?
О, открой же себя, богиня прекрасная! Только
Не исчезай, обманув мысли и чувства мои.
Имя святое свое назови перед смертным, коль можешь,
Если же нет, то во мне дай разумению взыграть,
Чтобы почувствовал я, кто ты из дщерей предвечных
Зевса, чтоб тотчас тебя в песне поэт восхвалил.
«Как? Ты меня не узнал? И образ, прежде любимый,
О, неужель для тебя сделался, милый, чужим?
Правда, земле уже я далека, отрешился в печали
Мой трепещущий дух юности сладких утех.

Но надеялась я, что образ мой в памяти друга

Твердо написан и весь светом любви прояснен.

Да, уже так говорят твой взор умиленный и слезы:

Эфросина, она ведома другу еще.

Видишь, она через лес, через грозные горы стремится.

Ах! и даже вдали ищет скитальца она,

Ищет учителя, друга, отца и взор обращает

Снова на легкий помост радостей дальних, назад.

Дай же мне дни вспоминать, когда меня еще в детстве

Музам пленительный ты, чарам игры посвятил.

Дай мне часы вспоминать, все мелочи! Ах, невозможно

Мыслию не призывать невозвратимое вновь.

Этот сладкий наплыв земных, легчайших видений,

Ах, достойно его может ли кто оденить!

Кажется малым оно, но — ах! — не ничтожно для

сердца,

Делают чары искусств каждую мелочь большой.

Помнишь ли ты те часы, когда на дощатых подмостках

Ты искусства меня важным учил ступеням?

Мальчиком я представлялась тебе, меня звал ты Артуром,

Образ во мне воскрешал барда британского ты.

Бедным глазам раскаленным железом грозил и, обманут,

В сторону сам отвращал, в ужасе, плачущий взор.

Бедную мальчика жизнь ты берег с любовью, доколе

Вдруг не отнял ее смелый побег, наконец.

Ласково взял ты меня, разбитую, вынес оттуда,

И у тебя на груди мертвый прикинулась я.

Но, наконец, я глаза раскрыла и вижу: в раздумье

Ты над любимицей, друг, тихо стоишь, наклоняясь.

Детски кинулась я, тебе благодарно делая

Руки, тянула к тебе с чистым лобзаньем уста.

Я вопрошала: «Отец, что ты строг? Коль я плохо играла,

О, покажи мне тогда, как мне исправить игру.

Труд никакой у тебя не докучлив мне, и я рада

Все повторять за тобой, если ты учишь меня».

Но ты крепче меня схватил, сжимая в объятьях,

И глубоко в груди дрогнуло сердце мое.

«Нет, дорогое дитя,— вскричал ты,— все, что сегодня,

Также и завтра опять городу ты покажи.

Трогай других, как меня ты тронула, и в одобренье

Слезы польются из глаз, бывших сухими всегда.

Глубже всего ты меня поразила: тебя обнимая,

Был испуган твой друг, трупом увидев тебя.

О природа, как ты во всем прочна, величава!

И небесам и земле вечный дарован закон.

Год за годом бежит, подает доверчиво руку

Лето — юной весне, осени щедрой — зима.

Крепко утесы стоят, из покрытых туманом ущелий,

Пенясь, бурля и гремя, вечная мчится вода.

Зелены сосны всегда, и даже кустарник безлистный

Тайно питает уже свежие почки зимой.

Все по законам живет, возникает и рушится, только

В жизни бесценной людей жребий неверный царит.

С лаской не может отец цветущему милому сыну

В миг расставанья навек с края могилы кивнуть.

Слабому старцу, который глаза закрывает охотно,

Юноша крепкий смежить вежды не может всегда.

Чаше жребий — увы! — порядок времен обращает,

Тщетно старец зовет и сыновей и внучат,

Как изувеченный ствол, стоит он, а голые ветви

Сорваны вихрем лихим, градом побиты во прах.

Так, дорогое дитя, я был пронзен созерцаньем,

Видя, как ты у меня трупом повисла в руках,

С радостью вижу теперь, как в блеске юности снова,

Милая, ты ожила, к сердцу припав моему.

Мальчик поддельный, скачи веселей!

Прекрасная дева,

Миру на радость рasti, на восхищение мне.

Далее вечно стремись, и пусть образует искусство

С жизни восходом твоей щедрой природы дары.

Долго утехой мне будь, и, прежде чем взоры сомкнут я,

Я бы желал твой талант в полный увидеть красе».

Так ты мне говорил, не забыла я важного часа;

Я развивала себя, в эти вникая слова.

О, как охотно толпу старалась я трогать речами,

Полными смысла, что ты детским устам доверял.

О, как со взглядом твоим себя я сообразовала,

Как я искала тебя в гуще плененной толпы!

Там ты будешь стоять и теперь, но уже Эфросина

Больше не выйдет игрой взоры твои веселить,

И подрастающей ты питомицы слов не услышишь,

Что ты любовным скорбям рано, так рано, обрек.

Явятся после другие, они тебе будут по нраву:

Ведь за талантом большим больший на смену идет,

Но не забудь обо мне! И если будет другая

Радовать душу твою в трудной и сложной игре,

Слушаться знаков твоих, веселиться твою улыбкой,

Стоя всегда на местах, определенных тобой,

Если, сил не щадя, она до самого гроба

Радостно будет себя в жертву тебе приносить,

Добрый, вспомни тогда обо мне и, хоть поздно, воскликни:

«Эфросина, она снова стоит предо мной!»

Много б еще я сказала, но — ах! — не может, как хочет,

Мертвая медлить, меня бог-повелитель зовет,

О, прощай, уж меня туда увлекают поспешно.

Только желанье одно выслушай дружески ты:

Пусть непропавленной я не сойду к теням преисподней!

Только лишь муга дает смерти какую-то жизнь.

Ведь безликой толпой парят в Персефонином царстве

Тени тех, что ушли, не оставляя имен.

Если ж кого прославил поэт, он с собственным ликом

Бродит, и он приобщен сонму героев тогда.

Я с ликованием войду, твоей прославлена песнью,

Взор богини ко мне ласково будет склонен.

И, обнимая, меня назовет она ласково; жены,

Близкие к трону ее, знаком меня подзовут.

Будет со мной говорить Пенелопа, вернейшая в женах,

И Эвадна, склонясь милому мужу на грудь.

Девы ко мне подойдут, умершие в юности ранней,

Чтобы оплакать со мной общую нашу судьбу.

Если придет Антигона, сестра, которой нет равных,

И Поликсена в тоске, помня про смерть жениха,

Как на сестер, я на них погляжу, подойду без смущенья;

Муга трагедии их в дивной явила красе.

Также меня прославил поэт; о, пускай его песни

То завершают во мне, в чем отказалася мне жизнь».

Так говорила она; еще двигались милые губы;

Голос ее задрожал, речь не могла продолжать,

Так как из пурпурных туч, парящих иечно подвижных,

Вышел спокойно Гермес, ликом сияющий бог.

Кротко поднял он жезл, указуя, и поглотили

Тучи растущие вмиг образа оба из глаз.

Глубже ночь вокруг меня лежит, и бурные воды

С шумом несутся теперь около скользкой тропы.

Неодолимая скорбь меня обессирила, только

Этот мшистый утес служит опорою мне.

Рвутся струны в груди от печали; слезы ночные

Льются обильно, а там брезжит над лесом заря.

СВИДАНИЕ

О н

Друг мой, еще одним, хоть одним подари поделуем
Эти уста! Почему так ты сегодня скуча?
Дерево это цветло и вчера, мы ловили лобзанья
Тысячу раз: рою пчел их уподобила ты,
Тех, что кружат над цветами, черплют, и реют, и снова
Черплют, и ласковый звук нежной услады звенит.
Все еще заняты милой работой. Ужели же наша
Мимо умчалась весна, прежде чем цвет облетел?

О на

Так, мой возлюбленный друг, мечтай, говори о вчерашнем!
Рада я слушать тебя, к сердцу прижал горячо.
Ты говоришь, вчера? — Да, наше вчера было дивно:
Речь затихала в речах, губы теснились к губам.
Горестен был расставания час, со вчера на сегодня
Грустною долгая ночь для разлученных была.
Утро вернулось. Увы, это дерево тою порою
Десять раз для меня было в цветах и плодах!

1793

НОВЫЙ ПАВСИЙ И ЕГО ЦВЕТОЧНИЦА

Павсий Сикионский, художник, юношой был влюблен в Гликерию, свою согражданку, искусную плетельщицу венков. Они соперничали друг с другом, и Павсий достиг в изображении цветов величайшего разнообразия. Наконец, он написал свою возлюбленную за работой над венком. Эта картина была признана одной из лучших его работ и названа «Цветочницей», или «Продавщицей цветов», так как Гликерия была бедной девушкой и кормилась этой работой. Люций Лукулл купил копию с нее в Афинах за два таланта.

(Плиний)

О на

Ворох цветов урони на землю, рядом со мною!
Что за пахучий хаос сыплется к нашим ногам!

О н

Как любви пристало, ты примиряешь смятенных:
Только сплетеши их, они лучшею жизнью живут.

О на

Розы легче касайся, ее в корзинке укрою
И на людях подарю, друг мой, при встрече тебе.

О н

Я — как будто тебе не знаком — спешу отдариться,
Но одарившая дар не принимает взамен.

О на

Дай вплести гиацинтов в венок, резеду и гвоздику,
Чтобы к ранним цветам также и поздний прильнул.

О н

Дай мне в кругу их душистом к твоим ногам опуститься,
На коленях твоих ворох цветущий сложить,

О на

Нитку покуда подай! И пестрые родичи сада
Снова узнают себя, соединившись в венке.

О н

Что здесь больше дивит? Что — меньше? Цветов ли
избыток?
Или умелость руки? Или находчивый вкус?

О на

Дай мне листьев, чтоб блеск слепящих цветов поубавить;
Жизнь велит приобщать строгие листья к венку.

О н

Что ты так долго гадаешь над этим венком? Несомненно,
Тот, кто получит его, сердцем твоим предпочтен?

О на

За день сотни венков пораздам и не меньше букетов.
Но принесу ввечеру самый прелестный тебе.

О н

О! как счастлив художник, который бы кистью умелой
Эти цветы написал, эту богиню средь них!

О на

Но ведь отчасти блажен и тот, кто, присевши со мною
Рядом, мой поделуй, дважды блаженный, испил?

О н

Ах, любимая, мало! Завистливым веяньем утра
Первый уже унесен с губ, одаренных тобой!

О на

Как весна расточает цветы, так я поделуи
Милому! С этим — прими также и этот венок.

О н

Если бы Павсия дар пленительный был мне уделом,
Целый бы день я тогда этот венок рисовал!

О на

Вышло неплохо. Только взгляни! Прелестно вступают
Дети Флоры на нем в свой прихотливый черед.

О н

Я, к цветам наклоняясь, черпнул бы их сладости дивной,
Той, которой земля чашечки полнила их.

О на

Я же вечером свежей застала бы эту гирлянду;
Не увядая, глядеть будет она со станка.

О н

О, как я обделен, как я беден! И ах! как мечтаю
Этот блеск удержать, что не под силу очам!

О на

Привередливый друг! Ведь ты поэт, а желаешь
Дар второй обрести? Вооружись-ка своим!

О н

А поэт подберет ли цветов горячие краски?
Рядом с телом твоим слово — бесплотная тень.

О на

А передаст ли художник ласкающий шепот: «Люблю я
Только тебя, мой дружок, только тобою живу».

О н

Ах! нипочем и поэт не скажет так сладко: «Люблю я!»
Так, как сказалось оно — на ухо другу — тобой.

0 8 a

**Много обоим под силу! И все же речь поделуев
С речью взоров дана только влюбленным в удел.**

0 H

Ты обоих затмила; цветами поешь и рисуешь:
Дети Флоры тебе краски и вместе — слова.

О на

Но неустойчивый дар плетется руками моими:
Свежий утром, венок к вечеру, глянешь, увял!

0 8

**Так и боги даруют нам бренную прелесть и манят,
Все обновляя дары, смертных в безгорестный путь..**

0 на

**День такой назови, чтоб я венка не дарила
Милому — с первого дня, как полюбила тебя.**

О НІ

**Он еще сохранился, твой первый дар незабвенный,
Радостный пир обходя, ты мне его поднесла.**

О на

**Только украсила чашу, гляжу, осыпается роза;
Ты отпил и вскричал: «Девочка, яд — в лепестках».**

0 H

**Ты же на то возразила: «Они наполнены медом;
Впрочем, только пчела сладость умеет добыть».**

О на

Но нескромный Тиманф как схватит меня да как
крикнет:
«Разве шмеля не испить сладкую тайну цветка!»

0 11

Ты рванулась из рук, спасаясь в бегстве; упали
Грубому парню к ногам розы, корзинки, венки.

0 1 2

**Ты же властно воскликнул: «Малютку брось-ка! И розы,
И малютка сама слишком нежны для тебя!»**

О н

Он лишь крепче вцепился в тебя, смеясь до упаду,
И одежда твоя донизу сверху рвалась.

О на

Ты метнул в вдохновенной вражде недопитую чашу;
Гулко ударила в лоб и расплескалась она,

О н

Хмель и гнев слепили меня, и все ж я заметил
Белые плечи твои и обнаженную грудь.

О на

Что за крики кругом, что за смута! Льется багрово
Кровь с вином пополам с черепа злого врага,

О н

Но тебя, лишь тебя я видел! В горькой досаде
На пол присев, свой наряд ты запахнула рукой.

О на

Ах, как летели тарелки к тебе! Я дрожала при мысли,
Что незнакомца сразит пущенный метко металл,

О н

Только тобой увлечен, я видел: свободной рукою
Ты ухитрилась сбирать розы, корзинки, венки.

О на

Тут заслонил ты меня, чтоб случай меня не обидел,
Или хозяин, гневясь за неудачливый пир.

О н

Помню, что взял я ковер на левую руку, как это
Делают, чтобы отбить грозную ярость быка.

О на

Драку сумел унять разумный хозяин. Я тут же
Кинулась прочь, но взор медлил расстаться с тобой,

О н

Ах! Тебя потерял я. Напрасно все закоулки
Дома я обыскал, улиц, садов, площадей.

О п а

Стыдно было казаться! Молвой не тронутой ране,
Всеми любимой, легко ль сделаться притчею дня?

О н

Сколько видал я цветов, гирлянд и пышных букетов,
Но не видел тебя; город тебя не видал.

О п а

Я сидела в затворе. Увядшие розы роняли
Всюду свои лепестки, никли гвоздики вокруг.

О н

Что ни юноша,— молвит: «Увы! цветов не убыло,
Только пленительной нет, чтобы сплести их в венки!»

О п а

Я меж тем плела их одна; венки увядали.
Видишь? Они для тебя рядом висят с очагом.

О н

Так и он увядал, твой первый венок. Не оставил
В драке его я; висит он над постелью моей.

О п а

Вечером я глядела на вянущих. Как я рыдала!
И в поглощающий мрак краска за краской текла.

О н

Тщетно в городе я искал твой домик укрытый;
Даже тщеславцы и те только молчали в ответ.

О п а

Я никогда у себя гостей не видала: не ведом
Домик мой никому. Город беднейших таит.

О н

Тщетно в городе я взывал к всезрящему солнцу:
Выдай, властительный бог, где ты ее озарил.

О п а

Властный бог тебе не внимал; но бедность внимала:
Я принялась из нужды вновь за свое ремесло.

О н

Так ли? Голос другой не звал ли сыскать незнакомца?
Разве Амур не успел встречные стрелы метнуть?

О на

Зорко всюду искала тебя, и вот — увидала.

О н

И не дерзнула толпа любящих, нас, удержать.

О на

Быстро сблизились мы, толпу рассекая. Не ты ли?

О н

Ах, не ты ли со мной? Да, и мы были одни.

О на

Там, на площади шумной. Но мнились нам люди кустами..

О н

И казался их шум только журчаньем ручья.

О на

Вечно одни пребывают влюбленные в людном собрание;
Но останься вдвоем, третий спешит подойти,

О н

Да — Амур. Он любит венчаться твоими венками.
Ворох цветов урони с милых колен поскорей.

О на

Что ж? Я сбросила их. В твоих объятьях, любимый,
Пусть и нынче взойдет солнечный свет для меня!

1797

АМИНТ

Никий, муж превосходный, души и тела целитель!
Болен я, правда,— но все ж средство жестоко твое.
Ах! Не в силах я был советам твоим подчиняться;
Видеть противника я в преданном друге готов,
Я тебя не могу опровергнуть — я все повторяю.
Все, даже то, чего ты, друга щадя, не сказал.

Но — увы! — со скал стремительно падают воды
Вниз, и теченья ручья не остановит напев.
Разве удержишь ты бурю? И разве с вершины зенита
Солнца не катится шар в моря бездонную глубь?
Вся природа кругом говорит мне: Аминт, ты подвластен,
Как и все на земле, строгим законам судеб.
Друг мой! Не хмуря чела, послушай меня благосклонно:
Мудрый дало мне урок дерево там, у ручья.
Мало яблок на нем — а раньше ветки ломились.
Что же виною тому? Ствол обвивает лоза.
К дереву я подошел, сплетенье раздвинул и начал
Острый кривым лезвием гибкие ветви срезать.
Тотчас, однако, я вздрогнул: с глубоким и жалобным

вздохом

Дерево стало шептать, скорбно листвой шелестя:
«О, не мучай меня, садового верного друга!

Мальчиком ты от меня радости много вкусил,
О, не мучай меня! Срывая сплетенные ветви,
Ты жестокой рукой жизнь истorgiaешь мою.
Кем иным, как не мной, лоза воскормлена эта?

Листьев ее от моих я не могу отличить.
Как не любить мне лозы, которой я лишь опора?

Тихо и жадно прильнув, ствол мой она обвила.
Сотни пустила она корней и сотни побегов;

Крепче и крепче они в жизнь проникают мою,
Пишу беря от меня, поглощая то, что мне нужно,
Всю сердцевину, она с ней мою душу сосет.
Я понапрасну пытаюсь: мой корень, ветвистый

и мощный,

Сока живого струит лишь половину наверх.
Ибо опасная гостья, любимая мной, по дороге
Мигом отторгнуть спешит силу осенних плодов.
Кrona всего лишена; вершины крайние ветви

Сохнут, и сохнет — увы! — сук, наклоненный к ручью.
Так изменница лаской готова и жизнь и достаток,
Все устремленья мои, все упованья отнять.
Чувствуя только ее, смертоносному рад я убранству,
Цепким узам я рад, счастлив нарядом чужим.
Нож отведи, о Никий! Пощады достоин тот жалкий,
Что обрекает себя страсти губительной сам.

Сладостно нам расточенье: оставь мне эту отраду!

Тех, кто отдался любви, может ли жизнь удержать?»

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

Значит, вина моя в том, что Проперций меня вдохновляет,
Что злоязычный со мной часто кутил Марциал?
Что не оставил я древних сидеть безвылазно в школах,
Но что со мною они в Лаций вернулись и в жизнь?
Что, созерцатель искусств, я стремлюсь созерцать
и природу?

В том, что ни догматов я слепо не чтил, ни имен?
В том, что натиском жизнь человека во мне не убила?
В том, что личину отверг жалкого ханжества я?
В этих грехах — ты сама их во мне, о Муз, растила! —
Пусть винит меня чернь, чернью считая меня.
Нет же — и лучший из всех, ко мне благосклонный
и честный

Хочет, чтоб стал я другим. Но ты одна мне указ,
Муза, коль скоро лишь ты даришь мне молодость духа
И обещаешь ее мне сохранить до конца.
Ныне удвой, о богиня, твою святую заботу:
Череп мой больше не скрыт пышной волною

волос, —

Значит, тут нужен венок, чтоб себя обмануть,
да и ближних, —
Ведь не без цели чело Цезарь великий венчал.
Впрочем, если стяжать ты судила мне вечные лавры, —
Пусть себе мирно растут: ты их достойному дашь.
Лучше сплести мне из роз венок для домашнего пира,
Чтобы меж них седина лилий казалась белей.
Ну-ка, жена, очаг затопи и стряпай опрятней!

Сучьев подбрось-ка, сынок: вот тебе труд и игра!
Полны пусть будут стаканы! Кто мыслит едино со мною,
Эти венки — для вас! Все заходите, друзья!
Первый стакан — за здоровье того, кто дал нам свободу:
Имя Гомера с пути нашего смело убрали!
Мне ли тягаться с богами? Тем более с богом единым!
А гомеридом прослыть, пусть и последним, я рад.
Новые вот вам стихи! И еще раз осушим стаканы!
Пусть подкупят ваш слух дружба, любовь и вино,
Немцев я вам покажу и дом, где растет человеком
В мирной тиши человек, близость к природе храня.
Будь нашим спутником, дух поэта, который на радость
Нам для Луизы своей друга под стать отыскал!

Также — чтобы мужества дух в поколенье здоровом
воспрянул —

Наши печальные дни я покажу без прикрас.
Если я слезы заставил вас лить, если радостью песня
Сердце наполнила вам — к сердцу прижмите меня!
Мудрой пусть будет беседа! К концу приближаясь,
столетье

Мудрости учит: ведь всех нас испытала судьба.
Так оглянитесь без горечи вспять на былые страданья,
Если веселый ваш ум многое лишним признал.
Все мы познали людей и народы,— познаем и наше
Сердце — и в нем обретем радость и гордость собой.

1796

ПОСЛАНИЕ ПЕРВОЕ

Каждый читает теперь, а иные читатели даже,
Книгу едва пролистав, за перо хватаются в спешке,
Чтобы в один присест состряпать о книжечке — книги.
Ты же велишь мне, мой друг, написать о писательстве

нечто,

Пищущих множа число, и открыто сказать мое мненье,
Чтобы о нем и другой тоже высказал мненье и дальше
Эта катилась волна без конца и все выше вздымалась.
Впрочем, выходит рыбак в открытое море, едва лишь
Ветер попутным сочтет, и своим занимается делом,
Хоть бы и сотня ловцов блестящую гладь бороздила.

Духом высокий мой друг! Человечеству блага желаешь
Ты, и особенно немцам, а прежде — ближайшим соседям,
И потому-то боишься влияния пагубных книжек,
Слишком знакомого нам. Что тут надобно делать?

И много ль
Могут сделать князья и все честные граждане вкупе?
Важный, я знаю, вопрос — да в веселую только минуту,
Друг мой, меня он застиг: под горячим безоблачным небом
Тучные блещут поля; от реки полноводной приносит
Ласковый ветер ко мне аромат цветов и прохладу.
Радостным кажется мир тому, кто радостен духом,
И от него улетает, как облачко тая, забота.

Грифель мой чертит легко — но легко и стираются буквы;
Литеры тоже никак впечатлеться глубже не могут,

Хоть говорят, что они противятся вечности. Впрочем,
Речь ко многим ведет печатный столбец,— но немедля
Всякий забудет слова, тисненные прочным металлом.
Так же как собственный облик, чуть в зеркало кончит
смотреться.

Там, где много людей, с одного на другое беседа
Скачет легко, но любой о себе лишь способен услышать
В том, что сам говорит, и в том, что скажут другие.
То же и с книгами. Только себя из них вычитать может
Каждый, а кто посильней, тот себя в них насильно

вчитает,

Сплавит с персоной своей то, что было чужим достояньем.
Так что стремишься ты зря исправлять писаньями нравы:
В ком уже склонность есть, из-за них не склонится

к другому;

Прежние в нем укрепить задатки — вот все, что ты
можешь,
Или же, если он молод, привить ему то или это.

Если по правде сказать, вот как думаю я: человека
Лепит жизнь, а слова не так-то много и значат;
Слушаем их, коль они подтверждают наш взгляд, но
не будем

Взгляды менять оттого, что услышали нечто; а станет
Нам искусный оратор перечить — ему мы поверим,
Но через мгновенье наш дух на привычный путь
возвратится.

Жочешь, чтоб слушали мы и слушались с равной охотой,—
Льсти нам! К народу ли ты обращаешься или к монархам,
Можешь рассказывать все, но чтоб в сказках вставало
воочью

То, чего жаждут они и хотели бы испробовать в жизни.

Разве стали бы все и читать и слушать Гомера,
Если бы он не умел приладиться к нраву любого,
Кто его слушал? Не правда ль, доныне звучит превосходно
В дарском дворце иль в шатре «Илиада» для слуха
героев?

И не лучше ли слушать про странничью хитрость Улисса
Будут на торжище, где попроще толпа собралася?
Там — герои в броне, а здесь — попрошайка
в лохмотьях,—
Все они видят себя в небывалом дотоль благородстве.

Как-то раз я слыхал там, где берег вымощен гладко,
В городе, милом Нептуну, в котором, как господа бога,
Чтут крылатого льва, такую сказку. Внимала
Жадно толпа, кольцом обступив оборванца-рapsода,
Он же рассказывал так: «Однажды был я заброшен
Бурей на остров, который зовется Утопией. Вряд ли
Был там из вас, господа, хоть один. От столпов Геркулеса
Слева он в море лежит. Там был я принят радушно:
Тотчас меня проводили в трактир, в котором нашел я
Лучший стол, и вино, и комнату с мягкой постелью.
Месяц как миг пролетел. Обо всякой нужде и заботе
Я и думать забыл — но потом втихомолку тревога
Стала меня донимать: каково-то после попойки
Будет счет получить? В кошельке у меня ведь ни гроша!
«Меньше мне подавай», — попросил я тогда, а трактирщик
Больше несет... Мой страх все сильней, не дает

беспокойство

Больше ни есть мне, ни спать — и тогда сказал я:

«Хозяин,

Будь любезен мне счет!» Трактирщик, брови нахмурия,
Косо взглянул на меня и, схватив дубину, с размаху
Немилосердно огrel по спине, а потом — посильнее,
По голове, по плечам. Избитый до полусмерти,
Еле я ноги унес — и к судье. На вызов явился
Быстро трактирщик — и вот что степенно сказал

в оправданье:

«Так должно быть с любым, кто законы гостеприимства,
Чтимые в нашей стране, попирает безбожно и нагло,
Требуя счета с того, кто его приютил и приветил.
Я не обязан терпеть оскорбленья в собственном доме!
Право, в груди у меня вместо сердца губка была бы,
Если бы я равнодушно стерпел, услышав такое!»

И обратился ко мне судья: «Позабудь о побоях!
Ты по заслугам наказан — и надо бы даже больнее!
Если же хочешь оставаться у нас, покажи-ка сначала,
Годен ли ты хоть на что и достоин ли стать

гражданином».

«Ах, — сказал я в ответ, — никогда я, сударь, к работе
Не был охоч ни к какой, да и нет у меня дарований,
Коими кормятся люди. Меня лишь в насмешку прозвали
Гансом Беспечным — и с тем взашей прогнали из дома».

Так рассказывал он, и, внимая, слушатель каждый
Складки на лбу расправлял и мечтал про себя, чтобы
в жизни
Тот же трактирщик его избил по той же причине.

ПОСЛАНИЕ ВТОРОЕ

Хмуришь ты брови, достойный мой друг; тебе показались
Шутки мои неуместны: вопрос, мол, задан серьезно,—
И рассудительный нужен ответ. На меня же в ту пору
Стих напал озорной, а с чего, и не знаю, ей-богу!
Впредь я буду писать осмотрительней. Ты возразил мне:
«Дела мне нет до толпы, до ее поведенья и чтенья;
Ты о другом поразмысли: ведь сводник-поэт развращает
Дочек в доме моем, со всяческим злом их знакомя».

Горю тут легче помочь,— я скажу,— чем кажется людям.
Дочери тем хороши, что, найди им дела — и с охотой
Сразу возьмутся за них. Дай ключ от погреба старшей,—
Пусть о винах печется в просторных отцовских подвалах,
Ежели винный запас винодел иль торговец пополнят.
Хватит тут дел для девицы: в порядке расставить бутылки,
Бочки пустые держать в чистоте и прочую утварь.
Часто следить ей придется, как бродит и пенится сусло,
В бочки вино подливать, чтоб легко достигали отверстия,
Бурно кипя, пузыри, чтобы зрел и светлый и сладкий
Сок благороднейших лоз, не скисая долгие годы.
Тут про усталость забудь — выливай, наливай или черпай,
Чтобы всегда на столе был живительный, крепкий напиток.

Средней в полную власть дай кухню; тут ей работы
Будет вдосталь всегда, чтоб кормить зимою и летом
Вкусно и сытно семью, не влезая в излишние траты.
Пусть-ка с начала весны позаботится, чтобы цыплята
Быстро росли во дворе и жирели болтливые утки.
Пусть из щедрых даров любого времени года
Каждый в свой срок будет подан на стол. Пусть дочь

исхитрится

Блюда менять что ни день, не забыв притом заготовить
На зиму все, что лето растит. Пусть в подвале прохладном
Квасит капусту она, огурцы заливает рассолом,
Пусть Помоны дары сберегает в кладовке под крышей.
Дочку похвалишь ты сам, похвалят сестры и братья,
А неудача ее будет худшей бедою, чем если
Вдруг сбежавший должник без оплаты вексель оставит.
Будет девица всегда при деле, в тиши созревая,
Впрок для мужа копя добродетели, нужные дому.
А почитать взбредет ей на ум — к поваренной книге
Выбор ее обратится,— издали их, благо, в избытке.

Младшей дочеке вели ты за садом ухаживать. Вряд ли
Будет тогда он твой дом окружать романтической дебрюю:
Нет, поделен аккуратно на грядки, угодье при кухне,
Вдосталь кореньев он даст и любимых юностью фруктов,
Как патриарх, вокруг себя создай ты тесное царство —
Сам свой дом засели послушной, верной прислугой.
Если еще у тебя есть дочки и по сердцу этим
Тихо сидеть с работой в руках — тем лучше! Ведь спицам
Нет покоя весь год; домовитые дамы и дома
Вяжут, и могут в гостях коротать досуги вязаньем.
Выросли также стократ и шитье, и стирка, и гляжка
С той поры, как девицы в аркадских белых покровах
Стали вкус находить, и в залах взметать танцевальных
Длинными юбками пыль, и шлейфом мести переулки.
Право, будь у меня и дюжина дочек — для каждой
Я бы работу нашел. Да они довольно работы
Сами себе задают, и за год ни единая книжка
Не перешла бы в мой дом из лавки книгопродавца.

СМЕШАННЫЕ ЭПИГРАММЫ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦУ

Легким покровом земля засыпает золото зерен,—
Друг мой! Хоть глубже она кости покоит твои,
Радостным был этот сев! Взойдет он пищай живою,
И близ могилы твоей будет надежда всегда!

МОГИЛА АНАКРЕОНТА

Здесь, где роза цветет, где лавры лоза обвивает,
Здесь, куда горлинки зов манит и песня дикая,
Чью здесь гробницу украсили жизнью зеленою и звонкой
Боги? — Под этим холмом Анакреонт опочил.
Летней, и вешней порой, и осенней сполна насладившись,
Старец счастливый в земле скрылся от зимних невзгод.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Поберегись Амура будить! Мальчуган не проснулся,—
Сделать спеши поскорей все, что велит тебе день,
Так хлопотливая мать, покуда сынок ее дремлет,
Время умно бережет: он ведь проснется сейчас!

НАСТАВНИКИ

Тихо сидел Диоген и у бочки на солнышке грелся,
Лез добровольно Калан на погребальный костер,
Оба сыну Филиппа отличный урок преподали,
Но покоритель земли всякий урок перерос.

САКУНТАЛА

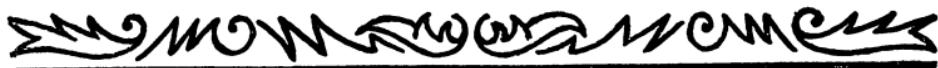
Хочешь цветенье весны и плоды осенние, хочешь
Все, что пленяет нам взор, все, что питает нам плоть,
Хочешь и землю и небо объять единым лишь словом?
Молви: Сакунтала. Так все будет сказано вмиг,

1784—1785

КИТАЕЦ В РИМЕ

Видел я в Риме китайца; его подавляли строенья
Древних и новых времен тяжестью мощной своей.
«Бедные! — так он взыхал.— Я надеюсь, им стало
понятно:
Нужно, чтоб кровли шатер тонкие жерди несли,
Нужно, чтоб жесть, и картон, и резьба с позолотою
пестрой
Взгляд искушенный влекли, теша изысканный вкус»,
Мне показалось, что в нем я вижу тех пустодумов,
Кто паутину свою с вечной основой ковра
Прочной природы равняет, здоровье считает болезнью,
Чтобы его болезнь люди здоровьем сочли.

1796

К С Е Н И И
(Сочинения Шиллера и Гете)

ПОСТ НА ПУТИ В ПРЕКРАСНОЕ

Путник, постой! Кто таков, отвечай, и какого сословья!
Я на посту для того, чтобы проверять паспорта,

КСЕНИИ

Дистихи мы. Хвастовство, как и ложная скромность, нам
чуждо.

Хочешь нас остановить — думай о том, как догнать.

ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР

Вскрыть саквояжи скорей! Мы будем искать контрабанду:
Книги с крамольным душком! прочий французский
товар!

ПОЭТУ-МОРАЛИСТУ

Знаю не хуже тебя: люди жалки, ничтожны и грешны.
Знаю, хочу позабыть — ты тут идешь, как на грех!

СОВЕТ ХУДОЖНИКУ

Хочешь снискать похвалы и от грешника и от святоши?
Еву потолще рисуй, черта — рисуй пострашней,

ТЕЛЕОЛОГ

Сколь милосерден творец, что не высадил пробковой рощи
Ране, чем штопор витой в небе своем смастерил,

ПРЕПОДОБНЫЙ МЕРКУРИЙ В РОЛИ СОЧИННИТЕЛЯ
РОМАНОВ

Что-то аббаты твои говорят, как французские сводни,
Что-то и сводни твои больно в латыни бойки.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Правда ль, что в целом лучшеает с веками людская порода?
В целом — возможно. Не будь целое суммой частей.

ЭРОТ — ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Если учитель зудит — это плохо. Но разве не хуже,
Если зудит у него, чуть на детей поглядит!

УГРОЗА

Лисам хвосты подпалиши да пошлешь их к филистерам
в поле —
Испепелится дотла жатва бумажная их!

БОЛГУНУ И ЛЬСТЕЦУ

Больно крикливы, назойливы, больно нахальны вы оба.
Больно вас тяжко терпеть. Жалить вас больно — не жаль.

АМВОН И ЭШАФОТ

Пылкую речь произнес отец преподобный с амвона.
Можно сказать, воспарили. Жаль, не добавить: повис.

НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Надией стать — понапрасну надеетесь, глупые немцы,
Начали вы не с того — станьте сначала людьми.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛУБОЖОК

Ты, Геркулес христианский, решил уничтожить титанов.
Что ж помешало тебе? Мощь олимпийских богов!

КАК ВЫРАСТИТЬ СТИХИ НА НЕМЕЦКОЙ ПОЧВЕ

Немцам — стихи?.. Недоверчивы немцы, пугливы и глухи.
Забарабаньте в окно,— может, пойдут отопрут.

ЛЕВИАФАН И ЭПИГРАММЫ

Грозно ты, чудище,— в море, а в небо за нами не заряся.
Вся твоя, Левиафан, сила — в обилье воды.

НЕМЕЦКИЙ ШЕДЕВР

В этих стихах — совершенные образы, мысль и движенье
Строй; недостаток один: эти стихи — не стихи.

ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ

«Все над стихами ты нашими шутишь, безжалостный?» —
Слава
Богу, что ваши стихи — самое худшее в вас.

СВЕЖИЕ НОВОСТИ ИЗ РИМА

— В Риме, я слышал, художники пишут пространство
и время.
— Ну? Значит, скоро начнут там добродетель — плясать.

ЯЗЫКОВЕД

Анатомируя слово, ты труп рассекаешь бездушный,
Жизнь и красу не задев скальпелем грубым своим.

ПУРИСТ

Всем иностранным словам ты успешно подыщешь замену:
Был ты доселе Педант, стал ты теперь — Крохобор.

СПОР В КОМПАНИИ

Стоит ли спорить, друзья, если точки соприкосновенья
Спорны. Бесспорно одно — смерть прикоснется ко всем.

К**

Как мне спорить с тобой? Для серьезности ты —
легковесен,
Для легковесности — глуп, а для насмешки — тяжел.

НАПОМИНАНИЕ

Глупость есть глупость! Хоть сотню, хоть тысячу раз
повторю вам:
Глупость из уст мудреца — то же, что глупость глупца.

ЕЖЕЛИ

Ежели краеугольную глупость заложишь в фундамент,
Больше построй этажей, чтоб основание скрыть.

ПРЕТЕНЗИИ К ПОЭЗИИ

«Облагораживай нас!..» — Так! значит, сами хотите,
Чтобы вас розгой сырой снова и снова секли.

«МОДНАЯ ФИЛОСОФИЯ»

— Мода!.. Да полно! Когда человек, не довольствуясь
старым,
Нового ищет,— глупец злобно о моде твердит.

ЗРЕНИЕ И ОСЯЗАНИЕ

Не дотянулся слепец — так кричит, что и нет этой веды,
А дотянулся б хоть раз — всю бы изгадил в грязи,

УМЫСЕЛ И ЗАМЫСЕЛ

Косных и злобных язвите, будите погрязших во грезах,
Лживых дразните, стихи, но почитайте добро.

ВААЛОВЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

Вольность святая! Свобода! Стремленье людей
к совершенству!
Сам бы во храм поспешил, будь там другие жрецы...»

ОТВРАЩЕНИЕ

Прочь, лицемеры! Но первым пускай убирается тот, кто
Грубость под правду рядит, пряча лукавство и ложь.

ПАТРИОТ

«Ах, конституция! Чудо!» — И верно. Но, хилый
и бледный,
Прежде чем грезить о ней, вспомни хотя бы свою.

ФИЛИСТЕРАМ

Глядя на бабочек, вспомните гусениц: вашу капусту
Сильно попортят они, чуть ли не с блюда украв.

ДОМАШНИЙ УКЛАД

Прав, спору нет, садовод, когда с воробьями воюет.
Прав, но... природа не даст выиграть эту войну.

ГОМЕР ПО ВОЛЬФУ

«Спорили семь городов...» Как делить между ними
Гомера?
Волки его раздерут, вольфы волкам подсобят,

РЕЙНЕКЕ ЛИС

«Рейнеке Лис? Да о нем ведь, я слышал, давно написали?»
— Но не поймали ж его! Здравствует Рейнеке Лис,

НАВЯЗЧИВОМУ

Раз навсегда хочешь вечную жизнь обеспечить поэту?
Лучше покой обеспечь, сгинувши раз навсегда.

РЕКЛАМА КНИГОТОРГОВЦА

Люди! спешите узнать, для чего вы живете на свете!
Ключ к этой тайне продам ровно за десять грошей,

ИСТИНА

Истину остерегись человек человеку поведать.
Сразу перекувырнут истину вниз головой.

ПРИЗНАНИЕ

Вслух этих строк не читай. Осмеял я глупцов, но,
признаюсь,
Умникам здесь кой-каким тоже несладко пришлось,

ЛИРИЧЕСКОЕ

АМУР-ЖИВОПИСЕЦ

На скале сидел я ранним утром,
Пристально глядел в туман рассветный,
Точно холст, покрытый серым грунтом,
Вширь и ввысь он затянул окрестность.

Подошел ко мне какой-то мальчик
И воскликнул: «Что ты, друг любезный,
В полотно уставился глазами?
Иль навеки потерял охоту
Красками орудовать и кистью?»
На дитя взглянул я и подумал:
«Ишь, наставник у меня нашелся!»

«Так сидеть бездейственно и мрачно,—
Молвил мальчик,— выйдет мало толку.
Хочешь, я картину нарисую,
Научу, как пишутся картины?»

И тотчас же пальчиком искусственным,
Розовым и белым, точно роза,
Быстро начал по холсту водить он,
Пальцем начал рисовать картину.

Наверху изобразил он солнце
В блеске ослепительно прекрасном,
Облака, с краями золотыми
В тех местах, где луч сквозь них пробился.

Трепетными, легкими мазками
Лес наметил, от росы блестящий,
А за лесом широко и вольно
Цепь холмов волнистую раскинул.
Без воды не обошлось в картине —
Написал и речку, так правдиво,
Будто солнце на воде сверкало,
Будто волны на песок плескались.

За рекой простерся луг с цветами,
На лугу зажглись, затрепетали
Зелень, пурпур, золото, эмали,
Россыпи рубинов и смаргдов.
А над всем — лазурный купол неба,
И вдали — синеющие горы.
Восхищенный, то на живописца
Я глядел, то на его картину.

«Ну, теперь ты видишь, — мне сказал он, —
В этом деле кое-что я смыслю,
Но пора заняться самым трудным».

И тогда, с великим прилежанием,
Написал он пальчиком искусственным
На опушке леса, там, где солнце
Ярким светом зелень заливало,
Написал прелестную пастушку,
Стройную, в простом, открытом платье,
Синий взор и розовые щеки,
Розы-щеки, схожие по цвету
С пальчиком, который сотворил их.
«О дитя! — вскричал я. — У кого ты,
У какого мастера учился
Рисовать так верно и правдиво
И с таким высоким совершенством?»

Не успел еще договорить я,
Закачались ветви на деревьях,
Легкий ветер закурчавил воду,
Взвил косынку на кудрях пастушки,
И тогда, — о, как я изумился! —
Девушка ногой переступила,
Обернулась и пошла к утесу,
Где сидели я и мой учитель.

И когда все, все пришло в движенье,
Воздух, волны, листья, и косынка,
И сама красавица — о боги! —
Мог ли я недвижно, будто камень,
Усидеть на каменном утесе!

1787

* * *

Купидо, шалый и настойчивый мальчик,
На несколько часов просил ты приюта.
Но сколько здесь ночей и дней задержался,
И ныне стал самовластным хозяином в доме.

С широкой постели я согнан тобою,
Вот на земле сижу и мучаюсь ночью.
По прихоти своей очаг раздувая,
Ты зимний сжигаешь запас, и я тоже сгораю.

Посуду всю ты сдвинул, все переставил;
Ишу, а сам как будто слеп и безумен;
Недщадно ты гремишь; душа, я боюсь,
Умчится, мчась от тебя, и дом опустеет.

1787

НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Стрелку,— но не тому, кто сед,
Кто правит солнца бег,
Скрывает мглой небесный свет
И шлет нам первый снег,—

Но мальчику восторг певца!
Почтим того хвалой,
Кто ранит нежные сердца
Волшебною стрелой.

Он согревает мрак ночей
Порою зимних выюг,
Дарит нам преданных друзей
И сладостных подруг.

Да вознесем его к звездам,
Чтоб вечно меж светил
Он, светлый, улыбаясь нам,
Входил и заходил.

1783

ПОСЕЩЕНЬЕ

Нынче я хотел прокрасться к милой;
На замок закрыты были двери,
Но ведь ключ всегда при мне в кармане!
Дверь желанную открыл я тихо.

Я любимой не нашел в гостиной,
В спальне также не нашел любимой,
Наконец я тихо отворяю
Двери задней комнаты и вижу:
На диване спит она одетой.

За работой милая уснула,
Руки нежные на грудь сложила,
Выронив и спицы и вязанье.
К ней подсев неслышно, стал я думать,
Надо ли будить ее сейчас же,—

А меж тем смотрел, каким покоем
Полны были сомкнутые веки,
Тихой верностью дышали губы,
Прелесть на щеках была как дома,
И невинность с добротой сердечной
Грудь то опускали, то вздымали.
Сна божественный бальзам разнежил
Вольно разметавшееся тело.

Радостно смотрел я — и желанье
Разбудить ее сковала прочно
Радость тайною, но крепкой цепью.
Думал я: «Любимая, так, значит,
Даже сон, предатель всякой фальши,
Уличить ни в чем тебя не может,
Повредив во мненье друга хрупком?»

Ведь сейчас глаза твои закрыты
И приворожить не могут взглядом,
Губы нежные не разомкнутся
Ни для слова, ни для поделуя,
И распались колдовские кольца
Обвивающих меня объятий,
И, наперсница дразнящей ласки,
Нежная рука лежит недвижно.
Будь ошибкой то, чем ты мне мнишься,
Будь моя любовь самообманом,
Все бы мне сейчас могло открыться:
С глаз повязка спала у Амура».

Долго я сидел и любовался
Неподдельностью ее достоинств,
Радуясь моей любви, не смея
Той, что так мила во сне, коснуться.

Тихо положив два апельсина
И две розы рядом с ней на столик,
Ускользнул я прочь неслышным шагом.
Чуть глаза любимая откроет,
Пестрое увидит приношение,—
Удивится, что попал подарок
В дом, а двери и не отпирались.

Ночью мы увидимся, мой ангел,
И мою сегодняшнюю жертву
Возместит твоя любовь мне вдвое!

1788

УТРЕННЯЯ ЖАЛОБА

О, скажи мне, милая шалунья,
Чем я виноват перед тобою,
Что меня измучила ты пыткой,
Что не держишь своего ты слова?

Ведь вчера ты, нежно пожимая
Руку мне, тихонько говорила:
«Да, приду, приду я завтра утром
В комнату к тебе, не сомневайся!»

Дверь свою прикрыл я осторожно
И ее проверил перед этим,
Радуясь, что петли не скрипели.

Что за ночь провел я в ожиданье!
Я не спал, все четверти считая,
И когда на миг я забывался,
Сердце, оставаясь неусыпным,
Прогоняло легкую дремоту.

Да, я ночь благословлял за то, что
Всех она заботливо укрыла.
Как я рад был тишине безмерной,
К тишине прислушивался жадно,
Не услышу звука ли откуда.

Если б одного мы с ней хотели,
Если б к одному стремились оба,
До утра б она не дождалась,
В комнату мою давно пришла бы.

Пробежит ли кошка по карнизу,
Заскребется ли в углу мышонок,
Заскрипят ли в доме половицы,
Кажется: твои шаги я слышу,
Кажется: твою походку слышу.

Так лежал я долго, очень долго,
И рассвет уже забрезжил серый,
И то здесь, то там скрипело что-то.
Дверь ее? Или моя, быть может?
Приподнявшись, ждал я на постели
И следил за дверью в полуслете,
Ожидая, вот ее откроют.
Неподвижны были обе створки
И висели на безмолвных петлях.

День светел все более и более.
Дверь открыл сосед мой, уходивший
На свою поденную работу.
Слышал я, повозки загремели,
Отворили в городе ворота,
Разложили свой товар торговцы,
Наполняя рынок суматохой.

Вот уже и в доме заходили
Вверх и вниз по лестнице, звучали
Здесь и там шаги, скрипели двери,
Но не мог я, как от светлой жизни,
От своей надежды отказаться.

Наконец, когда уже и в окна
Солнце ненавистное проникло,
Я вскочил и в сад бежать пустился,
Чтобы слить горячее дыханье
С утренней прохладой благовонной
И тебя, быть может, там увидеть.
Но, увы, ни в липовой аллее,
Ни в беседке я тебя не встретил.

1788

КОФТСКИЕ ПЕСНИ

I

Пусть над глупцами ученые бются,
Строгие трудятся учителя!
Мужи мудрейшие с нами смеются,
Нас наставляют, запомнить веля:
Вздорно глупцов призывать к исправлению!
Разума дети, доверьтесь реченью —
Дурня верней оставлять в дураках!

Мерлин-старик в лучезарной могиле
В дни, когда мы еще юными были,
В схожих со мной изъяснялся словах:
Вздорно глупцов призывать к исправлению!
Разума дети, доверьтесь реченью —
Дурня верней оставлять в дураках!

Индии ль светлые чуешь высоты,
В нильские ль темные спустишься гроты,—
Всюду услышишь в священных местах:
Вздорно глупцов призывать к исправлению!
Разума дети, доверьтесь реченью —
Дурня верней оставлять в дураках!

В путь! Покорствуй указанью!
 Как ступать тропинкой правой,
 Загодя учись, дружок!
 На весах судьбы лукавой
 Редко дремлет стерженек:
 Приглядись к их колебанию!
 Кто ты? Победитель новый?
 Или сам в полон попался?
 Гордым молотом поднялся
 Или наковальней лег?

1787

ШТИЛЬ НА МОРЕ

Дремлют воды. Недвижимый
 Словно скован кругозор,
 И с тревогой корабельщик
 Смотрит в сумрачный простор,

Иль не стало ветра в мире?
 Мертвенная тишина.
 Ни одна в бескрайней шире
 Не шелбнется волна.

1795

СЧАСТЛИВОЕ ПЛАВАНЬЕ

Взыграло на воле,
 Раздернуло тучи
 Эолово племя...
 И свищет беду!
 Взбодрился на вахте
 Седой корабельщик:
 «Налягте! Налягте!»
 А волны все круче,
 А дали все ближе —
 Земля на виду!

1795

БЛИЗОСТЬ ЛЮБИМОГО

Мне о тебе горит над океаном
Поток лучей;
Мне о тебе мерцает светом странным
Во тьме ручей.

Мне виден ты, когда дрожит в тревоге
Над далью день,
Когда мелькнет и канет на дороге
Ночная тень.

Мне слышен ты, когда о брег пустынnyй
Волна стучит;
Иду тебя я слушать в те долины,
Где все молчит.

Ты здесь со мной. И даже в дальней дали
Я там, с тобой!
Заходит солнце. Звезд часы настали.
Где ты, друг мой?

1796

МУСАГЕТЫ

Часто зимними ночами
Я взывал к прекрасным музам:
«До зари еще далёко,
И нескоро день займется,
Но ведь мне в свой срок смиренно
Даст довольно света лампа,—
Пусть живит мое усердье
Вместо Феба и Авроры!»
Но тревожить не желали
Музы сон мой непробудный,
И вослед за поздним утром
Проходил весь день впустую.

А когда весна проснулась,
Соловьев просил я звонких:
«Соловьи, ударьте трелью
Под моим окном пораньше,

Оборвите сон, который
Мощно сковывает юных!»
Но певцы любви немолчно
Длили целыми ночами
Под окном свои напевы,
Сном забыться не давали,
Новым полнили томленьем
Вновь встревоженное сердце.
Шли часы, меня Аврора
Заставала крепко спящим
И с трудом будило солнце.

Наконец настало лето,—
И едва рассвет забрезжит,
Не дает мне спать настырность
Хлопотливой ранней мухи.
Не очнувшийся спросонок,
Прочь гоню ее с досадой,
А она садится снова
И зовет сестер бесстыдных.
Тут уж с век, смеженных сладко,
Поневоле сон слетает!
Бодро вскакиваю с ложа,
Муз возлюбленных иду я;
Отыскав их в роще букв,
Ими я радушно встречен...
Многими часами счастья
Мухам гнусным я обязан;
Пусть за это вас, докучных,
Славит лира: вы, без спора,—
Истинные мусагеты!

1798

ПИТОМЕЦ МУЗ

Лугами, чащей леса
Иду, лихой повеса.
Пою средь бела дня.
И песне в лад сверкает,
Кружится и мелькает
Земля вокруг меня.

Дождаться бы мгновенья
Весеннего цветенья
И птичей кутерьмы.
А коль наступят стужи,
Я буду петь не хуже
О радостях зимы.

Спою сто песен кряду
Во славу снегопаду,
Узорам на окне.
Я знаю — день настанет:
Опять земля воспрянет,
И снова быть весне.

Где молодость и шутки,
Готов не спать я сутки
И петь в любом kraю,
Угрюмая девица
И та развеселится
Под музыку мою.

Без устали беспечно
Блуждаю бесконечно
Я, музой окрылен.
Влечет меня дорога.
Но как побыть немного
Мне с той, в кого влюблен.

1799

КУБОК

Как-то раз чеканный полный кубок
Я сжимал обеими руками,
Жадно пил вино, чтоб сладкой влагой
Всё залить печали и тревоги.

Тут вошел Амур и, увидавши,
Как сижу я, улыбнулся скромно,
Словно про себя глупца жалея.

«Друг, я знаю, есть сосуд прекрасней,—
Стоит он, чтоб утопить в нем душу.
Что ты посулишь мне, коль тебе я
Дам его, другим нектаром полный?»

Слово он сдержал и, сердце Лиды
Нежностью наполнив, подарил мне
Ту, о ком я тосковал так долго!

Когда я твоё сжимаю тело,
Когда с верных губ, не отрываясь,
Пью бальзам любви, давно хранимый,—
Так я говорю себе, счастливый:

«Из богов никто, кроме Амура,
Вылепить такой сосуд не в силах!
Форм таких не выковать Вулкану
Молотом разумным и послушным.
Пусть Лиэй по склонам густолистым
Самых опытных отправит фавнов
Выжимать отборнейшие гроздья,
Пусть следит за таинством броженья,—
Сладче не иметь ему напитка!»

1781

СОНЕТ

Тебе, поэт, вверяем долг священный
Идти в искусстве новыми путями:
Покорно шествуй мерными стопами,
Куда зовет наш опыт многоценный.

Ведь если дух неистов вдохновенный,
Нам любо обуздать его цепями;
Пусть совершенными дарит трудами,
Хотя волнует страстью дерзновенной.

Хотелось бы и мне изведать тоже
Сонетов строгих гордую оправу,
Чтоб чувствам лучшим ризою облечься,

Но тщетно бьюсь удобным сделать ложе:
Мне цельным резать дерево — по нраву,
А здесь нельзя от клею уберечься!

1800?

ПРИРОДА И ИСКУССТВО

Природы и искусства расхожденье —
Обман для глаз: их встреча выполнима.
И для меня вражда их стала мнимая,
Я равное питаю к ним влеченье.

Яви лишь честное, художник, рвенье!
Трудись размеренно, неколебимо,
Разумно в области искусств любимой —
Природа даст душе воспламененье.

Бывает так со всяким начинаньем:
Коль необуздан ум твой — будет тщетно
Стремление к высотам совершенства.

Их достигаешь сил всех сочетаньем;
Лишь в чувстве меры мастерство приметно,
И лишь закон свободе даст главенство.

1800

НЕЖДАННАЯ ВЕСНА

Впрямь ли настали
Вешние дни?
Солнце и дали,
Дарят они.

Что это — нивы?
Луг или лог?
Всюду бурливый
Плещет поток.

В небе, в озерах
Блеск серебра
И златоперых
Рыбок игра.

Тучам вдогонку
Крылья шуршат
С ясной и звонкой
Музыкой в лад.

Роем веселым
По берегам
Лакомки-пчелы
Никнут к цветам.

Воздух как будто
Дрожью пронзен.
Сладкая смута
И полусон.

Ветры взыграют,
Куст всполошат
И прилетают,
Стихнув, назад —

В мягкие узы
Грудь оплести.
В помощь мне, музы,
Счастье нести!

В суполке пестрой
Сам я не свой:
Легкие сестры,
Она — со мной!

1801

ТОМЛЕНИЕ

Что стало со мною,
Что в сердце моем?
Как душен, как тесен
Мой угол, мой дом!
В просторы, где тучи,
Где ветер всегда,—
Туда, на вершины,
Скорее туда!

Вон черные птицы
По небу летят.
О птицы, я с вами,
Ваш спутник, ваш брат!
Под нами утесы,
Под нами стена..

Ее ли там вижу?
Она здесь, она!

Идет и мечтает.
За нею, с небес,
Я птицей поющей —
В раскидистый лес.
Идет и внимает
Лесной тишине:
«Как сладко поет он,
Поет обо мне!»

Вечернее солнце
Холмы золотит.
Прекрасная дева
На солнце глядит.
Идет над рекою,
Зеленым лужком.
Пропала тропинка,
Стемнело кругом.

Но тут я звездою
Блеснул в вышине.
«Что светит так ярко,
Так ласково мне?»
Ты на небо смотришь,—
О, радостный миг!
К ногам твоим пал я,
Я счастья достиг!

1802

ВОЛШЕБНАЯ СЕТЬ

Что здесь вижу я? Сраженья?
Или игры? Или чудо?
Две пятерки юных братьев
Состязаются друг с другом,
Как волшебница велит им.

У одних — стальные пики,
У других — из быстрых нитей
Петли, чтобы в плен их гибкий
Сталь блестящая попалась.

Вот в неволю взяты пики,
Но в военном легком танце
Ускользают прочь проворно
Из сцепленья нежных нитей,
Что, едва одну отпустят,
Вмиг другой оплетают.

Так в бою, в борьбе, в победах,
В написках и отступленьях
Сеть искусная плетется,
Белизной подобна хлопьям,
Чье паденье свет и тени
Делит сотнями оттенков,
Недоступных нашим краскам.

Кто получит одеянье,
Всех желанней? Кто отличен
Будет госпожой любимой,
Признанный ее слугою?
Мне счастливого удела
Знак достался, о котором
Тайно я мечтал. Отныне
Посвящен я в слуги милой.

Но покуда беззаботно
Я нарядом щеголяю,
Вновь беспечная десятка
Дружно, скрытно и прилежно
Тоньше сети ткет, сплетая
Лунные лучи, туманы
И ночной фиалки запах.

Не успев тенет заметить,
Попадает в них счастливец,
Нам же, прочим, остается
Поздравлять и прятать зависть.

1803

УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

Скажи, что так задумчив ты?
Все весело вокруг;
В твоих глазах печали след;
Ты, верно, плакал, друг?

«О чем грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слезы... слезы в сладость нам,
От них душе легко».

К тебе ласкаются друзья,
Их ласки не дичись;
И, что бы ни утратил ты,
Утратой поделись.

«Как вам, счастливцам, то понять,
Что понял я с тоской?
О чем... но нет! оно мое,
Хотя и не со мной».

Не унывай же, ободрись,
Еще ты в цвете лет;
Ищи — найдешь; отважным, друг,
Несбыточного нет.

«Увы! напрасные слова!
Найдешь — сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко».

На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса.
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мыся в небеса.

«Ах, я любуюсь в ясный день,
Нет сил и глаз отвесть.
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть».

1803

САМООБОЛЬЩЕНИЕ

Качнулся легкий тюль в окне
Моей соседки вдруг...
Она сейчас глядит ко мне,
Полна душевных мук.

Ей хочется узнать — мой гнев,
Что ревностью зажжен,
Ногас ли в сердце, охладев,
Иль все пылает он?

Но нет, любовною мечтой
Был мой обманут взор:
То просто ветер озорной
Играет тканью штор.

1802/1803

СЧАСТЛИВЫЕ СУПРУГИ

Веселый дождик мая —
О нем молились мы, —
Ты видишь, дорогая,
Пролился на холмы.
И в голубом ненастье,
Что манит жадно взор,
Растет одно лишь счастье,
Живет любви простор.

Голубки в синем небе
Уже летят туда,
Где клонят влажный стебель
Фиалки у пруда.
За первыми цветами
Мы шли здесь по холмам,
И здесь впервые пламя
Пронзило сердце нам.

И вот органа звуки
Засыпа в добрый час,
Наш пастор свел нам руки,
Благословляя нас.
И лун и солнц так много
Послал нам счастья бог,
И с той поры дорогой
Весь мир нам в ноги лег.

И тысячи печатей
Скрепили наш союз
В лесу, на вольном скате,
В кустах, в приюте муз,

В пещерах под скалами,
В ущельях на реке,
Где сам Амур пред нами
Шел с факелом в руке.

Бродили мы в покое
И думали — вдвоем,
Но вот уже нас трое,
И вот мы вчетвером.
Нас пять. Нас шесть. За миской
Вся наша поросль тут:
Пожалуй, время близко —
И нас перерастут.

Там, в свежести долинной,
На берегу крутом,
Под липою старинной
Построен новый дом.
Кто трудится с зарею
У яблонь, у теплиц?
Не с юной ли женою
Наш сын, наш милый Фриц?

А там, где в злых утесах
Зажатая река
Свергает на колеса
Вспененные бока,
Кто всех милей и краше,
Кто труд ведет шутя?
То мельничиха — наше
Любимое дитя.

Смотри, кустарник колко
Вокруг церкви сплел намет,
Где горестная елка
На холмике растет
И где, к отчизне милой
Зовя наш смертный взгляд,
Родимые могилы
О вечном говорят.

Сверкают копья, латы,
И в грохоте мортир —
Смотри — идут солдаты,
Принесшие нам мир.

А впереди их кто же
С повязкой золотой?
Он так похож... О, боже,
То Карл, то наш герой!

И музыка и пенье,
Невеста смущена.
Сегодня обрученье
С ним празднует она.
На свадебные пляски
Спешат и стар и млад,
И наших младших глазки
В венках из роз горят.

Под флейты и свирели
Воскресли те года,
Когда и мы сумели
Сказать друг другу «да».
И чувствую я — скоро
С тобою мы вдвоем
Внуценка в сень собора —
И сына понесем.

1802

МАЙСКАЯ ПЕСНЬ

Меж лугов и дубрав,
Меж колосьев и трав,
У зеленої межи
Где путь милой?
Ну, скажи!

Не сидится
Дома ей;
Все резвится
Средь полей.
Весь в уборе
Майский луг;
На просторе
Милый друг,

Где над речкой, у скал,
Я ее деловал,
Где трава так нежна,
Что-то видно!
Не она?

1810

ВСЕПРИСУТСТВИЕ

Все возвещает тебя!
Восходит ли солнце — я верю:
Следом покажешься ты,

В сад ли сойдешь поутру —
И лилией, лилий белее,
Розой меж роз предстаешь.

В танце ли плавно скользишь —
С тобою кружатся планеты,
Звезды летят вокруг тебя.

Ночью — настала бы ночь! —
Сиянием ты побеждаешь
Месяца ласковый блеск.

Ласково блещешь и ты,
И служат тебе, мое солнце,
Месяц, планеты, цветы.

Солнце! Прекрасные дни
И мне подари, как даришь ты
Мир и вечность и жизнь!

1812

НАШЕЛ

Бродил я лесом...
В глухи его
Найти не чаял
Я ничего.

Смотрю, цветочек
В тени ветвей,
Всех глаз прекрасней,
Всех звезд светлей.

Простер я руку,
Но молвил он:
«Ужель погибнуть
Я осужден?»

Я взял с корнями
Питомца рос
И в сад прохладный
К себе отнес.

В тиши местечко
Ему отвел.
Цветет он снова,
Как прежде цвел.

1813

ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

Рос колокольчик,
Цветок голубой,
Подняв головку
Над мягкой травой.

Сластена-пчелка
Пила его сок:
Ведь друг для друга
Пчела и цветок.

1814

К РАЗНЫМ ЛИЦАМ И НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

ЭПИЛОГ К ШИЛЛЕРОВУ «КОЛОКОЛУ»

Радость, лейся в граде оном,
Мир, ему будь первым звоном.

Да, было так. Страна кипела славой,
Являлось счастье новое в цвету.
Приветствовали песней величавой
Мы княжескую юную чету.
Народных толп налево и направо
Мы видели восторг и тесноту;
По-праздничному убраны ступени,
И «Поклонение искусств» на сцене.

Но грянул, как на погребальной тризне,
В полночный час глухой и скорбный звон.
Возможно ль? Он, наш друг, к кому в отчизне
Был каждый взор с любовью обращен!
Иль смерть зовет достойнейшего жизни?
Весь мир потерей этой потрясен!
Какой урон друзьям и близким людям!
Рыдает мир, и мы ль рыдать не будем?

Да, он был наш! Каким простым, радушным
Высокий муж порой являлся нам!
Как строгий дух с весельем благодушным
То снисходил к обыденным речам,
То быстро, словом властвуя послушным,
Всей жизни план развертывал друзьям,
В советах плодотворно изливаясь:
Все это мы узнали, наслаждаясь.

Да, он был наш! Пусть гордость перебьет
И заглушит напев тоски сердечной!
Он мог средь нас от бурь и непогод
Укрыться в мирной гавани беспечно.
Но дух его могучий шел вперед,
Где красота, добро и правда вечны;
За ним обманом призрачным лежало
То пошлое, что души нам связало.

Он украшал свой вертоград прекрасный,
Где звезд напевы слышались ему,
Которые таинственно и ясно
Навстречу шли высокому уму.
Себе и нам на радость ежечасно
Работал он, мешая день и тьму,
И радостно встречал, достойным занят,
Те сумерки, когда в нас сила вянет.

Пред ним событья, полные отваги,
Текли, смывая след добра и зла,
Владык земли бушующие стяги,
Их в мире отшумевшие дела;
И в низости, и в высочайшем благе
Им сущность их испытана была.
Вот месяц канул, горы посветлели.
И солнцем выси радостно зардели.

Его ланиты зацвели румяно
Той юностью, конда которой нет,
Тем мужеством, что поздно или рано,
Но победит тупой, враждебный свет,
Той верой, что дерзает неустанно
Идти вперед, терпеть удары бед,
Чтоб, действуя, добро росло свободно,
Чтоб день пришел тому, что благородно.

Но он любил и сей помост дощатый,
Он, опытный, изведавший сердца:
Здесь он рисует Рок замысловатый,
Земную ось вертящий без конда.
Возвысил он, фантазией богатый,
Достоинство искусства и певца,
Направив цвет высокого стремленья,
Жизнь самое — на жизни отраженье.

Вы знали, как шагами великана
Он воли круг и действий измерял,
Сквозь быт народов, сквозь века и страны
Как ясно книгу темную читал.
Но как средь нас в одышке постоянной
Он мучился, болезнь перемогал,
Всё это в годы счастья и печали,—
Ведь наш он был,— мы вместе с ним узнали,

Его, когда в борьбе с болезнью злую
Свой скорбный взор он подымал опять,
От гнета современности порою
Мы хоть на миг умели избавлять,
Искусством и изысканной икрою
Воскресший дух свежить и укреплять;
Когда к закату дни его склонялись,
Мы от него улыбки добивались.

Ведь строгое прочел он рано слово,
К страданьям, к смерти был готов он весь.
Он отошел; то, что давно сурово
Пугало нас, оно страшит и днесь.
Преображен, он долу смотрит снова
И видит, как преображен он здесь.
Что современники в нем порицали,
И смерть его и время оправдали.

И те, кто знать при жизни не хотели
Его заслуг, упорно с ним борясь,
Его могучей силой закипели,
В его волшебном круге заключась.
Он воспарил, вознесся к высшей цели,
Со всем, что ценно, тесно породнясь.
И коль при жизни не довольно громки
Хвалы людей, восполнят всё потомки.

Да, с нами он, хоть миновали сроки:
Уж десять лет он с нами разлучен!
Но за его высокие уроки
Благодарят его со всех сторон.
И расширяется в людском потоке
То, чем велик, своеобычен он.
Он нам блестит, кометой исчезая,
Со светом вечности свой свет сливая.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Дух мой рвется к небесам
В заблужденье странном:
Не пущусь ли я и впрямь
В путь по звездным странам?
Нет, хочу остаться здесь,
В мире безобманном,
Чтобы пить вино, и петь,
И звенеть стаканом!

Если ж кто-нибудь, друзья,
Спросит, что со мною,—
Славно жить, отвечу я,
На земле порою,
И поэтому, клянусь
Честью и душою,
Никогда не разлучусь
С милой я землею..

Но пока мы за столом,
Жажде нет запрета,—
Пусть поет в бокалах ром
В такт строкам поэта!
Разбредемся мы в свой час,
Кто куда, по свету,—
Чокнемся ж, пока у нас
Дружбой жизнь согрета.

Так за здравье ж тех, кто здрав,
Тех, чья жизнь — отрада!
Первый тост за короля,
Следя обряду:
Чтоб грозой своих врагов
Был он, выпить надо,
Чтоб сидел на троне он,
Не жалея зада!

А теперь бокал полней
И побольше жажды,
О единственной своей
Думает пусть каждый.

Пью за ту, кого навек
Полюбил однажды,
За прекрасную мою
Пью подряд я дважды!

Третий счетом тост за тех,
Кто делил годами
Дружно радость и печаль
С нашими сердцами.
Пить отрадно и легко
За друзей с друзьями —
И за тех, кто далеко,
И за тех, кто с нами.

Бурной радости поток
Не могу сдержать я,
Не устану без конца
Дружбу воспевать я.
Постучится в дверь беда,
Мы скрепим объятья,
Солнце дружбы никогда
Не померкнет, братья!

Верьте мне, не близок путь
К морю от порога,
Много мелет мельниц тут,
И дорог тут много...
И другие пьют, как мы,—
Не сужу их строго,—
Благо мира — вот куда
Нас ведет дорога.

1802

ГОРЯЧАЯ ИСПОВЕДЬ

Дружеский теснее круг,
И душа с душою!
Ныне на серьезный лад
Мысли я настрою.
В жизни много мы теряли,
В жизни часто мы страдали,
Братья, слепотою.

Заблужденьям и грехам
Мы платили дани,
Но доступна и для нас
Сладость покаяний.
Грузно сожалений бремя,
Кайтесь же — приспело время
Горестных признаний,

Заменяя нередко явь
Нам мираж мечтаний,
Оставляли, не допив,
Мы вино в стакане,
О красотках забывали,
С алых губок не срывали
Сладких мы лобзаний.

Нудной болтовне глупцов
Часто мы внимали,
К их суждениям тупым
Робко слух склоняли.
Сколько мы минут блаженных,
Невозвратных, сокровенных,
Всye потеряли!

Но, собратья по столу,
Чаще ссорьтесь с ленью,
Следуйте всегда во всем
Высшему велению.
Станем цельны мы сердцами,
Добрьми пойдем путями
К верному спасенью!

Надаем глупцам щелчков,
Чтоб отбить охоту
В златопленное вино
Лить гнилую воду,
Трезвость глупую забудем
И любимых наших будем
Целовать без счету!

Я сделал ставку на ничто,
Гей-го!
Кто в счастье равен мне? Никто!
Гей-го!

Так чокнемся вновь, и вновь нальем,
Товарищ, стаканы добрым вином,
И выпьем, и споем!

На деньги делал ставку я,
Гей-го!
Бесплодно растратил дни бытия,
Эх-хо!
Червонцы я ловил, хватал,
Червонцами сорил, мотал,
Стяжал и вновь терял.

На женщин ставку делал я,
Гей-го!
И адом стала жизнь моя,
Эх-хо!
Страдал от неверности одной,
Скучал от верности другой,
Бежал от этой к той.

На странствия поставил я,
Гей-го!
Бездомность доняла меня,
Эх-хо!
Не приживался я нигде,
Спал плохо, плохо ел везде,
Был одинок в беде.

На славу делал ставку я,
Гей-го!
Врагами сделались друзья,
Эх-хо!
Как только я чуть выше стал,
Обиделись все, кто был мал,
Им всем мой рост мешал.

Я сделал ставку на войну,
Гей-го!
Прошел я не одну страну,
Гей-го!
И вражьи земли разорял,
И милых сердцу растерял,
И безногим я стал.

Еще поставить? Не возьму ль?
Гей-го!
И вот поставил я на нуль,
Гей-го!
Тут песня кончиться должна:
Осталось мало уж вина.
Допьем, что есть, до дна!

1806

ПРИВЫКНЕШЬ — НЕ ОТВЫКНЕШЬ

Я раньше влюблялся. Теперь я люблю.
И ради тебя все снесу, все стерплю.
Влюбленный в кого ни попало,
Я ныне блаженство изведал с тобой
И словно прикован к тебе ворожбой.
И сердце огнем воспыпало.

Я прежде надеялся. Верю сейчас.
Я понял, как важно в томительный час
Душою поверить, что вскоре
Ты сможешь тоску и нужду превозмочь,
И радостным утром сменяется ночь,
И время сотрет твое горе.

Я раньше едал. Ем теперь больше всех.
И пища приносит мне много утех.
Промчатся года, но покуда
От старости немощной я не умру,
Я буду шуметь за столом на пиру,
Смакуя любимые блюда.

И прежде я пил, нынче пью больше всех,
И это отнюдь не считаю за грех,
Рождаются светлые мысли
От жгучих глотков золотого вина.
Так выпьем же крепкие вина до дна,
Покамест они не прокисли!

Любил танцевать я и в вальсе кружить,
Теперь мне без музыки дня не прожить.
И ныне со мною нет сладу.
Цветы и лихое веселье вокруг,
Стремительней музыка, ширится круг.
Так будем плясать до упаду!

Печали долой! Ни к чему унывать!
Мы будем душистые розы срывать!
Шипы не поранят нам руки.
И снова восходит звезда, как алмаз.
Так пусть убираются те, кто погляз
В сонливости, злобе и скуче!

1813

ERGO BIBAMUS! ¹

Для доброго дела собрались мы тут,
Друзья мои! Ergo bibamus!

Беседа прекрасна, стаканы поют.

Дружнее же: «Ergo bibamus!»
Вот слово, что славу стяжало давно,
Оно полнозвучно и смысла полно,
Как эхо пиров вдохновенных, оно,
Священное Ergo bibamus!

Сегодня при встрече с любезной моей
Подумал я: «Ergo bibamus!».

Я к ней, а коварная в дом поскорей,—
Вздохнув, я подумал: «Bibamus!»

Случится, любезна красотка со мной,
Случится, лишит поделуя порой,
Мирит меня, братья, с превратной судьбой
Отрадное Ergo bibamus!

¹ А посему выпьем! (лат.)

Бьет час мой, судьба нам разлукой грозит,
Друзья мои! Ergo bibamus!
Но легок багаж мой, и славно звучит
Стократное Ergo bibamus!
Пусть скряга гроши зажимает в кулак,
Кто весел, друзья, тот уже не бедняк —
Разделит с веселым свой смех весельчак
Под дружное Ergo bibamus!

Так что же еще в заключенье сказать?
Одно только: «Ergo bibamus!»
День этот отметим опять и опять
Торжественным нашим: «Bibamus!»
Как радость, рассвет в наши двери войдет,
Рассеется сумрак, и день расцветет,
И солнце начнет свой священный полет
С божественным Ergo bibamus!

1810

ПРИТЧА

Она сосет, дорвавшись до отравы,
Пригвождена к ней первым же глотком,
Блаженствует, а нежные суставы
Уже давно разбиты столбняком.
Не отползти ей, лапки потирая,
Не отдыщаться, крыльшком играя,
Так в наслажденье гаснет жизнь тайком!
Вот пошатнулась в слабости глубокой.
Все пьет она, а уж рукой жестокой
Смежает смерть ей взор тысячеокий.

1810

ВЕЙМАРСКИЕ ПРОКАЗНИЦЫ

В Бельведере мы в четверг,
Пятницу проводим в Йене —
Кущи рая в прах поверг
Этот город наслаждений.

Всласть вкусиш даров субботы,
В воскресенье — что за день! —
Мы врываемся с налета
В мир окрестных деревень.

В понедельник — в креслах лож.
Вторник, хоть и неприметней,
Но по-своему хорош
Упоительную сплетней.
В среду манит нас премьера —
Как тут можно устоять?
Но в объятья Бельведера
Нас четверг вернет опять.

Так уж, видно, на роду
Нам написано резвиться
Сколько есть недель в году —
И нельзя остановиться.
Не страдаем мы от лени,
Наше счастье — суета!
Пратер мы оставим Вене,
Веймар, Йена — вот мечта!

1813

БАЛЛАДЫ

КЛАДОИСКАТЕЛЬ

И суму, и тяжесть горя
На себе влачил я годы.
Бедность — нет страшней невзгоды,
Злато мне всего милей!
И решил, с судьбою споря:
Клад заветный я отрою.
«За него плачу душою!» —
Кровью начертал своей.

Круг магический отмерив,
Как велит волшбы ученье;
Кости жег я и коренья
И заклятье прошептал.
Так, премудрости поверив,
Думал я — по всем приметам
Клад найду на месте этом;
Темноты был страшен шквал.

Но пробился издалека
Свет сияющий и чистый,
Словно блеск звезды лучистой,
Разливался он вокруг.
Полночью, во тьме глубокой,
Светлые струились волны,
Предо мною с чашей полной
Дивный отрок вырос вдруг.

В темный круг вступил он гордо,
Кудри розами увиты,
Отражает взор открытый
Блеск небесного огня.
Чаша полная простерта!
Я подумал: отрок милый —
Не посланец темной силы,
Не погубит он меня.

«Пей из кубка жизни ясной,
И постигнешь поученье,
И не станешь в нетерпенье
О сокровищах скорбеть.
Позабудешь труд напрасный!
Дни — заботам! Смех — досугу!
Пот — неделям! Праздник — другу! —
Будь твоим заклятьем впредь».

1797

ПРЯХА

Села прясть я как-то раз.
Принялась за дело...
Да, видать, в недобрый час
Я за прядку села.

Вдруг — прохожий. Взгляд, вопрос —
Денешься куда же?
Хвалит лен моих волос
И льняную пряжу.

Вижу: чувств не может скрыть,
Я сама смешалась.
И моя льняная нить
Раз — и разорвалась.

Тут уж все пошло вверх дном:
Прялка и работа.
С тонкой пряжей, с белым льном
Сбилась я со счета...

Понесла товар ткачу —
Худо по дороге.

Чуть от боли не кричу.
Еле держат ноги.

Словно кто-нибудь меня
Потчевал отравой.
Наклонилась у плетня...
Стала над канавой...

То, что я сплела с дружком
В сладкие мгновенья,
Не скоронишь ни почем,
Как иголку в сене!

1795

ПАЖ И ДОЧКА МЕЛЬНИКА

П а ж

Куда? Постой!
Поболтай со мной!
Как звать-то?

Д о ч к а м е льни к а
Лизой.

П а ж

Куда ж ты? Постой!
С граблями так не бегут!

Д о ч к а м е льни к а
Луг наш близко тут —
Вон за тою мызой.

П а ж

И не страшно одной?

Д о ч к а м е льни к а
Луг не за горой!
Да надо торопиться:
Груши созрели в саду,
С сенокоса сорвать их пойду —
Клюет их птица.

П а ж

Беседки нет ли под сенью ветвей?

Дочь мельника

Не одна, а две.

Вон, у самой ограды.

Паж

Хорошо бы там,

Ангел Лиза, нам

Поискать вдвоем прохлады!

И груш помогут тебе натрясти...

Дочь мельника

Своими руками?

Паж

И крепко прижму тебя к груди...

Дочь мельника

Бог с вами!

С дочкой мельника рядом постой —

Выдашь себя с головой!

Темный плащ ваш легко

Замарать мукой,

Нет щетки со мною!

Завела я дружка — батрака,

Какого сама я стою:

Не марает муки мука,

Ладит мука с мукою.

1797

ЮНОША И МЕЛЬНИЧНЫЙ РУЧЕЙ

Юноша

Куда, ручей, бежишь, спешишь,
Несешься?

Проворный, радостный, журчишь,
Смеешься?

Зачем ты рыдаешь по лугам?
Скажи мне, что ты ищешь там?

Ручей

Ручьем я вольным был, бежал
По свету,

Но человек меня поймал —
И нету
Мне воли с этих пор своей:
Теперь я мельничный ручей.

Ю н о ш а

Счастливец, к мельнице стремглав
Ты скакешь,—
Свою свободу потеряв,
Не плачешь:
Не льешь слез горьких в три ручья
О дочке мельника, как я!

Р у ч е й

Спешу я повстречать ее
С зарею:
Придет умыть лицо свое
Водою.
Увижу грудь ее — беда!
Вскипит ключом во мне вода!

Ю н о ш а

Ах, если и вода ручья
Вскипает
От страсти, как же кровь моя
Пылает!
Навек покой свой потерял,
Кто дочку мельника узнал!

Р у ч е й

Прильнув к нагим ее ногам
Блаженно,
Безумным становлюсь я сам
Мгновенно,—
Тогда на колесо вскочу —
И с громом мельницу верчу!

Ю н о ш а

Бедняга, так и ты узнал
Страданье
И не напрасно убегал
В изгнанье!
«Постранствуй!» — вот ее совет.
Но без любви нам тесен свет.

Р у ч е й

С тоскою расстаюсь я с ней
Всечасно,
Струя потоки из очей
Напрасно,
О, счастье, если бы я мог
Лежать всегда у милых ног!

Ю н о ш а

Товарищ мук моих, моих
Несчастий,
Прощай, поведай ей о них,
О страсти,
Палящей сердце мне огнем,
Пока надежда зреет в нем!

1797

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДОЧКИ МЕЛЬНИКА

Куда, приятель, иль откуда?
Чуть свет, уже ты на ногах!
В лесной часовне ль, чая чуда,
Мадонне каялся в грехах?
Прекрасный паж мой, неужели
Луга с туманом и росой
Теплее пуховой постели?
Бредешь нагой ты и босой!

Ах, верно! Только что покинул
Бедняга славную постель —
В тот миг, как сладкий жребий вынул,
Попал уже, казалось, в дель.
И вот — не выдумать позорней
Обмана! — мчится по лугам
Он резвого ручья проворней.
Нагой, бездомный, как Адам.

За парой райских яблок ловко
Прокрался в мельничный он сад.
Как может ангел стать чертовкой?
Дверями ль рая входят в ад?

Ночной прохладой жар объятий
Легко ль изгнанику сменить,
Словами жалоб и проклятий
Прервав речей любовных нить?

«В ее очах под кровом ночи
Кто б мог предательство прочесть?
Сама она мне что есть мочи
Вручить свою спешила честь,
Уйти Амуру не давала,
Пока в окошке рассвело,
А между тем в уме держала,
Коварная, заране зло!

Любви моей вкушая сладость,
Она зовет внезапно мать —
И тотчас, возглашая радость,
Ворвалась родственников рать:
Быками наступают дяди,
За ними тетки по пятам,
Двоюродные братья сзади,
Дружок-батрак и тут и там.

Мать, уподобясь хищной птице,
Вот-вот взлетит под потолок,—
Все требуют, чтоб я девице
Вернул невинности цветок!
Цветок, что сорван был не мною,—
Вот лицемерия венец!
Взбешен я подлостью такою,
Такой бессмыслицей вконец!

Амуру первая забава
Снимать с запретного запрет,—
Ну, мог ли потерпеть он, право,
Чтоб цветел цветок шестнадцать лет!
Цветок, на мельнице взращенный,
Успели до меня сорвать,—
За что ж, одежд своих лишенный,
Я обесславлен, словно тать?!

Отвергнув ложе вероломной,—
Она и в этот даже час
Сияла красотой нескромной,
Как ослепительный алмаз,—

Я бурным гневом разразился
И, к выходу наметив путь,
В осенний холод погрузился,
Как в прорубь, лишь бы улизнуть.

Ах, деревенские девицы
Ничуть не лучше городских:
Грешат вовсю, а голубицы,
Поверить им, не чище их!
В такую стужу стать Адамом,
Чтоб после кашлять и чихать!
Нет, к черту! Лучше знатным дамам
Жар сердца буду отдавать!»

Бредя ручьем, так наш приятель
Обманщик гневно обличал.
Посмейтесь же со мной! Создатель
Его за дело покарал:
Обманывал он сам бессчетно,
Неверность шуткой почитал
И с дочкой мельника охотно
Прекрасной dame изменял.

1798

РАСКАЯНИЕ ДОЧКИ МЕЛЬНИКА

Ю н о ш а

Прочь с моего порога, прочь!
Клянусь пречистым девством Девы,
Такая ж Евина ты дочь,
Как все вы!
О чем ты, ведьма, мне поешь?
Любовь? Девичья верность? Ложь!
Знакомы эти мне напевы!

Ц ы г а н к а

Меж грустных песен есть одна:
О том, как каялась девица,—
Ходила на реку она
Топиться,

Кляла себя, родню и мать
И думает теперь опять,
Как с милым бы сдружиться.

Юноша

О вероломстве лучше спой —
О том, как может наглумиться
Над таинством любви святой
Девица,
А подлая ее родня
Раздеть, пустить средь бела дня
Нагим, чтоб платьем поживиться!

Цыгanka

О, горе! Потеряла сон,
Мечтою к милому лечу я.
Чуть стукнет ставень — это он! —
Шепчу я.
Зачем послушной я была,
Уговорить себя дала? —
Вернуть ту ночь хочу я.

Юноша

Ах, сожаления! Поверь,
От них никакого не теплее.
«Прикрой, о радость моя, дверь
Плотнее!»
И вдруг дверь настежь. Шум и ор.
Позор! Простужен я с тех пор.
Мог даже получить по шее!

Цыгanka

Вернуть бы счастье ночи той,
Что я невольно упустила.
Иль свет землею мне закрой,
Могила!
С тобой изгнали и меня:
Теперь родня мне — не родня,
Родная мать — постыла!

Автор

Так на господский двор пришла
Дочь мельника, как дочь цыгана, —
Но так светла вода была
Фонтана,

Что стала вмиг, как снег, бела,
Смыв грязь, смуглянка,— как была,
Прелестна и полна обмана.

Д о ч к а м е л ь н и к а

Дослушай, милый, до конца!
Я столько дней тебя искала!
Твоей работой — не хмурь лица! —
Я стала.
Захочешь — буду жить, любя,
А нет — благословлю тебя
Я за удар кинжала.

Ю н о ш а

Любовь! Еще ли ты жива,
И сердце вновь бежит к обману?
Как могут исцелить слова
Ту рану?
О да, бессмертна ты, любовь!
Обманывай же вновь и вновь —
Служить тебе до гроба стану!

Д о ч к а м е л ь н и к а

Ах, если любишь ты опять,
Забудь размолвки час унылый.
Хочу опять тебя обнять,
Мой милый!
Твоя навек! Владей же мной,
Моим и телом и душой,
Наперекор родне постылой!

В м е с т е

Всходи и заходи, светило дня!
Зажгитесь, звезды, ночь встречая!
Солнце любви восходит для меня,
Сияя.
Пока течет вода ручья,
Ты будешь, о любовь моя,
Сиять, не угасая!

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,—
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют деньги?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены!
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены!

Вся семья давно уж отдыхает,
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвесь ему спешит;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, очник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег,
Как сквозь двери тьму
Движется к нему
Странный гость бесшумно на порог.

Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой:
Вокруг косы ее, густой и темной,
Блещет венчик черно-золотой.
Юношу узрев,
Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.

«Видно, в доме я уже чужая,—
Так она со вздохом говорит,—

Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
Спи ж спокойным сном
На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!»

«Дева, стой,— воскликнул он,— со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посланные дары;
А с тобой придет
Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!»

«Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агиды боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
О, отдайся ж мне,
Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!»

«Мне не быть твою, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
Но в блаженном сне
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с пей!»

«Нет, да светит пламя сей лампады
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!

Верь мне, друг, о верь,
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять,—
Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет — и взор, доселе хладный,
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится — и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненною силой,
Он ее в объятья заключил:

«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть.

Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Междуд тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:

То любви недуг,
Подделуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она — сомнений боле нет —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:

«Скоро день — но вновь
Нас сведет любовь!»
«Завтра вновь!» — с лобзаньем был ответ,

Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?»

Так возмущена,
Входит в дверь она —
И дитя родное узнает.

И, воспрянув, юноша с испугу
Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу;
Но, отбросив складки полотна,
С ложа, вся прямая,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

«Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь?
И с тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты склонила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят;
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!

Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим,—
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять,
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моленье,
Прикажи костер воздвигнуть нам,

Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

1797

БОГ И БАЯДЕРА
Индийская легенда

Магадев, земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз,
Чтоб от мала до велика
Самому изведать нас;
Хочет в странствованье трудном
Скорбь и радость испытать,
Чтоб судьбою правосудным
Нас карать и награждать.

Он, путником город обшедшими усталым,
Могучих проникнув, прислушавшись к малым,
Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротами,
В шелк и в кольца убрана,
С насурмленными бровями,
Дева падшая одна.
«Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
Честь в привете мне твоем!»
«Кто же ты?» — «Я баядера,
И любви ты видишь дом!»

Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгиба, обходит кругом.

И, ласкаясь, увлекает
Незнакомца на порог:
«Лишь войди, и засияет
Эта хата, как чертог;
Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою,
Ты устал и изомлел!»

И мнимым страданьям она помогает,
Бессмертный с улыбкою все примечает,
Он чистую душу в упадшой прозрел.

Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Все покорней и нежней,
И невольно, в жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.

Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Чрез негу, и страх, и терзания мук.

Он касается устами
Расписных ее ланит —
И нежданными слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.

Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненье странном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд,
И брамины труп холодный
К яме огненной несут.

И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленье..
«Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?»

С воплем ринулась на землю
Пред возлюбленным своим:
«Я супруга прах объемлю,
Я хочу погибнуть с ним!

Красота ли неземная
Станет пеплом и золой?
Он был мой в лобзаньях рая,
Он и в смерти будет мой!»

Но стих раздается священного хора:
«Несем мы к могиле, несем без разбора
И старость и юность с ее красотой!

Ты ж ученью Брамы веруй:
Мужем не был он твоим,
Ты зовёшься баядерой,
И не связана ты с ним.
Только женам овдовелым
Честь сожженья суждена,
Только тень идет за телом,
А за мужем лишь жена.

Раздайтесь, трубы, кимвалы, гремите,
Вы в пламени юношу, боги, примите,
Примите к себе от последнего сна!»

Так, ее страданья множа,
Хор безжалостно поет,
И на лютой смерти ложе,
В ярый огнь, она падет;
Но из пламенного зева
Бог поднялся, невредим,
И в его объятьях дева
К небесам взлетает с ним.

Раскаянье грешных любимо богами,
Заблудших детей огневыми руками
Благие возносят к чертогам своим.

1797

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Старый знахарь отлучился!
Радуясь его уходу,
Испытать я власть решился
Над послушною природой.
Я у чародея
Перенял слова
И давно владею
Тайной колдовства.

Брызни, брызни,
Свеж и влажен,
С пользой жизни,
Ключ из скважин.
Дай скопить воды нам в чане,
Сколько требуется в бане!

Батрака накинь лохмотья,
Старый веник из мочалы.
Ты сегодня на работе
Отдан под мое начало!
Растопырь-ка ноги,
Дерни головой!
По лесной дороге
Сбегай за водой.

Брызни, брызни,
Свеж и влажен,
С пользой жизни,
Ключ из скважин!
Дай скопить воды нам в чане,
Сколько требуется в бане!

Погляди на водоноса!
Воду перелил в лоханки!
И опять в овраг понесся
Расторопнее служанки.
Сбежал уж два раза
С ведрами батрак,
Налил оба таза
И наполнил бак.

Полно! Баста!
Налил всюду.
И не шастай
Больше к пруду!
Как унять готовность эту?
Я забыл слова запрета.

Я забыл слова заклятья
Для возврата прежней стати!
И смеется подлый веник,
Скатываясь со ступенек.

Возвратился скоком
И опять ушел,
И вода потоком
Заливает пол.

Стой, довольно,
Ненавистный!
Или больно
Шею стисну!
Только покосился в злобе,
Взгляд бросая исподлобья.

Погоди, исчадье ада,
Ты ведь эдак дом утопишь!
С лавок льются водопады,
У порога лужи копиши!
Оборотень-венник,
Охлади свой пыл!
Снова стань, мошенник,
Тем, чем прежде был.

Вот он с новою бадейкой.
Поскорей топор я выну!
Опрокину на скамейку,
Рассеку на половины!
Ударяю с маху,
Палка пополам,
Наконец от страха
Отдых сердцу дам.

Верх печали!
О, несчастье!
С полу встали
Обе части,
И, удвоивши усердье,
Воду носят обе жерди!

С ведрами снуют холопы,
Все кругом водой покрыто!
На защиту от потопа
Входит чародей маститый!
«Вызвал я без знанья
Духов к нам во двор
И забыл чуранье,
Как им дать отпор!»

В угол, веник.
Сгиньте, чары.
Ты мой пленник.
Бойся кары!
Духи, лишь колдун умелый
Вызывает вас для дела.

1797

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ РЫЦАРЯ КУРТА

Полон страсти, полон пыла,
Рыцарь Курт вскочил в седло:
«В путь скорее, к замку милой,
Время свадьбы подошло!»
Враг его, пылая злобой,
Средь угрюмых ждал теснин,
За мечи схватились оба,
Слов не тратил ни один.

Долго длился спор с судьбою,
Наконец свершился рок,
И со славой с поля боя
Удалиться рыцарь мог.
Он въезжает в лес шумящий.
Что ж мелькает там сквозь тьму?
Девушка бредет из чащи
И дитя несет ей.

«Что спешишь? В душе несытой
Не найдешь ли ты чего
Для красотки позабытой,
Для ребенка своего?»
Льется в сердце голос кроткий,
Тут недолго до греха:
С новой силою к молодке
Потянуло жениха.

Но трубит в свой рог глашатай...
Вновь спешит к невесте он
И по ярмарке богатой
Бродит, думою смущен,—
Ведь дары — к заветной цели
Лучшая из всех дорог...
Тут ростовщики насели,
Лавний требуя должок.

И пошли суды, взысканья;
В нетерпении жених,
Нет жесточе наказанья,
Не избавившись от них...
Скоро ль кончатся напасти?
Скорбна рыцарей стезя —
От врагов, долгов и страсти
Уберечься им нельзя.

1802?

КРЫСОЛОВ

Певец, любимый повсеместно,
Я крысолов весьма известный,
И в этом городе с моим
Искусством впрямь необходим.
Хоть крыс тут водится — дай боже,
Да и хорьков как будто тоже,—
Мне стоит только заиграть,
И вам их больше не видать.

Певец, хвалимый повсеместно,
Я также детолов известный.
Под лютню запою, и вмиг
Стихают детский плач и крик!
И как мальчишки ни резвятся,
И как девчонки ни дичатся —
По струнам проведу рукой,
И все они бегут за мной.

Певец, честимый повсеместно,
К тому ж я женолов известный.
Такого городишко нет,
Где мною не оставлен след.
Пускай девицы боязливы,
Молодки чинны и спесивы —
Все покоряются сердца
Искусству пришлого певца,
(Сначала)

1802/1803

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

В сказаньях и песнях был нами не раз
Владетельный граф прославляем.
У внука его мы на свадьбе сейчас
Едим и вино распиваем.
Граф долгие годы неверных разил,
Немалую славу в походах добыл,
Когда ж он у дома с коня соскочил —
Родное гнездо пустовало,—
Ни слуг, ни пожитков не стало.

Ты дома, наш рыцарь, вот замок родной.
Как все запустело с годами!
Сквозь окна врывается ветер шальной
И хлопает где-то дверями.
«Что делать? Осенняя ночь холодна,
А впрочем, я худшие знал времена,
Дождаться бы только утра. Вот луна
Проглянула вдруг — так покуда
Охапку соломы добуду».

Усталый, едва он на ложе прилег,
Вдруг слышит — скрипят половицы.
«Что шаришь здесь, крыса? Какой в этом прок?
Здесь нечем тебе поживиться».
Но что там такое? Под лунным лучом
С фонариком крохотным маленький гном,
Брадатый, речистый, с тревожным лицом,
У ног его вырос нежданно,
И сон убегает желанный.

«Пустующий замок ночью порой
Служил нам приютом доселе;
Не зная, что ты возвратился домой,
Мы свадьбу тут спровоцировали.
Коль нас не страшишься, не станешь нас гнать,
Пображничать здесь мы желаем опять,
В честь милой невесты и петь и плясать...»
Сквозь сон, словно скован недугом,
Граф молвил: «Все к вашим услугам!».

Три всадника тут появились; они
За ножкой кровати скрывались.

Такие ж фигурки, мелькая в тени,—
За ними вослед показались.
Съезжаются гости в каретах своих,
Глаза разбегаются, глядя на них,
Под стать королям разъезжать в таких,
А вот и жених с нареченной
В карете сидит золоченой.

Тут мигом для каждого дело нашлось,
Все в бешено пляске смешалось,
Скакало в галопе и в вальсе неслось,
И каждому дама досталась.
Все вертится, кружится, воет, поет,
Беснуясь, волнуясь, качаясь, плывет,
Скрежещет, пикиает, стонет, орет,—
И рыцаря, точно больного,
Трясет от веселья такого.

И топот, и грохот, и хохот кругом,
На стулья, на скамьи скорее...
Всем надо местечко найти за столом,
Сесть рядом с красоткой своею.
Жаркое, и рыбу, и птицу несут,
Свисают сосиски с дымящихся блюд,
И чаши, конечно, по кругу идут...
Так пило и пело все это,
Под песню растаяло где-то...

Коль бражники песню дослушать не прόчь,
Пусть петь и шуметь перестанут.
Кто малое ласково встретил в ту ночь,
Тот будет в большом не обманут.
Фанфар и тимпанов приветственный хор,
И свадебный поезд въезжает во двор.
Сияет от счастья приветливый взор,
И замок весь полон гостями...
Все это и ныне пред вами.

1802

ГОРНЫЙ ЗАМОК

Вон замок стоит на вершине
Среди гранитных скал.
Под сводами башен высоких
Он рыцарей встарь укрывал.

Но рыцари спят в могилах,
А башни врагом сожжены.
Я проникаю свободно
В проломы ветхой стены.

Здесь погреб с вином драгоценным
Лежал в былые года.
Прислужница больше не сходит
С кувшином тяжелым туда.

И в зал не спешит, как бывало,
Гостей обнести чередой.
Попу не наполнит бокала
Для трапезы в праздник святой.

И дерзкому пажу отведать
Не даст, пробегая, вина.
И тайной награды не примет
За тайную щедрость она.

Затем, что и стены, и своды,
И лестницы — все сожжено,
Рассыпалась, рухнув, капелла
И в прах обратилась давно.

Но в день жизнерадостно-яркий,
Когда на вершине крутой
Стоял я с бутылкой и лютней,
С подругой моей молодой,

В развалинах все заблистало,
Наполнились жизнью они,
И шумно и празднично стало,
Как в добрые старые дни.

И мнилось, нарядные гости
Въезжают во двор чередой,
И мнилось, из прошлого мира
Мы входим счастливой четой.

И ждет нас в капелле священник,
И вот поднялись мы туда,
И он вопрошаet: «Согласны?» —
И мы улыбаемся: «Да»,

И радостно песнь зазвучала,
Как юное сердце, чиста,
И ей не толпа отвечала,
Но звонкого эха уста.

Меж тем надвинулся вечер,
Он шум и веселье унес,
И вот заходящее солнце
Убрало багрянцем утес.

И дамой служанка блестает,
И паж точно рыцарь одет,
И щедро она угождает,
И он не скupится в ответ.

1802

ВЕРНЫЙ ЭККАРТ

«О, только б скорей добежать нам домой!
Уже окружает нас морок ночной,
Слетаются Страшные Сестры.
Они уже тут, и они нас найдут,
Чтоб выхлебать пиво, которое ждут
Так долго родители наши».

Так шепчутся дети и к дому бегут...
Но дюжий старик появляется тут:
«Эй, тихо ребятушки, тихо!
Сестрички с горячей охоты летят;
Пусть в глотки зальют себе сколько хотят.
Они вам добра не забудут».

И в ту же минуту их морок догнал.
Бесплотен и сер, он от жажды стонал,
Однако хлебал он отменно.
И выпито пиво — такая беда!
И дикая дальше несется орда
Куда-то в долины и горы.

Детишки бегут, и от страха их бьет.
Но дюжий старик от них не отстает:
«Эй, птенчики, ну-ка, не хныкать!»
«Нас выбранит мать, и прибьет нас отец...»
«Молчите, как мышки, и делу конец —
Пойдет у вас все как по маслу.

А тот, кто вам дал этот добрый наказ,—
Он первый товарищ ребячих проказ,
Волшебник испытанный Эккарт.
Встречали его и в лесу и в дому,
Но нет никаких доказательств тому...
А вы их в руках понесете».

Детишки робея подходят к крыльцу,
Порожние кружки вручают отцу
И ждут тумаков и попреков.
Но диво! Родители кружки берут,
Пригубили пиво, и хвалят, и пьют...
Пьют раз, и второй, и десятый.

Уж сумрак редеет, и день настает.
Тут кто-то внезапно вопрос задает:
«Что с кружками за чертовщина?»
Плутишки на все откликались молчком,
А там как пошли молотить язычком,
И тотчас же высохли кружки.

Ребятки, когда вам доверит секрет
Родитель, наставник иль добрый сосед,
Не выдайте тайны оплошно.
На глупый роток наложите печать:
Болтать — неразумно, полезней молчать.
Тогда наполняются кружки.

1813

ПЛЯСКА МЕРТВЕЦОВ

Пред сторожем в полночь рядами могил
Погост рас простерся в молчанье
И месяц на плитах холодных застыл
В холодном и чистом сиянье.
Но вот под крестом оживает мертвец...
Где муж, где жена, где старик, где юнец
Встают в одеяниях длинных.

И тянутся, силясь друг друга найти,
И в круг — посредине дороги,
Всем хочется пляску скорей завести,
Да саваном стянуты ноги.

Но кто ж здесь давно от стыда не отвык?
Стряхнуть одеянья недолго — и вмиг
Все саваны сброшены в кучу.

Согнется колено, вихляет ступня,
Осклабится челюсть в гримасе —
Скелет со скелетом столкнется, звения,
И снова колышется в плясе.
А сторожа корчит неистовый смех,
А бес ему шепчет, наводит на грех:
«Стяни-ка одну из одеждек».

Схватил — и тотчас же укрыться спешит
За плотною дверью церковной...
А месяц по плитам холодным скользит
И пляской любуется словно...
Пора, и мертвец то один, то другой
Стихает; за саван хватается свой
И шасть — под землей исчезает.

И только последний вслепую бредет
И щупает воздух: «Здесь где-то —
Чужого из мертвых никто не возьмет», —
Здесь саван! Он чувствует это.
Вот церковь... Как тронуть священную дверь!
Для сторожа в этом спасенье теперь,
Над ней золотое распятье.

Лишь в саване сон обретется в гробу,
Одежка должна отыскаться,
Он в каменный выступ вцепился, в резьбу,
Он силился наверх подняться.
Предчувствует бедный могильщик конец,
Все выше и выше вползает мертвец,
Как будто на лапах паучьих.

От ужаса сторож в холодном поту,
Швыряет он саван проклятый...
Но кончено все... Задеваясь на лету,
Холст виснет на глыбе стрельчатой.
Тут колокол дрогнул на башне как раз,
Приходит урочный для нечисти час,
Упав, разбивается остав.

СТРАНСТВУЮЩИЙ КОЛОКОЛ

Жил мальчуган; он в божий храм,
Бывало, ни ногою;
И вечно по воскресным дням —
Шасть на поле с зарею!

Однажды рассердилась мать:
«Не слышишь звона, что ли?
Постой же, колокол нагнать
Тебя сумеет в поле!»

А мальчик думает: «Висит
Тот колокол высоко!»
И вот уж на поле бежит,
Как будто от урока.

Все глупше колокола звон.
Мать зря, знать, наболтала!
Вдруг — ужас! — за собою он
Услышал звон металла.

Качаясь, колокол идет,
От страха мальчик воет,—
Бедняжку колокол вот-вот
Безжалостно накроет.

Но, ловко отскочивши вбок,
Он что есть силы прямо
Чрез поле, рощу и лужок
Бежит к воротам храма.

С тех пор, лишь благовеста звон
Раздастся в воскресенье,
Он к службе, страхом научен,
Бежит без приглашенья.

1813

БАЛЛАДА ОБ ИЗГНАННОМ И ВОЗВРАТИВШЕМСЯ ГРАФЕ

«Сюда, песнопевец, и лютню наладь,
Нас в этих покоях не станут искать,
Мы заперли накрепко двери;

Мать молится, в чаще отец наш опять,
Он травит матерого зверя.
Ты песни споешь нам одну за другой,
Мы с братцем разучим баллады», —
Они оживают под звонкой струной —
И мальчики этому рады.

«В опасности страшной, теснимый врагом,
Полуночью граф покидает свой дом.
Сокровища наспех зарыты.
К потайной калитке во мраке ночном
Спешит он тропинкой забытой.
Но что он, покинувший все позади,
Несет под плащом вдоль ограды?
Уснувшую дочку прижал он к груди...»
И мальчики этому рады.

«Светает, и мир распростерт перед ним,
Над селами вьется приветливый дым,
Певца укрывает дубрава.
Года промелькнули, и стал он седым,
Оброс бородою курчавой.
От зноя и стужи укрыта плащом,
Небес благосклонных награда,
Дочурка всегда неразлучна с отцом».
И мальчики этому рады.

«Годам неприметно лететь суждено,
И плащ обветшал, износился давно,
Уже не спасет он в ненастье...
Но старое сердце отрадой полно
И радостно бьется от счастья:
Красавица дочка стоит перед ним,
И нет драгоценнее клада,
Он ею гордится, богатством своим»,
И мальчики этому рады.

«Изгнаников встретил владетельный князь,
Она подаяния просит, склоняясь...
Монеты певцу не даряя,
Он девичью руку схватил, не смущаясь:
«Вот это навеки беру я!»

«Женою желаешь наречь ты ее,
Нет княжеской воле преграды,
На свадьбу даю я согласье свое!»
И мальчики этому рады.

«Свершается в церкви священный обряд,
То меркнет, то вспыхнет девический взгляд —
Ей грустно с отцом расставаться.
Но слухи к ней в замок порой долетят:
Он все продолжает скитаться...
«О дочке, о внуках я думал своих,
В них думал найти я уладу,
И ночью и днем я молился за них!»
И мальчики этому рады.

Он хочет обнять их. Вдруг шум у дверей.
«Отец возвратился! Спасайся скорей!..»
Но некуда старцу укрыться.
«Проклятье! Ты здесь, ты смущаешь детей,
Упрятать бродягу в темницу,
В железные цепи его заковать...»
Но молит и просит пощады
На слезы и крик прибежавшая мать —
И мальчики этому рады.

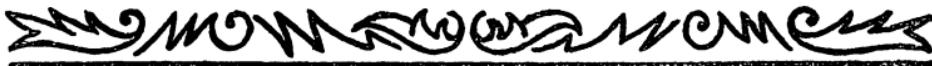
Приспешники князя стоят присмирев.
С мольбою к жестокому руки воздев,
За матерью тянутся дети.
Но с новою силою вспыхнул в нем гнев
В ответ на стенания эти.
«Бродяжье отродье! Поганая кровь —
Для чести губительней яда!
Позор на меня навлечете вы вновь!»
И мальчики вовсе не рады.

Был старец так полон величья и сил,
Что слуг непонятный испуг охватил,
Лишь масла в огонь подливая...
«Вступив в этот брак, я безумье совершил —
И вот я плоды пожинаю.
Болтают о том и, гляжу, неспроста —
Что ветви идут от рассады,
Что нищее племя дает нищета!»
И мальчики вовсе не рады.

«Вы слышали, дети, безумца слова,
Расторг он священные узы родства,
Но нищий скиталец на страже.
Вам, внуки и дочь, возвратит он права,
Вернет он владения ваши.
Мои эти земли! Ограблен тобой,
Гонимый, не знал я отрады,
Но вновь я обрел долгожданный покой».
И мальчики этому рады.

«Законный король воцарился опять,
Приверженцев верных спешит он обнять:
«Обрадован вестью такою,
Сокровища вам я хочу передать,
Зарытые некогда мною.
Мой сын, подымись! Не унижен твой род —
Небес благосклонных награда,
Высокая кровь в этих жилах течет».—
И мальчики этому рады.

1813—1816

СОНЕТЫ

I

ПОТРЯСЕНИЕ

Поток со скал бросается и мчится
Навстречу океану, увлекая
В долины неизведанного края
Все то, что жаждет в безднах отразиться,

Но вдруг — ей, грозной, радостно ревзиться —
Вниз Ореада падает нагая,
Леса и скалы следом низвергая,
Чтоб в усмиренных струях раствориться.

Волна растет и мечется. Отныне,
Лишь собственными недрами питаясь,
Ей жить вдали от щедрости отцовой

Назначено, прикованной к плотине.
Следят созвездья, в водах отражаясь,
Игру прибоя, отблеск жизни новой.

II

ВСТРЕЧА

До подбородка прячась в плащ суровый,
Я шел дорогой мрачной и скалистой.
Потом спустился в тень долины мглистой,
Смятенный, к отступлению готовый.

Вдруг девочка прошла — как будто новый
Лик отделился от плеяды чистой
Возлюбленных, взлелейных лучистой
Поэзиией. Зарделся день багровый.

Я мимо пропустил ее. Стремилась
Душа сама согреть свои пустыни.
Я следом шел, томясь в тяжелых платьях.

Но миг настал. Она остановилась,
Я задохнулся в чопорной личине.
Отброшен плащ. Она в моих объятьях.

III КОРОТКО И ЯСНО

Ужель ее вовек я не миную?
Привычки превращаются в мученья...
Придется привыкать без промедленья
Не подходить к прекрасному вплотную.

Но как задачу выполнить двойную,
У сердца не спрося благословенья?
Ах, решено! Любовное томленье
Так славно в песню выплеснуть иную!

Смотри, пошло! Поэт обронит слово,
Разбудит звук заигранную лиру
Для жертвоприношений вечной страсти...

Едва подумал — песенка готова.
Что ж дальше? Мчимся к нашему кумириу:
Ценить наш труд теперь в ее лишь власти.

IV ГОВОРИТ ОНА

Ты так суров, любимый! С изваяньем
Своим ты схож осанкой ледяною.
Ты словно мрамор холден со мною,
А он теплеет под моим дыханьем.

Отбросит друг забрало пред свиданьем,
Лишь враг под маской прячется стальною.
Зову тебя — проходишь стороною.
Замри, как тот, застигнутый ваяньем!

К кому из двух мне ринуться с мольбами?
Наносят оба мне за раной рану —
И мертвый, и живущий жизнью мнимой.

Довольно! Слов не тратя перед вами,
Так долго камень деловать я стану,
Что сам расторгнешь нас, тоской томимый!

V

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Ты, как дитя, порхала беззаботно,
Летя за мной над вешними коврами.
«Такой дочурке отчими дарами
Я б каждый день благословил охотно».

Пришла пора ступить на землю плотно
И вить гнездо, пресытаясь пустяками.
«С такой сестрой! Как за семью замками
Я б жил, доверясь ей бесповоротно»,

Но красоте нельзя остановиться.
Лавина страсти просится из плена.
Обнять тебя и боль унять при этом?

Нет! Ты отныне для меня царица,
Чей беглый взор, лишь преклонив колена,
Ловлю я, скован собственным запретом.

VI

РАЗЛУКА

Твой светлый взор от сердца отторгал,
Я погружаюсь в сумерки смиренно.
Предначертанье рока неизменно.
Я перед ним склоняюсь, отступая.

На счастье уже не посягая,
Я прочь отодвигаю постепенно
Все то, чем дорожил самозабвенно:
Что мне твой взор заменит, дорогая?

Сна благодать, беседующих лица,
Приверженность к изысканному блюду,
Огонь вина... Все тает быстротечно.

Теперь могу я по миру пуститься.
Необходимое найдется всюду —
Свою любовь ношу с собою вечно.

VII

ПРОЩАНИЕ

Жар поделуев, жажды не целящий,
И тот, один, прощальный, полный муки.
В час душераздирающей разлуки
Казался долго берег отходящий

Последним светочем душе скорбящей.
Но вот дома, долины, рек излуки
Растаяли; потом померкли звуки,
Лишь свет мерцал, сквозь сумерки сквозящий.

Когда же все за горизонтом скрылось,
Прожгла внезапно болью ледяною
Мне сердце безвозвратная утрата.

Но твердь небес как будто отворилась.
И понял я, что навсегда со мною
Все то, чем наслаждался я когда-то.

VIII

ОНА ПИШЕТ

Твои уста мне губы обжигали,
Лучи очей дарили мы друг другу.
Кто раз отдался сладкому недугу,
Иным восторгам вверится едва ли.

Я здесь одна, а ты в безвестной дали.
Вновь мысль меня по замкнутому кругу
Влачит к тому блаженству и испугу
Мгновенному. И плачу я в печали.

Но слезы забываются, едва я
Твоей любви заслышу дуновенье...
Спешу, воспоминанием согрета,

Любовный лепет, даль одолевая,
Вернуть тебе, чьей воли мановенье —
И боль и жизнь моя. Я жду ответа!

IX ПИШЕТ ОПЯТЬ

Зачем пишу тебе записку эту?
Мне, право, милый, и самой неясно.
Не задавай вопросов мне напрасно,
Лишь прикоснись к почтовому пакету.

Письмо придет, подобное привету
От сердца, где надежда столь прекрасна,
Где страсть и боль соседствуют согласно,
Где ни канунов, ни исходов нету.

То, как, сгорая от сердечной жажды,
Тебе навстречу я лететь готова,
В покровы речи не стремлюсь облечь я.

Так, онемев, уже стоять однажды
Мне довелось перед тобой. Что слово?
Сам облик мой был полон красноречья,

X НЕ МОЖЕТ ОСТАНОВИТЬСЯ

Пошлио, не трята попусту чернила,
Тебе конверт с листом бумаги белым,
Чтоб ты его, заполнив между делом,
Мне возвратил. Печать бы надломила

Я с рвением, которое столь мило
Сгорающим от любопытства Евам,
Чтоб подарить глазам своим несмелым
Все то, что слух мой некогда пьянило.

«Дитя мое! Мой ангел! Мой дружочек!»
Единым словом дружеской заботы
Умел ты утолить мои печали.

Я и теперь читаю между строчек
Те речи, что, на вечные высоты
Меня подняв, любовью увенчали.

XI НЕМЕЗИДА

Когда чума бушует по округе,
Уединиться следует в пустыне.
Умел и я, как прочие, доныне
Перехитрить различные недуги.

Хоть мне Амур оказывал услуги,
Суров я стал к его лукавой мине;
И эти рифмы, маясь в карантине,
Плести пустился как-то на досуге.

Но гордеца настиг пожар расплаты:
Бичи эриний гонят с гор к провалам,
От сушки в бездны, в ночи от рассветов...

Меня карают хохота раскаты...
От трезвости отрезан небывалым
Я наводненьем страсти и сонетов.

XII РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Здесь, ангел мой, различные услады:
Конфеты, марципаны и печенья,
Которыми детишки, без сомненья,
На рождество полакомиться рады.

Еще б я мог медовые баллады
Тебе испечь для праздничного чтенья,
Но не к лицу мне эти ухищренья,
Прочь лести ослепительной каскады!

Тот сладкий трепет, что сквозь расстоянья
Друг другу мы передавать умели,
Одной тебе дарю я, дорогая,

Чтоб ты зажгла в душе воспоминанья,
Как звезды, памятные с колыбели,
Мой самый малый дар не отвергая.

XIII

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНЬЕ

В последний день, когда труба над нами
Провозгласит конец всего земного,
Любое всуе брошенное слово
Придется искупить пред небесами.

Но что поделать с теми словесами,
Которые без умысла дурного,
Едва бывала ты ко мне сурова,
Лавиной с уст моих срывались сами?

Подумай, не пора ли, друг мой милый,
Тебе пойти моим речам навстречу,
Чтоб мир избег негаданной невзгоды?

Ведь если перед вечною могилой
Мне замолить придется эти речи,
То Судный день затянется на годы.

XIV

С к е п т и к и

Вы любите и пишете сонеты?
Безумцы! Лишь ребенок полагает,
Что рифма страсть из сердца исторгает,—
Страсть просто спит, пока стихи не спеты.

Не утолят катрены и терцеты
Души. Она свой клад оберегает —
То ураган по струнам пробегает,
То смолкнет, словно канув в волны Леты.

К чему вам вечно по тропе неторной,
Себе и ближним надрывая руки,
Влачить Сизифов непокорный камень?

Любящие

Напротив! Нами избран путь бесспорный!
Все ледники печали и разлуки
Расплавит чувства негасимый пламень.

XV

Девушка

Чужда мне рифм блестящая бравада,
Хоть мне и льстят их звонкие обманы.
Те чувства, что чисты и постоянны,
Поверь, любимый, украшать не надо.

От скуки на любые муки ада
Готов поэт. Ему раздуть вулканы
В душе, чтоб тотчас собственные раны
Заговорить,— привычная отрада.

Поэт

Взгляни, дитя, как пиротехник смело
Минирует, советам не внимая,
Свои подкопы по привычным меркам.

Но вешество само решает дело;
И он, еще причин не понимая,
Взлетает в небо вместе с фейерверком.

XVI

Эпоха

Начертан был, как огненная мета,
В груди Петрарки знак Страстной недели...
А мне бы предпасхальные апрели
От тыща восемьсот седьмого лета

Отсчитывать... Но ту, что здесь воспета,
Не вдруг я полюбил, а с колыбели.
Ум, сердце то забыть ее умели,
То вновь вбирали, словно волны света.

Петрарки страсть, как небеса, бездонна.
В ней спит неразделенности страданье,
Страстная пятница кровоточит доныне.

Так пусть же мне сияет неуклонно
Под вербных воскресений ликованье,
Как вечный май, лицо моей богини,

XVII ШАРАДА

Два слова есть. Их слог упруг и краток.
Их звуками мы часто слух ласкаем,
Хотя отнюдь в их суть не проникаем —
Они не ткань вещей, а отпечаток.

Мы радостно огонь беспечных радуг
Из их противоборства высекаем,
Но лишь когда их вместе сопрягаем,
Душа вкушает сладостный порядок,

И я не оставляю упованья
В единый звук слить жизни отголоски.
И счастья жду наперекор сединам:

Ласкать имен влюбленных сочетанье,
Две сущности прозреть в одном наброске
И заключить в объятии едином.

1807—1808

**ЗАПАДНО-
ВОСТОЧНЫЙ
ДИВАН**

СИРЕНЬЮ МОДУЖНО

КНИГА ПЕВЦА. МОГАННИ-НАМЕ

ГИДЖРА

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальний
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.

Там, наставленный пророком,
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с богом,
Обретал без мук, без боли
Свет небес в земном глаголе.

В мир, где предкам уваженье,
Где чужое — в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.

Пастухом броди с отарой,
Освежайся под чинарой,
Караван води песками
С кофе, мускусом, шелками,
По безводью да по зною
Непроезжей стороною.

Где тропа тесней, отвесней,
Разгони тревогу песней,
Грянь с верблюда что есть мочи
Стих Гафиза в пропасть ночи,
Чтобы звезды задрожали,
Чтоб разбойники бежали.

На пиру и в бане снова
Ты Гафиза пой святого,
Угадав за покрывалом
Рот, алеющий кораллом,
И склоняя к неме страстной
Сердце гурии прекрасной.

Прочь, завистник, прочь, хулитель,
Ибо здесь певца обитель,
Ибо эта песнь живая
Возлетит к преддверьям рая,
Там тихонько постучится
И к бессмертью приобщится.

БЛАГОПОДАТЕЛИ

Сердоликовый талисман
Тем, кто верит, во благо дан.
Но касайся как святыни
Талисмана, что в рубине,
С ним ни хворь, ни сглаз, ни враг
Не разрушат твой очаг;
И когда в нем тайный знак,
Призывающий аллаха,
В жизнь иль в бой иди без страха.
Талисман такой, нет спора,
Женщин главная опора.

Амулет готовят маги,
Ставя знаки на бумаге,
И вольней сумбур их шалый,
Чем пространство грани малой.

Здесь начертит правоверный
Длинный стих, правдивый, верный,
И мужчины, веря в чары,
Носят их как скапуляры.

Другое дело — надпись, друзья,
Она есть она — и откроет вам честно,
Что скрыто в ней и что известно.
Все рады хвастнуть: я сказал это! Я!

Лишь в абраксе — так ведется —
Мрачных мыслей сумасбродство
И кривлянье до уродства
За величье выдается.
В чем ни лада нет, ни склада,
То считать абраксом надо.

Трудись же! Скуй кольцо с печатью,
И высший смысл в нее вложи;
хоть перстень мал,
Ты заручился благодатью.
Ты Слово врезал в твердь и властвовать
ним стал,

СВОБОДОМЫСЛИЕ

Лишь в седле я что-нибудь да стою!
Лежебоки, где уж вам за мною!
Я промчусь по самым дальним странам,
Только звезды над моим тюрбаном.

Велел Он звездам, чтоб зажглись —
Да светят нам в пути.
Смотри же неотрывно ввысь,
Чтоб радость обрести.

ТАЛИСМАНЫ

Богом создан был Восток,
Запад также создал бог.
Север, Юг и все широты
Славят рук его щедроты.

Справедливый и всеизрящий,
Правый суд над всем творящий,
В сотнях ликов явлен нам он.
Пой ему во славу: «Amen!»

Сбил с пути меня лукавый,
Ты ж на путь наставил правый.
Дай мне правое упорство
На дела, на стихотворство.

Пусть я предан весь земному,
Это путь к великому, к святому.
Дух — не пыль, он в прах не распадется.
Став собой самим, он к небу рвется.

В дыханье кроется благо двойное:
Одно — это вдох и выдох — другое.
И выдох стеснит, а вдох обновит.
Вся жизнь — это смесь, чудная на вид.
Спасибо творцу, когда он тебя гнет,
Спасибо, когда он снимает свой гнет.

ЧЕТЫРЕ БЛАГА

Арабам подарил Аллах
Четыре высших блага,
Да не иссякнут в их сердцах
Веселье и отвага.

Тюрбан — для воина пустынь
Он всех корон дороже.
Шатер — в пути его раскинь,
И всюду кров и ложе.

Булат, который тверже стен,
Прочней утесов горных,
И песню, что уводит в плен
Красавиц непокорных.

Умел я песнями цветы
Срывать с их пестрой шали,
И жены, строги и чисты,
Мне верность соблюдали.

Теперь — на стол и цвет и плод!
Для пира все готово,
И тем, кто поученья ждет,
Предстанет свежим Слово.

ПРИЗНАНИЕ

Что утаить нам трудно? Пламя.
Днем на земле выдает его дым,
Ночью — зарево под небесами.
Трудно тому, кто любовью томим:
В сердце от мира утаена,
Открыто в глазах засверкает она.
Но стих утаить — трудней всего:
Не запихнешь ты под спуд его.
Ведь песня, что от сердца спета,
Владеет всей душой поэта.
Стихи напишет гладко он,
Чтоб миром труд был оценен,
И, рад ли встречный иль зевает,
Он всем в восторге их читает.

СТИХИИ

Чем должна питаться песня,
В чем стихов должна быть сила,
Чтоб внимали им поэты
И толпа их затвердила?

Призовем любовь сначала,
Чтоб любовью песнь дышала,
Чтобы сладостно звучала,
Слух и сердце восхищала.

Дальше вспомним звон стаканов
И рубин вина багряный,—
Кто счастливей в целом мире,
Чем влюбленный или пьяный?

Дальше — так учили деды —
Вспомним трубный голос боя,
Ибо в зареве победы,
Словно бога, чутут героя.

Наконец, мы сердцем страстным,
Вида зло, вознегодуем,
Ибо дружим мы с прекрасным,
А с уродливым враждуем.

Слей четыре эти силы
В первобытной их природе —
И Гафизу ты подобен,
И бессмертен ты в народе,

СОТВОРЕНИЕ И ОДУХОТВОРЕНИЕ

Адама вылепил господь
Из глины, сделал чудо!
Была земля, а стала плоть —
Бездушная покуда.

Но вдули в ноздри Элохим
Ей дух — всему начало,
И чем-то стал чурбан живым:
Оно уже чихало.

Но и чурбан с душой пока
Был все ж получурбаном.
Тут Ной наставил простака:
Снабдил его стаканом.

Хлебнул облом — и хоть летай!
Пошло тепло по коже.
Вот так же всходит каравай,
Едва взыграли дрожжи,

И так же твой, Гафиз, полет,
Пример твой дерзновенный,
Под звон стаканов нас ведет
Во храм творца Вселенной.

Чуть с дождевой стеной
Феб обручится,
Радуги круг цветной
Вдруг разгорится.

В тумане круг встает,
С прежним несходен:
Бел его мутный свод,
Но небу сроден!

Так не страшись тщеты,
О старец смелый!
Знаю, полюбишь ты,
Хоть кудри белы.

ЛЮБЕЗНОЕ СЕРДЦУ

Все слилось в узоре пестром —
Небо, скал окружных грани.
Стал незрячим бывший острым
Взор мой в утреннем тумане.

Иль визирь для жен любимых
Склон горы покрыл шатрами?
Иль на свадьбе у султана
Шумный пир цветет коврами?

Красный, белый, вперемежку!
Звезды, брызги — так красиво!
Ну, Гафиз, на Север мрачный
Как пришло Шираза диво?

Это маки полюбовно
Расселились на поляне
И соседствуют бескровно,
К посрамлению бога браны.

Мудрый скрасит и в пустыне
Сушь песков цветами, дерном,
И блеснет ему, как ныне,
Солнца луч в пути неторном.

РАЗЛАД

Манит флейтой Эрот
В темные чащи.
В поле трубит поход
Арес грозящий.

Сердце бы в плен взяла
Нежная сила,
Если б труба не звала,
Смерть не трубила.

Флейта спорит с трубой,
Гром барабана!
Весь я в разладе с собой,
Это ли странно?

Флейта чарует, маня,
Трубы ярятся.
Бешенство душит меня.
Что ж удивляться?

В НАСТОЯЩЕМ — ПРОШЛОЕ

В блеске утра сад росистый,
Роз и лилий ароматы,
А подальше — старый, мшистый,
Тихо спит утес косматый.
Лес приветливый у склона,
Замок ветхий на вершине,
И вершина примиренно
Наклоняется к долине.

Пахнет так, как там, где юны
Были мы, где мы любили,
Где моей кифары струны
Зорь соперницами были.
Где под песню птицелова
Чаша тихо шелестела,
Где, свежо и бодро снова,
Сердце брало, что хотело.

Лес не старится с годами,
Но и вы не старьтесь тоже,
Дайте жизнью вслед за вами
Насладиться молодежи.
И никто вас бранным словом ·
«Себялюбец» не обидит.
В каждом возрасте дано вам
То, в чем мудрый счастье видит.

День угас, но с этой верой
Я несу Гафиза людям:
Радость жизни полной мерой
С жизнелюбом пить мы будем.

ПЕСНЯ И ИЗВАЯНИЕ

Пусть из грубой глины грек
Дивный образ лепит
И вдохнет в него навек
Плоти жаркий трепет;

Нам милей, лицо склонив
Над Евфрат-рекою,
Водной зыби перелив
Колебать рукою.

Чуть остыдим мы сердца,
Чуем: песня зреет!
Коль чиста рука певца,
Влага в ней твердеет.

ДЕРЗОСТЬ

Как же выходит в конце концов,
Что человек исцелится?
Каждый звукам внимать готов,
Лишь бы им песнею литься.

Все отмети, что мешает в пути,
Коль не во тьму он, а к свету!
Прежде чем выйти и спеть и уйти,
Надо ведь жить поэту!

Пусть этой жизни медный звон
В сердце найдет отраженье!
Если чем-то поэт угнетен,
Сам сотворит утешенье.

ГРУБО, НО ДЕЛЬНО

Да, поэзия дерзка!
Что ж бранить меня?
Утоляйте жар, пока
Кровь полна огня.

Если б горек был и мне
Жизни каждый час,
Я бы скромным стал вдвойне,
Поскромнее вас.

Вот с девицей, это да,
Здесь уж не обидь!
Мил и скромен будь всегда,
Грубых — как любить?

Скромно слушай мудреца,
Ибо знает он
От начала до конца
Тайны всех времен.

Да, поэзия дерзка,
Балуй с ней вдвоем,
А подружку иль дружка
После позовем.

Ты! монах без клобука!
Что ты все грозишь?
Кокнуть можешь старика,
Скромным сделать — шиш!

Ведь от вас, от пошлых фраз —
Все вы пошляки! —
Удирил я сотни раз,
Портия башмаки.

Если мелют жернова,
Мастер, выдай стих!
Кто поймет твои слова —
Не осудит их.

ЖИЗНЬ ВО ВСЕМ

Пыль — стихия, над которой
Торжествует стих Гафизов,
Ибо в песнях о любимой
Он бросает праху вызов.

Ибо пыль с ее порога
Лучше всех ковров оттуда,
Где коленями их чистят
Прихлебатели Махмуда.

Вокруг ее ограды ветер
Пыль взметает неуклюже,
Но, пожалуй, даже роза,
Даже мускус пахнет хуже,

Пыль на Севере была мне
Неприятна, скажем честно.
Но теперь, на жарком Юге
Понял я, что пыль прелестна.

Как я счастлив был, чуть скрипнут
Те заветные воротца!
Исцели, гроза, мне сердце,
Дай с невзгодой побороться!

Если грянет гром и небо
Опояшет блеск летучий,
Дождь прибывает, по крайней мере,
Пыль, клубящуюся тучей,

И проснется жизнь, и в недрах
Вспыхнет зиждущая сила,
Чтобы все звело и пахло,
Что Земля в себе носила.

БЛАЖЕННОЕ ТОМЛЕНИЕ

Скрыть от всех! Подымут травлю!
Только мудрым тайну вверьте:
Все живое я прославлю,
Что стремится в пламень смерти,

В смутном сумраке любовном,
В час влечений, в час зачатья,
При свечей сиянье ровном
Стал разгадку различать я:

Ты — не пленник зла ночных!
И тебя томит желанье
Вознестись из мрака снова
К свету высшего слияния.

Дух окрепнет, крылья прянут,
Путь нетруден, не далек,
И уже, огнем притянут,
Ты сгораешь, мотылек.

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.

* * *

И тростник творит добро —
С ним весь мир прелестней.
Ты, тростник, мое перо,
Подари нас песней!

КНИГА ГАФИЗА. ГАФИЗ-НАМЕ

Как невесту, Слово ждет
Дух — его жених.
Брак их знает, кто поет,
О Гафиз, твой стих.

ПРОЗВИЩЕ

Поэт

Почему народ Ирана
Мохаммеду Шемс-Эддину
Имя дал «Гафиз»?

Гафиз

Причину

Я открою. Текст Корана
Я, слуга его ревнивый,
Вверил памяти счастливой
И от слова и до слова
Помню и блюду сурово.
Хоть постыдно наше время,
Общий дух того не губит,
Кто, как я, пророка любит,
Чтит завет его и семя.
Оттого Гафизом всеми
Прозван я.

Поэт

И в том причина
Мне прослыть Гафизом тоже.
Там, где мненье всех едино,—
Все во всем друг с другом схожи,
И с тобой одно мы оба.

Взял и я из книг священных
Дивный лик, чтоб он до гроба
В недрах духа сокровенных
Жил, как светлый дух Владыки
Жив на плате Вероники,
Чтоб являл, мой дух покоя,
Средь неверья, средь разбоя
Образ веры многоликий.

ЖАЛОБА

Знаешь — в нашей вечной круговерти —
Где, кого подстерегают черти?
И какой для них момент пригодней,
Чтоб тащить нас в бездну преисподней?
Им по вкусу лжец, а то злодей.
Но поэт — зачем таких людей
Он не избегает, раб господний?

С кем он ходит, бродит — тот не тужит.
Кто, творя, с самим безумьем дружит
И кого все близкие, родные
Гонят в беспредельности пустые
На песке писать слова святые,
Чтобы стерт был ветром стих,—
Слов не понимает он своих,
Сделать, как сказал, не может.

Но сердца он песней жжет и гложет,
Хоть иное говорит Коран.
Так учите вы, народ ученый,
Благочестью, мудрости законной,
Долгу — правоверных мусульман.

От Гафиза может желчь разлиться,
От Мирзы к безверью дух стремится,
Как тут быть и чем оборониться?

ФЕТВА

Облик поэтический Гафиза
Восхищает полнотою правды,
Но порою в частностях выходит
Он из рамок строгого закона,

Чтоб идти уверенно, должны мы
Яд змеиный отличать от меда,
Благородным, чистым наслажденьям
Предаваясь радостно и смело,
Всех других, грозящих мукой вечной,
Избегать душою просветленной.
Вот, бесспорно, путь, ведущий к благу.
Так Эбусууд смиренный пишет,—
Бог прости бедняге прегрешенья!

НЕМЕЦ БЛАГОДАРИТ

Ты, святой Эбусууд, бил в точку!
Вот таких святых поэт и любит.
В мелочах как раз такого рода,
Выходящих из границ закона,—
То наследье, где пока свободно,
Дерзкий, даже в горестях веселый,
И дышать и двигаться он может.
Злейший яд и лучшее лекарство —
Для него почти одно и то же,
Этот не убьет, а тот не лечит.
Ибо к жизни подлинной причастен
Только тот, чьи действия безгрешны,
Кто себе лишь повредить способен.
И тогда у старого поэта
Есть надежда, что для райских гурий
Просвещенным юношей он станет.
Ты, святой Эбусууд, бил в точку!

ФЕТВА

В творенья Мизри погруженный всецело,
Читал их муфти листы за листами
И каждый кидал безжалостно в пламя.
Красивая книга дотла сгорела.

«Вот так же,— воскликнул законов блюститель,—
Любого, кто верит в Мизри, я сожгу.
Его одного я сжечь не могу
Затем, что поэта творит Вседержитель.
И если дар свой пустил тот прахом,
Пусть сам разбирает свой грех с Аллахом».

БЕЗГРАНИЧНЫЙ

Не знаешь ты конца, тем и велик.
Как вечность, без начала ты возник.
Твой стих, как небо, в круговом движенье.
Конец его — начала отраженье,
И что в начале и в конце дано,
То в середине вновь заключено.

Таинственно кипит, не остывая,
В тебе струя поэзии живая.
Для поделуев создан рот,
Из чистой груди песня льется,
Вина всесчастно горло ждет,
Для блага ближних сердце бьется.

И что мне целый мир? Судьбою
Тебе да уподоблюсь я!
Гафиз, мы будем как друзья!
Сквозь боль и радость бытия,
Любовь и хмель пройду с тобою,
И в этом счастье — жизнь моя.

Но будь неповторимо, Слово,
Ты старше нас, ты вечно ново!

ОТРАЖЕНИЕ

Пускай я весь — твое лишь отраженье,
В твой ритм и строй хочу всецело влиться,
Постигнуть суть и дать ей выраженье,
А звуки — ни один не повторится,
Иль суть иную даст их сопряженье,
Как у тебя, кем сам Аллах гордится.

И как сгорает в пламени столица,
Как искорка растет пожаром грозным,
И он, гудя, по улицам стремится,
Она ж потухла, мчась к орбитам звездным,
Так немцу свежесть сил первотворенья
Ты, Вечный, дал для вечного горенья.

Найденные ритмы обольщают,
И талант им радуйся, пиши!
Но назавтра всех нас отвращают
Эти полумаски без души.
Радости они не обещают,
Разве только новых форм творец
Мертвым формам сам кладет конец.

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ

Они, Гафиз, называли
Мистическим твой язык.
Но где тот блеститель слова,
Что Слова ценность постиг?

Мистическим был ты для них,
Тебя по-дурацки читавших,
В великом имени свой
Нечистый хмель увидавших.

Мистически чистый весь,
Ты ими всего лишь не понят.
Не набожный, ты блаженствуешь днесь,
И за это они твою славу хоронят,

НАМЕК

Да, я их браню, и все ж они правы:
Ведь слово не просто, и это всегда вы
Обязаны помнить, вы с этим знакомы.
Слово — как веер! В его проемы
На вас красивые глазки глядят.
А веер — как флёр, прикрывающий взгляд.
Я, правда, не вижу лица самого,
Но девушка не скрыла его.
В ней лучшее,— знает, поди, егоза,—
Глаза,— а они-то мне смотрят в глаза.

ГАФИЗУ

Все ищут — ты нашел закон,
Постиг земной порядок:
В плену страстей и прах и трон,
Но плен жестокий сладок,

И пут не рвут — всему черед:
И лечит он и ранит.
Тот шею невзначай свернет,
А тот нахалом станет.

Не ставь, Учитель, мис на вид,
Коль невпопад отвечу,
Когда замечу, что спешит
Мой кипарис навстречу

И, к почве ластясь, башмачок,
Как корешок, крадется.
А взгляд, а речь! Тут сам Восток
Прозрачной вязью вьется!

Ты чувствуешь? Прижать лицо
К волне кудрей смелее,
Где ветер локонов кольцо
Развил у щек и шеи!

Как ясен лоб, как нежен рот,
И кто ж не умилится!
От песни радостной начнет
Сама душа молиться.

А губы так манят — нет сил!
Но что, скажи, нелепей:
Ты вдруг свободу получил,
Но получил и цепи!

Вздохнешь — и не вдохнуть назад,
Душа к душе стремится,
И счастья тонкий аромат
Незримо в грудь струится,

Ты весь в огне! Теперь вина!
Где мальчик? Я пирую!
И чару первую — до дна!
Скорей на стол вторую!

Он ждет, он внемлет, он притих:
Ты пьяный — совершенней.
Он понял высший смысл твоих
Глубоких поучений.

Он зрит, как мира строй высок,
Его душа — в зените.
Грудь крепнет, над губой пушок,
Он юноша — взгляните!

А ты — ты обнял всё вокруг,
Что есть в душе и в мире,
Кивнув мыслителю, как друг,
Чья мысль и чувство шире.

Ты, чтоб визирь иль шах от нас
Не утаили клада,
И перед троном в добрый час
Даешь совет что надо.

Рожденный всё и знать и петь,
На свадьбе ли, на трizне,
Веди нас до могилы впредь
По горькой, сладкой жизни.

ЕЩЕ ГАФИЗУ

Нет, Гафиз, с тобой сравниться —
Где уж нам!
Вьется парус, точно птица,
Мчится по волнам.
Быстрый, легкий, он стремится
Ровно, в лад рулю.
Если ж буря разразится —
Горе кораблю!
Огнекрылою орлицей
Взмыла песнь твоя,

Море в пламень обратится!
Не сгорю ли я?
Ну, а вдруг да расхрабриться?
Дай-ка, стану смел!
Сам я в солнечной столице
Жил, любил и пел.

КНИГА ЛЮБВИ. УШК-НАМЕ

Открой,
Чем сердце томится мое!
Любовь — с тобой,
Береги ее!

ОБРАЗЦЫ

Знай и млад и стар
Шесть любовных пар.
В слове предстала судьба:
Рустам и Рудаба.
Любовь без исхода горька:
Юсуф и Зулейха.
Ужас любовных кручин:
Ферхад и Ширин.
Розно жить не могли
Меджнун и Лейли.
В старости верность прочна:
Джемиль и Ботейна.
Прихоть жизни великой:
Соломон с Темноликой.
Тот, кто усвоил урок,
Знает любовь назубок.

ЕЩЕ ОДНА ПАРА

Любовь — солидный куш, ей-ей!
Да есть ли выигрыш крупней?
Любовь — не деньги и не власть,
Но даст в героя нам попасть.
И кстати не кого-нибудь,
А Вамика и Азру помянуть.

Но их достаточно назвать —
Кто смеет их имен не знать?
Подробностей же грустной были
Не знает мир. Они любили —
Вот смысл сей повести каков.
И помолчим без лишних слов.

ХРЕСТОМАТИЯ

Хрестоматия любви —
Вот всем книгам книга.
Я читал ее прилежно:
На миллион страниц страданий
Пять страниц блаженства,
Рубежом — глава разлуки.
Крошечный раздел свиданий
Дан в отрывках. Том печали
С приложением объяснений,
Не имеющих конца.
О Низами! Ты, блаженный,
Верную нашел дорогу.
Кто развязает этот узел?
Только любящие сами.

* * *

Были вглубь глядящие зрачки,
Были всласть целующие губы,
Руки плавные легки,
Груди царственные любы.
Это явь без всяких снов,
Ведь минута обладанья
Изменила до основ
Все мое существованье.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Легкий локон, как вино,
Дух воспламеняет —
И меня, мой друг Гафиз,
Волосы пленяют.

Но вздымаются горой
На длинноволосых
Или маются порой
В заплетенных косах.

Мудрый с легкостью пройдет
Сквозь соблазны эти:
Тяжкой цепиprodпочтет
Шелковые сети.

ПОГРУЖЕННЫЙ

Бурлит волос водоворот!
Блуждать вслепую в этой темной чаще
Блаженными ладонями почаше —
И станет шибче сердца оборот.
Целую лоб, ресницы, веки, рот —
Я весь в огне, и оторопь берет.
И гребню пятизубому неймется:
Он к ладным прядям так и рвется.
Трепещут брови под рукой —
Но разве плоть, но разве кожа
Способна к нежности такой?
Душа становится моложе,
Коль выдается мне почаше
Бывать в блаженной этой чаще.
И ты, Гафиз, ласкал немало,—
А нам пора начать сначала.

С ОПАСКОЙ

Ты надела изумруды —
Мне ли их не величать?
Вынуть слово из-под спуда
Или лучше промолчать?

«Как приветлив каждый камень!» —
Мой язык спешит изречь,
Утаив, что рядом пламень
И меня готов обжечь,

Должно помнить ежечасно:
Сей огонь жесток и лют!
«Столь же стать твоя опасна,
Сколь приветлив изумруд».

* * *

В этот тесный переплет
Втиснут рой свободных песен,
Для которых небосвод,
Да и тот немного тесен.
Время — гробовщик вселенпой,
Но сильнее песен рать.
Каждой строчке — быть нетленной,
Как любви не умирать.

СЛАБОЕ УТЕШЕНИЕ

В полночь я плакал и маялся —
Мне не хватало тебя.
Явились привидения,
И я смущился.
Я сказал: «Привиденья!
Я маюсь и плачу,
А надо бы спать
И вас, горемычных, не видеть.
Не думайте худо о том,
Кого вы мудрым считали,—
Больно уж мне несладко!»
И ночные тени
С длинными лицами
Мимо прошли,
Явно не интересуясь,
Глуп я или умен.

НЕВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ

«Пусть тебе и не снится,
Что по любви отдается девица.
Я б так не мог, скажу по чести —
Она к тебе жмется из лести».

П о э т

Полученным вполне довольный,
Отвечу в оправдание:
Любовь — подарок добровольный,
А лесть — благодеяние.

ПРИВЕТ

О, как мне было блаженно!
Бродил я по краю,
Где Худхуд снует по дорогам.
Ракушки древнего моря
В камне искал я окаменевшие.
Прискакал Худхуд,
Распушив хохолок.
Важно вышагивая,
Потешался над мертвыми
Он, живущий.
«Худхуд,—сказал я,— и впрямь
Ты премилая птичка.
Но не медли, удод!
В путь! чтобы милой
Возвестить, что ей навеки
Я принадлежу!
Было время, ты юркал
Между Соломоном
И царицей Савской,
Стало быть, сводник ты опытный!»

ПОКОРНОСТЬ

«Ты весел, и радость в глазах!
Поешь, словно гурия рая!»

П о э т

Любовь со мной на ножах.
Я, правду сказать, помираю
И петь совсем не хочу.
Нелишне здесь вспомнить свечу —
Как пышет она, добрая!

Любовная боль искала нору,
Чтоб в тиши и во мраке забыться.
Ей сердце мое пришлось по нутру —
Теперь она в нем гнездится.

НЕИЗБЕЖНОЕ

Кто может добиться, чтобы птицы
Не пели наперебой
И чтобы во время стрижки
Баран не вертел головой?

Шерсть моя встала дыбом.
Я попираю мораль?
Полно! Мораль попирает
Мой неуклюжий стригаль.

Кто смеет велеть, чтоб в небо
Не слал я песню мою,
Чтоб я не рассказывал тучам
О том, что в сердце таю?

СОКРОВЕННОЕ

Чтó таят глаза любимой,
Люди бéз толку гадают.
Только я, избранник, знаю,
Что за чувства взгляд питают.

Взгляд гласит: любимый — этот,
А не тот и не соседний.
Люди добрые, увольте
От гаданий и от бредней.

Взгляд загадочен и скрытен,
Любопытным в назиданье:
Хочет милая назначить
Час удобный для свиданья,

САМОЕ СОКРОВЕННОЕ

«В диком раже, сплетнеловы,
Мы смакуем пересуды,
Кто любовь твоя и сколько
У тебя родни повсюду.

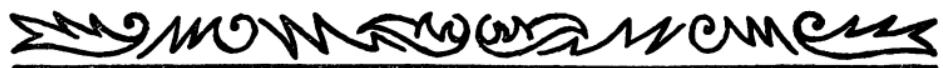
Ты влюблен, и, прямо скажем,
Это видно и слепому.
Но в ответный жар подруги
Не поверим ни за что мы».

Милая открыто входит
В дом ко мне. Трубите в трубы!
Говорить — так уж в глаза:
За глаза молва беззуба.

Снял с себя Шехаб-эддин
Груз одежд на Арафате —
И никто, ему подобный,
Не слыхал от вас проклятий.

Пусть пред вознесенным троном
Или перед Вселюбимой
Это имя произносят
Как награду посвященным!

Горя горше мир не ведал:
Голосил Меджнун в печали,
Повелев, чтобы его
При Лейли не называли.

КНИГА РАЗМЫШЛЕНИЙ. ТЕФКИР-НАМЕ

* * *

Советов лиры не упусти,
Они одаренным приносят успех.
Но гения слово и то не в чести,
Когда туюухий решает за всех.
«Что ж лира?» Ее наука проста:
В невесте не лучшее красота,
Но к нам приходи с пониманием ясным,
Что лучшее кроется только в Прекрасном.

ПЯТЬ СВОЙСТВ.

Пять свойств не ладят с другими пятью.
Внимательно заповедь слушай мою:
С Надменностью Дружба не может сродниться,
От Грубости Вежливость не родится,
Величия мы у Злодейства не ищем,
Скупец не подаст убогим иль нищим,
Для Веры и Верности Ложь не опора.
Все это усвой — и храни от вора.

* * *

Сердцу мил зовущий взгляд подруги,
Мил еще не пьяный взгляд пьянчуги,
Взор владыки, милости сулящий,—
Луч осенний, из-за туч глядящий.

Но рука, что благородной дланью
Тянется и к малому даянью,
Тронет всех. О, жест красноречивый!
Влажный взор, признательно-счастливый!
Их увида, в руку снова вложишь,
Не даря, и жить уже не сможешь.

* * *

То, что «Пенд-наме» гласит,
В сердце, друг, прими без спора
И того, кому даешь,
Как себя, полюбишь скоро.
Дай хоть малость, не жалей,
Не копи до смерти злато.
Настоящий день милей
Всех упущенных когда-то.

* * *

Скача мимо кузни на стыке дорог,
Не знаю, когда подкуют мне коня.
Не знаю, завидя вдали хуторок,
Не зреет ли девушка там для меня.
Вот юный красавец идет. Кто кого?
Меня ль он осилит, я ли его?
Мы знаем только, что кисть винограда
Дает человеку то, что надо.
И вот ты на поприще вышел земное.
Охоты нет повторять остальное!

* * *

Чти незнакомца дружеский привет
И радуйся, как встрече с верным другом!
Лишь краткая беседа — и прощай!
Ты на восток, а он, глядишь, на запад.
Лишь через много лет пути скрестятся.

Какая неожиданная радость,
И оба вы кричите: это я!
Как будто вы не странствовали столько
И столько раз не возвращалось солнце.
Меняйтесь же товарами и прибыль
Делите, новый заключив союз
И закрепляя старое доверье.
Привет наш первый стоит многих тысяч.
Всем отвечай на дружеский привет!

* * *

Покупай! — зовет майдан.
Что же опыт — зря нам дан?
В мире тихом осмотрись,
Лишь любовь уносит ввысь.
Ты стремишься днем и ночью
Слышать, знать, узреть воочью,
Но, чтоб знать хоть в малой мере —
У другой послушай двери.
Если истины ты ждешь,
В бого истину найдешь.
Кто в любви и чист и строг,
Тех, любя, отметит бог.

* * *

Когда я честным был,
Всегда нуждался.
Страдал, удачи ждал
И не дождался.
Меня ценили в грош,
Вот вам беда-то!
Решил я: буду красть,
Но жить богато.
Нагоревался всласть
Без результата.
Так лучше честным быть,
И это точно.
Хоть горше, спору нет,
Зато ужочно.

* * *

Не шуми ты, как, откуда
Очутился в божьем граде.
Прокочил — случилось чудо,
Так молчи себя же ради.

Взвесь, кого тут мудрым славят,
Кто верха и заправилы,
Этот вмиг тебя наставит,
Те — твои направят силы.

Будешь стражем общих истин,
Верным долгу, нужным власти,
И не станешь ненавистен,
Будешь люб верховной касте.

Князь, твоим довольный жаром,
К пользе дела скажет слово.
А тогда в привычном, старом
Насаждай и то, что ново.

* * *

Откуда я пришел сюда? Не знаю,
Свой путь земной едва ли вспомню я.
Я здесь. И ныне, в день веселый мая
Сошлися Любовь и Радость, как друзья.
О, счастлив, в ком они соединятся!
Один, кто может плакать, кто смеяться?

* * *

Одно приходит за другим
А за одним — другое.
Иди же смел, неколебим
Сквозь торжище людское.
Порой задержишься, сорвешь
Цветок во славу божью.
Но знай: далеко не пойдешь,
Коль соблазнишься ложью.

* * *

К женщине снисходителен будь!
Она, из кривого ребра возникая,
Не получилась у бога прямая:
Ломается, чуть начнешь ее гнуть.
Не тронешь — совсем искривится, и точка!
Да, братец Адам, дал нам бог ангелочка!
К женщине снисходителен будь.
Ребро не ломай и не гни — в этом суть,

* * *

Жизнь — шутка, скверная притом.
Тем — ничего, тем — полный дом.
Тот — малый, тот большой едок.
Тому везет, а тот не смог.
А коль беда, так уж тогда
Терпи — на это нет суда —
И вот наследникам отрада:
В гробу наш друг «Давай-Ненадо»!

* * *

Жизнь — это та ж игра в гусек!
Уже, вперед шагая,
Игрок от цели недалек,
Но цель-то, цель какая?!

Вот говорят, что глуп гусак,
Но их оклеветали.
Он обернулся — это знак,
Чтоб я ни шагу дале.

А в мире как? — Сквозь кучу дел
Всех так вперед и тянет,
Но оступился, полетел —
Никто ведь и не взглянет.

* * *

«Всё, ты сказал мне, погасили годы:
Веселый опыт чувственной природы,
О милом память, о любимом вздоре,
О днях, когда в безбережном просторе
Витал твой дух,— ни в чем, ни в чем отрады:
Не радуют ни слава, ни награды,
Нет радости от собственного дела,
И жажда дерзновений оскудела.
Так что ж осталось, если все пропало?»
«Любовь и Мысль! А разве это мало?»

* * *

Встреча с тем всегда полезна,
В ком таится знаний бездна.
Ты в беде, тебе не сладко —
Вмиг он скажет, в чем нехватка,
И сочувствует, вникая,
Как стряслась беда такая.

* * *

Кто щедр, тот будет обманут,
Кто алчен, с того и потянут,
Понятливый с толку собьется,
В разумном дурь заведется,
Кто зол — обойдут за милю,
Задапают простофилю.
Но лжи поддаваться негоже:
Обманут — обманывай тоже.

* * *

Хвалит нас или ругает
Тот, кто правит нашим кругом,
Это все в конечном счете
Безразлично верным слугам,

Зря бранит — имей терпенье,
Зря похвалит — вторь владыке.
Будь в хорошем настроенье,
Будешь первым в ближней клике.

Так, вельможи, перед богом
Вы должны хранить смиренье.
И страдайте, если надо,
Но — в хорошем настроенье.

ШАХУ СЕДШАНУ И ЕМУ ПОДОБНЫМ

И радость во дворцах,
И гром музыки.
Тебе, наш мудрый шах,
Восторга клики.
С тобою чужд нам страх,
Живи во славе!
И жить и цвесь в веках
Твоей державе!

ФИРДОУСИ
говорит

О мир! Как ты бесстыден и зол!
Ты кормишь, растишь и убьешь, обделив,

Лишь тот, кто божью милость обрел,
И вскормлен и вспоен, богат и жив.

По в чем же богатство? Коль солнца мы ищем,
Так солнце и нищим дарует отраду.
И вы, богачи, подавляйте досаду:
На счастье дана независимость нищим!

ДЖЕЛАЛ-ЭДДИН РУМИ

говорит

Остановись — и мир летит, как сон.
Скачи — твой путь судьбой определен.
Жара ли, холод — кто их заарканит?
Расцвел цветок? Скорей сорви, он вянет,

ЗУЛЕЙКА

говорит

Я в зеркале — красавица, а ты
Пугаешь: старость, мол, не за горой.
Но в боже вечны сущего черты,
Так в юной — бога ты во мне открой,

КНИГА НЕДОВОЛЬСТВА. РЕНДШ-НАМЕ

* * *

«Где ты побрал все это?
Увидел? Слышал где-то?
Как сделал, всем на диво,
Из мелких дрязг огниво
И от житейских бредней
Раздул огонь последний?»

Нет, не об хлам дворовый
Огонь я высек новый.
Мой путь лежал сквозь дали,
Где звезды полыхали,
И я не заблудился,
Я только вновь родился.

В степи, где гурт овечий
Седой, широкоплечий
Старик-пастух обходит
И важно обходит,—
Мне ум и сердце грело
Его простое дело.

В дороге беспокойной
Средь гор, в ночи разбойной,
Погонщики с красивой
Осанкою спесивой,
Истошный рев верблюжий —
Все ум вбирал досужий.

Так шло, как всюду в мире,
Все выше, дальше, шире,
В надежде утоленья,
Как наши все стремленья,—
К полоске моря синей,
К миражу над пустыней.

* * *

Где рифмач, не возомнивший,
Что второго нет такого,
Где скрипач, который мог бы
Предпочесть себе другого?

И ведь правы люди эти:
Славь других — себя уронишь,
Дашь другому жить на свете,
Так себя со света сгонишь.

И немало мне встречалось
Разных лиц, высоких чином,
Коим спутывать случалось
Кардамон с дерьмом мышиным.

Прежний для спасенья чести
Новую метлу порочит.
Новая метла из мести
Старой честь воздать не хочет.

И народы ссорят злоба
И взаимное презренье,
А того не видят оба,
Что одно у них стремленье,

* * *

Кто весел и добр и чей виден полет,
Того соседи чураются.
Их мучает: трудится, дескать, живет!
Побить камнями стараются.

Но только умри, еще гроб не закрыт,
Объявят подписку, и вскоре
Красивый памятник стоит —
Награда за все твое горе;

Тщеславье черни — ощутить,
Что власть ее — навеки.
А лучше было бы им забыть
О добром человеке.

* * *

Власть — вы чувствуете сами —
Вечна в этом мире странном.
Я люблю и с мудрецами
Растабары — и с тираном.

В человечьей общей груде
Кто глупей — себя и славят.
Недоумки, полулюди
Нас везде и жмут и давят.

Стал я глупых слушать реже,
Стал от умников скрываться.
Эти — нуль вниманья, те же
Стали вон из кожи рваться.

«Мы в любви, да и в насилие,
Мол, сроднились бы с тобою...»
Солнце чуть не загасили,
Приравняли холод к зною.

И Гафиз и Гуттен знали:
Враг заклятый ходит в рясе!
А мои враги — едва ли
И найдешь их в общей массе.

«Опиши врагов!» — Так с виду
Это те же христиане,
Но уже не раз обиду
Я терпел от этой дряни.

* * *

Тем, кто нас к добру зовет,—
Наше доброхотство;
В тех, кто нам добро несет,
Славим благородство.
Ну, а ты свой дом и хлам
Окружил забором.
Мне и легче, я и сам
Не задурен вздором.

Всем хорош двуногий род,
Но — беда на свете:
Если что-то сделал тот,
Тут же следом — эти!
Помни Слово, кто в пути,
Это слово чести:
Если к общему идти,
То идемте вместе!

Всё узнаем в свой черед:
Зависть, лицемерье.
Кто, спеша к любви, берет
В помощь подмастерье?
Деньги, честь ли — этим всяк
Сам распорядится.
Лишь вино такой добряк,
Что начнешь двоиться.

Обо всем об этом пел
И Гафиз немало.
У него от глупых дел
Голова трещала.
Но бежать из мира прочь —
Верьте, что уж хуже?
Если впрямь тебе невмочь —
Выругайся, друже!

* * *

Разве именем хранимо
То, что зреет молчаливо?
Мной прекрасное любимо,
В боже созданное диво.

Надо ж нам любить кого-то!
Ненавидеть? Правый боже!
Если нужно — что за счеты! —
Ненавидеть рад я тоже.

Чтоб узнать им цену лично,
Взвесь — что лживо, что правдиво.
Что в глазах людей отлично,
То обычно дурно, лживо.

Чтобы правдой жить на свете,
Соки брать из почвы надо.
Вертихвостом на паркете
Жизнь прошаркать — вот досада!

Критикан ли, злопыхатель —
Черт один при взгляде строгом!
Рядом с ними развлекатель
Лучше выглядит во многом.

Развлечений праздной жаждой
Лишь себя губить дано вам,
Обновляясь, должен каждый
Каждый день пленяться новым.

Пусть он «дойч» или «тойч» зовется,
Немец так живет и судит.
В старой песенке поется:
Это было, есть и будет.

* * *

Если брать значенье слова,
Был «Меджнун» безумцем юным,
Не глядите так сурово,
Если я зовусь Меджнуном.

Если честно, ваш ходатай,
Ополчусь на вражьи ковы,
Не кричите: «Бесноватый!
Под замок его! В оковы!»

Там, где суд несправедливый
В цепи ввергнет Ум и Честность,
Жечь вас огненной крапивой
Будет ваша бессловесность.

* * *

Разве старого рубаку
Я учил держать секиру?
Направлял полезших в драку
Или путь искаших к миру?

Наставлял я рыболова
В обращении с лесою
Иль искусного портного
Обучал шитью да крою?

Так чего же вы со мною
В том тягаться захотели,
Что природою самою
Мне раскрыто с колыбели?

Напирайте без стесненья,
Если сила в вас клокочет.
Но, судя мои творенья,
Знайте: так художник хочет!

ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ СТРАННИКА

С подлостью не справиться,
Воздержись от жалоб.
Подлость не подавится,
Как ни клеветала б.

И с плохим задешево
Прибыль ей подвалит,
А зато хорошего
Так она и жалит.

Путник! Даже не сердясь,
Плюнь! Забудь о вздоре!
Всё, как высохшую грязь,
Ветер сдунет вскоре.

* * *

Не проси о том, что в мире
Мы, хоть ищем, не обрящем.
Мир и вкось и вкривь шагает,
Но не вровень с настоящим.
Ни желаньем, ни стараньем
Жизнь догнать, хромец, не может.
То, о чём мечтал ты юный,
Старцу он тебе предложит.

* * *

Хоть самохвальство — грех немалый,
Творя добро, кто не был грешен в том?
Да, он нескромен, он хвастун, пожалуй,
Но доброе останется добром.

Глупцы! не отравляйте радость
Того, кто мнит, что он мудрец.
Он глуп, как вы, но пусть узнает сладость
Пустой хвалы пустых сердец.

* * *

Минь ты, в ухо изо рта —
Самый правильный прием?
Пересказ — ты, простота! —
Тоже может стать враньем.
Будь в суждениях силен!
Цепи веры ведь не шутка,
Рвут их силою рассудка,
А тобой отвергнут он.

* * *

Тот французит, тот британит,
Итальянит иль немечит,
Но в одном все люди схожи:
Себя любье всех калечит,

Ведь нельзя искать признанья
Будь то многих, одного ли,
Если в двух шагах не видно,
Чем мы ценные в нашей роли.

Пусть со временем хороший
Будет славен вдвое, втрое,
Но теперь, сейчас, сегодня
Надо выдвинуть плохое.

Кто, осмыслив ход столетий,
Не построил жизнь толково,
Тот живи себе в потемках,
Прожил день — и жди другого.

* * *

Когда-то, цитируя слово Корана,
Умели назвать и суру и стих.
Любой мусульманин, молясь неустанно,
Был совестью чист и чтим меж своих.
У новых дервишней — больше ли знаний?
О старом, о новом кричат вперебой.
А мы что ни день, то больше в тумане.
О, вечный Коран! О, блаженный покой!

ПРОРОК
говорит

Тот, кто зол, что волею Аллаха
Был пророк от бурь и бед укрыт,
Пусть к устоям горных сфер без страха
Для себя веревку прикрепит.
Час-другой над бездной повисев,
Он забудет неразумный гнев.

ТИМУР
говорит

Как? Вы хулите сеющий страх
Вихорь гордыни? Облыжники бога!
Если б червем меня создал Аллах,
Был бы я червь у людского порога.

КНИГА ТИМУРА. ТИМУР-НАМЕ

МОРОЗ И ТИМУР

Так в необоримом гневе
К нам пришел Мороз. Овеял
Все и вся дыханьем льдистым
И бушующие распрыей
Ветры на людей погнал.
Повелел вершить насилье
Вихрю, колкому от стужи,
Ворвался в совет Тимура
И ему промолвил грозно:
«Усмирись, несчастный, стихни!
Прочь, неправедный владыка!
Долго ль будет жечь твой пламень,
Опалять сердца людские?
Или ты один из духов,
Богом проклятых? Я также!
Ты старик, и я,— и Землю
И людей мертвим мы оба.
Да, ты — Марс, а я — Сатурн,
В единенье — роковые
Вредоносные планеты.
Если ты — души убийца,
Если леденишь ты воздух,
Помни, мой покрепче холод!
Ты ордой своей жестокой
Истребляешь правоверных,
Но придет мой день — найду я,
Видит бог! — похуже пытку.

И тебя уж — бог свидетель! —
Не помилую. Бог слышит!
Ты, старик, ни жаром угля,
Никаким огнем декабрьским
Хлада смерти не избудешь».

ЗУЛЕЙКЕ

Чтоб игрою благовоний
Твой порадовать досуг,
Гибнут сотни роз в бутоне,
Проходя горнило мук.

За флакон благоуханий,
Что, как твой мизинец, мал,
Целый мир существований
Безымянной жертвой пал,—

Сотни жизней, что дышали
Полнотою бытия
И, волнуясь, предвкушали
Сладость песен соловья.

Но не плачь, из их печали
Мы веселье извлечем.
Разве тысячи не пали
Под Тимуровым мечом!

КНИГА ЗУЛЕЙКИ. ЗУЛЕЙКА-НАМЕ

Мне приснилось этой ночью,
Что луна по небу плывет.
Я проснулся — небо светилось,
Это солнечный был восход.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Не шагай быстрей, чем Время,
Дня грядущего едва ли
Хуже день, что скрылся, минув.
Здесь, где Радость мы познали,
Здесь, где я, весь мир отринув,
Мир обрел, порвав со всеми,
Будем оба как в пустыне.
Завтра — завтра, нынче — ныне,
То, что было, то, что будет,
Вдаль не гонит, вспять не нудит,
Мне ж тебя единой надо,
Ты — целенье, ты — отрада,

* * *

Что Зулейка в Юсуфа влюбилась,
Тут хитрости нет.
Он был юным, а юный приманчив расцвет,
Он красавец, твердила молва слово в слово,
А ее красота осчастливит любого.
Ты же, ты, долгожданная, смотришь
Юным взором, полным огня.
Нынче любишь, потом осчастливишь меня,
И песней тебя отдарить я сумею,
Вечно зовись Зулейкой моей.

* * *

Если ты Зулейкой зовешься,
Значит, прозвище нужно и мне.
Если ты в любви мне клянешься,
Значит, Хатемом зваться мне.
Это не дерзость — меня тревожит
Лишь то, что имя нужно и мне.
Рыцарь святого Георга не может
Георгом стать — это ясно и мне.
Я не Хатем Таи — Вседающий,—
Как им стать неимущему, мне?
Хатем Зограи — богато живущий,—
Таким средь поэтов считаться бы мне.
Быть же и тем и другим, хоть отчасти,—
Это весьма подходило бы мне.
Счастье брать, раздавая счастье,—
Было б великой радостью мне.
Жить с любимой в любви и согласье —
Рай — и другого не надобно мне.

* * *

Х а т е м

Создает воров не случай,
Сам он вор, и вор — вдвойне:
Он украл доныне жгучий
След любви, что тлел во мне,

Всё, чем дни мои богаты,
Отдал он тебе сполна.
Возврати хоть часть утраты,
Стал я нищ, и жизнь бедна.

Но уже алмазом взгляда
Приняла ты все мольбы,
И, твоим объятьям радо,
Сердце новой ждет судьбы.

З у л е й к а

Все мне дал ты нежным взором,
Мне ли случай осуждать!
Если вдруг он вышел вором,
Эта кража — благодать.

Но ведь сам, без всякой кражи,
Стал ты мой, как я — твоя.
Мне приятней было б даже,
Если б вором вышла я.

Дар твой щедр и смел обычай,
Но и в выигрыше ты:
Все ты взял — покой девичий,
Жар душевной полноты.

Полюбил — и стал богатым.
Ты ли нищий? Не шути!
Если ты со мною, Хатем,
Счастья выше не найти.

* * *

Пускай кругом непроглядная мгла,
Кто любит, тому светло повсюду,
А если воскреснут Меджнун и Лейла,
Вожатым любви для воскресших я буду.

* * *

Я вместе с любимой — и это не ложно?
Я слышу, со мной беседует бог.
Но роза всегда и везде невозможна,
Никто соловья постигнуть не мог.

* * *

З у л е й к а

Плыл мой челн — и в глубь Евфрата
Соскользнуло с пальда вдруг
То кольцо, что мне когда-то
Подарил мой нежный друг,

Это снилось мне. Багряный
Пронизал листву рассвет.
Истолкуй мой сон туманный
Ты, Провидец, ты, Поэт!

Х а т е м

Так и быть, я истолкую.
Помнишь, быль я рассказал,
Как кольцо в лазурь морскую
Дож Венеции бросал.

А твое — тот сон чудесен! —
Пусть Евфрат хранит на дне.
Сколько тысяч дивных песен
Эта быль навеет мне!

Я ходил путем песчаным
Из Дамаска в Индостан,
Чтобы с новым караваном
Добрести до новых стран.

Ты же дух мой обручила
С духом этих скал и струй,
Чтоб не смерть нас разлучила,
А последний поделуй.

* * *

Знаю, как мужчины смотрят:
Каждый говорит, что любит,
Что сойдет с ума, страдает,
Да и разное другое,
Чем нас, девушек, прельщают.
Это все мне безразлично,
Это все меня не тронет,
Но как только взглянет Хатем,
День становится светлей!
Эту — говорит он взором —
Не сравню ни с кем на свете.
Вижу: лилии, фиалки,
Всех садов краса и гордость,
Поднялись украсить Землю,

И украшенной — как чуду —
Можно только изумляться.
В ней восторг, благословенье,
Исцеление, здоровье.
Но увидевший Зулейку
Исцеленьем сердца болен,
Исцелен его недугом
И глядит на мир с улыбкой,
Как вовек не улыбался.
А Зулейка в нежном взоре
Слышит вечное: «Такую
Не сравню ни с кем на свете».

GINGO BILOVA

Этот листик был с Востока
В сад мой скромный занесен,
И для видящего ока
Тайный смысл являет он.

Существо ли здесь живое
Разделилось пополам,
Иль напротив, сразу двое
Предстают в единстве нам?

И загадку и сомненья
Разрешит мой стих один:
Перечти мои творенья,
Сам я — двойственno един,

* * *

Зулейка

Но скажи, писал ты много,
И козявок пел и бога,
Ясен почерк, точен слог,
От строки до переплета
Всё — тончайшая работа,
Чудо каждый твой листок!
Ну, и в каждом для кого-то
Был любви твоей залог?

Х а т е м

Да, от глаз, к любви манящих,
Алых губ, зубов блестящих,
От улыбки, как весна,
Стрел-ресниц, кудрей, как змеи,
Белой груди, гордой шеи
Сколько раз душа пьяна!
Но и в каждой новой фее
Снилась ты мне, ты одна.

* * *

З у л е й к а

Восходит солнце,— что за диво! —
И серп луны обвил его.
Кто сочетал их так счастливо?
Что значит это волшебство?

Х а т е м

Султан — он в далях тьмы безмерных
Слил тех, кто выше всех высот,
Храбрейших выделив средь верных
И дав избранникам полет.

Их счастье — то, чем мы богаты,
И мы с тобой — как плоть одна.
Коль друга Солнцем назвала ты,
Приди, обвей меня, Луна!

* * *

'Любимая! Венчай меня тюрбаном!
Пусть будет он твоей рукой мне дан.
И шах Аббас, владеющий Ираном,
Не знал венца прекрасней, чем тюрбан.

Сам Александр, пройдя чужие страны,
Обвил чело цветистой полосой,
И всех, кто принял власть его, тюрбаны
Прельщали царственной красотой.

Тюбан владыки нашего короной
Зовут они. Но меркнет блеск имен.
Алмаз и жемчуг тешат глаз прельщенний,
Но наш муслин — их всех прекрасней он.

Смотри, он чист, с серебряным узором.
Укрась чело мне! О, блаженный миг!
Что вся их мощь? Ты смотришь нежным взором,
И я сильней, я выше всех владык.

* * *

Немногого прошу я, вспомни —
Земное все ценю равно,
А то немноже давно мне
Землей служивой дано.

Люблю и шум на дружном пире,
И тихий дом без суеты,
Но дух мой радостней и шире,
Когда с тобой мои мечты.

Тебе империи гигантской
Тимур бы власть и силу дал,
И груды бирюзы гирканской,
И гордый бадахшанский лал,

И, мед хранящие в избытке,
Сухие фрукты Бухары,
И песен Самарканда свитки
Ты принимала б как дары.

Я госпоже Ормуза новой
Писал бы с острова о том,
Как, весь в движенье, мир торговый
Расцвел, твой украшая дом.

В стране браминов неустанно
Трудился б рой и жен и дев,
В шелка и в бархат Индостана
Тебя роскошно разодев.

И землю, камни, щебень разный
Искусный жег бы ювелир,
Чтобы, создав венец алмазный,
Тебя украсить, как кумир.

Из моря б жемчуг доставали,
Ныряя, дерзкие ловцы,
Чтоб ты не ведала печали,
Диван ссыпали б мудрецы.

И все коренья и куренья
Текли б из самых дальних стран,
Чтоб ты в восторге нетерпенья
Встречала каждый караван.

Но ты, пресытившись их видом,
Усталый отвела бы взгляд.
Кто любит,— я секрет наш выдам,—
Лишь другу неизменно рад.

* * *

Мне и в мысли не входило,
Самарканд ли, Бухару —
Не отдать, отдать ли милой
Этот вздор и мишур.

А уж царь иль шах тем паче —
Разве дарит землю он?
Он мудрее, он богаче,
Но в любви не умудрен.

Щедрым быть — тут дело тонко,
Город дарят неспроста:
Тут нужна моя девчонка
И моя же нищета.

* * *

Красиво исписанным,
Золотообрзным
Дерзким моим листкам
Ты улыбалась.

Простила, что хвастаю
Любовью твоей и моим
В одной тебе обретенным счастьем.
Простила милое самохвальство.

Да, самохвальство! Оно смердит
Лиши для завистников,
Для раздушенных друзей
И собственного вкуса.

Пусть радость бытия сильна,
Радость от бытия сильнее,
Когда Зулейка
Мне дарит безмерное счастье,
Бросая мне свою любовь,
Как мяч;
Его ловлю я
И ей бросаю в ответ
Себя, посвященного ей.
Вот то прекрасное мгновенье!
И вновь отрывает меня от тебя
То армянин, то франк.

Но дни поглощает,
Но годы длится,
Пока я вновь создаю
Тысячекратно
Все то, что ты расточила.
И снова свиваю
Счастья пестрого жгут,
Который на тысячу нитей
Ты распустила, Зулейка!

Здесь перлы поэзии,
Те, что мне выбросил
Страсти твоей могучий прибой
На берег жизни пустынnyй.
Искусными пальцами
Тонко подобранные,
Сплетенные с золотом
И самоцветами,—
Укрась ими шею и грудь!
Они — дождевые капли Аллаха,
Созревшие в скромной жемчужнице!

* * *

З у л е й к а

Раб, народ и угнетатель
Вечны в беге наших дней.
Счастлив мира обитатель
Только личностью своей.

Жизнь расходуй как сумеешь,
Но иди своей тропой.
Всем пожертвуй, что имеешь,
Только будь самим собой.

Х а т е м

Да, я слышал это мненье,
Но иначе я скажу:
Счастье, радость, утешенье —
Все в Зулайке нахожу.

Чуть она мне улыбнется,
Мне себя дороже нет.
Чуть, нахмурясь, отвернется —
Потерял себя и след.

Хатем кончился б на этом.
К счастью, он сообразил:
Надо срочно стать поэтом
Иль другим, кто все ж ей мил.

Не хочу быть только рабби,
В остальном — на твой совет:
Фирдоуси иль Мутанаби,
А царем — и спору нет,

* * *

Х а т е м

Как лампадки вокруг лавочонок
Ювелиров на базарах,
Вьется шустрый рой девчонок
Вокруг поэтов, даже старых.

Девушка

Ты опять Зулейку хвалишь!
Кто ж терпеть такую может?
Знай, не ты, твои слова лишь —
Из-за них нас зависть гложет.

Хоть была б она дурнушка,
Ты б хвалил благоговейно.
Мы читали, как Джемилю
Помутила ум Ботейна.

Но ведь мы красивы сами,
С нас портреты вышли б тоже.
Напиши нас по дешевке,
Мы заплатим подороже.

Хатем

Хорошо! Ко мне, брюнетка!
Косы, бусы, гребни эти
На хорошенъкой головке —
Словно купол на мечети.

Ты ж, блондинка, ты изящна,
Ты мила лицом и станом,
А стройна — ну как не вспомнить
Минарет, что за майданом!

У тебя ж — у той, что сзади —
Сразу два различных взгляда.
Каждый глаз иначе смотрит,
От тебя спасаться надо.

Чуть содуренный прелестно,
Тот зрачок — звезда, что справа,—
Из-под век блестит лукаво.
Тот, что слева, смотрит честно.

Правый так и рыщет, ранит,
В левом — нежность, мир, отрада.
Кто не знал двойного взгляда,
Разве тот счастливым станет?

Всем хвала, мне все по нраву,
Всем открыты настежь двери.
Воздавая многим славу,
Я мою прославил пери.

Д е в у ш к а

Быть рабом порту нужно,
Чтобы властвовать все дело,
Но сильней, чем это,— нужно,
Чтоб сама подруга пела.

А она сильна ли в пенье?
Может вся, как мы, излиться?
Вызывает подозренье,
Что от всех она таится.

Х а т е м

Как же знать, чем стих навеян,
Чем в глубинах дышит он?
Чувством собственным взлеян,
Даром собственным рожден.

Вас, певиц, хотя и хвалишь,
Вы ей даже не родня.
Вы поете для себя лишь,
А Зулейка — для меня.

Д е в у ш к а

Ну, влюблен, по всем приметам,
Ты в одну из гурий рай!
Что ж, для нас, для женщин, в этом
Честь, конечно, небольшая.

* * *

Х а т е м

Вами, кудри-чародеи,
Круг мой замкнут вкруг лица.
Вам, коричневые змеи,
Нет ответа у певца.

Но для сердца нет предела,
Снова юных сил полно,
Под снегами закипело
Этной огненной оно.

Ты зажгла лучом рассвета
Льды холодной крутизны,
И опять изведал Хатем
Лета жар и мощь весны.

Кубок пуст! Еще налей-ка!
Ей во славу — пьем до дна!
И пускай вздохнет Зулейка,
Что меня сожгла опа.

З у л е й к а

Как, тебя утратить, милый?
От любви любовь зажглась,
Так ее волшебной силой
Ты мне молодость укрась.

Я хочу, чтоб увенчала,
Мой поэт, тебя молва.
Жизнь берет в любви начало,
Но лишь духом жизнь жива,

* * *

Рубиновых уст коснуться позволь,
Не отвергай мои домоганья.
Что может искать любовная боль,
Как не лекарство от страданья?

* * *

Если ты от любимой далек,
Как от Запада Восток,
Для сердца не нужно путей и дорог;
Оно само себе проводник,
Любовь до Багдада домчится вмиг,

* * *

Мир непрочен, но всюду найдется,
Чем восполнить разлад и распад,
Для меня это сердце бьется,
И глаза для меня блестят.

* * *

Как наши чувства нас же тяготят,
И в счастье мы гармонии не зrim.
Тебя увидев, я оглохнуть рад,
Тебя услышав — стать слепым.

* * *

Ты далеко, но ты со мной!
И вот приходит мука вновь.
Нежданно слышу голос твой.
Ты здесь, моя любовь!

* * *

Где радость взять, откуда?
Далек мой день и свет!
Писать бы сесть не худо,
А пить — охоты нет.

Без слов, как обольщенье,
Пришла, пленила вмиг.
Теперь перо в смущенье,
Как был смущен язык.

Неси ж на стол вино мне!
Лей, милый чашник, лей!
Когда скажу я: помни! —
Все знают, что о ней.

* * *

Если я тобою
Сердцем и мечтою,
Мальчик молвит: «Пей!
Что ж умолк ты снова?
Саки жаждет слова
Мудрости твоей».

И мечтать мне проще
В кипарисной роще,
Там не видит он.
Мудрый сам собою,
Радуясь покою,
Там я — Соломон.

КНИГА ЗУЛЕЙКИ

Мне б эту книжку всю переплели прекрасно,
Чтобы она к другим примкнула в свой черед.
Но сократить ее пытался б ты напрасно,
Безумием любви гонимый все вперед.

* * *

На ветви отягченной,
В росе, как в серебре,
Ты видишь плод зеленый
В колючей кожуре?

Уже он тверд, он зреет,
Не зная сам себя,
И ветвь его лелеет,
Баюкает, любя.

Конец приходит лету,
Темнея, крепнет он.
Скорее к солнцу, свету,
Из тесной кельи вон!

Ура! Трецит скорлупка,
Каштан летит, лови!
Лови, моя голубка,
Стихи моей любви!

* * *

З у л е й к а

Я была у родника,
Загляделась в водоем.
Вдруг я вижу, чертит в нем
Вензель мой твоя рука.
Глядя вглубь, я так смутилась,
Что навек в тебя влюбилась.

Здесь, в аллее, где арык
Вьется медленной волной,
Вижу снова: надо мной
Тонкий вензель мой возник.
Глядя в небо, я взмолилась,
Чтоб любовь твоя продлилась.

Х а т е м

Пусть вода, кипя, сверкая,
Кипарисам жизнь дает.
От Зулейки до Зулейки
Мой приход и мой уход.

* * *

З у л е й к а

Вот мы здесь, мы вместе снова,
Песнь и ласка — все готово.
Ты ж молчишь, ты чем-то занят.
Что теснит тебя и ранит?

Х а т е м

Ах, Зулейку дорогую
Я не славлю,— я ревную.
Ты ведь раньше то и дело
Мне мои же песни пела.

Но, хоть новые не хуже,
Ты — с другими, почему же?
Почему забришь тетради
Низами, Джами, Саади?

Тех — отцов — я знаю много,
Вплоть до звука, вплоть до слога,
Но мои-то — всё в них ново,
Всё мое — и слог и слово.

Всё вчера на свет рождалось.
Что ж? Кому ты обязалась?
И, дыша дыханьем чуждым,
Чьим ты служишь дерзким нуждам?

Кличет, сам в любви парящий,
Друг, тебя животворящий.
Вместе с ним предайся музе
В гармоническом союзе.

З у л е й к а

Мой Хатем ездил — всё дела,
А я училась как могла.
Ты говорил: пиши да пробуй!
И вот разлука стала пробой.
Но здесь чужого нет. Всё это —
Твое, твоей Зулейкой спето.

* * *

Шах Бехрамгур открыл нам рифмы сладость,
Его душа язык в ней обрела.
И чувств ответных девственную радость
Его подруга в рифмах излила.

Подобно ей, и ты мне, дорогая,
Открыла слов созвучных волшебство,
И, к Бехрамгуру зависти не зная,
Я стал владыкой царства моего.

Ты этих песен мне дала отраду.
Пропетым от сердечной полноты,
Как звуку — звук, как взгляд другому взгляду,
Им всею жизнью отвечала ты.

И вдаль, к тебе я шлю мои созданья —
Исчезнет звук, но слово долетит.
В них не умрет погасших звезд сиянье,
Из них любви Вселенная глядит.

* * *

Голос, губы, пламень взгляда —
Нет, признаюсь, не тая:
В них последняя отрада,
Как и первая моя.

Та — вчера — была последней,
С ней погас огонь и свет.
Милых шуток, милых бредней
Стал мне дорог даже след.

И теперь, коль не пошлет
Нам Аллах свиданье вскоре,
Солнце, месяц, небосвод
Лишь мое растрaviaят горе.

* * *

Зулейка

Что там? Что за ветер странный?
Не Восток ли шлет посланье,
Чтобы свежестью нежданной
Испелить мое страданье?

Вот играет над лужайкой,
Носит пыль, колышет ветки,
Насекомых легкой стайкой
Гонит к розовой беседке.

Дышит благою прибрежий,
Холодит приятно щеки,
Виноград целует свежий
На холмистом солнцепеке.

Сотни ласковых названий
С ним прислал мой друг в печали,
На холмах лишь вечер ранний,
А меня уж заласкали.

Так ступай же, сердобольный,
Всех, кто ждет тебя, обрадуй!
Я пойду в наш город столынь,
Буду милому отрадой.

Все любви очарованье,
Обновленье, воскрешенье —
Это наших губ слиянье,
Наших помыслов смешенье.

ВЫСОКИЙ ОБРАЗ

Как солнце — Гелиос Эллады —
Летит, Вселенной свет неся,
И мечет огненные взгляды,
Да покорится всё и вся,

И, видя всю в слезах Ириду,
К ней направляет спон лучей,
Чтоб снять с небесных глаз обиду,—
Но слезы льются горячей,

И бог мрачнеет, и едва ли
Ему не горше в этот час,—
Лучом любви, гондом к печали,
Целуя, пьет он капли с глаз,

И, покоряясь моци взора,
Она глядит на небосклон,
И капли уж не капли скоро,
Но в каждой — образ, в каждой — он,

И вот, в венке цветистой арки,
Светлеет горней девы лик.
Он к ней летит, могучий, яркий,
Увы! он деву не настиг.

Не так ли жребий непреклонный
Твоей любви поставил срок,
И что мне в той квадриге тронной,
Хоть сам я стал бы Солнцебог!

ЭХО

Звучит прекрасно, коль в светила
Иль в короли поэт себя зачтет.
Зачем же ночью бродит он уныло,
Исполнен горестных забот?

Укрывшись в облака печали,
Одеся тьмой лазоревый зенит.
Как слезы сердца тусклы стали,
Как бледен цвет моих ланит!

Не дай мне стыть в ночи сердечной,
Мой месяц ласковый, мой свет,
Мой фосфор, мой светильник вечный,
Ты, мое солнце, мой Поэт!

* * *

Зулейка

Ветер влажный, легокрылый,
Я завидую невольно:
От тебя услышит милый,
Как в разлуке жить мне больно,

Веешь сказкой темной дали,
Будишь тихие томленья.
Вот слезами засверкали
Холм и лес, глаза, растенья.

Но из глаз и вздох твой слабый
Гонит тайное страданье.
Я от горя изошла бы
Без надежды на свиданье.

Так лети к родному краю,
Сердцу друга все поведай,
Только скрой, как я страдаю,
Не расстрой его беседой.

Молви скромно, без нажима,
Что иного мне не надо.
Тем живу, что им любима,
С ним любви и жизни рада.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Ты ли здесь, мое светило?
Стан ли твой, твоя ль рука?
О, разлука так постыла,
Так безжалостна тоска!
Ты — венец моих желаний,
Светлых радостей возврат!
Вспомню мрак былых страданий —
Встрече с солнцем я не рад.

Так коснел на груди отчей
Диких сил бесплодный рой,
И, ликуя, первый Зодчий
Дал ему закон и строй.
«Да свершится!» — было слово,
Вопль ответом был — и вмиг
Мир из хаоса немого
Ослепительно возник.

Робко скрылась тьма впервые,
Бурно свет рванулся ввысь,
И распались вдруг стихии
И, бунтуя, понеслись,
Будто вечно враждовали,
Смутных, темных грез полны,
В беспредельность мертвый дали,
Первозданной тишины.

Стало все немой пустыней,
Бог впервые одинок.
Тут он создал купол синий,
Расцветил зарей восток.

Утро скорбных оживило,
Буйством красок все зажглось,
И любовь одушевила
Все стремившееся врозь,

И безудержно и смело
Двое стать одним спешат,
И для взора нет предела,
И для сердца нет преград.
Ждет ли горечь иль улада —
Лишь бы только сились им,
И творцу творить не надо,
Ибо мы теперь творим.

Так меня в твои объятья
Кинул звонкий зов весны,
Ночи звездною печатью
Жизни наши скреплены.
И теперь не разлучиться
Нам ни в злой, ни в добрый час,
И второе: «Да свершится!» —
Разделить не сможет нас.

НОЧЬ ПОЛНОЛУНИЯ

Госпожа, ты шепчешь снова?
Что и ждать от алых губок?
Шевелятся! Экий вздор!
Так пригубливают кубок,
Иль плутовка знает слово
Для приманки губ-сестер?

«Поделуев! Поделуев!»

Видишь, сад подобен чуду,
Все мерцает, все сверкает,
Искры сыплются во тьму.
Зыбкий мрак благоухает.
Не цветы — алмазы всюду,
Только ты чужда всему.

Я сказала: «Поделуев!»

Он павстречу испытаньям
Шел к тебе, своей колдунье,

В горе счастья он достиг,
Вы хотели полнолунье
Встретить мысленным свиданьем,
И настал блаженный миг.

Я сказала: «Поцелуев!»

ТАЙНОПИСЬ

Трудитесь, дипломаты,
Чтоб были в должный миг
Советы и трактаты
Готовы для владык.
Мир занят тайным шифром,
Пока он не прочтен
И к разным прочим цифрам
Иль буквам не причтен.

Мне тайнопись от милой
Слуга вчера принес.
Ее искусства силой
Я умилен до слез:
И страсть, и прелесть речи,
И чувства полнота —
Как все, что мы при встрече
Твердим уста в уста.

Не цветника ль узоры
Легли на все кругом?
Иль ангельские хоры
Заполонили дом?
И в небе — рой пернатых,
Как сказочный покров,
И полночь в ароматах
Над морем звонких строф.

Ты властному стремлению
Двойной язык дала,
Избравший жизнь мишенью,
Разящий, как стрела.
Что я сказал — не ново,
Исхожен этот путь.
Открыл его — ни слова!
Иди и счастлив будь!

ОТРАЖЕНЬЕ

Как в зеркало, с наслажденьем
Гляжусь я в него, словно там,
Удвоенный отраженьем,
Мой орден видится нам.
И я не от самохвальства
Себя же ищу здесь во всем,
Но песни люблю я сызмальства
И дружбу — а здесь мы вдвоем.

И в зеркало если гляжу я
В дому опустелом вдовца,
Я вижу ее как живую,
И рад бы глядеть без конца.
Но чуть обернуся — хоть тресни!
Исчезнет — и не видна!
Опять гляжу в мои песни:
Так вот она, вот же она!

А песни пишу все душевней,
Пишу по-своему их,
Для прибыли ежедневной
Моих критиканов лихих.
Те песни — ее приметы,
В них образ ее заключен,
Гирляндами роз одетый,
Написан по золоту он.

* * *

З у л е й к а

Что за ласковая сила
В стройном лепете твоем!
Песня, ты мне подтвердила,
Что себя нашла я в нем.

Что, меня не забывая,
Мне, живущей для него,
Шлет он из чужого края
Чувств и мыслей колдовство.

Но и ты мне в сердце, кстати,
Друг, как в зеркало гляди:
Поцелуями — печати
Кто мне ставил на груди!

Это — Правда без притворства
И Поэзии полет.
Не Любви ли чудотворство
В ритмах сладостных поет!

* * *

Александр был зеркалом Вселенной —
Так! Но что же отразилось в нем? —
Он, смешавший в общей массе пленной
Сто народов под одним ярмом.

О чужом не мысля, не тоскуя,
Пой свое, собою будь горда.
Помни, что живу я, что люблю я,
Твой везде и навсегда.

* * *

Прекрасен мир во всех его обмерах,
Особенно прекрасен мир поэта,
Где на страницах пестрых, белых, серых
Всегда горит живой источник света.
Все мило мне: о, если б вечным было!
Сквозь грань любви мне все навеки мило.

* * *

В тысяче форм ты можешь притаиться,—
Я, Всемилюбимая, прозрю тебя,
Иль под волшебным покрывалом скрыться,—
Всевездесущая, прозрю тебя.

В чистейшем юном росте кипариса,
Вседивновзросшая, прозрю тебя,
Живой волной канала заструится,—
Вселасковая, в ней прозрю тебя.

Фонтан ли ввысь возносится, красуясь,—
Всерезвая, и в нем я зрю тебя;
Меняет образ облак, образуясь,—
Всеразноликая, я зрю тебя.

Ковер лугов, и он тебе порукой,
Всепестрозвездная, в нем зрю тебя,
И если вьется плющ тысячерукий,—
О Всесвязующая, зрю тебя.

Лишь над горами утро загорится,—
Вседобрая, приветствуя тебя.
Коль небо чисто надо мной круглится,—
Всесердцеширящая, пью тебя.

Весь опыт чувств, и внутренних и внешних,
О Всеучительная,— чрез тебя.
Аллаху дам ли сто имен нездешних,
Звучит за каждым имя — для тебя.

КНИГА ЧАШНИКА. САКИ-НАМЕ

* * *

И я там был, где сиживал любой,
Со всеми вместе и с самим собой.
Они кричали, напивались всклень
Или молчали — как пришелся день.
А я сидел с мозгами набекрень
И думал о любимой: как она?
Не знаю, что с ней, знаю, что со мной,
Ведь есть душа, которая верна
Лишь той, что мучит, только ей одной.
Где грифель, где бумага из бумаг —
Сказать: так это было, только так!

* * *

Сижу один,
Сам себе господин.
Вино тяну,
Хорошо одному.
Ни мне, ни я никому не мешаю,
Сижу — и о своем размышляю.

* * *

Мулей, по слухам, на руку нечист,
А пишет чище трезвого: артист.

* * *

От века ли существовал Коран?
Не очень-то я в этом понимаю.
Иль человеком сотворен Корап?
Я и об этом ничего не знаю.
Что книгой книг является Коран,
Я, мусульманин, истиной считаю.
Но что вино от века — не обман:
Когда я пью, я это понимаю.
И что напиток ангелами дан —
Не выдумка: я это нёбом знаю.
Я пью и буду пить, а тот, кто пьян,
Смелее бога зрит — я так считаю.

* * *

Во все лета мы пить должны!
Мы в юности и так пьяны,
А в старости, как захмелеем,
Так на глазах помолодеем.
Тускнеют от забот глаза,
А промывает их — лоза.

* * *

Что расспрашивать — вино
Строго нам запрещено!
А уж пьешь, так не жалей,
Только лучшее и пей.
Пьянство — грех, но грешен вдвое
Тот, кто пьет — и пьет помои!

* * *

Пока ты трезв, тебе
И дрянь по нраву,
А отхлебнул вина —
И судишь здраво.

А лишнего хватил —
И все едино.
Так научи, Гафиз,
Где середина?
По мне, натура всем
Предел положит:
Кто не умеет пить,
Любить не может.
Но, пьяницы, и вы
В виду имейте:
Не можете любить,
Так и не пейте!

* * *

З у л е й к а

Что ты так мрачен — черней, чем тьма?

Х а т е м

Видишь ли, тело — это тюрьма.
Душу неправдой содержат в ней,
Тесно — не повернуть локтей,
Чтоб ей из тела не убежать,
Тело решили в путах держать.
Дважды в темнице... Вот и ответь,
Как ей, легко ли это терпеть?

* * *

Если уж тело — тюрьма души,
Что же так жаждет тюрьма, скажи?
Не заливайся она вином,
В ней и душа бы жила добром.
Но за бутылью бутыль вина
Льется — и буйства душа полна;
Схватит бутылку и хватит так,
Что разукрасит дверной косяк!

* * *

К р а в ч е м у

Не ставь перед носом бутыль, идиот,
А лучше налей, турица!
Будь ласков тот, кто мне подает,
А то Айльфер помутится.

Ч а ш н и к у

Эй, мальчик милый, поди сюда,
Чего ты стоишь у входа?
Ты будь мне чашником — и тогда
Вино будет сладше меда.

ЧАШНИК

говорит

Ну-ка, рыжая — не шастай,
Не вертись, когда пируют,
Подаю я господину,
И меня он в лоб целует.

А тебе — готов поклясться —
Дружба чистая прискучит,
Эти щеки, эти груди
Друга до смерти измучат.

Так проваливай отсюда!
Ты хитра, да все я вижу.
Задремлю я на пороге,
Но пройди — во сне услышу!

* * *

О нашем опьянении
Молва недаром шла,
Но есть такое мнение,
Что и молва мала.
Обычно опьянение
К рассвету валит с ног,

Мое же опьянение
Ни сну, ни дню не впрок,
О, это опьянение
Любовью, этот страх,
И день и ночь смятение
И смута на устах.
И сердце в опьянении
Растет от песен так,
Что даже отрезвление
Не отрезвит никак.
Вином, любовью, гением
И днем и ночью — в дым
Небесным опьянением
Я мучим и томим.

* * *

Ах ты, плутишка маленький!
То, что я понимаю это,—
Это самое главное.
Вот я и радуюсь
Твоей близости,
Мой ненаглядный,
Хоть я и пьян.

* * *

Уже под утро в кабаке
Какие ни случались драки,
Какая брань на языке:
Хозяин, факелы, зеваки!

Визжала флейта, бубен бил,
Бока хрустели в общей свалке,
И я, влюбленный, тоже был
Не из последних в перепалке.

И там, бывало, битвы шли,
Где что ни пустозвон, то гепий,
Но я всегда стоял вдали
От споров школ и направлений.

* * *

Ч а ш н и к

Ужас — ты так поздно вышел!
Это поутру вечерье,
По-персидски — бидамаг-будэн,
А по нашему — похмелье.

П о э т

Ах, оставь, мой милый мальчик!
Нет мне нынче наслажденья
В аромате свежей розы,
Нет и в соловьином пенье.

Ч а ш н и к

Но и от напасти этой
Средство есть. Не будь упрямым.
На-ка миндаля отведай
И вино найдешь ты пряным.

А как выйдешь на террасу,
От себя хандру отвеешь.
А взгляну в глаза — и сразу
Поцелуем мне ответишь.

Мир — ты видишь — не пустыня,
В теплых гнездах шум кочевный,
Веют розы, зреют дыни
И бюльбюль поет вечерний.

* * *

Старая потаскуха
По прозвищу «Жизнь»
И меня, как других,
Обманула.
Веру мою отняла
И надежду взяла,
А потом за любовь принялась,
Но вырвался я
От распутной.

Чтобы мой клад сбереженный
И впредь уберечь,
Я разделил его мудро
Между Саки и Зулейкой.
Оба стараются наперебой
Мне сторицей воздать,
И я богаче, чем раньше,
Вера со мною,
Вера в любовь их,
И благородная чаша хранит
Великолепное чувство мгновенья,
Что же тут делать надежде?

ЧАШНИК

Нынче трапеза-беседа,
Как вино, лилась и длилась.
Что осталось от обеда,
В эту чашу погрузилось.

Этот слив, что лебеденком
Называют, похмеляясь,
Пусть же напоследок примет
Лебедь, на волнах качаясь.

Что о лебеде известно?
Что он с песней погибает.
Что мне песня, если песня
Гибель друга предрекает!

ЧАШНИК

Господин, твой дар чудесный
По базарам чтут недаром:
Ты поешь — я вторю песни,
Ты молчишь — я внемлю с жаром.

Но когда ты другу даришь
Подцелуй — уста немеют,
Ибо все слова — слова лишь,
Подцелуй же душу греет.

Рифмовать — твоя работа,
Размышлять — твое призванье,
Пой другим, когда охота,
А со мной — дели молчанье.

* * *

П о э т

Чашник, что же ты обносишь?

Ч а ш н и к

Ты и без того напился,
Вот-вот свалишься, а просишь,

П о э т

Я когда-нибудь свалился?

Ч а ш н и к

Запретил пророк нам...

П о э т

Знаешь,
Что на ум приходит спьяну?

Ч а ш н и к

Раз уж всякое болтаешь,
Я и спрашивать не стану.

П о э т

Слушай: всем нам, мусульманам,
Надо трезво пресмыкаться,
Чтоб до святости быть пьяным
И святым — ему казаться.

* * *

С а к и

Господин, когда ты выпьешь,
Ты, как пламя, языкат:
Не слова, а искры сыпешь,
Сам не знаешь, что спалят.

Стукнешь по столу — монахи
Отшатнутся от стола.
Стукнешь в грудь — и старцы в страхе
Слушают исчадье зла.

Что ж, пороками богаче,
Добродетелью бедней,
Юность истовей, а значит,
Здравой старости умней,

Ты и небо понимаешь,
И земной изведал путь,
И смятенья не скрываешь,
Распирающего грудь.

Х а т е м

Будь же, юноша любезный,
Ты и в старости умен.
Стихотворство — дар небесный,
Но в миру — обманчив он.

Приоткрой сначала тайну,
А потом хоть рот прикрой —
Сдуру, спьяну ли, случайно —
Выдаст рифма с головой!

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

П о э т

Солнце село, но с заката
Разгорелась огневица.
Я хотел бы знать, как долго
Будет золото светиться.

Ч а ш н и к

Хочешь, буду за шатрами
Я следить за сменой света.
Как стемнеет — ты от друга
Вовремя узнаешь это.

Ты ведь любишь сердцем веющим
Наблюдать за вечной бездной —
Там, где друг пред другом блещут
Звезды в синеве небесной.

И светлейшая им скажет:
«Я свечу на должном месте,
Но и вам, как бог укажет,
Быть светлейшими в созвездье»,

Перед богом все прекрасны,
Ибо он — ярчайший в звездах.
Вот и птицы по деревьям
Спят в больших и малых гнездах,

А одна на кипарисе,
В сук вцепившись, засыпает,
И легчайший ветер в выси
До росы ее качает.

И меня ты так же нянчил
Словом бережным и взглядом.
Если что-то я и значил,
Потому что ты был рядом.

Весь вниманье, на террасе
Я готов торчать совою,
Не засветятся покуда
Близнецы над головою.

В час, когда меня разбудишь,
Будет радость несравненной,
Потому что рядом будешь
Ты — и дива всей Вселенной!

П о э т

Хоть благоуханье льется
По садам и трель бульбюля,
Долго ждать тебе придется
Наливных небес июля.

В пору игр — а эту пору
Царством Флоры называют —
Мнимая вдова Аврора
Страстью к Гесперу сгорает.

Оглянись — она, смелая,
По лугам бежит цветущим.
Здесь светло, а там светлее,
Полночь затесалась в гущу.

Так спешит она угнаться
Вслед за Геспером пропадшим,
Аж сандалии дымятся!
Слышишь бег ее сопящий?

О дитя стыдливой ночи,
Скройся, чтоб зари не видеть:
И тебя она захочет,
Как и Геспера, похитить!

* * *

Ч а ш н и к
(засыпал)

Итак, ты мне поведал наконец,
Что в малом и большом живет Творец.
Свет истины теперь мне дорог тоже,
Но то, что любишь ты,— еще дороже.

Х а т е м

Ты спиши, и сон твой тих, как дуновенье,
Наставник юный, ты мне наливал,
Как друг, и направлял без принужденья,
А я, как ученик, тебе внимал.
Пускай же полной мерою здоровье
Войдет в тебя, чтоб обновить во сне.
Я пью, но молча пью у изголовья,
Чтоб не проснулся ты — на радость мне.

КНИГА ПРИТЧЕЙ. МАТХАЛЬ-НАМЕ

* * *

В пучину капля с вышины упала.
Ходили волны, ветер выл.
Но бог, узрев смиренной веры пыл,
Дал капле твердость высшего закала.
Ее в себя ракушка принялла,
И вот в венце властителя державы,
Признаньем доблести и славы,
Блестит жемчужина, прекрасна и светла.

* * *

Бюльбюль пела, сев на ветку,
Звук летел к Владыке света,
И в награду ей за это
Золотую дал он клетку.
Эта клетка — наше тело.
Не свободно в нем движенье.
Но, обдумав положенье,
Вновь душа поет, как пела.

ВЕРА В ЧУДО

Разбив красивейший бокал,
Не скрыл я безутешность.
Припомнил всех чертей и клял
Неловкость и поспешность.
Считал осколки, слезы лил,
Кричал — что хочешь делай!
Господь другой мне смастериł,
Такой же, только целый.

* * *

Покинув раковины мрак,
Весьма горда собою,
Жемчужина сказала так
Трудяге-златобою:
«Пропало все! Погиб мой мир!
Теперь на нити клейкой
Меня ты спаришь, ювелир,
С какой-нибудь плебейкой».

«Все дело в деньгах! Я жесток,
Поверь, лишь с этой целью.
Зато ты красоту, дружок,
Прибавишь ожерелью».

* * *

Я был изумлен, друзья-мусульмане,
Увидев перо павлина в Коране.
Добро пожаловать в книге святой,
Созданье, блистающее красотой!
В тебе, точно в звездах, являет нам зренье
Величие божье в малом творенье.
Он, мир вместивший в свой кругозор,
Остановил на тебе свой взор
И перьям дал небывалый узор.
Напрасно даже цари и царицы
Пытались заимствовать роскошь у птицы.
Не чванься славой,— следи за собой
И будешь достоин святыни любой.

* * *

У шаха было два кассира,
Один для даянья, другой — для взиманья,
Один не считал и давал без вниманья,
Другой не знал, где добыть полтумана.
Даятель умер. Шах был не рад:
Найти такого — нелегкое дело!
А публика и моргнуть не успела,
Как стал взиматель безмерно богат.
Стоило выплате прекратиться,
Дворец от золота начал ломиться.
И только тогда до шаха дошло,
Откуда беда, где кроется зло.
Казалось бы — случай, а пользы немало:
Даятеля место потом пустовало.

* * *

Котлу сказал, кичась, горшок:
«Где пузо ты измазал в саже?»
«Не быв у нас на кухне даже,
Молчи ты, гладкий дурачок,
Молчи, своей не чванься кастой!
Да, ручка у тебя чиста,
Но есть и скрытые места:
Попробуй, задницей похвастай!»

* * *

Велик иль мелок человек,
Свой мир он ткет себе весь век
И с ножницами посредине
Сидит уютненько в той паутине.
Но щеткой туда саданут — и конец!
А он кричит: какой подлед
Разрушил мой несравненный дворец?

Чтоб дать Евангелье векам,
Христос в наш мир с небес сошел
И стал внушать ученикам
Святой божественный глагол.
Потом вознесся ввысь опять,
Они ж, во славу божества,
Пошли писать и повторять,
Кто как запомнил, те слова.
И все различно, как обычно,—
Но и способны все различно!
И вот у христиан беда:
Терпи до Страшного суда!

ДОБРО ВАМ

Адам уснул. И твердь спала.
Лишь бог не спал и Еву он
Слепил, дабы она легла
С Адамом, и послал ей сон.
Он в плоть облек две мысли смелых
И, дав им жизнь в земных пределах,
«Добро!» — сказал с улыбкой бог
И долго отойти не мог.

Так чудо ли, что нам с тех пор
Дарит восторг ответный взор,
Как будто с ним мы, с тем, кто нас
Измыслил, создал в добрый час.
И позовет он — мы пойдем,
Но только вместе, но вдвоем!
И — божью мысль — тебя повсюду
В пределах рук хранить я буду.

КНИГА ПАРСА. ПАРСИ-НАМЕ

ЗАВЕТ СТАРОПЕРСИДСКОЙ ВЕРЫ

Набожный бедняк на смертном ложе,
Что я завещаю молодежи —
Вам, о братья, столько мне отдавшим,
Старость одинокую питавшим?

Если едет окруженный свитой
Царь в одежде, золотом расшитой,
И вельможи в золото одеты,
И на всех, как звезды, самоцветы,

Разве зависть вас обуревает?
Разве не прекрасней выплывает,
Озаряя Дарнавенд и горы,
Солнце утром на крылах Авроры?

Кто, когда отвел глаза при этом?
Сотни раз был озарен рассветом
Мой восторг, и чувство мной владело,
Будто с солнцем празднично и смело

Воспарял я к трону Всеблагого,
Чтоб назвать творца всего живого
И вершить в лучах его сияния
Выших сил достойные деяния.

Но когда мне тьма глаза слепила,
Столь был светел полный круг светила —
Грудь бия, на землю, как на ложе,
Лбом вперед, я падал в смутной дрожи.

И теперь завет мой — без изъятья
Всем, кто хочет, всем, ктопомнит, братья:
Каждодневно — трудное служенье!
В этом — веры высшей откровенье!

Чуть рожденный дернул ручкой, ножкой,
Дайте солнцу любоваться крошкой,
Чтоб оно огнем его омыло,
Чтоб, как милость, он встречал светило.

Мертвцов живые отпевайте,
Праху и животных предавайте,
В землю, в землю — с тем же чувством истым —
Все, что вам покажется нечистым.

Чистое да будет вашей нивой,
Будет солнцу люб ваш труд счастливый.
Лес сажайте в правильном порядке —
Больше света при такой посадке.

Пусть вода, служа вам, как владыкам,
Чистой, свежей льется по арыкам.
Зендеруд, как чистым он родится,
Должен чистым в море с гор излиться.

А канавы надо рыть умело,
Чтоб вода в потоке не слабела,
Гадов разных, аир да осоку,
Эту нечисть — вон их! Что в них проку?

Там, где чисты и земля и воды,
Солнце лучше греет наши всходы,
Где построен труд умно и здраво,
Всходит жизнь, а жизни честь и слава!

Труд закончен — вновь за труд смиренный,
И очищен будет лик Вселенной.
А тогда вы, как жрецы, дерзните
Образ бога изваять в граните.

Где огонь, там радость, там улыбки,
Ночь светла, и члены тела гибки,
Над огнем вкуснеют в жарком токе
И животных и растений соки.

Собран хворост — ликованью время!
Каждый сук — земного солнца семя.
Собран хлопок — возликуйте вдвое:
То фитиль, и в нем — Оно, святое.

В каждой лампе вспыхнет та же сила
Отблеском верховного светила,
И судьба не возбранит вам, дети,
Чтить престол господень на рассвете.

Там живого бытия начало,
Духом чистых высшее зердало.
Там орбита всех орбит, быть может,
Для всего, что божью славу множит.

Я покину берег Зендеруда,
Чтоб взлететь на Дарнавенд отсюда
И, встречая солнце, в те мгновенья
Людям посыпать благословенья.

* * *

Если люди, солнцу рады,—
Ценят землю, любят лозы,
Любят кисти винограда,
Чьи под нож струятся слезы,—
Ибо, став вином, любая
Грозь, созревшая на зное,
Кое-что в нас пробуждая,
Губит многое другое,—
Знают все, что солнце красно
Столь различных сил владыка,
Но один поет прекрасно,
А другой не вяжет лыка.

КНИГА РАЯ. ХУЛЬД-НАМЕ

ПРЕДВКУШЕНИЕ

Расскажут вам о рае мусульмане,
Как будто там бывали: слово в слово,
Как смертному возвещено в Коране,—
И в этом веры праведной основа.

Но с поднебесья Книги Книг создатель,
Пророк, учаял дух греховный все же
И понял: сколько ни мечи проклятий,
А веру часто яд сомненья гложет.

И повелел он Юности: «Явися
В их мир, чтоб молодел он, хорошея!»
Она послушно устремилась с высги,
Змеей косы моя увита шел.

Я заключил небесную в объятья
И, на блаженство твердо уповая,
Уверовал в существованье рая,
Где буду деву вечно деловать я.

ПРАВЕДНЫЕ МУЖИ

М а г о м е т
говорит

Пусть враги над мертвыми рыдают,—
Прах зарыт, и павшим нет возврата.
Наши братья в небо возлетают —
Нам ли плакать над могилой брата!

Семь планет, усопшего встречая,
Золотые распахнут врата,
И душа восходит в кущи рая,
От земного тления чиста.

И трепещет радостью священной,
Глядя в бездны, что раскрылись мне,
Когда я сквозь семь небес Вселенной
В рай летел на огненном коне.

Древо мудрых, все в плодах румяных,
Вознеслось превыше кедров там.
Древо жизни на лугах медвяных
Тень дарит неведомым цветам.

Дышит ветер сладостный Востоком,
Он приводит хор небесных дев.
Их увидишь изумленным оком
И уже пылаешь, опьянев.

Девы смотрят,— чем велик ты, воин,
Опытом иль буйством юных сил?
Если ты Эдема удостоен,
Ты герой, но что же ты совершил?

Каждая зачтется ими рана,
Ибо в ранах — слава и почет.
Стерла смерть отличья рода, сана
И лишь ран за веру не сотрет.

И тебя уводят в грот прохладный,
В многоцветный лабиринт колонн.
И кипением влаги виноградной
Вскоре ты согрет и обновлен.

В каждом вспыхнет молодости сила,
Каждый чист и праведен душой.
Та, что сердце одного пленила,
Станет всем подругой, госпожой.

Лишь к одной, достойнейшей на пире,
Ты влеком не чувственным соблазном:
С ней беседуй в радости и в мире
О высоком, о многообразном.

То одна из гурий, то другая
Кличет гостя к пиру своему.
Право, стоит умереть для рая:
Много жен — и мир в твоем дому.

И скучать о прошлом ты не станешь,
И уйти отсюда не сумеешь.
От подобных женщин не устанешь,
От подобных вин не опьянеешь,

Я поведал кратко о награде,
Ждущей тех, кто в битву шел без страха,
Так пируют в райском вертограде
Праведные воины Аллаха.

ЖЕНЫ-ИЗБРАННИЦЫ

И для женщин суд господний
К пребыванию в вечном мире
Доступ дал. Но по сегодня
В рай вошли всего четыре.

Первой ты, звезда земная,
Ты, Зулейка, вся — влечение,
Жар любви. Но в небе рая
Ты — блаженство отреченья.

Дале, та, чей сын прекрасный
Нес язычникам спасенье
И пред матерью несчастной
На кресте терпел мученье.

Стала третьей — Магомету
Давшая покой супруга.
Верен рай ее завету:
«Бог один, одна подруга».

И Фатима: дочь-отрада,
Мужу — счастье и опора,
Плоть медовая, в которой
Свет души, сердец услада.

Ради избранных и лучших
Женский род восславь по чести
И заслужишь с теми вместе
Прохладиться в райских кущах.

ВПУСК

Г у р и я

На пороге райских кущей
Я поставлена как страж.
Отвечай, сюда идущий:
Ты, мне кажется, не наш!

Вправду ль ты Корана воин
И пророка верный друг?
Вправду ль рая удостоен
По достоинству заслуг?

Если ты герой по праву,
Смело раны мне открай,
И твою признаю славу,
И впущу тебя, герой.

П о ڑ т

Распахни врата пошире,
Не глумись над пришлецом!
Человеком был я в мире,
Это значит — был борцом!

Посмотри на эти раны,—
Взором светлым в них прочтешь
И любовных снов обманы,
И вседневной жизни ложь.

Но я пел, что мир невечный
Вечно добр и справедлив,
Пел о верности сердечной,
Верой песню окрылив.

И, хотя платил я кровью,
Был средь лучших до конца,
Чтоб зажглись ко мне любовью
Все прекрасные сердца.

Мне ль не место в райском чине!
Руку дай — и день за днем
По твоим перстам отныне
Счет бессмертью поведем.

ОТГОЛОСОК

Г у р и я

За вратами рая,
Где первая наша беседа велась,
Я, вход охраняя,
Ждала не раз.
Слышался свист и щекот,
Слов ли, свирели рокот,
Просившийся к нам:
Прильнишь к порогу —
А никого не видит глаз,
И всё замолкнет понемногу.
Но звучал он, как пенье твое мое,
Тот голос. И я его помню.

П о э т

Навек любимая! О, как звучат
Твои слова о друге старом!
Где земные и воздух и лад,
Там звуки земным пылают жаром
И рвутся ввысь.
Но одним — оседать, как слизь,
А другим на крылах нестись
В заоблачье, как конь пророка,
Взвиваться свирелью высоко
В небо с земли.

Прислушавшись, сестры твои
Пусть их лаской приветят,
Подхватят и хором ответят,
Чтоб эхо и в дальнем мире

Гремело все шире.
А придет он в положенный срок,
Каждому его дары
Да будут впрок —
Чтоб и этот и тот насладились миры.

Вы же воздайте с охотой,
В ласках явив покорство,
Дарите блага без счета,
Его примите в шатер свой...
Но тебя не пущу охранять врата,
Ты — мне суждена, ты со мной навсегда!
А вход стеречь... вы к этому месту
Ставьте несватанную невесту.

* * *

П о э т

Твой поделуй — сама любовь.
Я тайну чту. Но не правда ль, когда-то
Причастна дням земным была ты?
Смотрю, и мне кажется часто,—
Нет, я уверен, покляться могу я,—
Что тебя на земле такую
Я знал и Зулейкой звалась ты.

Г у р и я

Огонь и воздух, земля и вода —
Из них-то и сотворены мы,
И потому нестерпимы
Земные запахи. Нет, никогда
Мы к вам не сходим. Но к нам когда
Придете вы, покинув тело,
Вкушать покой — тут нам хватит дела!

Явился праведник, Магометом,
Видишь ли, прислан, и без отказу
Ему в раю местечко сразу
Дают, считаясь с этикетом;
И так уж мы галантны с ним,
Как будто впрямь он херувим.

Второй приходит, третий, четвертый —
И у каждого в памяти не стерты
Черты любезной. Ничто против нашей,
Но для него она гурий краше.
Его ублажаешь, всем прихотям внемля,
А мусульманина тянет на землю.

Такой афронд для нас, Небесно-
Высокородных, был горек крайне,
И, заговор взлеяв втайне,
Мы провели свой план чудесно.
Пророк — по семи небесам в дозор,
А мы — за ним, по следам в упор,
Очередной поворот — и вот
Крылатый конь прервал полет.

Окружаем всадника. Ласково-строг,
Жалобу выслушал пророк
И вынес скорый приговор,
Но только к пущей для нас досаде:
Его высоких целей ради
Должны смиренно мы с тех пор
С вами всегда судить без различья
И ваших подруг принимать обличья,

Для гордости куда как нелестно!
В обиде девушки. Но известно:
У нас не так, как в жизни бренной,—
Любовь у нас самозабвения.

Видит пришелец, что видел прежде,
И верен прежней любви и надежде,
Мы и блондинки, мы и шатенки,
У нас капризы на все оттенки,
Причуды, прихоти — все так знакомо,
И кажется каждому, будто он дома.
Ну, а для нас вся радость в том,
Чтоб он поверил: «Здесь мой дом».

И лишь тебе, какая есть,
Я в образе предстала райском,
А ты воздал почет и честь
Моим, а не Зулейки ласкам.
Но так как та прекрасна тоже,
Мы с нею как две капли схожи,

П о э т

Твой взор слепит, как свет небес.
Не разберу, где правда, где мброк.
Но этот голос так мне дорог!
Ты, право, чудо из чудес:
Для немца гурия райскую речь
Готова в немецкий раешник облечь.

Г у р и я

Свой стих таким сложить учись ты,
Как он в твоей душе звенел;
В райском содружестве мил нам чистый,
Глубинный смысл и слов и дел.
Врата открыты и пред зверем,
Когда покорлив он и верен.
Корявый гурию не оскорбит язык:
Мы знаем, что от сердца говорится.
Всему, что чистый выплеснул родник,
Дано свободно в рай излиться.

* * *

Г у р и я

Держишь? Боишься, улечу?
А знаешь, сколько тысячелетий
Живем мы вместе в кущах этих?

П о э т

Не знаю, нет! И знать не хочу.
Неизведанной ласки власть,
Беспорочных лобзаний страсть!
Мне каждый миг пронзительно-сладок.
Давно ли? Спрашивать не надо.

Г у р и я

Ты бываешь, я замечала не раз,
Рассеян и странно далек от нас.
Иль, дерзновенный, с высоты
В глубины божьи рвешься ты?
Возлюбленную вспомни снова,
Ведь вот и песенка готова:

У входа тот напев родной —
Как он звучал!.. звучит? Для рифм себя не мучай;
Мне песню давнюю — к Зулейке песню — пой!
Ты и в раю не сложишь лучшей.

ВЗЫСКАННЫЕ ЗВЕРИ

Был четырем животным вход
Открыт в пределы рая.
Там с праведными Вечный год
Им жить, покой вкушай.

Вступают. Впереди осел
И гордо и степенно:
Ведь, оседлав осла, вошел
Иисус во град священный.

А следом волк, смущен слегка.
Завет соблюл он свято:
«Не тронь овечку бедняка,
Брать можешь у богатых».

Виляет весело хвостом
Пастуший песик верный:
При семерых столетним сном
Он спал во тьме пещерной.

Котенок прыгает у ног
Абугерриры, верткий:
Вовеки свят, кого пророк
Погладил раз по шерстке.

ВЫСШЕЕ И НАИВЫСШЕЕ

Не взыщите с нас сурово,
Если ереси мы учим!
Заглянув в себя глубоко,
Мы на все ответ получим.

Про себя давно решил я:
Человек, собой довольный,
Ждет душевного покоя
В небесах, как в жизни дольной.

Чем, бывало, дух мой нищий
Ублажал себя беспечно,
Те же радости он ищет
Обрести теперь навечно.

Сад в цвету и плод созрелый,
Нестареющие жены,
Как живым, равно приятны
И душе омоложенной.

И былых друзей и новых,
Всех созвал бы я на встречу
И на языке немецком
Их приветил райской речью.

Свой у ангелов, однако,
Диалект, пришельцам ясный:
Здесь склоняют розу с маком
Без грамматики прекрасно.

Хорошо б духовным взором
Нам пройтись по далям вышиним,
Тот испить восторг, в котором
Станет звук и звон излишним!

Звон и звук! Едва их путы
Разорвет, воспрянув, слово,
Ощущишь себя как будто
Бесконечным в жизни новой.

Если всем в замену чувствам
Есть в раю одно в припасе,
Я пяток земных, клянусь вам,
За него отдать согласен.

С ним проникну я, возможно,
В наивысший круг, который
Весь проникнут словом божьим,
Вечным словом животворным.

Не влекомым ввысь, в извечный
Лик Любви взирая, здесь нам
Обрести покой конечный:
С ней сольемся, в ней исчезнем!

СЕМЕРО СПЯЩИХ

Шесть обласканных придворных
От царя бежать решились,
Не желая чтить в нем бога,
Раз на бога не похож он:
Муха, видите ль, спесивцу
Не дает поесть в охоту;
Слуги машут опахалом,
Отогнать не могут муху —
Все кружит над ним и жалит,
Чин застольный нарушая,
Как язвительный посланик,
Посланный мушиным богом.

«Как же,— отроки решили,—
Муха — и помехой богу?
Есть и пить ему потребно,
Как любому? Нет! Один лишь,
Кто луну и солнце создал,
Кто зажег на небе звезды,
Он наш бог! Бежим!» Озябших
Отроков полуодетых
Скрыл и сам укрылся с ними
Пастушок в пещере горной.
Не отстал и пес пастуший:
Ноги сбил, его шугают,
От хозяина нейдет он
И в товарищи приился
К беглецам, к семи сонливцам.

Царь, изменой оскорбленный,
Для любимцев казнь измыслил:
Не огонь и не железо —
Повелел он вход в пещеру
Заложить кирпичной кладкой.

Те все спят, не пробуждаясь.
И предстал пред богом ангел,
Покровитель их, с отчетом:
«Я все время их ворочал,
Вправо, влево, с боку на бок,
Чтобы, юных и прекрасных,
Их не тронуло гниенье,

Чтобы ласковые зори
Им подкрашивали щеки.
Так они лежат в блаженстве;
Сладко спит и пес, уткнувши
Нос в целехонькие лапки».

Пролетают дни за днями,
Год за годом. И проснулись
Отроки. Стена во входе
Обветшала, развалилась.
Видя, что пастух робеет,
Говорит Ямблика, старший
И красивейший: «Схожу вам
За едою. Что терять мне?
Золотой да жизнь в придачу!»
А Эфес уже столетье
Чтит учение пророка
Иисуса — мир благому!

Побежал. Сторожевая
Башня, вышки — все другое.
Но не смотрит он и прямо
В ближнюю спешит пекарню.
«Плут! — косится пекарь.— Вижу
По монете — клад сыскал ты.
Вот что, мальчик, кончим миром:
Отвали мне половину!»

Спорят. Пекарь, распалившись,
Тянет в княжий суд. Но в долю
Норовит и князь, как пекарь.
Быстро выявилось чудо,
Подтвердившись сотней знаков.
Был чертог нерукотворный
Во свидетельство воздвигнут;
Ход затем пробили в камне
К предугаданному кладу.
Набежали тут потомки,
Родом-племенем сочлися.
Прародителем пред ними
В цвете юных сил Ямблика;
А его сынка да внуков
Люди в предках именуют.
Правнуки его с почетом

Обступили храброй ратью,
И стоит он всех моложе.
К прежним новых приложилось
Множество примет. Все ясно —
Кто он есть и кто другие
Сотоварищи-сонливцы.

Он спешит к друзьям в пещеру,
В провожатых — князь с народом.
Но назад к народу с князем
Богоизбранный не вышел.
Семерых — которых восемь
Стало издавна с собакой,—
Втайне средствами своими
Гавриил по воле божьей
Отрешенных от волнений
В рай вознес. Глазам пещера
Замуркованной предстала.

ПОКОЙНОЙ НОЧИ

Песни, вас да примет в лоно
Мой народ — покойтесь с миром!
В облак с мускусом и миром
Ты окутай благосклонно,
Гавриил, пришельцу тело;
Чтобы встал он юный, смелый
И, радущен, как бывало,
Прорубал проход сквозь скалы,
Дабы всех времен героям
С ним идти согласным строем
В рай, к вершине осиянной!
Услаждаться б непрестанно
Вечно новой красотой им
В сонме легком и едином,
И чтоб шел за господином
Верный песик невозбранно!

ПОЗДНЕЕ
ТВОРЧЕСТВО

СТИХОТВОРНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

ШАВКИ

Несемся вскачь из края в край,
На зависть домоседам,
И всю дорогу злобный лай
Летит за нами следом.
Но как бы ни честили нас
На языке собачьем —
Они докажут лишний раз:
Мы — не стоим. Мы — скакем!

(1815)

СМИРЕНИЕ

Твореньем мастера пленен,
Я вижу то, что сделал он;
А глядя на свои поделки,
Одно я вижу — недоделки...

(1815)

ГОДЫ

Хороший нрав у юных лет:
Чего ни попросишь — отказа нет,
И в дружбе с ними, без всякой опаски,
Мы можем прожить, как в волшебной сказке.

Но вдруг характер меняют года.
Глядишь — сварливейшие господа:
Взаймы не дают, без конца укоряют
И все, что давали, назад забирают.

1814

ПРИЗНАНИЕ

А

Что, друг, прикинулся бедняжкой?
Ты уличен в ошибке тяжкой!

Б

Ее исправил я сейчас.

А

Как так?

Б

Да как любой из нас!

А

Знать, каялся долго, о прошлом жалея?

Б

Нет, сделал ошибку еще тяжелее.
И люди настолько разгневаны были,
Что грех мой вчерашний легко позабыли,

1820

ИЗРЕЧЕНИЯ

Я бы проклял
Судьбу свою,
Окажись я один
В раю!

Он умер. Все кадят и курят фимиам...
Эх, чуть пораньше бы за это взяться вам!

Да, знаем мы, как чтите вы и славите:
Себе, не нам вы памятники ставите!

Войти сюда
Ты так спешишь,
Что мимо двери
Пробежишь!

Кто нас
И наглостью своей обворожит?
«Детишки!
Это им весь мир принадлежит!»

Ипохондрик
Не излечится,
Пока
Жизнь не даст ему
Хорошего пинка!

Я так любил! Я грезил наяву!..
Тогда-то я и знал, что я живу...

Отличного мнения
Все мы
О боге:
Он ни у кого не стоит на дороге!

«Познай себя». — «Просил бы разъяснений!»
«Извольте: надо быть и вместе с тем — не быть».
«Да, этот афоризм создал, бесспорно, гений:
Так коротко, а может с толку сбить!»

Познай себя...
Какая польза в том?
Познаю,
А куда бежать потом?

Словно бы прия на карнавал,
Сразу маску я с себя сорвал...

Чтобы познать других —
Два средства есть:
Одно — насмешка,
А другое — лесть.

1812—1814

САМОРОДКАМ

Он говорит:
«Ничем я не обязан
Ни современникам, ни старым мастерам,
Я ни с какими школами не связан —
Учиться у кого-то — стыд и срам!»

Все это можно изложить и так:
«Никто не виноват, что я дурак...»

1812

СВЕЖИЕ ЯЙЦА — ХОРОШИЕ ЯЙЦА

Энтузиазм
Охотно я
Сравнил бы с устрицей, друзья:
Ведь если сей продукт
Не свеж —
То лучше ты его не ешь!

Восторги —
Это не соления,
Годами годные к употреблению!

(1815)

ВСЕМ И КАЖДОМУ

Ты ведь тоже — человек!
Приглядись поближе —
Видно: ты не выше всех,
Но ничуть не ниже!

Бед немало перенес,
Знал удач немало...
Так что, брат, не вешай нос:
Наше не пропало!

(1815)

ИЗ «КРОТКИХ КСЕНИЙ»

«Ты совершенно измотался!
Побереги себя для нас!»
«Ни разу я не просчитался,
Хоть переплачивал не раз».

Нет, бред никак не может мне понравиться!
Желаю авторам поправиться.

Тут-то все и создается,
Если мы не сознаем,
Что и как мы создаем,—
Словно даром все дается...

Своим ушам поверить я не мог!
Шепнул мне мой же собственный пупок:
«Старик,
Попробуй на голову встать!»
Такие штучки — мальчикам под стать!
А мы,
Как подобает зелым людям,
Уж лучше
Голову держать повыше будем!

Как, как? Опять переворот?
Спасибо! Не клюнем на эту приманку,
Наденешь чулок наизнанку —
Он хуже ногу натрет...

Богатой рифмой дорожат:
Вполне естественно;
И все же
Есть кое-что и подороже
Для тех, кто мыслями богат!

«Ты огорчен или болен —
Что-то ты больно тих?..»
«Да нет,
Я всем доволен,
А ведь это —
Недобрый стих»,

Уж слишком
Увлек нас античности гений!
А ну-ка, попробуем стать современней!

Вот беда, так уж беда:
Все полезли в господа,
И вдобавок — ни один
Сам себе не господин!..

Не такой уж тяжкий труд
Этим людям угодить:
Нужно за нос их водить —
И они тебя поймут!..

Здесь худший из поэтов погребен
Того гляди, опять воскреснет он!

—
«Поверь, не по заслугам черту честь —
Он мал и жалок!..»
«Ничего не выйдет!
Кого все люди ненавидят —
В том что-то есть!»

—

«Подумать! Королей смели
Метлой, как кучку пыли!..»
«Вот-вот! Будь это — короли,
Они бы цели были».

1815—1832

НА БАЗАРЕ

Где найти хоть одного
В этой, нынешней артели,
Кто покажет мастерство,
Попотев, как мы потели?

Тяп да ляп — готов герой.
Видно по походке —
Модный у сапог покрой,
Только нет подметки!

Нынче каждый заучил,
Что любой сапожник,
Что бы, как бы ни строчил —
Он уже художник!

Что ж, гони гнилой товар!
Сам себя обманешь:
Сбудешь с рук — на то базар! —
Мастером — не станешь.

Осторожней, молодежь!
Берегись дешевки!
Босиком гулять пойдешь
В рыночной обновке!

1814

ЧТО УМЕЕТ АИСТ

Нашел местечко для гнезда
Наш аист!.. Эта птица —
Гроза лягушек из пруда —
На звоннице гнездится!

Они там день-деньской трещат,
Народ буквально стонет,—
А вот никто — ни стар, ни млад —
Гнезда его не тронет!

Ты спросишь, чем такой почет
Завоевала птичка? —
Она — пардон! — на церковь с...!
Похвальная привычка!

1818/1819

СРАВНЕНИЕ

Нарвав букетик полевой,
Я брел, задумавшись, домой.
И от тепла моей руки,
Увы, поникли лепестки...

Я ставлю в воду их — и сам
Не верю собственным глазам:
Упруго стебли напряглись,
Головки к небу поднялись,
Как будто снова расцвели
На лоне матери-земли!

А вспомнил я
Об этом эпизоде,
Когда свои стихи
Услышал в переводе.

(1828)

Своих детей, как говорят,
Старик Сатурн глотает
Сырьем, без соли, всех подряд...
Как совести хватает!...

«Я и Шекспира должен съесть! —
Ворчит наш общий предок.—
Но этому — иная честь:
Оставлю напоследок!»

1820

* * *

Стихи подобны разноцветным стеклам
Церковных окон. Заглянув снаружи,
Мы ничего там не увидим толком.
«Сплошная муть, а может быть, и хуже!» —
Так скажет обыватель. Он сердит,
Когда он ничего не разглядит!

И пусть его.
А вы — вступайте смело
В священные порэзии пределы!
Как хорошо! Как ясно и светло
Сияет многоцветное стекло!
Да, новый свет откроется для вас.
Всё возвышает дух, пленяет глаз,
И ежели в вас есть душа —
То вам
Он по душе придется, этот храм!

(1827)

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

31 ОКТЯБРЯ 1817

Когда-то, гневом обуян,
Решил наш здравый разум:
«Ни папа римский, ни султан
Нас не страшат указом!»

Три века ищет римский плут
Прореху в нашем стане,
Но хитрецу отпор дают
Все немцы-лютеране.

Не для того ли наградил
Меня господь талантом,
Чтоб в песнях и в науке был
Я вечным протестантом?

ГОСПОДИНУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ МИНИСТРУ
ФОН ФОЙГТУ В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА 27 СЕНТЯБРЯ 1816 г.

В ущельях и на трудных перевалах,
Среди утесов, и в теснинах горных,
И в душных штолнях, в сумрачных провалах,
Ища лишь озарений животворных,
С тобой мы размышляли о началах
Природы, смыслу мудрости покорных:
Так стала жизнь, в тиши земных забвений,
Свидетельницей благородных рвений!

С тобой, в садах поэзии зеленых,
Где чувства обретают голос гибкий,
Где стрелы купидонов окрыленных
Порой язвили нас под сенью зыбкой,—
Там, в озареньях взоров оживленных,
Тот древний мир нам отвечал улыбкой,
Где каждый дивный мастер был предтечей
Грядущих тайн, щедрот и красноречий.

Туда, с путей тернистых совлекая,
Нас уводила добрая усталость;
Там мудрость услаждала нас мужская
И женщин милосердие и жалость;
Там Мусагет царил, камен лаская,
Там жизнь искусств в науках продолжалась,—
Пока — давно нахмуренное — небо
Не ринулось грозою в куди Феба.

Вновьобретенный мир всего блаженней:
Итак, восслед античности героям,
Все то, что дни походов и сражений
Разрушили,— мы бережно отстроим.
Толпы не слушай словоизвержений:
Согласья в людях нет, внимать смешно им!
Превыше выгод всех сочту заране
Единство чувств и мыслей в нашем стане.

ГРАФИНЕ ТИТТИНЕ О'ДОННЕЛ, ПОЖЕЛАВШЕЙ ПОЛУЧИТЬ
НА ПАМЯТЬ ОДНО ИЗ МОИХ ПИСЧИХ ПЕРЬЕВ

Мальчик в школу шел с пеналом,
Чтоб за парту сесть с утра,
Буквы с трепетом немалым
Выводил концом пера.
И тянулась вереница
Ровных букв и ровных строк,—
И не знал он, что цениться
Будет каждая страница,
Фраза каждая и слово,—
И цены пера простого
В дни далекого былого
Он, конечно, знать не мог.

К ЭМИЛИИ ФОН ШИЛЛЕР

Было столько дум,— а вот
Не послал ни строчки,
Хоть лежали чуть не год
Предо мной листочки.

Унесла ты их теперь,
Так не будь в обиде:
Все останется, поверь,
В том же самом виде!

В материнской цельности,
С добрым чувством новым,
Шествуй к беспредельности
По путям отцовым.

1819

ЛОРДУ БАЙРОНУ

За вестью весть к нам поспешает с юга,
И все вокруг нежданно просветлело.
Как нам откликнуться на просьбу друга?
Дух рвется в путь, да не в ладу с ним тело.

Удастся ль мне шепнуть такое слово
Заветное тому, чей гордый гений
С собою ратоборствует сурово,
Нести привыкший скорбный груз сомнений?

Пусть, вникнув в смысл своей высокой доли,
Он сам себя счастливцем почитает;
Дыханье муз делит земные боли.
Как я его, пусть он себя познает.

1823

ИОГАННУ ДАНИЭЛЮ ВАГЕНЕРУ

Ты мне шлешь испанский стих,
Я тебе — немецкий;
Мы с тобой сложили их,
Чтя обычай светский!

Вот уж восемьдесят лет
Мы, по силам нашим,
Поседев от мук и бед,
Это поле пашем.

Внедет в рай своей тропой
Каждый честь по чести;
В хоре ангелов с тобой
Запоем мы вместе!

1827

ПРИТЧА

Где равенство церковных прав
В градской записано устав,
Где, позабыв раздор и брань,
Католики и лютеране
По чину деда и отца
Спокойно славили Творца,
Там по отеческим законам,
Под проповеди и псалмы,
Растили нас, но свыклись мы
И с католическим трезвоном,
И радовали слух и взгляд
Нам красота и общий лад.

Мы все — как обезьяны; дети
Перенимают все на свете.
И к католической игре
Мы приобщились захотели:
Нам сестры фартушки надели
На плечи в виде стихарей,
А чтоб добыть епитрахили,
Мы полотенца утащили,
И митра с фольгою блестящей
Была не хуже настоящей.
И в облачении таком
Мы в сад прошли через весь дом,
Все песнопенья, все обряды
Перевирая без пощады.
Недоставало, как назло,
Лишь праздничного перезвона,—
Но было счастье благосклонно,

Нам даже в этом повезло.
Свисал конец веревки вниз.
Мы всей компанией довольно
Ее признали колокольной
И сразу дергать принялись.
Меняясь, мы звонить спешили,
Мы все друг друга тормошили,
И всяк хотел быть звонарем.
Летело время без печали,
А чтоб колокола звучали,
Мы подпевали все «бим-бом».

Как сказку старую, забыть я
Успел веселый детский шум,
Но вот недавние события
Мне привели его на ум.
Да это вы,— сошлись приметы,—
Неокатолики-поэты!

1813

ЛИРИЧЕСКОЕ

МАРТ

Снег падает все боле,
И не приходит час,
Чтоб все цветочки в поле,
Чтоб все цветочки в поле
Порадовали нас.

Сиянием июня
Нам только лжет весна.
А ласточка-то лгунья,
А ласточка-то лгунья
Примчалась, но одна.

Один я. В дни расцвета
Уныло все кругом.
Но вмиг настанет лето,
Но вмиг настанет лето,
Лишь будем мы вдвоем,

1817

МАЙ

Облаков сребристых стая
Реет в воздухе согретом;
Солнце, ласково блестая,
Пар пронизывает светом.
Волны льнут, вздымаясь плавно,
К изобильным берегам.

Словно вымыта недавно,
Колыхаясь здесь и там,
Зелень клонится к водам.

Воздух тих, и все в покое.
Что же ветви шевельнуло?
В полноте любви и зноя
Что меж зарослей блеснуло?
Все яснеет лучезарно!
Посмотри: со всех сторон
Там снуает, резвясь попарно,
Рой крылатых крошек; он
Этим утром был рожден.

Строят крышу. Для кого же
Приготовили келейку?
И, на плотников похожи,
Ставят столик и скамейку!
Солнце никнет незаметно;
Изумлен, смотрю кругом,
И приводит рой несметный
Мне возлюбленную в дом —
День и вечер стали сном!

1816

В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

В полночный час, кляня свой горький жребий,
Я, мальчик малый, шел через погост
Домой, к отцу, священнику, а в небе
Так много искрилось красивых звезд
В полночный час.

Когда поздней, изведав даль скитаний
Я к милой шел, не в силах не идти,
Под распрай звезд и северных сияний,
Я пил блаженство каждый шаг пути
В полночный час.

И, наконец, так четко и так ясно
Врезалась в сумрак полная луна,
И мысль была легко, свободно, властно
С прошедшим и с грядущим сплетена
В полночный час.

1818

ВСЕГДА И ВЕЗДЕ

Ключ бежит в ущелья гор,
В небе свит туманов хор,—
Муза манит к воле, в поле
Трижды тридевять и боле.

Вновь напененный бокал
Жарко новых песен просит;
Время катит шумный вал,
И опять весну приносит.

(1820)

ЭЛОВЫ АРФЫ

О н

«Пора,— сказал себе.— Простись...»
Без слез я думал обойтись,
Но сердце робости полно,
Чело печально и темно,
Душа пуста, и в ней простор
Слезам, туманящим мой взор...
Была разлука холодна,
Я плачу... Плачет ли она?

О на

Увы, его со мною нет!
Подруги, черен белый свет!
Вам покажусь я странной,
По милому тоскуя.
Вотще ли слезы лью я?
Когда ж перестану?

О н

Печали больше не снесу,
А веселиться я не в силах:

Я не хочу плодов постылых,
Что в каждой роще натрясу.
Ночь не сулит мне ничего,
Дни тянутся в тоске невыносимой.
Я жажду только одного:
Увидеться — хотя б во сне — с любимой.
И если я мечтою не перечу
Твоей мечте, шагни скорей навстречу!

О на

Печалишься, что я пропала?
Но, может, ложная опала
Настигла нас и мы — вдвоем?
Как в небе радуга трепещет!
Чуть дождь и солнце — вновь заблещет.
Ты плачешь? Вот я, за окном!

О н

О, радуга и ты, вы вправду сестры:
Вы обе прихотливы, быстры, пестры,
Вы обе мне сиять весь век должны!
Не портят повторенья новизны!

1822

* * *

Коль вниз ползет живая ртуть,
То быть дождю и буре,
Когда ж подымется чуть-чуть —
Высок шатер лазури.
То скорбь, то радость так же в нас
Волненье чередует;
В пространстве тесном их тотчас
Живое сердце чует.

1823

* * *

Как, ты прошла? А я не поднял глаз;
Не видел я, когда ты возвратилась.
Потерянный, невозвратимый час!
Иль я ослеп? Как это приключилось?

Но я могу утешиться пока,
И ты меня охотно оправдаешь:
Ты — предо мной, когда ты далека;
Когда вблизи — от взора ускользаешь.

1823

ТРИЛОГИЯ СТРАСТИ

ВЕРТЕРУ

О дух многооплаканный, ты снова
Явился гостем в мир земной.
Средь новых нив возник как тень былого
И не робеешь предо мной.
Ты мне напомнил то златое время,
Когда для нас цвели в полях цветы,
Когда, дневное забывая бремя,
Со мной закатом любовался ты.
Тебе — уйти, мне — жить на долю пало.
Покинув мир, ты потерял так мало!

Казалось бы, для счастья жизнь дана:
И прелесть дня, и ночи глубина!
Но человек, взращенный в неге рая,
На раннем утре жизненного мая
Уже бороться обречен судьбою
С чужою волей иль с самим собою.
Одно другого не восполнит, нет!
Снаружи тьма, а в сердце яркий свет,
Иль в сердце — ночь, когда кругом светло
И счастье вновь неизвестным прошло.

Но вот оно! В каком восторге ты
Изведал силу женской красоты!
И юноша, блестящим предан снам,
Идет в весну, весне подобен сам.
Он изумлен: весь мир ему открыт,
Огромный мир ему принадлежит.
Он вдаль спешит с сияющим лицом,
Не скованный ни домом, ни дворцом.

Как птица под лазурный небосклон,
Взмывает ввысь, любви коснувшись, он
И с неба вновь к земле стремит полет,—
Там взор любимой в плен его зовет.

Но рано ль, поздно ль — все ж узнает он,
Что скучен плен, полет его стеснен,
Свиданье — свет, разлука — тьма и гнет,
Свиданье вновь — и счастьем жизнь блеснет.
И миг прошел, года в себя вместив,
А дальше вновь прощанье и разрыв.

Твой взор слезой умильною блестит,
Прощаньем страшным стал ты знаменит,
Оплакан всеми в свой последний час,
На скорбь и радость ты покинул нас.
И вот опять неизъяснимый рок
По лабиринту страсти нас повлек,
Вновь обреченных горестной судьбе,
Узнать разрыв, таящий смерть в себе.
Как трогательно пел певец любви:
В разрыве — смерть, с возлюбленной не рви!
Страдающим, просящим утешенья
Дай, господи, поведать их мученья!

1824

ЭЛЕГИЯ

Там, где немеет в муках человек,
Мне дал господь поведать, как я стражду.

«Торквато Тассо»

Что принесет желанный день свиданья,
Цветок, не распустившийся доселе?
В нем ад иль рай — восторги иль страданья?
Твоей душой сомненья овладели.
Сомненья нет! Она у райских врат,
В ее любви — твой горний вертоград.

И ты вступил в блаженные селенья,
Как некий дух, достойный жизни вечной.
Здесь нет надежд, желания, томленья,
Здесь твой Эдем, мечты предел конечный.
Перед лицом единственно прекрасной
Иссяк источник горести напрасной.

Крылатый день влачился так упыло,
Ты исчислял мгновения, тоскуя,
Но и в лучах полдневного светила
Не таял след ночного поцелуя.
Часы текли скучны, однообразны,
Как братья, сходны и, как братья, разны.

Прощальный миг! Восторги обрывая,
В последний раз ты льнешь к устам любимым.
Идешь — и медлишь — и бежишь из рая,
Как бы гонимый грозным серафимом.
Глядишь на темный путь — и грусть во взоре,
Глядишь назад — ворота на запоре.

И сердце вдруг ушло в себя, замкнулось,
Как будто ей себя не раскрывало,
Как будто с ней для счастья не проснулось,
Своим сияньем звезд не затмевало.
Сомненья, скорбь, укоры, боль живая
Теснят его, как туча грозовая.

Иль мир погас? Иль гордые утесы
В лучах зари не золотятся боле?
Не зреют нивы, не сверкают росы,
Не вьется речка через лес и поле?
Не блещет — то бесформенным эфиром,
То в сотнях форм — лазурный свод над миром?

Ты видишь — там, в голубизне бездонной,
Всех ангелов прекрасней и нежней,
Из воздуха и света сотворенный,
Сияет образ, дивно сходный с ней.
Такою в танце, в шумном блеске бала,
Красавица очам твоим предстала.

И ты глядишь в восторге, в восхищенье,
Но только миг — она здесь неживая,
Она верней в твоем воображенье —
Подобна той, но каждый миг другая.
Всегда одна, но в сотнях воплощений,
И с каждым — все светлей и совершенней.

Так у ворот она меня встречала
И по ступеням в рай меня вводила,
Прощальным подскулем провожала,
Затем, догнав, последний мне дарила,
И образ тот в движенье, в смене вечной,
Огнем начертан в глубине сердечной.

В том сердце, что, отдавшись ей всецело,
Нашло в ней все, что для него священно,
Лишь в ней до дна раскрыть себя сумело,
Лишь для нее вовеки неизменно,
И, каждым ей принадлежа биеньем,
Прекрасный плен сочло освобожденьем.

Уже, холодным скована покоем,
Скудela кровь — без чувства, без влеченья,
Но вдруг могучим налетели роем
Мечты, надежды, замыслы, решенья.
И я узнал в желаньях обновленных,
Как жар любви животворит влюбленных.

А все — она! Под бременем печали
Изнемогал я, гас душой и телом.
Пред взором смутным призраки вставали,
Как в бездне ночи, в сердце опустелом.
Одно окно забрезжило зарею,
И вот она — как солнце предо мною.

С покоем божьим,— он душе скорбящей
Целителен, так сказано в Писанье,—
Сравни покой любви животворящей,
С возлюбленной сердечное слиянье.
Она со мной — и все, все побледнело
Пред счастьем ей принадлежать всецело.

Мы жаждем, видя образ лучезарный,
С возвышенным, прекрасным, несказанным
Навек душой сродниться благодарной,
Покончив с темным, вечно безымянным.
И в этом — благочестье! Только с нею
Той светлою вершиной я владею.

В дыханье милой — теплый ветер мая,
Во взоре милой — солнца луч полдневный,
И себя любя толща ледяная
Пред нею тает в глубине душевной.
Бегут, ее засыпав приближение,
Своекорыстье, самовозвышенье.

Я вспоминаю, как она сказала:
«Всечасно жизнь дары благие множит.
От прошлого запомнится так мало,
Грядущего никто прозреть не может.
Ты ждал, что вечер принесет печали,
Блеснул закат — и мы счастливей стали,

Так следуй мне и весело и смело
Гляди в глаза мгновенью! Тайна — в этом!
Любовь, и подвиг, и простое дело
Бери от жизни с дружеским приветом.
Когда ты все приемлешь детски ясно,
Ты все вместишь и все тебе подвластно».

«Легко сказать! — подумал я.— Судьбою
Ты избрана для милостей мгновенья.
Тебя мгновенно каждый, кто с тобою,
Почувствует любимцем провиденья.
Но если нас разделит рок жестокий,
К чему тогда мне твой завет высокий!»

И ты ушла! От нынешней минуты
Чего мне ждать? В томлении напрасном
Приемлю я, как тягостные путы,
Все доброе, что мог бы звать прекрасным.
Тоской гоним, скитаюсь, как в пустыне,
И лишь слезам вверяю сердце ныне.

Мой пламень погасить не в вашей власти,
Но лейтесь, лейтесь горестным потоком.
Душа кипит, и рвется грудь на части.
Там смерть и жизнь — в борении жестоком.
Нашлось бы зелье от телесной боли,
Но в сердце нет решимости и воли.

И как? Могу ли? Умертвить желанье?
Не видеть лик, во всем, что суще, зrimый,

То в дымке предстающий, то в сиянье,
То ясный, яркий, то неразличимый.
И с этим жить! И брать, как дар счастливый,
Приход, уход, приливы и отливы.

Друзья мои, простимся! В чаще темной
Меж диких скал один останусь я.
Но вы идите — смело в мир огромный,
В великолепье, в роскошь бытия!
Все познавайте — небо, земли, воды,
За слогом слог — до самых недр природы!

А мной — весь мир, я сам собой утрачен,
Богов любимцем был я с детских лет,
Мне был ларец Пандоры пред назначен,
Где много благ, стократно больше бед.
Я счастлив был, с прекрасной обрученный,
Отвергнут ею — гибну, обреченный.

1823

УМИРОТВОРЕНИЕ

Ведет к страданью страсть. Любви утрата
Тоскующей душе невозместила.
Где все, чем жил ты, чем дышал когда-то,
Что было так прекрасно, так любимо?
Подавлен дух, бесплодны начинанья,
Для чувств померкла прелесть мирозданья.

Но музыка внезапно над тобою
На крыльях серафимов воспарила,
Тебя непобедимой красотою
Стихия звуков мощных покорила.
Ты слезы льешь? Плачь, плачь в блаженной муке,
Ведь слезы те божественны, как звуки!

И чует сердце, вновь исполнись жаром,
Что может петь и новой жизнью биться,
Чтобы, на дар ответив щедрым даром,
Чистейшей благодарностью излиться.
И ты воскрес — о, вечно будь во власти
Двойного счастья — музыки и страсти.

1823

ЖЕНИХ

В полночный час я спал, в груди не спало,
Полно любовью, сердце, точно днем;
Явился день — светлее мне не стало:
Как много бы он ни сулил, что в нем?

Ведь не было ее; мой труд прилежный
Лишь для нее свершал я в душный жар
Дневных часов; какой отрадой нежной
Был свежий вечер! Благодатный дар!

Садилось солнце, и, сплетая руки,
Его лучей следили мы уход,
И взор читал во взоре в миг разлуки:
Оно с востока к нам опять придет.

В полночный час мечтанья, в звездном строе,
Плынут туда, где спит ее душа.
О, если б там и мне уснуть в покое!
Что б ни было, жизнь все же хороша.

1824

ПАРИЯ

МОЛИТВА ПАРИИ

Брама, мудрый и всесильный,
Праородитель всех живущих,
Разве ты, жизнеобильный,
Лишь браминов всемогущих
Одарил блаженством многим,
Лишь раджей да магараджей,
Или обезьянам так же,
Как и нам, дал свет, убогим?

Ни родства у нас, ни права,
Ибо — в скверне от рожденья;
То, что для других отрава,
Нам от смерти избавленье.
Мы презрены, нищи, немы.
Но тебе ль с высот надзвездных
Презирать наиничтожных,
Для кого ничтожны все мы?

Так услышишь господним слухом
Сына в простоте сердечной
Или дай хотя бы духом
Приобщиться к правде вечной,
Ты ведь и живущим в блуде
Баядерам дал богиню,
Вот и мы взываем ныне
О твоем прослыщать чуде,

ЛЕГЕНДА

Ходит чистая, как утро,
За водой жена брамина,
Многославного своими
Благородством и умом.
Из реки священной Ганга
Зачерпнет воды послушной
И обратно, а в ладонях
Ни кувшина, ни ведра.
Но сама волна в ладонях
Набожных ее сверкает,
Собираясь в шар хрустальный,
И легко идет жена,
Сердцем нежная и статью,
Тихой радостью светясь.

Вот и нынче над потоком
Наклоняется с молитвой,
Но внезапно лик мгновенный
Отражается в воде,—
Из глубин небес возникший
Облик юноши прекрасный,
Тот, которого Всевышний
Мыслю изначальной вызвал
И вовне запечатлел.
И волненье овладело
Ею в тот же миг, смятенье,
Смотрит, смотрит, убегает,
Гонит образ — он нейдет.
И опять к реке подходит,
Трепетной рукой стараясь
Зачерпнуть воды — но тщетно.

Ей ли, волю потерявшей,
Воду в пальцах удержать?
И глядит она со страхом,
Как волна воронки роет,
Плещется и прочь бежит...

Руки слабы, шаг неверен.
Эта ли тропинка к дому?
Поспешить или помедлить?
Где понять, когда и мысль
Отказала ей в совете.
Так стоит, бледна как смерть,
И молчит. В глазах супруга —
Приговор. Он меч хватает
И на холм ее влечет,
Где преступников карают.
В чем оправдываться ей —
Ей, неверной без измены
И виновной без вины?

И в тоске с мечом кровавым
В дом идет он опустелый.
Сын навстречу: «Что случилось?
Чья тут кровь? Отец, отец!»
«Кровь неверной». — «Нет, неправда!
На мече она не стынет,
А по лезвию струится,
Как из свежей раны. Мать!
Мать! иди сюда скорее!
Справедлив отец! Скажи,
Что он сделал? На кого он
Поднял меч?» — «Молчи, молчи!
Это кровь ее, несчастный,
Матери твоей». — «Отец!
Что ты говоришь? Опомнись!
Нет, ни слова, дай мне меч!
Ты жену казнить был вправе,
Но не мать мою убить!
За возлюбленным супругом
На костер идет жена,
А за матерью любимой
Верный сын идет на меч!»

«Стой! — отец кричит безумный.—
Время есть! Беги скорее!
Голову приставиши к ране
И концом меча коснешься —
К жизни возвратится мать»,

Весь дрожа, не узнавая,
Видит сын тела двух женщин
Обезглавленных. О, боги!
Выбора страшнее нет!
Материнскую схватил он
Голову и, не целя, —
К телу ближнему приставил
И благословил мечом.

И восстал гигантский образ.
С материнских уст нежнейших,
Дивно-сладостных, слетели
К сыну скорбные слова:
«Сын, такая торопливость!
Мать твоя лежать осталась
Рядом с дерзкой головою —
Жертвой правого суда.
А меня навек привил ты
К телу женщины преступной.
С мудрой волей, с дикой страстью
Буду жить я средь богов.
Так небесно пред очами
Образ юноши витает,
В сердце тайно проникая,
Будит сладострастье в нем.

Век он возвращаться будет,
То взмывать, то опускаться,
И мрачнеть, и просветляться,
Как Всесильный пожелал.
Лику ясному велел он,
Пестрым крыльям, стройным членам —
Божеству — меня, земную,
Наважденьем искушать;
Ибо шлет соблазн и небо,
Если боги захотят,

Вот и я, жена брамина,
Неба головой касаюсь,
Но, как пария,— всем телом —
Тяжесть чувствую земли.

Сын, утешь отца в печали.
Возвращайся и запомни:
Ни раскаянье слепое,
Ни бездушная гордыня
Пусть не связывают вас.
Через все миры пройдите,
Через все века и земли,
Возвестите и ничтожным,
Что для Брамы все равны.

Нету для него ничтожных.
Кто б ты ни был: сир, убог ли
Или разумом расстроен,
Будь ты парией, брамином,
Духом темен, телом наг,
Лишь на небо взгляд поднимешь
И увидишь над собою
Тысячи очей горящих,
Тысячи ушей всесущих,
Для которых нету тайн.

Я взойду к его престолу,
И ко мне он, так жестоко
Им же пересотворенной,
Будет вечно милосерден,
А поэтому — и к вам.
И молить я буду кротко,
И кричать ему свирепо,
Что мне скажут мои чувства,
А чего мне это стоит —
Будет тайною моей».

БЛАГОДАРНОСТЬ ПАРИИ

Всё от мала до велика
Сотворил ты, мудрый Брама.
Ты по праву мой владыка,
Ибо всех ты терпишь равно.

Высоки твои владенья,
Но тебя мы сердцем слышим.
Нас, нижайших от рожденья,
Возродил ты к целям высшим.

Боль и страсть жену земную
Вознесли с богами бровень.
Только на небо взгляну я —
И увижу лик господень.

1823

* * *

Сверху сумерки нисходят,
Близость стала далека,
В небе первая восходит
Золотистая звезда.

Все в неверность ускользает,
Поднялась туманов прядь,
Сумрак темный отражает
Озерная сонно гладь.

Вот с восточного предела
Ожидается луна.
С ивой стройною несмелο
Шутит близкая волна;

Сквозь теней круговращенье
Лунный свет то там, то сям,—
И пресхлада через зренье
Проникает в сердце к нам.

1828

БОГ И МИР

PROCEMION

Того во имя, кто зачал себя,
В предвечности свой жребий возлюбя;
Его во имя, кто в сердца вселил
Любовь, доверье, преизбыток сил;
Во имя часто званного здесь,
Но — в существе — неясного и днесь:

Докуда слух, докуда глаз достиг,
Лишь сходное отображает лик,
И пусть твой дух как пламя вознесем,
Подобьями довольствуется он;
Они влекут, они его дивят,
Куда ни ступишь — расцветает сад.
Забыты числа, и утрачен срок,
И каждый шаг как вечности поток.

1816

ДУША МИРА

Рассейтесь вы везде под небосклоном,
Святой покинув пир,
Несите жизнь, прорвавшись к дальним зонам,
И наполняйте мир!

Вы божьим сном парите меж звездами,
Где без конца простор,
И средь пространств, усеянных лучами,
Блестит ваш дружный хор.

Несёtesь вы, всесильные кометы,
Чтоб в высиях потонуть,
И в лабиринт, где солнце и планеты,
Врезается ваш путь.

К бесформенным образованьям льнете,
Играя и творя,
Все сущее в размеренном полете
Навек животворя.

Вы в воздухе подвижном ткете щедро
Изменчивый убор,
И камню вы, в его проникнув недра,
Даете твердость форм.

И рвется все в божественной отваге
Себя перерости;
В пылинке — жизнь, и зыбь бесплодной влаги
Готова зацвести.

И мчитесь вы, любовью вытесняя
Сырого мрака чад;
В красе разнообразной дали рая
Уж рдеют и горят.

Чтоб видеть свет, уже снует на воле
Всех тварей пестрота;
Вы в восхищенье на счастливом поле,
Как первая чета.

И гасит пламя безграничной жажды
Любви взаимной взгляд.
Пусть жизнь от целого приемлет каждый
И вновь — к нему назад.

1802

ПРОЧНОЕ В СМЕНАХ

Только б час над ранним краем
Вешний трепетостоял!
Но уж белый дождь, сдуваем
Теплым ветром, замелькал,

Надышаться не успеем
Влажной зеленью в бору,
Как, глядишь, сметен Бореем,
Лист трепещет на ветру.

Пусть рука быстрей срывает
На ветвях созревший плод!
Этот соком набухает,
И уже свалился тот.
Мир, омытый в шумной стуже,
Обновится — не узнать;
И — увы! — в одну и ту же
Реку дважды не ступать.

Да и ты! Когда в дороге
Прах времен прельщает глаз,
Башни видишь, зришь чертоги
По-иному каждый раз.
Где уста, в былую пору
Льнувшие к твоим устам?
Ножка, что взбегала в гору,
Споря с серной, по тропам?

Где рука, столь благосклонно
Нас дарившая тогда?
Образ, дивно расчлененный,
Пропадает навсегда.
Что теперь, на месте этом,
Кличут именем твоим,
Набежало зыбким светом
И рассеется, как дым.

Пусть кануны и исходы
Свяжет крепче жизнь твоя!
Обгоняя бег природы,
Ты покинешь и себя.
Только муз благоволенье
Прочной ласкою дарит:
В сердце — трепет вдохновенья,
В духе форму сохранит.

ПАРАБАЗА

Довелось в былые годы
Духу страстно возмечтать
Зиждущий порыв природы
Проследить и опознать.
Ведь себя одно и то же
По-различному дарит,
Малое с великим схоже,
Хоть и разнится на вид;
В вечных сменах сохраняясь,
Было — в прошлом, будет — днесь.
Я, и сам, как мир, меняясь,
К изумленью призван здесь.

1820

МЕТАМОРФОЗА РАСТЕНИЙ

Ты смущена, подруга, смешеньем тысячекратным
Этих, заполнивших сад, густо растущих цветов;
Множеству ты внимала имен, в твой слух беспрестанно
Диким звучаньем они входят — одно за другим,
Образы все — и подобны, и каждый от прочего все же
Разнится: в их кругу тайный заложен закон,
Скрыта загадка святая. О, если бы мог я любимой
В проницавших словах тайну немедля открыть!
Пусть наблюдает теперь, как исподволь, мало-помалу
Вверх растение шло, цвет образуя и плод.
Произрастает оно из семян, лишь тихие недра
Плодотворящей земли в жизнь отпускают его,
Чтобы лучам светила, святого в извечном движенье,
Вверить нежнейший состав листьев, начавших расти.
Скромно сила спала в семенах; и прообраз начальный,
Замкнут в себе, лежал, под оболочкой согбен.
Корень, лист и росток бесцветны и полуразвиты;
Так незаметную жизнь холит сухое зерно,
Пухнет, кверху стремясь, доверясь благостной влаге,
Вот внезапно встает из окружающей тьмы.
С виду прост еще появленья первого облик,—
Так означает себя между растений дитя.
Всюкое затем пробившись, дальнейший побег обновляет,
Узел к узлу выводя, образ, возникший сперва.

Все же он неодинаков: рождается, разнообразно
Скроен — видишь ли ты, — каждый дальнейший

листок:

Шире, либо зубчатей, раздельней в конце или в долях, —

Срослись, гнездились досель в органе нижнем они.
Определенное так выступает впервой совершенство,

Коим у многих пород милая изумлена.

В частых жилках, в зубцах, на тучно упитанной плоти,
Кажется, пышный побег волен рости без конца.

Здесь-то могучей рукой сложенье сдержит природа,
Чтоб к совершенству его нежно направить потом.

Меньше соку она по суженным гонит сосудам,

Нежность хлопочущих сил формой запечатлена.
Медленно ток от краев развитых прочь отступает,

Жилка у черенка обрисовалась полней.

Но, безлиствен и скор, вздымается стебель

нежнейший —

Образ дивный возник, взоры влекущий к себе.

Вокруг кольцом один к другому расположился

В большем иль меньшем числе листиков

сходственных строй.

Плотная, вокруг оси, образуется чашечка тайно,

Выпустит венчик цветной, жаждая высшей красы.

Так природа цветет в высоком полном явленье,

Член за членом творя в строгой чреде степеней.

Снова ты в изумленье, когда над постройкой из листьев

Разнообразных встает, зыблясь на стебле, цветок.

Роскошь, однако, хранит зарок творенья другого:

Да, окрашенный лист чует Всевышнего длань.

Вот сжимается он проворно; нежнейшие формы

Сияются парно рости, чтоб сочетаться затем.

Друг подле друга стоят в обнимку нежные пары,

Много строится их перед святым алтарем.

Резвый парит Гимен, и дивные благоуханья,

Густо и сладко струясь, все оживляют вокруг,

Пухнут врозь теперь ростки, несметные счетом,

Бережно в чреве сокрыв плод набухающий свой.

Здесь замыкает природа кольцо из сил вековечных,

Но приобщиться спешит новое тотчас к нему,

Так что крепкая цепь до скончания века продлится,

В целом все оживит так же, как всякую часть.

Взор, любимая, кинь теперь на пестрые сонмы, —

Их мелькание впредь с толку тебя не собьет.

Каждое нынче растенье твердит о вечных законах,
Виятней и виятней с тобой каждый цветок говорит,
Если ж твой взор искушен в письменах священных
богини,

Их ты признаешь везде и в измененных чертах.
Робко ль ползет червячок, деловито ль бабочка вьется,
Сменит ли сам человек образ, каким наделен.
О, припомни тогда, как первый зародыш знакомства
Вырос невидимо в нас, милым обычаем став,
Как в глубинах душевных окрепшая дружба

раскрылась,

Как, наконец, Амур создал цветы и плоды.
Вспомни, как в разных чертах, раскрывшись тихо,
природа

Поочередно дала образы чувствам живым.
Радуйся также и дню настоящему! Близко святая
Наша любовь к плоду высшему — общности чувств,
Общности взглядов, чтобы, в воззренье, согласном
и стройном,
Связь упрочив, чета мир высочайший нашла.

1798

МЕТАМОРФОЗА ЖИВОТНЫХ

Если отважитесь вы подняться со мной до вершины,
Руку я вам протяну, и взор ваш окинет свободно
Ширь и даль природы. Она расточает, богиня,
Щедро жизни дары. Однако вседневной заботой
Не тяготится, как смертные женщины, о пропитанье
Чад своих. Это ей не пристало. Она утвердила
Двойственный вечный закон: каждой жизни предел
положила;

В меру потребности дав, дары отпустила без меры
Вдосталь всем и доступно,— сама же глядит
благосклонно

На хлопотливых детей, пособляя им в нуждах несчетных:
Без наставленья они живут, как начертано ею.

Каждый зверь — самодель. Совершенным из чрева
Природы
Вышел он, и дитя породит, как сам, совершенным.

Каждый член его тела по вечному создан закону,
Даже редчайшая форма втайне повторит прообраз.
Каждый рот, например, приловчился захватывать пищу,
Телу какая положена: челюстью слабой, беззубой
Или крепкой, зубастой снабжен, но он превосходно
Приспособлен всегда обеспечивать тело прокормом.
Так и нога: коротка ли, длинна ль,— в гармонии четкой
Нуждам и норову зверя ее отвечают движения.
Каждое детище Мать здоровьем полным и чистым,
Не поскупясь, наделила. В живом существе невозможен
Междуди членами тела разлад: все приятствует жизни.
Образ жизни зверя влияет на склад его тела,
Но и телесный склад на образ жизни, бесспорно,
Должен воздействовать. Так он упрочился, стройный

порядок,

Склонный меж тем к переменам в изменчивых внешних
условьях.

Но в глубине сокрытая мощь благородных творений
Замкнута в круге святом разнородных строений живого.
Чтимых Природой пределов и бог никакой не раздвинет:
Ограниченья сними, и закроется путь к совершенству.

Все же некий глубинный дух неуемно стремится
Круг порушить и дать простор произволу и формам.
Только напрасна борьба, напрасны усилия. Едва лишь
Он возьмет свое на органе том или этом,
Даст не в меру ему разрастись, и вмиг захиреет
Все остальное в теле. Избыточность давит, в ней гибнет
Стройная форм красота, свобода и четкость движенья.
Если ты видишь, что тварь преимуществом неким особым
Наделена, спроси: а в чем у нее недостаток?
Что же недодано ей? И, духом вникая пытливым,
Ключ ищи и поймешь, как живые слагаются формы.
Так, ни единый зверь, когда его верхняя челюсть
Полным набором зубов снабжена, рогов уж не носит;
И сотворить рогатого льва — это Матери вечной
Не удалось бы никак при всей ее силе и власти:
Нет у нее запасов таких, чтоб и зубы на челюсть
В полном числе насадить, и лоб украсить рогами.
Эти понятия освой: предел для власти; законность —
И произвол; свобода — и мера; порядок — но гибкий;
На перебор — недочет, — и, освоив, возрадуйся! Муза
Их постигать как гармонию учит нас мягко и властно.

Этой идеи выше не вымыслит правоучитель,
Ни работник и ни поэт. Властитель, достойный
Властвовать, лишь чрез нее своей уладится короной.
Радуйся, высшая тварь из тварей Природы! Доступно
Мысли твоей провожать полет ее творческой мысли
В эту высь. Но стань на месте; назад обрати ты
Взоры, проверь, сравни — и примешь изустно от музы
Добрую весть, что это не сон — все видишь ты въяве.

(1820)

ПЕРВОГЛАГОЛЫ. УЧЕНИЕ ОРФИКОВ

Даинов, ДЕМОН

Со дня, как звезд могучих сочетанье
Закон дало младенцу в колыбели,
За мигом миг твое существованье
Течет по руслу к прирожденной дели.
Себя избегнуть — тщетное старанье;
Об этом нам еще сивиллы пели.
Всему наперекор вовек сохранен
Живой чекан, природой отчеканен.

Тух, СЛУЧАЙ

Все разомкнет, со всякой гранью сладит
Стихия перемен, без долгих споров
Упрямую своеобычность сгладит,—
И ты к другим приноровляешь норов,
Так жизнь тебя приманит и приведит —
Весь этот вздор не стоит разговоров.
Но между тем, глядишь, пора приспела:
Готов светильник — за огнем лишь дело.

Его, ЛЮБОВЬ

Вот он, огонь! Из древних бездн возреяв,
Пернатой бурею спешит ниспасть
Легчайший гость слепящих Эмпиреев,
Весною веет и лелеет страсть,
Покой души во всех ветрах развеяв;

То жар, то хлад, то радость, то напасть,
Во тьме стихий иной себя забудет,
Но лучший верен личному пребудет,

Анауқт, НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Меж тем созвездий вечное веленье
Неотменяемо; не в нашей воле
Самим определять свое воленье;
Суровый долг дарован смертной доле,
Утихнет сердца вольное волненье,
И произвол смирится поневоле.
Свобода — сон. В своем движенье годы
Тесней сдвигают грани несвободы.

Елліс, НАДЕЖДА

Что ж! пусть стоит железная твердыня,
Предел порывов, древний страж насилия!
Чу, дрогнули засовы — благостыня
Повеяла — взлетает без усилия
Над пеленою мглистою богиня
И нас возносит, нам дарует крылья.
Мы с ней наш путь сквозь все свершаем зоны:
Удар крыла — и позади зоны!

(1820)

* * *

Когда в бескрайности природы,
Где, повторяясь, все течет,
Растут бесчисленные своды
И каждый свод врастает в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в бого
Вся мировая толчея.

* * *

Стоял я в строгом склепе, созерцая,
Как черепа разложены в порядке,
Мне старина припомнилась седая.

Здесь кости тех, кто насмерть бились в схватке,
Забыв вражду, смирившись поневоле,
Лежат крестом. О кости плеч, лопатки

Могучие! Никто не спросит боле,
Что вы несли; оторван член от члена,
Нет связи жизни, деятельной воли.

Вы врозь лежите, руки и колена.
Вам мира нет: вы вырваны в сиянье
Земного дня из гробового плена.

Нет в скорлупе сухой очарованья,
Где благородное зерно скрывалось.
Но мной, адептом, прочтено Писанье,

Чей смысл святой не всем раскрыть случалось,
Когда средь мертвого одененъя
Бесценное творенье мне досталось,

Чтоб в холода и тесном царстве тленья
Я был согрет дыханием свободы
И жизни ключ взыграл из разрушенья.

Как я пленился формою природы,
Где мысли след божественной оставлен!
Я видел моря мчащиеся воды,

В чьих струях ряд все высших видов явлен.
Святой сосуд,— оракула реченья! —
Я ль заслужил, чтоб ты был мне доставлен?

Сокровище украв из заточенья
Могильного, я обращусь, ликуя,
Туда, где свет, свобода и движенье.

Того из всех счастливым назову я,
Пред кем природа-бог разоблачает,
Как, плавя прах и в дух преобразуя,
Она созданье духа сохраняет.

1826

ОДНО И ВСЕ

В безбрежном мире раствориться,
С собой навеки распуститься
В ущерб не будет никому.

Не знать страстей, горячей боли,
Всевластия суровой воли —
Людскому ль не мечтать уму?

Приди! пронзи, душа Вселенной!
Снабди отвагой дерзновенной
Сразиться с духом мировым!
Тропой высокой духи ходят,
К тому участливо возводят,
Кем мир творился и творим!

Вновь переплавить сплав творенья,
Ломая слаженные звенья,—
Заданье вечного труда.
Что было силой, станет делом,
Огнем, вращающимся телом,
Отдохновеньем — никогда.

Пусть длятся древние боренья!
Возникновенья, измененья —
Лишь нам порой не уследить.
Повсюду вечность шевелится,
И все к небытию стремится,
Чтоб бытию причастным быть.

1821

ЗАВЕТ

Кто жил, в ничто не обратится!
Повсюду вечность шевелится.
Причастный бытию блажен!
Оно извечно; и законы
Хранят, тверды и благосклонны,
Залоги дивных перемен.

Издревле правда нам открылась,
В сердцах высоких утвердила:
Старинной правды не забудь!
Воздай хваленья, земнородный,
Тому, кто звездам кругоходный
Торжественно наметил путь.

Теперь — всмотрись в родные недра!
Откроешь в них источник щедрый,
Залог второго бытия.
В душевную читайся повесть,
Поймешь, взыскательная совесть —
Светило нравственного дня.

Тогда доверься чувствам, ведай:
Обманы сменятся победой,
Коль разум бодростью дарит.
Пусть свежий мир вкушают взоры,
Пусть легкий шаг пройдет просторы,
В которых жизнь росой горит.

Но трезво приступайте к чуду!
Да указует разум всюду,
Где жизнь благотворит живых.
В ничто прошедшее не канет,
Грядущее досрочно манит,
И вечностью заполнен миг.

Когда ж, на гребне дня земного,
Дознаньем чувств постигнешь слово:
«Лишь плодотворное цени!» —
Не уставай пытливым оком
Следить за вицедущим потоком,
К земным избранникам примкни.

Как создает, толпе незримый,
Свою волей мир родимый
И созерцатель и поэт,
Так ты, причастный благодатям,
Высокий дар доверишь братьям.
А лучшей доли смертным — нет!

КОММЕНТАРИИ

Впервые несколько стихотворений Гете появились в печати в сборнике «Новые песни, положенные на музыку Бернгардом Теодором Брайткопфом» (1770). Имя автора стихов не было названо. Затем время от времени в журналах и альманахах появлялись отдельные стихотворения поэта.

Лишь в 1789 году, выпуская первое издание своих сочинений, Гете собрал в восьмом томе значительное количество стихотворений. До этого широкой читательской публике он был почти неизвестен как лирический поэт, и слава его основывалась в первую очередь на драме «Гед фон Берлихинген» и романе «Страдания юного Вертера».

Издавая свои «Новые сочинения» (1800), Гете обнародовал много новых лирических произведений, написанных за одиннадцать лет, прошедших со времени предыдущего Собрания сочинений. Вступив затем в соглашение с издателем Котта, Гете подготовил для него новое двенадцатитомное Собрание сочинений, выпущенное в 1806—1810 годах и позднее пополненное тринадцатым томом — романом «Избирательное сродство» (1810). Если в ранее выходивших изданиях Гете помещал лирику в последнем томе, то в этом издании его лирика была напечатана в первом томе и открывала все Собрание.

В следующем издании, состоявшем уже из двадцати томов (1815—1819), лирика занимала два тома. Наконец, в последнем прижизненном издании ей было отведено пять томов.

После кончины Гете в посмертном издании его рукописного наследия редакторы, назначенные самим Гете, его бывшие секретари И.-П. Эккерман и Ф.-В. Ример, опубликовали значительное число ранее неизвестных стихотворений. На протяжении XIX века исследователи творчества Гете в его переписке и различных архивах нашли еще ряд стихотворений, вошедших в последующие издания.

В первые годы литературной работы Гете не думал о напечатании своих лирических произведений. Он считал, что они носят слишком личный характер. Девушкам, в которых влюблялся, и молодым людям, с которыми дружил, он дарил написанные для них стихи с просьбой не предавать их широкой огласке. Но для близких он составлял рукописные сборнички. Известны рукописные собрания, одно сделал друг поэта Э.-В. Бериш (цикл «Аннете», 1767), другие сам Гете — для дочери художника Фридерики Озер (1768), для Шарлотты фон Штейн (1777). Лишь став известным писателем и готовя собрания своих сочинений, Гете стал собирать стихотворения, забирая их у лиц, которым дарил свои рукописи. Ранние стихи, как правило, Гете впоследствии подвергал редактированию. Но те, которые он не включил в свои сочинения, дошли в их изначальном виде и дают возможность судить о поэтической манере Гете в первые годы творчества.

К числу последних относятся названные выше два рукописных собрания. Цикл «Аннете», изготовленный Беришем, сохранился в рукописном списке в архиве фрейлины веймарского двора Луизы фон Гехгаузен; он был обнаружен и опубликован лишь в 1894 году. Стихи, переписанные Гете для его поверенной и друга Фридерики Озер, вошли в упомянутый выше сборник «Новых песен». Немало стихотворений Гете содержались в его письмах близким. Иные из них Гете сам напечатал, другие обнаружились, когда была собрана переписка Гете, уже после его смерти.

Лирика Гете переводилась на русский язык многими поэтами. В прошлом веке многие переводы печатались в журналах и собраниях сочинений поэтов-переводчиков. Впервые русские переводы лирики Гете были собраны в Сочинениях Гете, изданных под редакцией Н. В. Гербеля (т. 1, СПб., 1878, т. 9, СПб., 1880) и П. И. Вейнберга (т. 1, СПб., 1892). В XX веке лирика Гете публиковалась в следующих изданиях: Г е т е . Собрание сочинений в 13-ти томах, т. I, М., 1932; Г е т е . Избранная лирика, под редакцией А. Г. Габричевского и С. В. Шервинского, М.-Л., 1933; Г е т е . Избранные произведения в одном томе, под редакцией Н. Н. Вильмента, М., 1950; Г е т е . Лирика, под ред. Н. Н. Вильмента (серия «Сокровища лирической поэзии»), М., 1966.

Многие стихотворения Гете переводились несколько раз. В настоящем издании публикуются как ранее печатавшиеся, так и новые переводы. Редакция положила в основу хронологический принцип, чтобы дать читателям возможность познакомиться с эволюцией стиля лирики Гете. Группировка стихотворений по циклам отчасти следует той, которая была произведена самим поэтом, отчасти сделана редакцией с учетом опыта новейших изданий Гете на немецком языке.

Стр. 49. Посвящение.— Первоначально написано как вступление к поэме «Тайны» (1884). Затем Гете стал помещать его в качестве вступления ко всему, написанному им, сделав, таким образом, это стихотворение как бы литературным манифестом всего своего творчества.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стр. 55. Самооправдание.— Написано для издания лирики в томе Собрания сочинений 1815 г. С тех пор печатается во всех изданиях как поэтическое «предисловие» к лирике.

Благожелательям.— Первоначально служило вступлением к тому лирики в «Новых сочинениях» (1800) Гете. Впоследствии Гете счел его недостаточным и добавил к нему стихотворение «Самооправдание» (см. выше).

ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

Гете начал писать стихи в восемь лет, и лирическое вдохновение не покидало его до последних дней. Без малого три четверти века создавал он свои стихотворения, ставшие вершиной лирики на немецком языке.

Детские стихотворения представляют интерес как показатель раннего развития поэтических способностей Гете, но художественного значения еще не имеют. В юношеских стихах, написанных в студенческие годы, Гете уже предстает как одаренный поэт, однако, еще не нашедший собственного стиля. Ранняя лирика Гете, относящаяся к 1765—1770 годам, в основном написана в стиле галантной поэзии рококо. Жизнерадостная и игривая, она трактует темы любви и природы. Хотя Гете в них отдал значительную дань литературной моде, все же в его стихотворениях нередко пробивается живое

чувство и мироощущение, характерное именно для личности Гете. Таковы стихотворения «Аннете», «Крик», «Прекрасная ночь», «Первая ночь», «Смена», «К Луне», «Прощание». Легкость и изящество поэтической манеры свидетельствуют о необыкновенном поэтическом даре молодого Гете. В стихотворениях лейпцигского периода Гете воспевал Анну Катарину (Кетхен) Шенкопф. Ее первое имя во французской форме послужило для создания собирательного образа возлюбленной вообще.

Стр. 63. М о е й м а т е р и.— По свидетельству всех знатавших ее, мать поэта, Катарина Элизабета Гете, урожденная Текстор (1731—1808), была замечательной женщиной, умной, доброжелательной, жизнерадостной. Она родила шесть детей, из которых четверо умерли в раннем детстве; Гете был старшим. У нее было богатое воображение, и Гете считал, что эту способность унаследовал от нее. Отношение к матери, выраженное в этом стихотворении, Гете сохранил на всю жизнь.

Т р и о ды к м о е м у д р у г у Б е р и ш у.— Студент Гете подружился в Лейпциге с Эрнстом Вольфгангом Беришем (1738—1809). Занимая скромное положение домашнего воспитателя молодого аристократа, Бериш отличался остротой мысли, резкостью языка и независимостью взглядов. Гете, который был на одиннадцать лет моложе, подружился с ним и сделал его своим поверенным. Три оды написаны в связи с отъездом Бериша из Лейпцига, который был вынужден покинуть город вследствие клеветы. Благодаря поэту Фридриху Готлибу Клопштоку (1724—1803) Бериш получил место воспитателя в Дессау. В стихотворениях Гете в аллегорической форме касается обстоятельств, приведших к отъезду Бериша. В поэтическом отношении оды Беришу предвещают перелом в его поэзии. Гете применил в этих одах вольные формы нерифмованного стиха в духе поэзии Клопштока. Что касается Бериша, то его резкая критика всех общепринятых понятий возможно послужила одним из слагаемых образа Мефистофеля.

Стр. 67. Э л е г и я на с м е р т ь б р а т а м о е г о д р у г а.— Речь идет о старшем брате Бериша (имя его не удалось установить), состоявшем на службе у ландграфа Гессен-Филиппштальского. Неизвестно, какие поступки этого феодала подали повод для смелых тирад свободолюбивого молодого Гете против тирана, сыгравшего роковую роль в судьбе брата Бериша, но они показательны для умонастроения поэта в те годы. В четвертой строфе упоминается невеста покойного, скончавшаяся за год до него.

ИЗ ЛИРИКИ ПЕРИОДА «БУРИ И НАТИСКА»

С переезда Гете в Страсбург в 1770 году начинается важнейший период в развитии творческого гения поэта. Огромную роль в этом сыграл его друг, выдающийся мыслитель и писатель Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803), который помог Гете порвать с искусственностью стиля рококо и открыл ему, что источником подлинной поэзии является народное творчество. Благодаря влиянию французского мыслителя Жан-Жака Руссо (1712—1778) Гете проникается стремлением приблизиться к природе. Его литературными кумирами становятся поэты, сочетающие величие и естественность чувств с близостью к природе,— Гомер, Шекспир и Оссиан (кельтский бард раннего средневековья, под именем которого шотландец Джеймс Макферсон издал написанные им поэмы). Именно в это время происходит формирование Гете как совершенно самостоятельного художника. В стихотворениях этого периода впервые раскрывается титаническая мощь лирического гения Гете, вводящего в поэзию новые мотивы и создающего новые поэтические формы.

ЗЕЗЕНГЕЙМСКИЕ ПЕСНИ

В автобиографии («Из моей жизни. Поэзия и правда», кн. 10 и 11; см. т. 3 наст. изд.) Гете с большой проникновенностью рассказывает историю своей любви к Фридерике Брион, дочери пастора в деревушке Зезенгейм. Любовь к Фридерике совпала с новым пониманием поэзии как выражения непосредственного чувства. Лирика этого времени представляет собой решительный разрыв с рассудочностью поэзии классицизма. Человек и природа в новой лирике Гете слиты, чувства сильны и лишены галантного жеманства рококо. Недаром многие из этих стихотворений — песни.

Стр. 71. Фридерике Брион.— Живая непосредственность призыва к возлюбленной, пропустившей час утреннего свидания, сочетается с тонкой передачей атмосферы деревенского быта в Зезенгейме. Простота и естественность интонаций стихотворения была для того времени необыкновенной,— до Гете ее не было в немецкой лирике. Но еще не изжиты некоторые условности поэзии XVIII в. в использовании античной мифологии. *Филомела* — имя

афинской даревны, превращенной богами в соловья; камена — в римской мифологии нимфа: камены отождествлялись с музами.

Стр. 72. «Вернусь я, золотые детки...» — Из письма к Фридерице и ее сестрам. Как в предыдущем стихотворении, лиризм Гете вдохновляется видением патриархального уюта пасторского дома.

Стр. 73. «Скоро встречу Рику снова...» — Покидая Зезенгейм для своих занятий в Страсбурге, Гете переписывался с Фридерикой. Когда он читал ее письма, ему «казалось, что и здесь, на бумаге, это она, Фридерика, вбегает, летит, ревнится, торопится, легкая и уверенная в себе. И я охотно писал ей; живое представление о ее прелести увеличивало мою любовь даже в разлуке...» («Поэзия и правда», кн. 11).

С разрисованной лентой.— «...В разлуке с нею [с Фридерикой], — писал Гете, — я тоже был ею занят, стараясь с помощью какого-нибудь нового дара, новой выдумки предстать перед ней обновленным. Тогда только что начали входить в моду разрисованные ленты; я тоже разрисовал несколько штук и послал их Фридерике в сопровождении маленького стишка...» («Поэзия и правда», кн. 11).

Стр. 74. Журки.— Еще одно свидетельство введения бытовых мотивов в лирику. Имя Терезы является условным; стихотворение написано для Фридерики Брион.

Кристель.— Кто такая «Кристиана Р.», которой адресовано в рукописи это стихотворение, не установлено. Принадлежит к разряду песен с мотивами из народной, преимущественно сельской, жизни.

Стр. 75. Свидание и разлука.— Из стихов для Фридерики. Поэтическое новаторство проявилось в динамичной ритмике стихотворения, передающего темп стремительной скачки на коне. Каждая фраза выражает страсть лирического героя, чувства которого сливаются с видами природы, возникающими перед ним во время поездки на свидание с любимой. Само свидание лирически не воспроизведено; сразу после встречи возникает мотив прощания и разлуки. Стихотворение передает вершины моменты страсти: нетерпеливое стремление к любимой, радость встречи, и даже расставание окрашено сознанием счастья в любви.

Стр. 76. Майская песня.— Из стихов для Фридерики. Очевидно, связано с майским праздником. Все стихотворение построено на восклицаниях, выражающих ликование лирического героя.

БОЛЬШИЕ ГИМНЫ

Свободолюбивые стремления движения «Бури и натиска» получили наиболее сильное выражение в культе «гениальности». Феодальному неравенству, которое предоставляло высокое положение лицам дворянского происхождения, представители подымающейся бургерской интелигенции противопоставляли людей, выделяющихся своим дарованием, творческими способностями, высокой интеллектуальной культурой. Такие люди, «гении», презирали словесные ограничения феодального строя и в равной мере мещансскую приниженность. Индивидуализм «Бури и натиска» имел прогрессивный характер, ибо выражал отрицательное отношение ко всему убожеству немецкой жизни конца XVIII века. Так как движение захватило преимущественно молодых людей, оно принимало подчас несколько крайние формы; но в основе своей было здоровым выражением социального протesta против приниженности бургества и народных масс.

Культ гениальности получил у молодого Гете выражение в образах людей, возвышающихся над средним человеческим уровнем, порывающих с обществом, выделяющихся своей незаурядностью, силой воли, мощью характера. Титанические фигуры героев, создаваемые средствами лирики, выражают вечную неудовлетворенность миром, ограничивающим их; это люди, полные внутреннего огня, гордые и смелые, чувствующие себя равными богам. Для выражения подобных чувств не только старые формы лирики, но и народно-песенные мотивы, возрожденные молодым Гете, были не пригодны. Отныне Гете решительно обращается к свободным размерам стиха, которые одни способны передать всю силу лирического волнения и страстей бурных гениев. Эти гимны резко контрастируют с лирическими зезенгеймскими песнями. В «больших гимнах» лирика обретает космический характер, ибо полем действия лирического героя является весь мир, вселенная, его судьба связана с судьбами народов, всего человечества.

Стр. 78. Песнь странника в бурю.—Порвав с Фридрикой Брион, мучимый сознанием вины перед девушкой, поэт находил успокоение в бродяжничестве «под вольным небом, в долинах и на горах, в лесах и в поле... Я привык жить на дорогах и, как почтальон, странствовал между равниной и горной местностью... Душа моя больше чем когда-либо была открыта миру и природе. В пути я пел диковинные дифирамбы и песни; из них сохранилась одна, названная мною «Песнь странника в бурю»,— так писал Гете в третьей части автобиографии. Она была изда-

на им в 1812 г., он вспоминал тогда молодость с высоты своих шестидесяти двух лет и поэтому несколько иронически завершил этот рассказ замечанием: «Я со страстью распевал эту полубессмыслицу, идя навстречу уже разразившейся буре» («Поэзия и правда», кн. 12).

Самооценка позднего Гете верна лишь в том отношении, что смысл стихотворения не раскрывается тому, кто подойдет к нему с рассудочными критериями. Оно представляет собой выражение бурных, сменяющих друг друга чувств, и не логика мысли, а налетающие подобно бурному вихрю эмоции определяют его строй.

Всемощный гений, неоднократно упоминаемый в стихотворении,— это творческий гений поэта, который Гете ощущает в себе, и этот гений возвышает его над всем окружающим. Уже во второй строфе возникают мифологические имена, но упоминание их не отзвук классицизма; античность раскрывается теперь Гете в свете теории Гердера о народном происхождении поэзии, и прообразом такого поэта является для странника древнегреческий поэт Пиндар (V в. до н. э.), утверждавший, что поэт — пророк, который вещает истину, воспринятую им от божественных муз: иначе говоря, древнеэллинский поэт мыслится как отдаленный прообраз нынешних бурных гениев. Аполлон *Лифгийский* — покровитель поэзии, Зевс *Увлажняющий* — бог богов Олимпа, громовержец; дожди, исторгаемые им из туч, увлажняют землю, и тем самым он дает природе цветести. Пиндару противопоставляются поэт любви и неги *Анакреон*, мастер идyllий *Феокрит*. Странник отдает предпочтение Пиндару, ибо лишь ему родственна по духу буря, обрушившаяся на скитальца. Среди других мифологических образов, упоминаемых в стихотворении: *Девкальоновы хлебы*,— Девкалион, сын Прометея, после потопа, уничтожившего человечество, создал людей из тины; *Бромий* — одно из имен божества винodelия (Дионис, Вакх), вакхическая одержимость противопоставляется здесь мирному журчанию *Кастальского* ручья, считавшегося у греков источником поэзии. Финал песни — Но пыл исскл... — частый у бунтаря Гете мотив бессилия и предчувствия поражения.

Стр. 81. Путешественник и поселянка.— В подлиннике этот поэтический диалог называется «Странник», что связывает его с предыдущим стихотворением. По сравнению с «Песней странника в бурю» это стихотворение дышит идиллическим покоем, но и в нем сквозь мирную, казалось бы, беседу странника с поселянкой звучат типичные для «Бури и натиска» мотивы: противопоставление природы и цивилизации, скорбь о гибели прекрасных

памятников культуры, созданных древними, культ природы и простой сельской жизни. Если поселянка спокойно относится ко всему, то путешественник всюду подмечает тревожные признаки надвигающегося распада, увядания, разрушения, смерти. Этот мотив воспринят Гете из «кладбищенской» поэзии английского преромантизма XVIII в. (Т. Грей, Э. Юнг). Хотя путешественнику мил идиллический быт поселянки, такая жизнь не для него, он обречен скитаться, но он надеется, что, может быть, когда-нибудь обретет такой покой и для себя. *Кумы* — город на юге Италии.

Стр. 87. Песнь о Магомете.— Раньше название ошибочно переводилось как «Песнь Магомета». Но это не песня самого пророка, а гимн Али в честь своего учителя Магомета, первоначально предназначавшаяся для незавершенной драмы «Магомет». Тема песни не религиозное учение Магомета, а мощь его как гения, который уподоблен потоку, стремительно протекающему по земле. Если в «Песни странника в бурю» бурный гений раскрывается изнутри, в «Путешественнике и поселянке» — в сопоставлении беспокойного странника и всем довольной поселянки, то здесь гений (Магомет) показан вовне, в своем действии на других. Уподобление потоку выражает не только его стремительность, но и слитность с природой. Магомет-завоеватель воплощает мечту о всепокоряющем могуществе гения. Слитность с природой сочетается в нем с чувством всечеловеческого братства,— мотив, проходящий через всю поэмку. Титанизм Магомета сравнивается с силой великана Атласа (Атланта), несущего на своих плечах весь мир.

Среди других больших гимнов этот выделяется своим оптимистическим звучанием. Однако, насколько мы знаем от самого Гете о замысле драмы «Магомет», эта песня должна была исполняться в момент высшего успеха героя, но вскоре пророк становится жертвой коварства и умирает от яда. Ввиду незавершенности замысла песнь в ее отдельном виде сохраняет триумфальное звучание.

Стр. 89. Прометей.— «Прометей» — одно из вершинных произведений молодого Гете и всего движения «Бури и натиска». Это поэтический манифест творческой личности, утверждающей себя в реальном мире. Прометей Гете — не тот страдалец, который за непослушание богам был прикован Зевсом к скале, а свободный творец, создавший людей, похитивший для них огонь у богов, которых он с презрением отвергает. Стихотворение проникнуто духом смелого отрицания догматической религии. Человеку бесполезно ждать благодати свыше; им должно руководить только собственное «свя-

тым огнем пылающее сердце». Гете свойственно здесь пантеистическое обожествление природы в духе философии Б. Спинозы. Еще до напечатания список «Прометея» был получен от самого поэта Фридрихом Якоби в 1775 г. Пять лет спустя Якоби показал «Прометея» великому немецкому писателю просветителю Г.-Э. Лессингу, который неодобрительно относился к крайностям движения «Бури и натиска». Но «Прометей» ему понравился: «Стихотворение написано с точки зрения, соответствующей моей: ортодокальное понимание божества не по мне, я его не приемлю».

Стр. 90. Ганимед.— Образ прекрасного мальчика Ганимеда, похищенного Зевсом с земли, использован Гете для создания самого восторженного из его гимнов природе, земле и небу, благоухание и красота которых дарят высшую духовную радость человеку. Отец Вседержитель — здесь не христианский бог, а та же природа, которая для Спинозы и его последователя Гете есть высшее божество. Таким же восторженным поклонением красоте природы проникнуто в романе «Страдания юного Вертера» второе письмо героя, и это дает основание предположить, что они были написаны одновременно.

Стр. 91. Бравому Хроносу.— «Гец фон Берлихинген» и «Страдания юного Вертера» настолько прославили молодого Гете, что Клопшток, считавшийся до того вождем немецкой литературы, проездом через Франкфурт посетил Гете. Проводив старшего поэта, Гете, возвращаясь в карете во Франкфурт, сочинил это стихотворение.

Свою поездку в карете Гете уподобил путешествию на жизненном пути. Аллегория выражает бурное нетерпение молодого поэта, стремящегося творить, жить активно, не успокаиваясь на уже достигнутом. Надо успеть сделать как можно больше, прежде чем путь приведет в *Орк* (греч. миф.) — преисподнюю.

Стр. 92. Морское плаванье.— В аллегорической форме стихотворение отражает переломный момент в жизни Гете — отъезд из Франкфурта в Веймар в гости к герцогу Саксен-Веймарскому. Уподобление жизни морскому плаванию, сопряженному с опасностями,— древний поэтический мотив. Для Гете он стал актуальным, когда он из никому не известного провинциального юриста превратился в писателя с общеевропейской славой. Сознавая, что перед ним открываются широкие и неизведанные жизненные перспективы, он писал своему другу Лафатеру: «Я отныне совсем снаряжен для плавания по волнам мира — полон решимости открывать, добиваться, бороться, погибнуть или взорвать самого себя

на воздух вместе с грузом» (6 марта 1776 г.). Стихотворение еще связано общим настроением с творчеством Гете в период «Бури и натиска».

Стр. 94. Зимнее путешествие на Гард.—Написанное в манере больших гимнов, это стихотворение менее эгоцентрично, чем остальные стихи цикла. Лирический герой здесь думает о других — о крестьянах, которым охотники помогут, истребив хищных зверей, о некоем страждущем, который жаждет утешения. Стихотворение основано на реальных мотивах: Гете отстал от охотничьей компании герцога Веймарского и отправился в горы Гарда, где, между прочим, должен был увидеться с одним молодым человеком, предавшимся отчаянию после прочтения «Страданий юного Вертера». Обычное для молодого Гете прославление природы в этом стихотворении сочетается с ярко выраженным чувством гуманности.

Стр. 96. ...Вершины, впушающей страх...— Брокен.

ПРИЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА

Движение «Бури и натиска» высоко поднимало образ художника. Если в феодальном обществе на него смотрели как на квалифицированного ремесленника, то для «штилеров» (представителей движения «Бури и натиска») он был воплощением их понятия о гении. Образ художника-творца мысленно противопоставляется филистерам с их пошлым и бесплодным существованием, их враждой ко всему индивидуальному и выходящему за узкие рамки мещанского быта. Единство цикла стихотворений на эту тему, написанных молодым Гете, было впервые подчеркнуто советским исследователем А. Г. Габричевским (1932), а затем немецким гетеведом Э. Трунцем (1948) в редактированных ими изданиях лирики Гете. Художник — выразитель природы, он возвышается над обычными людьми, его судьба нелегка,— эти и другие темы выражены Гете в стихах, где собирательный образ творца предстает то в лице поэта, то в лице живописца. В произведениях о судьбе художника очень остро стоит вопрос о понимании его публикой, ценителями, знатоками и критиками. Сама постановка этой темы свидетельствует о том, что, отстаивая права индивидуального творчества, Гете отнюдь не был сторонником субъективизма в искусстве, ибо не мыслил себе творчества в отрыве от общества и народа. Но ему слишком хорошо было известно, как низок был культурный и эстетический уровень даже так называемых образованных людей из дворянской и бюргерской среды.

Стр. 97. Вечерняя песнь художника.— Впервые напечатана в «Физиогномических фрагментах» друга Гете Лафатера (т. 1, 1775) под названием «Песнь рисовальщика-физиогномиста». Лафатер считал, что между формой головы, чертами лица и другими особенностями конституции человека и его характером есть связь. Гете смотрел на этот вопрос несколько иначе. Данное стихотворение, созданное в форме поэтического послания Лафатеру, проводит идею, что дар художественного постижения мира вложен в человека природой; однако, получив этот дар, человек отнюдь не становится рабом природы, а в своем творчестве формирует ее в духе своих личных стремлений. Стихотворение свидетельствует о том, что, следуя эстетике «Бури и натиска», Гете отвергал классический принцип «подражания природе» во имя творческой свободы, фантазии, вдохновения.

Стр. 98. Новый Амадис.— *Амадис* Галльский — герой рыцарских романов XVI в., любимец сервантовского Дон-Кихота, сохранил популярность вплоть до XVIII в. В 1771 г. вышел «Новый Амадис, комическая поэма в 18-ти песнях» популярнейшего немецкого поэта Кристофа Мартина Виланда. Стихотворение воспевает фантазию, как самое первое проявление художнической натуры, возникающее уже в детских играх. Мотив Амадиса поэт обогащает элементами, почерпнутыми из французских волшебных сказок XVIII в.

Стр. 99. Орел и голубка.— Используя традиционную поэтическую символику, Гете противопоставляет штурмическое стремление к свободе, воплощенное в образе орла, мещанскому довольству будничной жизнью.

Стр. 101. Знаток и энтузиаст.— Стихотворение направлено против педантизма и рационалистического отношения к искусству и утверждает чувство как главный критерий в оценке прекрасных явлений искусства и жизни.

Стр. 102. Художник и ценитель.— Уже встречавшееся у Гете противопоставление творческой личности и критика, оценивающего результат его творчества, получает здесь несколько новое освещение. Здесь ценитель не педант, он судит с точки зрения не догматов, а жизни и, опираясь на это, выносит суждение: «Мертв покуда!» Художник и сам чувствует несовершенство созданного им. Путь к мастерству лежит через приближение к природе, но, по Гете, задача художника заключается в том, чтобы чувство живой природы органически родилось в его душе и естественным же путем «перешло в пальцы», которые должны затем создать картину.

Ценитель не берется указать, как этого достигнуть; художник сам должен найти средства, которые придаут подлинную жизненность его творениям.

Стр. 103. Земная жизнь художника.— Это и следующие два произведения Гете обозначил как «драмы», не имея, однако, в виду их сценического воплощения. Это стихотворные диалоги о сущности искусства, распространенные уже в XVIII в. и сохранившиеся в поэзии XIX в. В начале «драмы» перед нами художник, увлеченный творчеством, но наступает день, и с ним приходят профанские заботы о семье, о пропитании, потом появляются заказчики портретов, высокомерно судящие об искусстве, которого они не понимают. «Земная жизнь художника» была впервые очень вольно переведена Д. Веневитиновым (см. Г е т е . Сочинения, под ред. П. Вейнберга, СПб.; Г е т е . Собрание сочинений в 13-ти томах, т. II, М., 1932).

Стр. 107. Обожествление художника.— Этот диалог был сочинен Гете во время поездки по Рейну в 1774 г. и сохранился в виде наброска в его записной книжке.

Стр. 108. Апофеоз художника.— Это произведение, состоящее из нескольких диалогов, примыкает к «Земной жизни художника». Это как бы ее продолжение. Здесь художника ждет «апофеоз»— признание его собратьями по искусству, царственным мединатом, наконец, дельцами, продающими и покупающими картины. Художник с полным правом сетует на то, что материальное вознаграждение пришло слишком поздно. Стихотворение написано значительно позже предшествующих. Стихотворная фактура, особенно в начале, напоминает стиль первых сцен «Фауста», переработкой которых Гете был в ту пору занят. Если в ранних стихотворениях цикла, относящихся к периоду «Бури и натиска», главным элементом творчества Гете провозглашал эмоциональное и интуитивное воплощение природы, то в «Апофеозе» подчеркивается, что стихийные порывы художника следует подчинять требованиям разума. «Апофеоз художника»— произведение, в котором отображен поворот Гете к классицизму.

БАЛЛАДЫ

Баллада — вид лирики, включающий повествовательный элемент,— пережила пору расцвета в народной поэзии Германии XV—XVI веков, но постепенно стала забываться. То же происходило

в других странах. В 1765 году английский епископ Перси издал собрание старинных народных песен, включавшее большое количество шотландских баллад. Сборник стал известен в Германии и был восторженно принят поэтами «Бури и натиска». Гете создал по мотивам и сюжетам народной поэзии ряд баллад, предназначавшихся для песенного исполнения. Свою задачу Гете видел не в том, чтобы переработать произведения народной поэзии; он стремится приблизить их язык к современному, отточить их ритмическую форму, сохранив эпическую простоту и лиричность. Ему это удалось в такой степени, что некоторые стихотворения, например, «Дикая роза», неразличимы от аналогичных памятников народного творчества.

Гердер призывал изучать дух разных народов через их поэзию. Гете следовал за ним и в этом. Его баллады имеют не только немецкие корни. «Цыганская песнь» — один из примеров этого. «Фульский король» имеет древнескандинавские корни: *Фула* — название легендарной страны на Крайнем Севере. «Скорбная песня благородной госпожи, супруги Асан-аги» — обработка сербскохорватской народной баллады.

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

Стр. 126. Фридриху Вильгельму Готтеру.— Адресат стихотворного послания был близок к Гете во время его пребывания в г. Вецларе (см. «Поэзия и правда», кн. 12). Послано вместе со вторым изданием драмы Гете «Гец фон Берлихинген». Советы для постановки драмы вызваны тем, что Готтер, как и сам Гете, интересовался любительскими театральными представлениями. *Вейслинген* — персонаж той же драмы Гете.

Стр. 127. Надпись на книге «Страдания юного Вертера» (в подлиннике *motto* — эпиграф; и не м.).— Роман Гете «Страдания юного Вертера» (1774) был восторженно встречен молодежью, но имел также неожиданное последствие — ряд самоубийств молодых людей, подражавших примеру Вертера. Выпущенная второе издание книги, Гете снабдил его эпиграфом в виде этого стихотворения. Подтверждая свое восхищение чувствительными душами, он настойчиво призывал молодых людей не уходить из жизни, а мужественно встречать ее трудности.

К ЛИЛИ

Историю своей любви к Анне Элизабете Шёнеман, воспетой им под именами Лили и Белинды, Гете рассказал в автобиографии («Поэзия и правда», кн. 16—20). Если стихотворения, посвященные

Фридерике Брион, проникнуты бурной восторженностью, то чувства, вызванные Лили, сложны и противоречивы. Страсть лирического героя сильна, но есть в его любви нечто тягостное. Между ним и возлюбленной нет полного взаимопонимания, он ревнует, мучится, жаждет близости и боится стать рабом своей страсти. Лирический герой этих стихотворений глубже заглядывает в свой внутренний мир, чем возлюбленный Фридерики, более живший красотой ее и окружающей природы. Любовь к Лили вызывает у поэта элегические ноты.

ПЕРВОЕ ВЕЙМАРСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

Стр. 139. Ильменау.— Написано ко дню рождения Карла-Августа, герцога Саксен-Веймарского. Стихотворение создано восемь лет спустя после приезда в Веймар и отражает разные фазы жизни в эти годы. Композиция стихотворения сложна, в нем переплетаются прошлое и настоящее, а в конце есть намек на желаемое будущее. Поэма открывается впечатлением от окрестностей городка Ильменау с близлежащей горой Кикельхан. Посещение этой местности заставляет поэта вспомнить развлечения, которым он вместе с герцогом и его приближенными предавался в первое время по прибытии в Веймар, перед его мысленным взором возникают образы спутников герцога. Поэт вспоминает и самого себя, нынешний Гете обращается с вопросом к Гете тех времен: кто он. Следует ответ, содержащий опыт самохарактеристики, относящейся к первым веймарским годам. Пробудившись, поэт размышляет о будущем. При этом надо вспомнить третью строфиу, где говорится о трудной жизни простых людей. В finale поэту открывается видение счастливой жизни народа в будущем, и он обращается к герцогу, выражая надежду, что тот осуществит эту мечту.

В шестой строфе упомянут *Арденнский лес*, место действия комедии Шекспира «Как вам это понравится», где изгнанный братом герцог проводил время, занимаясь охотой. Лесные духи, эльфы — из другой комедии Шекспира, «Сон в летнюю ночь».

Стр. 144. Ері phanias.— Так называется христианский рождественский праздник, связанный с легендой о поклонении волхвов, отмечавшийся 6 января. Шутливое стихотворение написано Гете для этого праздника в Веймаре. Начальные строки взяты из народной песенки, исполнявшейся в этот день мальчиками. Ввиду ее

богохульственного характера эта песня была запрещена веймарской полицией, но Гете позволил себе дать свой вариант, исполненный на придворном празднестве. Первого из волхвов исполняла актриса Корона Шретер, и в этом соль шутки третьего четверостишия.

СТИХИ ЛИДЕ

Этим именем Гете называл свою возлюбленную Шарлотту фон Штейн (см. предисловие). По сравнению с предшествующими любовными циклами этот отличается отсутствием бурных порывов, мягкостью тона, большей раздумчивостью и вместе с тем уверенностью в том, что обращения к возлюбленной встретят глубокое понимание с ее стороны. Полнее всего их отношения выражены в стихотворении, открывающем здесь этот цикл. Влияние Шарлотты фон Штейн сказалось не только в стихах, посвященных ей, но и в других произведениях этого периода.

РАЗДУМЬЯ, ПЕСНИ И НОВЫЕ ГИМНЫ

Стихотворения, собранные в данную группу, характеризуют новое умонастроение, пришедшее на смену идеям «Бури и натиска». Особенно показательны в этом отношении новые гимны: «Границы человечества», «Песня духов над водами», «Моя богиня», «Божественное». Гете сохраняет в них верность своему пантеизму, вере в единство человека с силами природы, но лирический герой его поэзии уже не прежний бунтарь, бросающий вызов богам, а человек, сознающий, что он может осуществить свое земное назначение не в противоборстве с миром, а в тесном слиянии с ним. По-новому звучит и столь близкая поэту тема странничества. Его странник теперь идет не навстречу буре — он жаждет мира и покоя. Этим пастроением пронизаны обе новые «Ночные песни странника», особенно непревзойденный образец лирики Гете — «Горные вершины// Спят во тьме ночной...».

Новый взгляд на жизнь меняет и отношение к искусству. «Позитическое призвание Ганса Сакса» дает идеализированный портрет народного поэта XVI века, и его образ воплощает новое представление Гете о роли и месте художника в жизни по сравнению с циклом штурмерских произведений на ту же тему. Ганса Сакса, живущего в ладу с миром, вдохновляет муза чистой и светлой радости, озаряющая его лучезарностью правды. Во мно-

гом родственno этому стихотворение «На смерть Мидинга». Здесь еще яснее, чем в образе Ганса Сакса, подчеркнут демократизм Гете, видящего в скромном декораторе Веймарского театра верного служителя искусств, украшающих жизнь и доставляющих людям радость. Такое же отношение к искусству, предназначенному украшать жизнь всех, выражено в стихотворении «Капли нектара».

Стр. 153. И столкование старинной гравюры на дереве, изображающей поэтическое призвание Ганса Сакса.— Ганс Сакс (1494—1576) — нюрнбергский сапожник, сочетавший свое ремесло с участием в состязаниях мастеров пения и организации театральных представлений; написал множество разнообразных сочинений: песен, трагедий, фарсов и т. д. Старинной гравюры, изображающей его, у Гете не было; он воспользовался приемом, который применил сам Ганс Сакс, сочиняя пояснительные стихи к гравюрам. Упоминаемый в поэме *Альбрехт Дюрер* (1471—1528) — величайший немецкий художник Возрождения. Библейские образы Адама и Евы, городов Содома и Гоморры использованы Гете как условные обозначения человеческих грехопадений. *Петр*.— Имеется в виду апостол Петр, «недовольный вначале мироустройством». Появление старушки-музы *Истории, Мифологии, Фабулы*, вероятно, навеяно стихотворением Г. Сакса, описывающим его встречу с девятью музами.

Стр. 157. На смерть Мидинга.— *Мидинг И.-М.* — искусственный художник, столяр-краснодеревщик, осуществлявший всю декоративную часть театральных постановок в Веймарском придворном любительском театре, созданном при участии Гете. Умер в 1782 году, тогда же написано стихотворение. *Дом Талии* — театр, Талия (греч. миф.) — муза комедии, театра. *Хауеншильд* — театральный портной, *Шуман* — декоратор, *Тильенс* (Тиле) — придворный портной, *Элькан* — придворный банкир, *Вифлеем* — место рождения Христа, Веймар уподоблен этому маленькому городу в том смысле, что из него тоже исходит свет — свет искусства. *Директор природы* — шутливое прозвище Мидинга, взято из пьески Гете «Триумф чувствительности». *Эттерсберг* — охотничий замок веймарского герцога в горах. *Гиффурт* — городок близ Веймара, резиденция матери герцога. *Что никогда сложили галл иль бритт, // Здесь... по-немецки говорит*.— Имеются в виду пьесы, переведенные с французского и английского. *Корона* — талантливая актриса Корона Шрётер (1751—1802), выступала на сцене Веймарского театра, притом с особым успехом в «Ифигении» и «Рыбачке» Гете.

БАЛЛАДЫ

Если в балладах периода «Бури и натиска» преобладали любовные мотивы, то в новом цикле Гете вводит в этот вид лирики таинственное и разумом не постигаемое; поэт размышляет о тайнах, сокрытых в природе. Гете воплощает это в конкретные образы, родственные по духу народным легендам, но эти баллады отнюдь не представляют собой переработку сюжетов народной поэзии, как в более раннем цикле, а в полной мере плод творчества Гете.

ИЗ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА»

В романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796) некоторые персонажи исполняют песни, выражающие их душевное состояние. Эти песни имеют самостоятельное значение, как яркие образцы лирики Гете.

ЭПОХА КЛАССИКИ

Началом нового периода явилась поездка Гете в Италию (1786—1788). Итальянское путешествие возбудило у Гете стремление возвратить в современном искусстве и поэзии дух античной классики, ее «благородную простоту и спокойное величие» (И. Винкельман). Сближение с Фридрихом Шиллером, произшедшее в 1794 году, укрепило Гете в этом стремлении. Оба поэта совместно вырабатывают теоретические основы так называемого «веймарского классицизма», определившие весь строй лирики Гете в этот период. Однако Гете привлекают в эти годы не только темы, сюжеты, близкие к искусству Древней Греции и Рима. Он остается современным поэтом, поэтом национальным, стремящимся сделать органичным для немецкой литературы высоко одухотворенное отношение к действительности. Особенно важной считает он, вместе с Шиллером, задачу привить немецкому народу развитое чувство прекрасного.

РИМСКИЕ ЭЛЕГИИ

«Римские элегии» — самый непосредственный и яркий результат итальянского путешествия Гете. Вдохновляясь образцами любовной лирики древнеримских поэтов Катулла, Тибулла, Проперция и Овидия, применяя античную стихотворную метрику, Гете вместе с тем остается современным поэтом, создающим образ нового для

него лирического героя. В центре римской лирики Гете — человек радостно приемлющий жизнь, вседело погруженный в ее красоту, способный возвести до уровня прекрасного даже повседневность. Любовь нового лирического героя неприкрыто чувственна, он бросает вызов всем светским условностям, воспевает наслаждение.

Несмотря на свое название, эти стихи были созданы не в Риме, а уже по возвращении поэта в Веймар, где произошли важные перемены в его личной жизни: он порвал связь с Шарлоттой фон Штайн и ввел в свой дом девушку из народа Христиану Вульпиус. Возлюбленная, воспетая в «Римских элегиях», — образ собирательный. Она воплощает и память о любовных радостях, испытанных в Италии, и чувства, возбужденные новой возлюбленной. Откровенная эротичность этих стихотворений нарушила чопорные понятия светского общества и вызвала осуждение даже у близких Гете людей. Элегии Гете представляли собой прямой вызов аристократическому и мещанскому ханжеству.

I.— *Гений* — здесь не в смысле, который придавали слову в эпоху «Бури и натиска», а, согласно римской мифологии, — дух-покровитель данной местности. *Roma aeterna* (лат.) — вечный Рим.

II.— «*Мальбрук*» — насмешливая французская песенка об английском полководце герцоге Мальборо (1650—1722).

III.— Здесь и далее Гете вспоминает древнегреческие мифы. *Киприда* (Афродита), богиня любви, явилась к красавцу Ахизу на горе Иде в облике пастушки и родила от него Энея; его потомки, по позднейшей легенде, считались основателями Рима. *Селена* — богиня Луны. Ради свиданий с Геро *Леандр* переплыval по ночам Геллеспонт (*Дарданеллы*), в одну бурную ночь он утонул. *Рей Сильвия* (по римской легенде) — мать Ромула и Рема, основателей Рима, якобы родившая их от бога войны Марса.

IV. — *Эринии* — богини мщения. *Кронион* — Зевс. *Протей* — морское божество, обладал способностью менять свой облик. *Фетида* — дочь бога моря Нерея. Упоминание о смуглой девочке, которую вытеснила из сердца поэта некая римлянка, имеет автобиографический смысл и относится к пребыванию Гете в Риме.

VI.— *Остия* — mestечко под Римом, *Кватро Фонтане* — площадь четырех фонтанов в Риме. *Лиловые чулки* носили священники, *красные* — кардиналы; намек на то, что римское духовенство совсем не соблюдало обет целомудрия.

VII.— *Амврозийный* — от греч. амврозия — пища богов. *Ксений-Юпитер* — одно из имен и воплощений главного бога римлян

как бога гостеприимства. *Геба* — богиня юности, угощала гостей на Олимпе божественным напитком нектаром. *Цестиев склеп* — пирамида в Риме, усыпальница римского трибуна Цестия.

X. Вначале перечисляются великие полководцы: *Юлий Цезарь*, *Александр Македонский*, французский король *Генрих IV* и прусский король *Фридрих II*.

XI. *Мусагет* (водитель муз — греч.) — Аполлон, *Кифарея* — Афродита (Венера). Гете сочинил, будто Амур — сын Афродиты и Вакха.

XII. *Виа Фламиния* — Фламиниева дорога, одна из тех, что вели в Рим. Описывается праздник в честь *Цереры* — богини плодородия. *Элевсин* — греческий город, где возник таинственный культ богам (Элевсинские мистерии); Гете сочетает здесь в описании черты Элевсинских мистерий с римскими праздниками урожая. *Иасион* (Ясион) — критский бог земледелия; *Великая Матерь* — Церера.

XIII. Критская царевна *Ариадна* помогла Тезею выйти из лабиринта; увезенная им с Крита, она была потом покинута им.

XV. Первые две строки — воспоминание об античном анекдоте: римский поэт *Флор* написал эпиграмму на императора Адриана, любившего путешествовать пешком, в которой заявил, что не хотел бы стать цезарем (императором), скитающимся по Британии и Скифии. Адриан парировал выпад поэта, сказав, что не хотел бы быть Флором, который шляется по кабакам и кормит блох. *Попина* — кабак, *остерия* — харчевня. Цифра четыре, написанная возлюбленной поэта, означает: через четыре часа после наступления полночи. *Семихолмие*. — Рим расположен на семи холмах. ...зажил разбойничий здесь и домовитый народ. — Вполне обоснованное представление о начале Римского государства, которое с первых шагов стало на путь завоеваний и грабежа других народов.

XVIII. *Фаустина* — предположительно имя римской возлюбленной Гете. *Квириты* — полноправные римские граждане.

XIX. Под именами античных богов здесь выведено придворное общество Веймара, судачившее по поводу союза Гете с Христианой Вульпиус. *Фама* — богиня молвы, в данном случае — сплетен и слухов; любовь, желающая остаться тайной, не ладит с ней. Гете вольно обработал в этой элегии различные античные мифы о любовных историях богов Олимпа.

XX. Фригийский царь *Мидас* предпочел пение сатира Марсия пению Аполлона; за это последний наказал его, наделив ослиными ушами, которые тот тщетно пытался скрыть; их увидел цирюльник, который закопал тайну, записанную в стихах, но камыши узнали и разгласили ее.

ЭПИГРАММЫ. ВЕНЕЦИЯ 1790

В 1790 году Гете совершил вторую поездку в Италию и посетил Венецию. Если первое путешествие возбудило его энтузиазм, то повторное посещение страны вызвало противоположные чувства. Теперь внимание поэта привлекли не красота природы и прелесть искусства, а народная нищета, отсутствие культуры у современных итальянцев, безнравственность духовенства, политическое разложение правящих кругов. Здесь Гете подражал не римским лирикам, а прославленному римскому сатирику Марциалу (I в.), эпиграммы Гете — прекрасный образец социально насыщенной поэзии, свидетельствующий о том, что поэт сочетал восхищение классической древностью с пристальным вниманием к современной жизни. В отличие от «Римских элегий», проникнутых единством темы и настроения, «Венецианские эпиграммы» разнообразны и в том и в другом отношении.

2.— *Вергилия край* — место рождения великого римского поэта Вергилия под Мантуйей.

3.— Стихотворение выражает тоску по Христиане, оставшейся в Веймаре. *Веттурино* — возница. *Ринальдо* — один из героев поэмы «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, долго находился под влиянием любовных чар волшебницы Армиды.

5.— *Дафна* была превращена богами в лавровое дерево, чтобы спасти ее от преследований Аполлона.

18.— *Чемерица*.— Растиртое в порошок, это растение считалось у древних лекарством против безумия.

20.— *Кибелы* — богиня земли, мать греческих богов; ее изображали на колеснице, запряженной львами. ...*новый, крылатый кот*... — крылатый лев, изображенный на гербе Венеции.

23.— *Лягушки в мантиях красных*.— Щегольские плащи в Венеции были красного цвета.

25.— *Байи* — приморский город под Неаполем; Гете посетил его во время первого итальянского путешествия.

26.— Противопоставление *Сардинии* и *Тибура* взято у Марциала, для которого первая — незддоровое место, а Тибур (нынешнее Тиволи) — благодатный край.

34-6.— Стихотворение посвящено герцогу Веймарскому, с которым у Гете были не столь идеальные отношения, как можно судить по данному здесь описанию. Гете уподобляет его одновременно римскому императору Августу и покровителю поэтов — Меценату.

36.— *Беллами* (XV в.), *Веронезе* (XVI в.) — венецианские живописцы. Имеется в виду картина Веронезе «Брак в Кане Галилейской».

37.— *Беттина* — уличная акробатка. Ей и акробатической труппе посвящены эпиграммы 38—47.

41.— Питер *Брейгель* младший — голландский живописец, прославившийся мрачными изображениями ада, за что прозван «Брейгелем адским»; Альбрехт *Дюрер* здесь упомянут как автор иллюстраций к «Апокалипсису».

42.— *Боттега* (и т. д.) — круг, очерченный мелом, внутри которого акробаты дают уличное представление.

45.—...ради *Антония*.— Имеется в виду Антоний Падуанский популярный в народе святой.

50—58.— Группа эпиграмм, посвященных буржуазной революции во Франции. (Об отношении Гете к французской революции см. предисловие.) Эпиграммы свидетельствуют о двойственном понимании событий, происходивших в то время. Гете осуждает демагогов, сулящих народу больше, чем они могут дать, отрицательно относится к «толпе», легко впадающей в крайности; вместе с тем он понимает, что народ слишком долго держали в ярме рабства, и это объясняет его «дикость». Судя по эпиграмме 57, Гете склонен отдать предпочтение «свободным безумцам» скорее, чем терпеливо молчавшим рабам. Феодальный господствующий класс сам виноват в том, что революционные идеи приобретают все больше сторонников и за пределами Франции (эпиграмма 58).

60.— Бог ниспоспал голодному апостолу Петру чистых и нечистых зверей, но тот отказался их есть.

63.— *Хлоя* — условное поэтическое имя для обозначения возлюбленной.

64.— *Филарх* (греч.) — любящий власть, властолюбец.

77.— Возражение Гете тем, кто считал лишними его занятия наукой и советовал ограничиваться поэзией.

78.— По учению великого английского физика Ньютона (1642—1727), цвета возникают из разложения белого луча. Гете создал собственную теорию, по которой цвет есть результат столкновения света с тьмой. См. подробнее comment. к стр. 327.

89.— *Мемнонов колoss* — гигантская статуя египетского царя около Фив, по поверью, звучала на рассвете.

99.— *Холодный край* — загробный мир, по поверью греков.

ЭЛЕГИИ И ПОСЛАНИЯ

Стр. 216. *Алексис и Дора*.— Одно из первых произведений Гете, написанных в подражание античным образцам; было воспринято современниками и друзьями как воплощение нового классического стиля.

Стр. 220. *Эфросина*.— Элегия в память молодой актрисы Веймарского театра Христианы Нейман, умершей девятнадцати лет. Эфросина — имя одной из граций, роль которой актриса с успехом исполняла на сцене. *Артур* — юный английский принц, чья смерть изображена в пьесе-хронике «Король Джон» Шекспира, который и есть «британский бард», названный в следующей строке. Гете играл в этом спектакле роль Губерта, наставника принца, который должен был по приказу короля убить его; мальчик пытался бежать и разбился, упав с высоты. Гете так правдиво играл роль, что актриса от страха лишилась чувств. *Персефонино царство* — подземный мир в греческой мифологии. *Эсадна* сожгла себя вместе со скончавшимся мужем. *Поликсена* — дочь царя Трои, невеста Ахилла.

Стр. 230. *Аминт*.— Имена Аминта и Никия заимствованы из идyllии древнегреческого поэта Феокрита, но содержание поэмы навеяно толками друзей и знакомых, осуждавших союз Гете с Христианой.

Стр. 231. *Герман и Доротея*.— Стихотворение задумано как введение в поэму того же названия. Полемический характер отличает его от элегий. В нем вновь содержится ответ на нападки осуждавших его союз с Христианой, к которым присоединился и лучший из всех — вероятно, поэт Шиллер. ...кто дал нам свободу...— Имеется в виду филолог Ф.-А. Вольф, выдвинувший в 1795 г. концепцию, что «Илиада» Гомера составлена из пе-

сен, сочиненных в разное время. Гете сначала поддержал эту гипотезу, затем вернулся к традиционному взгляду об едином авторе «Илиады». *Луиза* — героиня поэмы-идиллии И.-Г. Фосса «Луиза» (1795).

Стр. 233—236. П о с л а н и я п е р в о е и в т о р о е .— Написаны для журнала Ф. Шиллера «Оры». Гете имел в виду регулярно выступать с такими стихотворными комментариями на современные темы, но на втором послании дело прекратилось. В первом послании упоминается остров *Утопия*, идеальная страна, вымышленная Томасом Мором в книге того же названия (1516), якобы расположенная за «столпами Геркулеса», то есть за Гибралтаром. Во втором послании упомянута *Помона* — римская богиня плодов.

СМЕШАННЫЕ ЭПИГРАММЫ

Стр. 238. Н а с т а в н и к и .— Древнегреческий философ *Диоген* на вопрос Александра Македонского, «сына Филиппа», чем он мог бы ему уснужить, ответил: «Отойди, не заслоняй солнца». Индийский мудрец *Калан* сопровождал Александра в его походе.

Стр. 239. С а к у н т а л а .— Драму индийского писателя Калидасы (V в.) «Сакунтала» Гете читал в переводе Г. Форстера (1791) и заимствовал из нее идею «Театрального вступления» для «Фауста».

К и т а е ц в Р и м е .— Эпиграмма направлена против писателя Жан-Поля Рихтера и осмеивает изощренность его писаний.

КСЕНИИ (Сочинения Шиллера и Гете)

«Ксениями» («маленькие подарки» — греч.) назвал серию своих эпиграмм римский сатирик Марциал. В борьбе против своих литературных противников Гете и Шиллер прибегли к сатире и создали множество эпиграмм, в которых давали оценку современным писателям и резко критиковали убогость мысли, мещанские вкусы и другие отрицательные стороны немецкой духовной жизни. «Ксении» — плод совместного творчества; что в них принадлежит Гете, что Шиллеру, невозможно определить. Они всегда печатаются в сборниках сочинений обоих поэтов. В настоящем издании представлены лишь избранные образцы этого жанра.

Стр. 240. П о с т н а п у т и в П р е к р а с н о е .— Ксении уподоблены живым существам, которые едут на Лейпцигскую книж-

ную ярмарку, ежегодный смотр литературных новинок; их останавливает цензор, просматривающий книги, выставляемые на ярмарке.

Т а м о ж е н н ы й д о с м о т р .— Опять о цензуре, особенно искающей подозрительные сочинения, отражавшие идеи французской революции.

П о э т у - м о р а л и с т у .— Имеется в виду Ф.-Г. Клопшток.

С о в е т х у д о ж н и к у .— Подразумевается морализаторский роман «Для благородных девиц» (1787) И.-Т. Гермеса.

Т е л е о л о г .— Насмешка над Ф.-Л. Штольбергом, который в «Путешествии по Германии, Швейцарии, Италии и Сицилии» в 1791 и 1792 гг. с ученым видом писал, что из пробкового дерева делают пробки. В более широком смысле направлено против тех, кто во всем видит предначертанность прорицания.

Стр. 241. Пр е п о д о б н ы й М е р к у р и й ... — Против И.-Т. Гермеса, персонажи романов которого говорили по-французски и на латыни.

С о в р е м е н н ы й п о л у б о ж о к .— Против Ф.-Л. Штольберга, мечтавшего о «христианском Геркулесе», который сразил бы языческого Брута.

К а к в y р а с т и т ь с т и х и н а н е м е ц к о й п o ч в e .— Поэт говорит о пренебрежительном отношении к подлинной поэзии в Германии; барабанить в окно — цель «Ксении», стремящихся пробудить от спячки и привить хороший вкус.

Стр. 242. Л е в и а ф а н и ə п и г р а м м ы .— *Левиафан* — огромное морское чудище, описанное в Библии. Возможный адресат эпиграммы — И.-К. Манзо, задетый в нескольких «Ксениях» и безуспешно пытавшийся ответить на критику Гете и Шиллера.

С в е ж и е н о в о с т и и з Р и м а .— В журнале «Немецкий Меркурий» появилась корреспонденция из Рима, сообщавшая, что живописец Карстенс написал картину «Время и пространство», в которой воплотил на холсте эти абстрактные понятия.

Я з y k o v e d .— И.-Г. Аделунг, составитель «Грамматически-критического словаря верхненемецкого диалекта» (1774—1786).

П у р и с т .— И.-Г. Кампе, основатель общества борьбы за чистоту немецкого языка, издававший специальный журнал для этой цели.

Стар. 243. «М о д н а я ф и л о с о ф и я » .— Представитель отживавшего просветительства Фр. Николай отзывался так о новом направлении, подготовлявшем развитие классической немецкой философии, в частности, о Фихте.

Стр. 244. Гомер по Вольфу.— *Вольф* — см. коммент. к стих. «Герман и Доротея», стр. 231. Эпиграмма построена на игре слов: «вольф» по-немецки — «волк».

Реклама книготорговца.— Имеется в виду книга И.-И. Спальдинга «Назначение человека», вышедшая в Лейпциге в 1794 г.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Одновременно с применением форм поэзии и метрики, заимствованных из античной поэзии, Гете продолжает развивать мотивы и формы своей «доклассической» лирики

Стр. 251. Кофты и песни.— Предназначались для пьесы «Великий Кофта» (1792), но не были включены в нее и появились в печати отдельно. *Мерлин* — легендарный волшебник из сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Стр. 253. Мусагеты.— См. коммент. к «Римским элегиям», XI.

Стр. 255. Кубок.— Посвящено Шарлотте фон Штейн — «Лиде». *Лиз* — одно из прозвищ бога виноделия Диониса.

Стр. 259. Волшебная сеть.— Написано к свадьбе веймарской придворной дамы, подарившей Гете вышивку, которая и описана в стихотворении.

К РАЗНЫМ ЛИЦАМ И НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

Стр. 267. Эпилог к Шиллерову «Колоколу».— Написано для декламационно-музыкального исполнения «Песни о колоколе» Ф. Шиллера в память недавно скончавшегося поэта. В начале стихотворения Гете вспоминает события конца XVIII в.: мир, заключенный с Францией ее австрийскими и немецкими врагами в 1799 г., а также бракосочетание веймарского принца Карла-Фридриха с русской великой княжной Марией Павловной, сестрой Александра I. Для этого торжества Шиллер написал «Прославление искусств», упоминаемое в первой строфе. За этим следует характеристика Шиллера, дружба с которым была одним из счастливей-

ших явлений жизни Гете, справедливо считавшего, что ранняя смерть Шиллера в 1805 г. была тяжелейшей утратой для всего немецкого народа. Последняя строфа была написана в 1815 г.

Стр. 273. *Vanitas! Vanitatum vanitas!* — Название представляет собой латинизированное изречение библейского мудреца Экклезиаста: «Суeta! Суeta сует!» Стихотворение написано как пародия на церковный гимн некоего Иоганнеса Папуса «На бога сделал ставку я». *Я сделал ставку на ничто...* — начало изречения из собрания Михаэля Неандера (1585).

Стр. 274. *Привык нешь — не отвык нешь.* — Услышав однажды певца, который «жалобным тоном затянул самую жалобную из всех заунывных немецких песен: «Любил я когда-то, теперь не люблю!» (письмо Христиане, 21 мая 1813 г.), Гете тут же решил написать пародию на нее и другие подобные песни.

Стр. 275. *Ergo bibamus!* («Итак, выпьем!») (лат.). — Написано в духе студенческих песен.

Стр. 276. *Веймарские проказницы.* — Шутливое стихотворение о веселом времяпрепровождении жены Гете Христианы и ее приятельниц; Гете называл их так по аналогии с «Виндзорскими проказницами» Шекспира. *Бельведер* — место для увеселений в Веймаре.

БАЛЛАДЫ

Новый цикл баллад создавался Гете в пору творческой дружбы с Шиллером. В них получил воплощение стиль «веймарского классицизма». Сочетание лирического, эпического и драматического начала делает такую балладу очень емким жанром поэзии. В основном баллады Гете этого периода делятся на два типа. К одному принадлежат стихотворения, представляющие собой песенный диалог, — «Паж и дочка мельника», «Юноша и мельничный ручей» и др. Второй тип — рассказ о таинственном и фантастическом происшествии, призванный вызвать у читателя раздумья о сущности жизни и ее противоречиях. Таковы «Коринфская невеста», «Бог и баадера» и подобные им. Эти произведения сложны и многозначны по смыслу.

Стр. 280. *Паж и дочка мельника.* — Во время своего путешествия по южной Германии в 1797 г. Гете присутствовал во

Франкфурте на представлении итальянской музыкальной комедии «Мельничиха». Это вдохновило его на создание цикла стихотворений о паже и дочке мельника. Ему понравился и показался плодотворным жанр песенных диалогов, он собирался даже положить их в основу самостоятельной оперетты, но не выполнил своего намерения.

Стр. 288. Коринфская невеста.— Чудесное происшествие, найденное Гете у античного писателя Флегона (II в.), служит для противопоставления жизнелюбия языческих верований суровому аскетизму христианства.

Стр. 293. Бог и баядера.— *Магадев* — индийское божество; *баядера* — певица и танцовщица, а также публичная женщина. Баллада воспевает очищение ее любовью.

Стр. 299. Крысоло́в.— В основу положена немецкая легенда о крысолове из Гамельна; играя на чудесной дудке, он уводил из города мышей и крыс. Однажды, когда ему не заплатили, он в отместку увел из города всех детей, последовавших за его музыкой. Сначала — означает, что повторяется первая строфа, а при желании и все остальное стихотворение.

СОНЕТЫ

Автобиографичность этого цикла сонетов несомненна. Их лирический герой — известный человек, чей облик запечатлен в мраморе (IV). В основном сонеты посвящены Минне Херцлиб, приемной дочери книготорговца в Иене; ей было восемнадцать лет, когда она привлекла внимание шестидесятилетнего Гете. Предполагают, однако, что некоторые сонеты отражают переписку Гете с другой девушкой, влюбленной в него,— Беттиной Брентано. Сонеты от имени возлюбленной также написаны Гете.

I.— *Oреада* — горная нимфа.

XIV.— *Катрены* и *терцеты* — составные элементы сонета (два четверостишия и два трехстишия).

XV. Шарада.— Разгадка шарады — фамилия возлюбленной Гете «Херцлиб», состоящая из двух немецких слов: «херц» (сердце) и «либ» (любовь).

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Давний интерес Гете к Востоку получил новый стимул с появлением немецкого перевода стихотворений персидского поэта XIV века Гафиза, выпущенного Иозефом Гаммером в 1812—1813 годах. Восхищение личностью и творчеством Гафиза сплелось у Гете с его новым любовным увлечением Марианной фон Виллемер, запечатленной в образе Зулейки. Однако «Западно-восточный диван» не является автобиографическим произведением. Хотя, главный лирический герой,— не Гете, и Зулейка — не портрет возлюбленной поэта. Оба — поэтические образы, в которые Гете воплотил свое сложное видение восточной, в первую очередь, персидской культуры, духовного мира людей, свободных от условностей западного цивилизованного мира. Вместе с тем, Гете отнюдь не архаизирует стихи «Дивана». Они содержат не только аналогии и исторические сближения с современностью и Западом, но также намеренные анахронизмы. Творческий гений Гете проникал в дух иного времени и другой культуры, сохранив всю свою могучую самобытность.

«Диван» означает «сборник», «собрание». Первоначально Гете хотел озаглавить свой цикл стихов «Восточный сборник (диван) западного поэта». Обращение к темам и образам восточной поэзии дало Гете возможность вернуться к свободной творческой манере и преодолеть некоторые сковывавшие его принципы «веймарского классицизма». «Западно-восточный диван», несомненно, представляет собой новый период в лирике Гете. В стихотворениях этого цикла отразились военные и политические бури, пережитые Европой в годы наполеоновских войн, личные переживания поэта, его непрекращающаяся борьба за духовное освобождение немецкого народа и стремление привить обществу гуманистический взгляд на мир, свободный от христианского святошества.

Некоторые стихотворения являются вольными переводами из Гафиза, другие написаны по мотивам его поэзии, а также на сюжеты и темы других восточных авторов; вместе с тем многие стихотворения подсказаны Гете обстоятельствами его личной жизни и общественными настроениями первых посленаполеоновских лет. «Западно-восточный диван» — поэтическая энциклопедия гуманизма Гете, мощное выражение его жизнеутверждающей философии, синтезирующей в духе всечеловеческого единения прошлое и настоящее, Запад и Восток, еще один из его гимнов любви и красоте. Цикл разделен на тематические части. В настоящем переводе опущена «Книга изречений», следующая в оригинале за «Книгой недовольства», и три небольших стихотворения из «Книги размышлений».

КНИГА ПЕВЦА

Названия книг характеризуют преобладающую тему данной части цикла. «Книга певца» — поэтическая декларация Гете, объясняющая общий дух «Дивана», выбор тем, соотношение западных и восточных мотивов, эстетику всего собрания этих поэм.

Стр. 321. Гиджра. — Слово означает «бегство», подразумевается бегство Магомета, положившее начало магометанскому летоисчислению. Для Гете — это тоже новое начало, новый круг интересов — Восток, новая любовь, новая поэзия.

Стр. 322. Благоподатели. — *Скапулляры* — куски священной ткани, носимые монахами на плечах. *Абракс* — магическая надпись на камне амулета из непонятного сочетания букв, откуда произошло название «абракадабра».

Стр. 325. Стихи и. — Согласно некоторым древнегреческим философам, мир состоит из четырех стихий (элементов).

Стр. 326. Сотворение и одухотворение. — Элохим — одно из названий бога в Библии. По преданию, библейский Ной заложил первый виноградник и впервые изведал опьянение.

Стр. 327. Феномен. — Как естествоиспытатель, Гете создал свою теорию цвета, которую противопоставил концепции классической физики, созданной Ньютоном. Наблюдения над природой цвета поэт часто вводил в свои художественные произведения. Здесь поэт уподобляет свою любовь феномену белой радуги, появляющейся в утреннем тумане. При всем несходстве, она, однако, сродни обыкновенной цветной радуге. Такова и любовь поэта. Символика цветов: белая радуга, седой туман символизируют страсть, яркая цветная радуга — молодость. Сопоставление становится ясным, если вспомнить, что в год написания стихотворения Гете исполнилось 65 лет, тогда как Марианна была на 35 лет моложе его.

Любезное сердце. — Визирь — на Востоке — министр при шахе. Шираз — город в Персии, родина Гафиза, знаменитый своими цветами и садами. Стихотворение написано в Тюрингии, близ Эрфурта, и навеяно созерцанием знаменитых цветников, вновь возникших после опустошений, нанесенных наполеоновскими войнами.

Стр. 329. Песня и изваяние. — На протяжении творческого пути Гете впитал эстетические идеалы различных художественных культур. Как отмечено выше, недолгое увлечение изощренным стилем рококо сменилось у него приверженностью исконному народному германскому искусству, культом готики и Шекспира. За

Этим наступила пора «веймарского классицизма», и эстетической нормой для Гете стала гармония античного искусства. Данное стихотворение отражает приобщение Гете к художественной культуре Востока. Поэт противопоставляет теперь «стройному образу», трехчетыре «жаркой плоти» античного искусства поэзии Востока, для определения свойств которой он пользуется образом воды, прохладного освежающего ручья. Его привлекает «водной зыби перелив»; поэзия Востока — не мгновенный отклик на сиюминутные переживания, а звук уже прошедшего, она возникает после потрясения чувств, когда сердце остыло, и мысль поэта запечатлевает пережитое в спокойном созерцательном духе. Именно благодаря тому, что чувства, переживания «отстоялись», их поэтическое воплощение обретает эту законченность и пластичность форм, которую Гете уподобляет изваянию.

Стр. 332. Б л а ж е н н о е т о м л е н и е.— Изучая Восток, Гете познакомился с аскетическим вероучением суфистов, культтивировавших добровольное самосожжение как средство приобщения к «небесному огню вечности». Жизнелюбивый Гете воспринял сочувственно лишь поэтическую символику суфистов, использовав ее в духе своего мировоззрения. Аскетизму суфистов он противопоставляет чувственность, и у него «блаженное томление», стремление к слиянию с вечностью проявляется «в смутном сумраке любовном, в час влеченья, в час зачатья», что в корне противоречило суфистскому отречению от жизни. Отличало его от них и иное отношение к смерти. Для них она — конец бытия, а для Гете — звено в цепи бесконечного мирового процесса, в котором рождение и смерть, сменяя друг друга, создают постоянное обновление жизни.

«И тростник творит добро...»— На Востоке тростник использовался для изготовления перьев.

КНИГА ГАФИЗА

Поскольку поэзия Гафиза была первым источником вдохновения Гете при создании «Дивана», он посвящает ему отдельную книгу, содержащую как достоверные сведения, так и несколько идеализированную характеристику великого персидского поэта. Эта книга дает собирательный образ поэта, мудрого, уравновешенного жизнелюба; Гете подчеркивает, что не отождествляет себя с ним, хотя и ощущает духовное родство.

Стр. 333. П р о з в и щ е.— *Мохаммед Шемс-эддин*— «Солнце веры»— собственное имя Гафиза. Прозвище «Гафиз» означает «хра-

нитель Корана»; поэт знал его наизусть. *Плат Вероники*.— По преданию, святая Вероника накинула платок на лицо страждущего Христа, когда же платок сняли, то на нем появилось изображение его просветленного лица (см. «Поэзия и правда», кн. 15). В статье «Искусство и древность на Рейне» Гете описывает картину с изображением этого предания из коллекции своего приятеля Буассере.

Стр. 334. Жалоба.— *Мирза* — здесь: синоним поэта. Известны многие персидские поэты, носившие это имя.

Фетва.— *Фетва* — решение судьи в вопросах законности и веры. *Эбусууд* — верховный судья в Константинополе в XVI в.; верующие задали ему вопрос, вредна ли поэзия Гафиза.

Стр. 337. Раскрытие тайны.— Исторический Гафиз в духе своего времени был не чужд мистицизма, но Гете совсем освобождает его от верований древности, превращая в рупор своих взглядов и делая решительным противником всякой мистики.

КНИГА ЛЮБВИ

Стр. 341. Образцы.— В стихотворении перечисляются образцы, или примеры, высокой любви. В «Шах-наме» Фирдоуси *Саль и Родаву* полюбили друг друга заочно, по описанию; Гете не точно запомнил имена: когда они поженились, родился их сын Рустам. *Юсуф и Зулейка* (*Зулейха*) — восточный вариант истории Иосифа и влюбленной в него жены Потифара, которая, в отличие от библейского рассказа, до самой смерти любила его, хотя и была им отвергнута. *Ферхад и Ширин* — герои поэмы Низами (XII в.) того же названия. *Меджнун и Лейла* (*Лейли*) — герои романа того же названия персидского писателя Джами (XV в.). *Джемиль и Ботейна* — легендарная любовная пара в восточной литературе. Халиф Абдалъмелик, узнав о любви до старости Джемиля и Ботейны, пожелал ее увидеть, но когда к нему пришла старуха, он осыпал ее насмешками, на которые Ботейна умно ответила. *Соломон и Дарида Савская Балкис*.— Их любовь описана в Библии.

Еще одна пара.— Поэма о любви *Вамика и Азры* не сохранилась.

Стр. 342. Предостережение.— Намек на модные в ту пору высокие дамские прически.

Стр. 343. Погруженный.— *Гребень о пяти зубцах* — рука.

Стр. 345. Привет.—Легенда гласила, что птица *Худхуд* (удод) была посредником в любви царя Соломона к царице Савской.

Стр. 347. Самое сокровенное.—На Гете произвела большое впечатление красота молодой австрийской императрицы Марии-Людовики, с которой он встретился на курорте в Карлсбаде. Ей стало известно об этом, и она просила переводчика Гафиза Гаммера передать, что она просит поэта не высказывать чувств к ней в стихах. Однако Гете не мог удержаться, чтобы не воспеть ее, не называя по имени. *Шехаб-эддин* — арабский ученый XIII в.; узнав, что бог назвал его по имени, пришел в Мекку вознести благодарственную молитву. *Арафат* — священный холм в окрестностях Мекки, где якобы встретились Адам и Ева.

КНИГА РАЗМЫШЛЕНИЙ

По определению самого Гете — книга «посвящена практической морали и жизненной мудрости, согласно восточному обычью и складу».

Стр. 349. «То, что «Пенд-наме» гласит...» — «Пенд-наме» — «Книга совета» писателя Мохаммеда Ферид-эддин Аттара (1129—1230).

Стр. 352. «Жизнь — это та же игра в гусек!..» — *Игра в гусек* — старинная игра: бросают кости и передвигают фишку на выпавшее число клеток; через каждые восемь клеток имеется изображение гуся: если гусь смотрит вперед, игрок подвигает фишку на двойное число очков; если смотрит назад — он сделает то же самое в обратном направлении. Всего на карте шестьдесят три клетки, попавший на пятьдесят восьмую клетку («смерть») начинает продвижение фишке сначала.

Стр. 354. Шаху Седшану... — Этот шах был ученым, и его воспел Гафиз. Под шахом Седшаном Гете имеет в виду веймарского князя Карла-Августа, который в период написания стихотворения, в начале 1815 г., находился на Венском конгрессе.

Стр. 355. Джелал-эддин Руми говорит.—*Джелал-эддин Руми* (1207—1273) — крупнейший персидский поэт, главное сочинение которого оказалось в рукописном экземпляре в Веймарской библиотеке, где Гете с ним познакомился.

КНИГА НЕДОВОЛЬСТВА

В авторских пояснениях говорится о том, что в восточной поэзии встречаются не только похвалы покровителям поэтов, но и резкие суждения о тех, кто не ценит их дарования. «Книга недовольства» отражает сложные отношения Гете с публикой его времени, а также с другими представителями литературного мира. «Я, впрочем, держал себя чрезвычайно умеренно,— говорил Гете Эккерману (4 января 1824 г.),— если бы я захотел высказать все, что меня мучило и беспокоило, то эти несколько страниц могли бы разрастись до целого тома». Мотивы этого цикла получили выражение также в «Кротких ксениях».

Стр. 356. «Где ты набрал все это?..» — Ответ поэта тем, кто недоумевал по поводу выбора им восточной темы.

Стр. 357. «Где рифмач, не возомнивший...» — Стихотворение осуждает эгоцентризм и себялюбие, проникшие во все слои общества: после победы над Наполеоном Европа могла бы объединиться, но вместо этого царят раздоры. *Кардамон* (в подлиннике — кориандр) — растение, дающее благовонное масло.

Стр. 359. «Разве именем хранимо...» — *Критикан ли, злопыхатель...* — В этой строфе Гете имеет в виду ряд современных ему литературных журналов, вредному влиянию которых на публику поэт предпочитал даже издания чисто развлекательного характера, печатающие бесконечные романы с продолжением.

Стр. 360. «Если брать значенье слова...» — В Персии «Меджнуном» называют безумца, одержимого. В эпоху античности и Возрождения поэта часто изображали одержимым. Гете с гордостью причисляет себя к одержимым такого рода, не понимаемым косной и невежественной толпой.

Стр. 362. «Мнишь ты, в ухо изо рта...» — Направлено против тех, кто придерживается понятий лишь потому, что они традиционны. Гете утверждает здесь необходимость самостоятельного и критического подхода к укоренившимся верованиям.

Стр. 363. «Когда-то, цитируя слово Корана...» — В дополнение к предшествующему стихотворению Гете указывает, что новые критики Корана (то есть Библии) вносят еще большую сумятицу в умы. Концовка стихотворения отнюдь не означает призыва вернуться к старой вере. Гете считал все эти богословские споры бесплодными.

КНИГА ТИМУРА

По замыслу Гете, книга должна была отразить современные мировые события. План остался неосуществленным, ибо Гете не мог в полной мере высказать своего отношения к политической реакции, наступившей после разгрома Наполеона.

Стр. 364. М о р о з и Т и м у р . — Образ Наполеона слился у Гете с фигурантой восточного завоевателя Тимура (Тамерлана, 1336—1405). В арабской летописи есть стихотворение, давшее возможность провести параллель между одним из походов Тимура и зимней кампанией Наполеона в России.

Тимур и Наполеон для Гете воплощения демонического начала, огромной жажды могущества; они подобны мировым стихиям, и поэтому в их судьбах играют роль космические, стихийные силы; имеется в виду именно это, а не случайные климатические условия во время их войн.

КНИГА ЗУЛЕЙКИ

Часть цикла, непосредственно посвященная любви Гете к Марианне фон Виллемер. Стихотворения, написанные от лица Зулейки, действительно принадлежат Марианне, которая была поэтессой; Гете отшлифовал ее стихи. Хатем — сам Гете.

Стр. 366. «Что Зулейка в Юсуфа влюбилась...» — Намек на разницу возраста между Гете и Марианной фон Виллемер.

Стр. 367. «Если ты Зулейкой зовешься...» — Поэт не может назвать себя Юсуфом, считавшимся на Востоке образцом юношеской красоты. Поэтому он избирает для себя имя Хатем-Тай; это — несколько неточное воспроизведение имени арабского поэта Хатем-Зограи, славившегося щедростью (качество, особенно любезное Гете).

Стр. 368. «Плыл мой челн...» — При вступлении в должность дож Венеции совершаил обряд «венчания с морем» и в знак этого бросал кольцо в море.

Стр. 370. G i n g o b i l o b a . — Латинское название японского дерева, лист которого Гете послал Марианне во Франкфурт, где она жила. Этот листик, разделенный надвое, имел для Гете символическое значение. Идея двойственного единства занимает большое место в мировоззрении Гете. Жизненный процесс состоит в смене единства распадом на две части и последующим воссоединением их.

Любовь Хатема и Зулейки, таким образом, соответствует законам мировой жизни.

Стр. 372. «Немного прошу я, вспомни...» — *Гирканское море* — Каспийское море; *Бадахшан* — часть Афганистана. *Лал* — драгоценный камень. В подлиннике — рубины. *Ормуз* — город и остров в Персии, вблизи Индийского океана, важный торговый центр.

Стр. 373. «Красиво исписаны м...» — Чтобы как можно больше проникнуться духом Востока, Гете даже изучал каллиграфию и без знания языка занимался воспроизведением восточных письмен.

Стр. 384. Высокий образ. — Бог солнца *Гелиос* разъезжал по небу на огненной колеснице. *Ирида* — вестница богов, спускалась на землю по радуге. *Квадрига* — колесница, запряженная четверкой.

Стр. 387. Ночь полнолуния. — Расставаясь после встречи в Гейдельберге, Гете и Марианна условились вспомнить друг о друге в следующее полнолуние. Она прислала ему шифрованное письмо (см. comment. к след. стихотворению) с указанием на стих Гафиза: «Поделуем был ответ мой». Гете ответил стихотворением в форме диалога между служанкой-наперсницей и госпожой (последняя произносит лишь последнюю строку строфы).

Стр. 388. Тайнопись. — Следуя обычаям Востока, Гете и Марианна использовали в переписке шифр: они указывали строки из перевода Гафиза, и составленные в определенном порядке стихи слагались в целое послание.

Стр. 390. «Александр был зеркалом Вселенновой...» — Гафиз неоднократно упоминает, что Александр Македонский обладал магическим «зеркалом мира», в котором заранее мог видеть козни, подготавляемые его врагами. Для Гафиза таким зеркалом является стакан вина и сердце возлюбленной.

КНИГА ЧАШНИКА

Объяснение этой книги, данное Гете: «Поэт, поссорившись с виночерпием в погребке, выбирает очаровательного мальчика, который своей обходительной услужливостью придает еще большую сладость вину». Имея в виду отношение пожилого поэта к юному Саки, Гете писал: «Взаимная склонность юного и преклонного возраста указывает, собственно говоря, на чисто педагогические вза-

имоотношения». Книга проникнута духом восточной «анакреонтики», утверждает жизнь, полную наслаждения не только вином, но и духовным общением с умеющими думать и чувствовать людьми.

Стр. 395. *Айльфер*.— Отличное вино под этим названием урожая 1811 г. было также воспето Гете в особом стихотворении.

Стр. 397. «Ужас — ты так поздно вышел!..» — *Бюльбюль* — словесный (перс.).

Стр. 400. *Летняя ночь*.— *Флора* — римская богиня цветения и юности. *Аврора* — богиня утренней зари — названа «мниной вдовой», так как, по преданию, превратила своего земного мужа Тифона в кузнеца. *Геспер* — божество вечерней звезды.

КНИГА ПРИТЧЕЙ

Притча — иносказание, литературный вид, весьма распространенный на Востоке. Гете различал пять разновидностей притчей: этические (нравоописательные), морализующие, аскетические (проповедующие отречение от благ), притчи о чудесах и совпадениях, а также мистические (подготавливающие человека к загробной жизни). Поэт предоставлял читателям решить, к какому типу относятся отдельные сочиненные им притчи.

Стр. 405. «У шаха было два кассира...» — Сатира на ограбление народа государственной казнью имела в виду отнюдь не Восток, а современную Гете Германию.

Стр. 406. «Чтоб дать Евангелье векам...» — В «Путешествии в Персию» Жана де Шардена (1735) Гете прочитал, что мусульмане относят происхождение Евангелия ко времени до рождения Христа: архангел Гавриил дал его Христу, тот прочитал его своим ученикам, но унес с собой на небо; ученики по-разному запомнили прочитанное, отсюда разногласия между апостолами. Гете не преминул воспользоваться восточной легендой для осмеяния догматического христианства.

КНИГА ПАРСА

Стр. 407. Завет староперсидской веры.— *Парсы* — персидские огнепоклонники, бежавшие в Индию от преследований сторонников исламской религии. Гете было близко в их верованиях то, что их почитание богов основывалось на созерцании при-

роды. «Молясь творцу, они обращались к восходящему солнцу как явлению наиболее разительному своим великолепием,— писал Гете.— Новорожденному ребенку было уготовано огненное крещение в таких лучах, и в течение целого дня, на протяжении жизни, парс видел себя сопровождаемым первосветилом во всех своих действиях». В толковании Гете религия огнепоклонников сближается с его собственной философией природы в последние годы жизни. *Дарнавенд* (Демовенд) — самая высокая вершина Эльбруса; по священной книге персов — обитель бога солнца Митры и рай для пра-ведников. *Праху и животных предавайте...*— Мусульмане оставляли животных без погребения. *Зендеруд* — «Живая вода», река около Исфагани, где жили парсы-огнепоклонники, создавшие систему оросительных каналов.

КНИГА РАЯ

В примечаниях к «Дивану» Гете писал, что «эта область магометанской веры имеет еще много чудесных мест, раев в раю, где всякий был бы не прочь прогуляться и не прочь поселиться. Так, здесь плenительно переплетаются шутка и серьезность, и преображенная повседневность снабжает нас крыльями для достижения высшего и наивысшего».

Стр. 410. *Предвкушениe*.— Используя мотивы восточных легенд, Гете придумал, будто Магомет заранее посыпает на землю небесных дев — гурий, которые дают человеку в любви предвкушение блаженства в загробном мире.

Праведные мужи.— Магомет обращается к воинам, павшим в битве при Бедре, где он одержал решающую победу, и описывает им прелести рая, который он облетел на небесном коне Эль-Борак.

Стр. 412. Жены-избраницы.— Только избранные женщины попадали с земли в рай. Здесь это, кроме возлюбленной поэта, Мария, мать Христа, первая жена Магомета Хадиджа и дочь Магомета Фатима от жены Али.

Стр. 413. Впуск.— Это и два следующих стихотворения имеют единый сюжет: поэт попадает в рай и здесь в одной из гурий узнает свою Зулейку.

Стр. 420. Семеро спящих.— Эта легенда возникла в Древнем Риме, где императоры носили титул бога; предание было воспринято на Востоке и воспроизведено в Коране. «Семеро спящих» отказались поклоняться императору Децию (III в.).

ПОЗДНЕЕ ТВОРЧЕСТВО

СТИХОТВОРНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

Будучи всегда врагом поучительности, Гете в поздние годы несколько отступил от этого принципа в стихотворных изречениях. Однако от дидактической поэзии его изречения отличаются шутливым тоном, в котором чувствуется влияние народных юмористических произведений. Вместе с тем сатирические мотивы изречений являются продолжением линии, начатой «Ксениями». Впрочем, «Ксении» получили также непосредственное продолжение в цикле «Кротких ксений», названных так потому, что они уже были направлены не столько против отдельных противников, сколько против некоторых отрицательных явлений вообще.

Стр. 428. Свежие яйца — хорошие яйца.— Поводом для написания стихотворения явилась задержка берлинской постановки пьесы «Пробуждение Эпименида», написанной по случаю низвержения Наполеона.

Стр. 431. Поверь, не по заслугам черту честь...— Направлено против всеобщих нападок и умаления дарований низложенного Наполеона.

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

Стр. 434. 31 октября 1817.— Триста лет с начала Реформации церкви в Германии и установления протестантской религии. Стихотворение направлено против реакционного религиозного «возрождения» в немецкой литературе.

Господину государственному министру фон Фойгту...— Фойгт, с 1783 г. до его смерти в 1819 г., был помощником Гете в его деятельности на посту министра в Веймаре. Гете ценил образованность Фойгта, они были дружны. Стихотворение написано к пятидесятилетию Фойгта.

Стр. 436. К Эмилии фон Шиллер.— Написано в 1819 г. в альбом пятнадцатилетней тогда младшей дочери Шиллера. Напечатано впервые Оттилией фон Гете в 1830 г. в издаваемом ею журнале «Хаос».

Лорд у Байрону.— Английский поэт-романтик Байрон (1788—1824) высоко чтил Гете, и, по словам последнего, «этот примечательный человек присыпал немало письменных и устных приветов через путешественников в Веймар, на что я счел своим долгом ответить этими строками».

Иоганну Даниэлю Вагенеру. — И.-Д. Вагенер — один из лейпцигских соучеников Гете — прислал поэту в подарок в 1827 г. свою книгу по языкоznанию. В ответ Гете послал ему юбилейное издание «Ифигении» 1825 г. и это стихотворение.

Стр. 437. Притча.— В начале стихотворения Гете вспоминает родной город Франкфурт-на-Майне, где большинство жителей были протестанты, но собор принадлежал католической церкви; в нем венчались германские императоры. В конце Гете иронизирует над романтиками, стремящимися возродить католицизм.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Стр. 441. Эоловы арфы.— Эоловы арфы — музикальный инструмент, струны которого звучат от дуновения ветра. Об этом стихотворении Гете писал: «Это можно было бы назвать канцатой в форме дуэта — от непосредственного расставания до все более и более далекой разлуки...»

Стр. 443. Трилогия страсти.— В 1821—1823 гг. Гете встречался на курорте Мариенбад (ныне Марианска Лазни, в Чехословакии) с юной Ульрикой фон Левецов, которой было семнадцать лет, когда они познакомились. Эту последнюю любовь в своей жизни Гете хотел увенчать браком, но его намерению воспротивилась семья. Вынужденный расстаться с Ульрикой, Гете запечатлев свои переживания в стихотворениях этого цикла, написанных в разное время. В трилогию Гете объединил их потом, расположив в порядке, обратном времени написания. В какой мере имели место или являются вымышленными обстоятельства, вырисовывающиеся в элегии, трудно судить. В конце «Элегии» упоминается один из любимых мифов Гете: о Пандоре, первой женщине, сотворенной Зевсом. *Ларец Пандоры* — вместилище бед.

Стр. 449. Пария.— По определению Гете, это произведение — «подражание одной индийской легенде... Здесь мы находим парию, который свое положение не считает безнадежным, он обращается к богу богов и требует посредника, который и появляется, правда, довольно странным способом. Отныне каста эта, не допускавшая ни к какой святыне, ни к какому храму, приобрела собственное божество, в котором высшее начало, будучи привито низшему, выступает в образе некоего третьего, странного существа». Маленькая поэма «Пария» представляет собой трилогию: два песнопения парии обрамляют основную легенду, и, таким образом, два

чисто лирических произведения служат рамкой для повествовательной части, по типу смыкающейся с жанром баллады. В аллегорической форме «Пария» трактует социальную проблему — судьбу обездоленных; в соответствии с взглядами Гете решение имеет характер нравственно-этический.

БОГ И МИР

Продолжая следовать философии Спинозы, Гете отождествляет понятие божества с природой, личностного бога для него не существует. Природа есть сама по себе вечно творящая сила, которую человек, составляющий часть ее, должен стремиться постичь. Эти исходные положения развиваются в данном цикле стихотворений.

Стр. 455. *Проемион*.— *Proemion* (греч.) — вступление.

Стр. 458. *Парабаза*.— В греческой драме *парабаза* — речь, обращаемая к зрителям корифеем (руководителем хора). Основная мысль стихотворения — в словах: «Малое с великим схоже». Гете выражает здесь одну из центральных идей своей философии природы, состоящую в том, что «величайшие явления всегда повторяются в малых», как он говорил Эккерману. Поэт иллюстрирует свою мысль примером из созданной им теории цвета: «тот же закон, который вызывает синеву небес, мы наблюдаем также в пламени горящей свечи».

Метаморфоза растений.— Занимаясь естественными науками, Гете развивал идею эволюции видов растений и животных. Он написал это стихотворение, желая популяризовать свои взгляды на природу. Оно начинается с обращения к Христиане, которая до встречи с Гете была цветочницей. Такую же популяризаторскую задачу имеет и следующее стихотворение — «Метаморфоза животных».

Стр. 462. *Первоглаголы. Учение орфиков*.— *Орфики* — последователи древнегреческого религиозно-мистического учения, возникшего в связи с почитанием мифического певца Орфея. Орфизм — сложное и разветвленное направление, развивавшееся с VII в. до н. э. вплоть до возникновения христианства. Познакомившись по трудам историков античной культуры с учением и литературными памятниками орфиков, Гете нашел в них элементы, родственные его мировоззрению и поэтическому взгляду на жизнь. Как ему было свойственно, он выбрал из учения орфиков лишь то, что

было ему близко, подчиняя их символику и понятия своим взгля-
дам. Так, древнегреческие слова, означающие «священные слова», он лишил их религиозного смысла, переведя как «Первоглаголы» (Urworte). Поэтому для понимания данного цикла нет необходимости в обращении к первоисточникам, тем более что Гете сам по просьбе друзей написал комментарий к этим восьмистишиям. Следующие ниже пояснения в основном содержат краткое изложение собственного толкования поэта.

Д е м о н .— Здесь это понятие употреблено в ином смысле, чем оно обычно tolкуется Гете в его поздних произведениях, где оно связано с понятием демонизма — особой духовной силы, присущей выдающимся людям. В одной из рукописей, переводя греческие заглавия восьмистиший на немецкий язык, Гете дал первой октаве название: «Индивидуальность, характер», что и соответствует содержанию строфы. Философия Гете антропоцентрична, поэтому самый первый «глагол» посвящен природе человека. Он — часть человечества, но существует прежде всего в своем индивидуальном качестве. Хотя в первых четырех строках можно усмотреть намек на влияние небесных светил на формирование личности, это не признак веры в астрологию, а поэтическая метафора для выражения идеи связи каждого человека со всем космосом. Человек обладает индивидуальностью, которая может быть уничтожена физически, но, пока он существует, сохраняется то ядро личности, которое придает каждому его своеобразный, неповторимый характер.

С л у ч а й .— Так обозначает Гете те черты, которые личность обретает в зависимости от того, к какой среде, к какой нации она принадлежит. «Конечно, повсюду сохраняется «демон» (то есть индивидуальность), но вместе с тем, «все первоначальное окружение, от сверстников и вплоть до деревенской или городской обстановки,— все обуславливает своеобразие индивида — через раннее развитие, через задержку или ускорение роста», — пояснял Гете. Все приводящее, дополняющее «демона», особенно сильно воздействует в годы формирования личности. Когда же человек мужает, в его жизни появляется новое божество — любовь.

Л ю б о в ь .— В любви, по словам Гете, «человек как будто слушает только себя, проводит господство собственной воли, покорствует собственному влечению, и все же это лишь случайность, нечто инородное, сбивающее его с собственного пути: ему кажется, что он поймал, а он сам пойман; думает, что выиграл, — и уже сам пропал». Истинная любовь не есть слепое влечение, а возникающее у личности сознание, что человек может «с вечно нерушимым расположением познать себе другое существо».

Н е и з б е ж н о с т ь.— Точнее — «ограничение, долг», как перевел греческое слово сам Гете. На любви в конечном счете виждется все социальное бытие. Она объединяет сначала двоих; появление потомства создает новую форму взаимоотношений — родители и дети. Всякое единение, даже любовь, связано с некоторым ущербом для личности, но оно же дает и преимущества, ради которых стоит переносить ограничение свободы.

Н а д е ж д а.— Гете не дал толкования этой октавы. Ее смысл, по-видимому, в том, что духовная сила, заложенная в человеке, в его «демоне», должна помочь ему вознести над ограничениями его бытия. Гете прибегает здесь к частой для него символике — сквозь туман и тучи вознести к ясным небесным просторам, что отнюдь не имеет какого-либо религиозного смысла. *Эон* (греч.) — век.

«Первоглаголы» связаны с другими философскими поэмами позднего Гете, такими, как «Все и ничто», «Завет» и др. В сумме они содержат выражение гуманистического и пантейистического взгляда на жизнь, выработанного поэтом.

Стр. 464—465. Одно и все. Завет¹.— Эти два стихотворения тесно связаны между собой, а потому и помещены здесь одно вслед за другим в нарушение строгого хронологического принципа. Первое из них повторяет давний мотив «Ганимеда» — стремление отдельного существа слиться со всеобщим, вселенной. Но мотив значительно осложнился: «душа вселенной» («связующая всю природу в единый... организм»), пронзая все существо человека, дает ему («частице всеобщего») возможность дознаваться в борьбе с «мировым духом», каков «план» космического поступательного движения, иначе: какова его разумная цель, включая конечную цель исторического бытия человечества. Чем больше деятельность человека соответствует творческому замыслу «мирового духа», тем в большей степени он бессмертен. Предвосхищая конечную цель творения, он не только пассивно «сливается» со вселенной, но и продолжает активно жить в ней, участвуя и после смерти в осуществлении «плана» мироздания, в качестве «великой энтелекии» (неделимой сущности). Только в свете этого рассуждения получает должное значение и заключительное двустишие: «И все к небытию стремится, // Чтоб бытию причастным быть». Когда Гете узнал, что это двустишие начертано золотыми буквами на стене зала заседаний Берлинского общества друзей естествознания, он считал необходимым откликнуться на «этую глупость» стихотворением «Завет». Оно по-

¹ Комментарий к этим двум стихотворениям принадлежит Н. Вильмонту.

строено как бы на обратном тезисе: «Кто жил, в ничто не обратится!», но, по существу, лишь проясняет диалектический ход мысли стихотворения «Одно и все». Неизменность «извечных законов» природы, космоса, является «дивным залогом» того, что и человечество будет все более приближаться к их полному постижению. Строки: «Воздай хваленье, земнородный, // Тому, кто звездам кругоходный // Торжественно наметил путь», — относятся не к богу-творцу, а к Копернику, проникшему в важнейший закон мироздания. Подобно тому, как планеты врачаются вокруг солнц, светилом «второго бытия», вокруг которого врачаются нравственные усилия человечества, является «взыскательная совесть», нравственный долг, следуя которому человечество приближается к искомому «гармоническому миропорядку». Только не забывая об этих двух открывшихся человеку истинах (познавательного и нравственного порядка), можно «довериться чувствам» как орудию познания, и лишь при таком условии обманы сменяются победой. Все, что творится человеком не в соответствии с этими двумя истинами, — неплодотворно (отсюда — призыв: «Лишь плодотворное дени!»), и, напротив, там, где человек руководствуется ими: «В ничто прошедшее не канет, // Грядущее досрочно манит, // И вечностью заполнен миг». Пока прозревают цель мироздания только одинокие созерцатели и поэты, но они доверят свое знание «братьям»: «А лучшей доли смертным — нет!» Оба стихотворения являются вершиной диалектического мышления Гете.

A. Аникст

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Вильмонт. Гете и его время</i>	5
<i>Посвящение. Перевод В. Левика</i>	49

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>Самооправдание. Перевод Б. Заходера</i>	55
<i>Благожелателям. Перевод О. Чухонцева</i>	55

ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

<i>* Аниете. Перевод И. Грицковой</i>	59
<i>* Крик. Перевод И. Грицковой</i>	59
<i>Прекрасная ночь. Перевод А. Кочеткова</i>	60
<i>* Первая ночь. Перевод В. Топорова</i>	60
<i>Смена. Перевод В. Левика</i>	61
<i>К Луне. Перевод В. Левика</i>	61
<i>Прощание. Перевод А. Кочеткова</i>	62
<i>Моей матери. Перевод В. Левика</i>	63
<i>* Три оды к моему другу Беришу. Перевод В. Топорова</i>	63
<i>* Элегия на смерть брата моего друга. Перевод В. Левика</i>	67

ИЗ ЛИРИКИ ПЕРИОДА «БУРИ И НАТИСКА»

<i>Зезепгеймские песни</i>	
<i>Фридерике Брион. Перевод В. Левика</i>	71
<i>«Вернусь я, золотые детки...». Перевод А. Кочеткова</i>	72

«Скоро встречу Рику снова...». Перевод А. Кочеткова	73
С разрисованной лентой. Перевод С. Шервинского	73
Жмурки. Перевод И. Миримского	74
* Кристель. Перевод И. Грицковой	74
Свидание и разлука. Перевод Н. Заболоцкого	75
Майская песня. Перевод А. Глобы	76
Б о л ь ш и е г и м ны	
Песнь странника в бурю. Перевод Н. Вильмонта	78
Путешественник и поселянка. Перевод В. Жуковского	81
* Песнь о Магомете. Перевод В. Левика	87
Прометей. Перевод В. Левика	89
Ганимед. Перевод В. Левика	90
Бравому Хроносу. Перевод В. Левика	91
Морское плаванье. Перевод Н. Вильмонта	92
* Зимнее путешествие на Гард. Перевод Е. Витковского	94
П р и з в а н и е х у д о ж н и к а	
* Знатокам и ценителям. Перевод Н. Вильмонта ,	97
Вечерняя песнь художника. Перевод Н. Вильмонта	97
* Новый Амадис. Перевод В. Топорова	98
Орел и голубка. Перевод В. Жуковского	99
Знаток и энтузиаст. Перевод Н. Вильмонта	101
Художник и ценитель. Перевод Н. Вильмонта	102
* Земная жизнь художника. Перевод Л. Гинзбурга	103
* Обожествление художника. Перевод Л. Гинзбурга	107
* Апофеоз художника. Перевод Л. Гинзбурга	108
Б а л л а д ы	
Цыганская песнь. Перевод Н. Вильмонта	118
Дикая роза. Перевод Д. Усова	119
* Спасение. Перевод В. Топорова	119
* Фиалка. Перевод Н. Вильмонта	120
Фульский король. Перевод Б. Пастернака	121
Приветствие духа. Перевод Ф. Тютчева	122
Перед судом. Перевод Л. Гинзбурга	122
* Скорбная песня благородной госпожи, супруги Асан-аги. Перевод Е. Витковского	123
С т и х о т в о р е н и я н а с ч у с а й	
* Фридриху Вильгельму Готтеру. Перевод Е. Витковского	126
Надпись на книге «Страдания юного Вертера». Перевод С. Соловьева	127
Песнь содружства. Перевод Л. Гинзбурга	127

К Л и л и	
Новая любовь, новая жизнь. <i>Перевод В. Левика</i>	129
Белинде. <i>Перевод В. Левика</i>	130
* Томление. <i>Перевод В. Топорова</i>	130
Зверинец Лили. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	131
На озере. <i>Перевод В. Левика</i>	134
* Золотому сердечку, которое он носил на груди. <i>Перевод В. Топорова</i>	135
К Лили Шёнеман. <i>Перевод М. Лозинского</i>	136

ПЕРВОЕ ВЕЙМАРСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Стихотворения на случай	
Ильменау. <i>Перевод В. Левика</i>	139
Eríphanias. <i>Перевод В. Левика</i>	144
Легенда. <i>Перевод В. Левика</i>	145
Стихи Лиде	
«О, зачем твоей высокой властью...». <i>Перевод В. Левика</i>	146
Вечерняя песня охотника. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	147
Неистовая любовь. <i>Перевод И. Миринского</i>	148
* «Вам, деревья, без утайки...». <i>Перевод В. Топорова</i>	148
* Лиде. <i>Перевод В. Топорова</i>	149
К месяцу. <i>Перевод В. Левика</i>	149
Раздумья, песни и новые гимны	
Надежда. <i>Перевод М. Лозинского</i>	151
Смута. <i>Перевод М. Лозинского</i>	151
Отвага. <i>Перевод М. Лозинского</i>	151
* Королевская молитва. <i>Перевод Е. Витковского</i>	152
* «Медлить в деянье...». <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	152
Ушедшей. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	152
Истолкование старинной гравюры на дереве, изображающей поэтическое призвание Ганса Сакса. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	153
* На смерть Мидинга. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	157
«Всё даруют боги бесконечные...». <i>Перевод Н. Вильмонтса</i>	163
Ночная песнь путника. <i>Перевод А. Фета</i>	163
Другая. <i>Перевод М. Лермонтова</i>	163
* Песнь духов над водами. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	164
Ночные мысли. <i>Перевод Ф. Тютчева</i>	165
* Капли пектара. <i>Перевод С. Ошерова</i>	165
* Моя богиня. <i>Перевод С. Ошерова</i>	166

Границы человечества. Перевод А. Фета	168
Божественное. Перевод Ап. Григорьева	169
Б а л л а д ы	
Рыбак. Перевод В. Жуковского	172
Песня эльфов. Перевод Б. Заходера	173
Лесной царь. Перевод В. Жуковского	173
Певец. Перевод Ф. Тютчева	174
И з «Вильгельма Мейстера»	
Миньона. Перевод Б. Пастернака	
«Ты знаешь край лимонных рощ в цвету...»	176
«Сдержись, я тайны не нарушу...»	177
«Кто знал тоску, поймет...»	177
«Я покрасуюсь в платье белом...»	177
Арфист	
«Кто одинок, того звезда...». Перевод Б. Пастернака	178
«Подойду к дверям с котомкой...». Перевод Б. Пастернака	179
«Кто с хлебом слез своих не ел...» Перевод Ф. Тютчева	179
Филина. Перевод В. Левика	179

ЭПОХА КЛАССИКИ

* Римские элегии. Перевод Н. Вольпин	183
* Эпиграммы. Венеция 1790. Перевод С. Ошерова	197
Элегии и послания.	
* Алексис и Дора. Перевод З. Морозкиной	216
Эфросина. Перевод С. Соловьева	220
Свидание. Перевод М. Лозинского	224
Новый Павсий и его цветочница. Перевод Н. Вильмонта	224
Аминт. Перевод Д. Усова	230
* Герман и Доротея. Перевод С. Ошерова	232
* Послание первое. Перевод С. Ошерова	233
* Послание второе. Перевод С. Ошерова	236
* Смешанные эпиграммы. Перевод С. Ошерова	238
* Ксении (Сочинения Шиллера и Гете). Перевод В. Топорова	240
Лирическое	
Амур-живописец. Перевод В. Левика	245
«Купидо, шалый и настойчивый мальчик...». Перевод С. Шервинского	247

Ноябрьская песня. Перевод В. Левика	247
* Посещенье. Перевод С. Ошерова	248
Утренняя жалоба. Перевод М. Сандомирского	249
Кофтские песни. Перевод Н. Вильмонта	251
* Штиль на море. Перевод Н. Вольпин	252
* Счастливое плаванье. Перевод Н. Вольпин	252
* Близость любимого. Перевод Н. Григорьевой	253
* Мусагеты. Перевод С. Ошерова	253
* Питомец муз. Перевод И. Грицковой	254
* Кубок. Перевод С. Ошерова	255
Сонет. Перевод М. Розанова	256
Природа и искусство. Перевод М. Розанова	257
Нежданная весна. Перевод Н. Вольпин	257
Томление. Перевод В. Левика	258
* Волшебная сеть. Перевод С. Ошерова	259
Утешение в слезах. Перевод В. Жуковского	260
Самообольщение. Перевод И. Миримского	261
Счастливые супруги. Перевод В. Рождественского	262
Майская песнь. Перевод Д. Усова	264
* Всеприсутствие. Перевод С. Ошерова	265
Нашел. Перевод И. Миримского	265
* Друг для друга. Перевод С. Ошерова	266
 К разным лицам и на разные случаи	
Эпилог к Шиллерову «Колоколу». Перевод С. Соловьева	267
Застольная. Перевод А. Глобы	270
Горячая исповедь. Перевод А. Глобы	271
Vanitas! Vanitatum vanitas! Перевод А. Глобы	273
* Привыкнешь — не отвыкнешь. Перевод И. Грицковой	274
Ergo bibamus! Перевод А. Глобы	275
Притча. Перевод А. Кочеткова	276
* Веймарские проказницы. Перевод А. Парина	276
 Баллады	
Кладоискатель. Перевод В. Бугаевского	278
* Пряха. Перевод В. Топорова	279
Паж и дочка мельника. Перевод А. Глобы	280
Юноша и мельничный ручей. Перевод А. Глобы	281
Предательство дочки мельника. Перевод А. Глобы	283
Раскаяние дочки мельника. Перевод А. Глобы	285
Коринфская невеста. Перевод А. Толстого	288
Бог и баадера. Перевод А. Толстого	293
Ученик чародея. Перевод Б. Пастернака	295
Свадебное путешествие рыцаря Курта. Перевод В. Бугаевского	298

Крысолов. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	299
Свадебная песня. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	300
Горный замок. <i>Перевод В. Левика</i>	301
* Верный Эккарт. <i>Перевод Н. Григорьевой</i>	303
Пляска мертвцев. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	304
Странствующий колокол. <i>Перевод О. Румера</i>	306
Баллада об изгнанном и возвратившемся графе. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	306
* Сонеты. <i>Перевод Н. Григорьевой</i>	310

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Книга певца. Могани-наме	
Гиджра. <i>Перевод В. Левика</i>	321
* Благоподатели. <i>Перевод В. Левика</i>	322
* Свободомыслие. <i>Перевод В. Левика</i>	323
* Талисманы. <i>Перевод В. Левика</i>	323
Четыре блага. <i>Перевод В. Левика</i>	324
Признание. <i>Перевод В. Левика</i>	325
Стихии. <i>Перевод В. Левика</i>	325
* Сотворение и одухотворение. <i>Перевод В. Левика</i>	326
Феномен. <i>Перевод Н. Вильмонта</i>	327
* Любезное сердцу. <i>Перевод В. Левика</i>	327
* Разлад. <i>Перевод В. Левика</i>	328
* В настоящем — прошлое. <i>Перевод В. Левика</i>	328
Песня и изваянье. <i>Перевод Н. Вильмонта</i>	329
* Дерзость. <i>Перевод В. Левика</i>	329
* Грубо, но дельно. <i>Перевод В. Левика</i>	330
* Жизнь во всем. <i>Перевод В. Левика</i>	331
Блаженное томление. <i>Перевод Н. Вильмонта</i>	332
«И тростник творит добро...». <i>Перевод В. Левика</i>	332
Книга Гафиза. Гафиз-наме. <i>Перевод В. Левика</i>	
* Прозвище	333
* Жалоба	334
Фетва	334
* Немец благодарит	335
* Фетва	335
Безграницный	336
* Отражение	336
* «Найденные ритмы обольшают...»	337
* Раскрытие тайны	337
* Намек	337

* Гафизу	338
* Еще Гафизу	339
Книга любви. Ушк-наме. Перевод А. Парина	
* Образцы	341
* Еще одна пара	341
* Хрестоматия	342
* «Были вглубь глядящие зрачки...»	342
* Предостережение	342
* Погруженный	343
* С опаской	343
* «В этот тесный переплет...»	344
* Слабое утешение	344
* Невзыскательность	344
* Привет	345
* Покорность	345
* «Любовная боль искала нору...»	346
* Неизбежное	346
* Сокровенное	346
* Самое сокровенное	347
Книга размышлений. Тифкир-наме. Перевод В. Левика	
* «Советов лиры не упусти...»	348
* Пять свойств	348
* «Сердцу мил зовущий взгляд подруги...»	348
* «То, что «Пенд-наме» гласит...»	349
* «Скача мимо кузни на стыке дорог...»	349
* «Чти незнакомца дружеский привет...»	349
* «Покупай! — зовет майдан...»	350
* «Когда я честным был...»	350
* «Не шуми ты, как, откуда...»	351
«Откуда я пришел сюда? Не знаю...»	351
* «Одно приходит за другим...»	351
* «К женщине снисходителен будь!..»	352
* «Жизнь — шутка, скверная притом...»	352
* «Жизнь — это та же игра в гусек!..»	352
* «Все, ты сказал мне, погасили годы...»	353
* «Встреча с тем всегда полезна...»	353
* «Кто щедр, тот будет обманут...»	353
* «Хвалит нас или ругает...»	353
* Шаху Седшану и ему подобным	354
* Фирдоуси говорит	354
* Джелал-эддин Руми говорит	355
* Зулейка говорит	355

Книга недовольства. Рендж-наме. Перевод В. Левика

* «Где ты набрал все это?..»	356
«Где рифмач, не возомнивший...»	357
* «Кто весел и добр и чей виден полет...»	357
* «Власть — вы чувствуете сами...»	358
* «Тем, кто нас к добру зовет...»	359
* «Разве именем хранимо...»	359
* «Если брать значенье слова...»	360
«Разве старого рубаку...»	361
* Душевный покой странника	361
* «Не проси о том, что в мире...»	362
* «Хоть самохвальство — грех немалый...»	362
* «Мнишь ты, в ухо изо рта...»	362
* «Тот французит, тот британит....»	362
* «Когда-то, цитируя слово Корана...»	363
* Пророк говорит	363
* Тимур говорит	363

Книга Тимура. Тимур-наме. Перевод В. Левика.

* Мороз и Тимур	364
Зулайке	365

Книга Зулейки. Зулейка-наме. Перевод В. Левика.

* Приглашение	366
* «Что Зулейка в Юсуфа влюбилась...»	366
* «Если ты Зулейкой зовешься...»	367
* «Создает воров не случай....»	367
* «Пускай кругом непроглядная мгла...»	368
* «Я вместе с любимой — и это не ложно?...»	368
* «Плыл мой член — и в глубь Евфрата....»	368
* «Знаю, как мужчины смотрят...»	369

Gingo bfloba	370
* «Но скажи, писал ты много...»	370
* «Восходит солнце,— что за диво!...»	371
* «Любимая! Венчай меня тюрбаном!..»	371
* «Немного прошу я, вспомни...»	372
* «Мне и в мысли не входило...»	373
* «Красиво исписанным...»	373
* «Раб, народ и угнетатель...»	375
* «Как лампадки вокруг лавчонок... »	375
* «Вами, кудри-чародеи...»	377
* «Рубиновых уст коснуться позволь...»	378
* «Если ты от любимой далек...»	378
* «Мир непрочен, но всюду найдется...»	379

* «Как наши чувства нас же тяготят...»	379
* «Ты далеко, но ты со мной!..»	379
* «Где радость взять, откуда?..»	379
* «Если я с тобою...»	380
* Книга Зулейки	380
* «На ветви отягченной...»	380
* «Я была у родника...»	381
* «Вот мы здесь, мы вместе снова...»	381
«Шах Бехрамгур открыл нам рифмы сладость...»	382
* «Голос, губы, пламень взгляда...»	383
* «Что там? Что за ветер странный?..»	383
* Высокий образ	384
* Эхо	385
* «Ветер влажный, легкокрылый...»	385
Воссоединение	386
* Ночь полнолуния	387
* Тайнопись	388
* Отраженье	389
* «Что за ласковая сила...»	389
* «Александр был зеркалом Вселенной...»	390
* «Прекрасен мир во всех его обмерах...»	390
«В тысяче форм ты можешь притаяться...» <i>Перевод С. Шервильского</i>	390

Книга чашника. Саки-наме. Перевод О. Чухонцева

* «И я там был, где сиживал любой...»	392
* «Сижу один...»	392
* «Мулей, по слухам, на руку нечист...»	392
* «От века ли существовал Коран?..»	393
* «Во все лета мы пить должны!..»	393
* «Что расспрашивать — вино...»	393
* «Пока ты трезв, тебе...»	393
* «Что ты так мрачен — черней, чем тьма?..»	394
* «Если уж тело — тюрьма души...»	394
* «Не ставь перед носом бутыль, идиот...»	395
* Чашник говорит	395
* «О нашем опьянении...»	395
* «Ах ты, плutiшка маленький!..»	396
* «Уже под утро в кабаке...»	396
* «Ужас — ты так поздно вышел!..»	397
* «Старая потаскуха...»	397
* Чашник (<i>«Нынче трапеза-беседа...»</i>)	398
* Чашник (<i>«Господин, твой дар чудесный...»</i>)	398

* «Чашник, что же ты обносишь?..»	399
* «Господин, когда ты вышьешь...»	399
* Летняя ночь	400
* «Итак, ты мне поведал наконец...»	402
Книга притчей. Матхаль-наме. Перевод В. Левика.	
* «В пучину капля с вышины упала...»	403
* «Бюльбюль пела, сев на ветку...»	403
* Вера в чудо	404
* «Покинув раковины мрак...»	404
* «Я был изумлен, друзья-мусульмане...»	404
* «У шаха было два кассира...»	405
* «Котлу сказал, кичась, горшок...»	405
* «Велик иль мелок человек...»	405
* «Чтоб дать Евангелье векам...»	406
* Добро вам	406
Книга парса. Парси-наме. Перевод В. Левика	
* Завет староперсидской веры ¹	407
* «Если люди, солнцу рады...»	409
Книга рая.	
* Предвкушение. Перевод Н. Вольпин	410
Праведные мужи. Перевод В. Левика	410
* Жены-избранныцы. Перевод Н. Вольпин	412
Впуск. Перевод В. Левика	413
* Отголосок. Перевод Н. Вольпин	414
* «Твой поделуй — сама любовь...». Перевод Н. Вольпин	415
* «Держишь? Боишься, улечу?...» Перевод Н. Вольпин	417
* Взысканные звери. Перевод Н. Вольпин	418
* Высшее и наивысшее. Перевод Н. Вольпин	418
* Семеро спящих. Перевод Н. Вольпин	420
* Покойной ночи. Перевод Н. Вольпин	422

ПОЗДНЕЕ ТВОРЧЕСТВО

Стихотворные изречения и эпиграммы	
Шавки. Перевод Б. Заходера	425
* Смирение. Перевод Б. Заходера	425
Годы. Перевод Л. Гинзбурга	425
Признание. Перевод Л. Гинзбурга	426

¹ В «Избранном» Гете (М., 1950) перевод этого стихотворения Б. Лейтина ошибочно приписан В. Левику, а перевод стихотворения «Праведные мужи», принадлежащий В. Левику, приписан Б. Лейтину.

* Изречения. Перевод Б. Заходера	426
* Самородкам. Перевод Б. Заходера	428
Свежие яйца — хорошие яйца. Перевод Б. Заходера	428
Всем и каждому. Перевод Б. Заходера	429
* Из «Кротких ксений». Перевод Б. Заходера	429
* На базаре. Перевод Б. Заходера	431
Что умеет аист. Перевод Б. Заходера	432
* Сравнение. Перевод Б. Заходера	432
Время — критик искусства. Перевод Б. Заходера	433
«Стихи подобны разноцветным стеклам...» Перевод Б. Заходера	433
 Стихотворения на случай	
* 31 октября 1817. Перевод А. Голембы	434
* Господину государственному министру фон Фойгту... Перевод А. Голембы	434
* Графине Титтине О'Доннел, пожелавшей получить на память одно из моих писчих перьев. Перевод Е. Витковского	435
* К Эмилии фон Шиллер. Перевод А. Голембы	436
* Лорду Байрону. Перевод А. Голембы	436
* Иоганну Даниэлю Вагенеру. Перевод А. Голембы	436
* Притча. Перевод З. Морозкиной	437
 Лирическое	
Март. Перевод С. Соловьева	439
Май. Перевод С. Соловьева	439
В полночный час. Перевод М. Лозинского	440
Всегда и везде. Перевод А. Бестужева	441
* Эоловы арфы. Перевод В. Топорова	441
«Коль вниз ползет живая ртуть...» Перевод С. Соловьева	442
«Как, ты прошла? А я не поднял глаз...» Перевод С. Соловьева	442
Трилогия страсти. Перевод В. Левика	
Вертеру	443
Элегия	444
Умиротворение	448
Жених. Перевод М. Лозинского	449
* Пария. Перевод О. Чухонцева	449
«Сверху сумерки нисходят...». Перевод М. Кузмина	454
 Бог и мир	
Ргоэмон. Перевод Н. Вильмонта	455
Душа мира. Перевод С. Соловьева	455
Прочное в сменах. Перевод Н. Вильмонта	456

Парабаза. <i>Перевод Н. Вильмента</i>	458
Метаморфоза растений. <i>Перевод Д. Бродского</i>	458
* Метаморфоза животных. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	460
* Первоглаголы. Учение орфиков. <i>Перевод С. Аверинцева</i> . .	462
* «Когда в бескрайности природы...». <i>Перевод А. Ревича</i> .	463
«Стоял я в строгом склепе, созерцая...». <i>Перевод С. Соловьева</i>	463
Одно и все. <i>Перевод Н. Вильмента</i>	464
Завет. <i>Перевод Н. Вильмента</i>	465
Комментарии А. Анникста	469

Гете Иоганн Вольфганг

Г 44 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 1: Стихотворения. Пер. с нем. Под общ. ред. Н. Вильмонта, [Б. Сучкова], А. Аникста. Сост. Н. Вильмонта и [Б. Сучкова]; Вступит. статья Н. Вильмонта. Коммент. А. Аникста. М., «Худож. лит.», 1975.

528 с.

В первый том десятитомного собрания сочинений И.-В. Гете (1749—1832) вошло все существенное из лирического наследия поэта. Значительная часть стихотворений печатается в новых переводах.

Г 70404-397
028(01)-75 подписанное

И(Нем)

*Логанн Вольфганг
Гете*

**Собрание сочинений
том 1**

Редактор

Е. Маркович

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректоры

Д. Эткина

Н. Шкарбанова

Сдано в набор 11/V 1975 г. Подписано
к печати 24/X 1975 г. Бумага типогр.
№ 1 Формат 84×108^{1/32}. 16,5 печ. л.
27,72 усл. печ. л. 25,08+1 вкл.—25,12
уч.-изд. л. Тираж 200 000 экз. За-
каз 2290. Цена 1 р. 15 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманская, 19.

Полиграфический комбинат им.
Я. Коласа Государственного комите-
та Совета Министров Белорусской
ССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли. Минск,
Красная, 23.